

**Министерство высшего образования и науки Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

**Сборник научных статей
по докладам XV Всероссийских Копыловских чтений**

НОВОСИБИРСК – 2021

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46
С 692

Рецензент: Сивирин Б.С., д-р социол. наук, профессор Сибирского института управления – филиала РАНХ и ГС

С 692 **Социальная онтология России:** сборник научных статей по докладам XV Всероссийских Копыловских чтений. / Под ред. М.В. Ромма, В.И. Игнатьева, В.Г. Новоселова, Л.Б. Сандаковой – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. – 307с.

ISBN 978-5-7782-3653-0

Традиционный сборник научных статей по докладам XV Всероссийских Копыловских чтений «Социальная онтология России» в рамках Научной сессии НГТУ в марте 2021 года составлен из текстов участников Чтений по проблемам социальной философии, социологии, истории России, культурологии и политологии в предметной области социальных и гуманитарных исследований. Тематикой Чтений являлось бытие российского общества в настоящее время, его исторические корни и культурные традиции.

В сборник включены материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Человек и его будущее в технологической реальности». В работе конференции приняли участие аспиранты и студенты 20 различных вузов России.

Материалы сборника предназначены студентам бакалавриатов, магистратур и аспирантур, а также преподавателям и специалистам социальных и гуманитарных направлений.

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46

ISBN 978-5-7782-3653-0

© Коллектив авторов, 2021
© Новосибирский государственный
технический университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	Error! Bookmark not defined.
А.И. Бедаев, Е.А. Михайлова АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	7
С.А Борникова., В.И. Васютина ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АКТОРЫ, ФОРМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ	14
В.В. Вихман, М.В. Ромм ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	21
О.А. Гербер МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ «ИНОСТРАННОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–НАЧАЛЕ XX ВВ. 25	
М.П. Данилкова АКСИОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ	34
Э.А. Дюкина ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ	39
Р.А Ефанов. РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЦЕННОСТИ, ИСТОКИ, ПУТИ РАЗВИТИЯ	44
Т.И. Зайцева С. ФРАНК О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	48
А.А. Зима., Б.М. Дряева ОБРАЗ СТРАННИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ .. 54	
ЛИТЕРАТУРА	59
В.И. Игнатъев ВОПЛОЩЕНИЕ ЦИФРЫ: ГЛУБИННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ	61
Р.Ж. Идрисов РЕЛИГИОЗНОЕ И СВЕТСКОЕ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЛИДЕРСТВА В ДАГЕСТАНЕ	71
П.Н. Киричѣк ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ УНИВЕРСУМЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ	74
А. В. Киселева ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	82
А.Г. Кузьмин, Д.П. Кондраль АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНСЕРВАТИВНЫХ ВЕКТОРОВ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПУТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	86
С.В. Кущенко Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ О СУДЬБЕ РОССИИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)	91
Г.Н. Мезенцев «МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ» - ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ 102	
М.Р. Москаленко, А.А. Бурых, Е.Г. Леоненко ИЗУЧЕНИЕ СО СТУДЕНТАМИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКИ РОССИИ В КУРСАХ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ	110
Г.В. Моргунов СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ИМПЕРАТИВАХ МЕТАФИЗИКИ И. КАНТА	114
С.Н. Некрасов «ВЕЛИКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА» ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ – ЗАВЕРШЕНИЕ ПРЕДЫСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	122
В. Г. Новоселов МИР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНФОРМАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ	128
Н.С.Пронер АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	135
О.А. Захарова, Т.А. Рязанова ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 140	
Е.А. Самоделова ЭСТЕТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ЖИЛИЩА В СКАЗКЕ «СИНИЦА» А.Н. ТОЛСТОГО: ОТ ПРЕДЫСТОЧНИКОВ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ	145
Сандакова Л.Б... ФРЕЙМ-АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОКРЕАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ	153
В. И. Игнатъев, Е В. Чупина ОСОБЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ ОНЛАЙН АУДИТОРИИ	

ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В 2020-2021 гг.....	159
А.С. Тимощук НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ ПЛАНЕТАРНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ	163
Е.А. Тюгашев. РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА (ОБ ИДЕЯХ Ю.М. РЕЗНИКА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ Ф. ГИЗО).....	169
И.В. Упоров ПРЕДПОСЫЛКИ МЕНТАЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ «ВЛАСТЬ-ОБЩЕСТВО» И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ	175
Р.В. Хандогин САМОВОСПИТАНИЕ И САМОРАЗВИТИЕ В ПАРАДИГМЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ	182
Т.А. Челнокова ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОЖИДАНИЙ БУДУЩИХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВУЗА	187
И.В. Черепанов ПАНПСИХИЗМ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ	191
Е.В.Чупина ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ.....	196
ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	202

1. Арутюнян К.С. «Реабилитация» как новая функция управления цифровым обществом
2. Ахунзянов Е.М. Технологии будущего в МВД России
3. Батенева Е.В. Методические аспекты развития рефлексии студентов вуза
4. Белкина В.А. Особенности цифровых технологий как элемента технической среды современного общества
5. Бизина М.Ю. Сравнительный анализ понятия «радикализм» с правовой и общественной точек зрения в Российской Федерации и странах дальнего зарубежья в новой цифровой реальности
6. Бурманов С.А. Новая этика в условиях технологической реальности
7. Бурых А.А., Москаленко М.Р. Некоторые особенности научно-технического прогнозирования: вопросы изучения со студентами
8. Горева А.Е. Философия информационной войны
9. Гребенюк Ю.Е. Проблема виртуализации реальности
10. Елпашева Н.Д. Идея гуманизма и современное общество
11. Зеленин Е.И. Трансформация феномена идентичности в современном обществе
12. Ильина Д.И. Отношение людей разного возраста к цифровым технологиям
13. Китайкин Ю. А., Селиверстова Н.А. Лагом: философия шведского счастья как модель общества будущего?
14. Корнева П.А., Яппаров Р.Р. Возможности энергосбережения в жилых помещениях при использовании цифровой системы «умный дом»
15. Корябина К.С. Материальна ли мысль?
16. Лайус Е.А. Новые реалии медицины и развитие партнерской модели взаимоотношений врача и пациента

17. Лаптяйкин Н.Л. Информационная безопасность и уроки софистики
18. Мелентьева А.А. Символы социальной мобильности: трансгуманистические аспекты
19. Митрофанов А.А. Роль социального мифа и традиций в развитии цифровой реальности
20. Муравьева К.С. Социальные рамки научно-технического прогресса и их влияние на современный социум
21. Мустахитдинова Ю.А. Процесс администрирования информационно-вычислительных систем в будущем
22. Никифоров М.А. Автомобиль это душа
23. Никишкин Н.М. Цифровое общество: теория, реальность, перспективы
24. Обозная М.В., Бондаренко Е. А. Прокрастинация как предиктор формирования нового типа идентичности у школьников старших классов
25. Пантелеева Т.С. Этика научного исследования: нормы и антинормы
26. Перминова Я.А. Человек и постчеловек
27. Полукаров Д.В. Социальный индивид и социокультурное пространство в условиях цифровой реальности
28. Абрамова М.А., Розов К.В. Искусственный интеллект и проблема социально-философского анализа трансформации общества
29. Сафина К.И. Цифровой человек в цифровом мире
30. Семенихина Н.В., Селиверстова Н.А. Искусственный интеллект как научная и социально-философская проблема
31. Семенов Д.Д., Просветов И.Н. Этические проблемы информационного общества
32. Семерьянова Л.А. Экологическая проблема и ее регулирование в современном мире
33. Сергеев А.Р., Мольков М.В., Хафизов Р.В., Насретдинов Д.Р. Эмоциональный фон восприятия человекоподобных андроидов людьми юношеского и зрелого возраста
34. Сердакова Е.В. Знакомство в социальных сетях как социальная практика
35. Силкина О.Ю. Методы противодействия возможности фальсификации изображения радужной оболочки глаза
36. Сиразева А.Л. Теория сознания в создании поколения «осознающих» роботов
37. Спиридонова К.И. Интеракция человека и робота: возможно ли общение?
38. Тульский Г.В. Сосуществование человека и робота в технологической реальности

39. Устьянцева С.Н., Седельникова Ю.В. Социально-нравственные аспекты биохакинга
40. Ходыкин А.В. Трансформация этики в эпоху усложнения социального
41. Цыганов Д.С. Риск и ценности техногенной цивилизации
42. Чупина Е. В. Изменения на рынке труда в период пандемии 2021
43. Шевцов В.А. Цифровое бессмертие человека
44. Ширшов Е.Ю. Киберпанк как жанр научной фантастики в представлении научного предвидения
45. Шутова А.П. Приметы и суеверия в информационном обществе
46. Щербакова А.И. «Терапия» и «улучшение» в контексте биотехнологий
47. Яппаров Р.Р., Корнева П.А. Цифровая трансформация энергоэффективности жилых зданий и энергоаудита

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 305

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В настоящей статье авторы предпринимают попытку охарактеризовать основы амбивалентности относительно восприятия государственной власти в отечественной политической культуре. По мнению авторов, истоки данной двойственности следует искать в русской культурно-исторической традиции. Авторами выявляются два уровня объяснения сложившегося восприятия власти в современной России – религиозный (исихастская традиция) и светский (традиция восприятия власти как защитницы родной земли – геократия).

Ключевые слова. Государственная власть, исихазм, геократия, «открепление элит», власть-защитница, амбивалентность восприятия власти, уровни восприятия власти.

Многочисленные источники русской средневековой литературы свидетельствуют, что идея сакрального образа власти и правителя («царя») была известна на Руси, причём уже в домосковский период. Исследования М. Чернявского, Б.А. Успенского, В. Водова, Г. Алефа и др. показывают, что использование титула «царь» могло восходить к образам как василевса и ордынского хана¹, причём, в первом случае речь идёт именно о мироустроительном значении понятия «царь» (Βασιλεύς). Отмечая чрезмерное преклонение перед государственной властью, Н.А. Бердяев, говоря о русском народе и России, заявлял, что «Россия самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, всё в России превращается в орудие политики»². Правилom хорошего тона в публикациях является подчёркивание политической беспомощности русского народа и его преклонение перед государственной властью. По мнению А.С. Панарина, эта особая государственность народа отчасти может быть объяснена нежеланием русского человека заниматься делами «середины» – делами земли. Русский человек с головой поглощён вопросами об абсолютной Правде – Истине, Царстве абсолютной справедливости, Царстве Небесном и поэтому, в своём собственном царстве усматривающий отблеск Царства невидимого – Царства Божия³.

¹ Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. – С. 442–456; Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. (Там же. С. 506–542); Алеф Г. Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного (Там же. С. 621–641); Успенский Б.А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

² Бердяев Н.А. Душа России / Н. А. Бердяев // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. – С. 1–29.

³ Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014.

Также и то понимание царства, которое В.В. Зеньковский метко назвал «поэмой о царстве», следует, по-видимому, объяснять преимущественно с религиозных позиций¹. А Т. В. Растимешина среди архетипов русской политической культуры указывает этатизм². По-видимому, исследовательница имела в виду, отмечаемое многими учёными, восприятие русским народом государственной власти, как защитницы национальных интересов, силы, способной управлять огромной страной и способной защитить национальные её интересы, а также и культурную идентичность своего народа.

Впрочем, было бы искажением исторической действительности одно лишь подчёркивание преклонения русского народа перед властью. Всё же, недаром А.Н. Бердяев отмечал, что русский народ – «самый безгосударственный»³.

А. Безансон отмечает, что если власть принимается русским народом, то «...она обретает форму очень жёсткого, требующего жертвенности “закона”, который... признаётся основой русскости. Если же власть отвергается, то и мятеж принимает самые крайние формы...»⁴. Российская история знает немало примеров выступления народа против власти. В далёком прошлом остались восстания и революции, которые сотрясали российское государство, но, в целом, настороженное отношение к власти у народа имеется и сейчас. Как отмечает А.С. Панарин, в относительно недавнем советском прошлом – рядовой советский гражданин был ироником⁵. Подтверждением этому служат многочисленные анекдоты, выставляющие представителей власти в неприглядном свете. Это отношение сохранилось и сейчас.

Между тем, истоки подобного отношения, как нам кажется, необходимо искать не в советской эпохе. Так, уже в былинах об Илье Муромце показан конфликт богатыря с правителем-князем⁶. Однако, в данной былине Владимира извиняет его, хотя и запоздалое, признание Ильи, как богатыря. Владимир выступает здесь, всё же, как защитник родной земли. Между тем, в былине о Сухмане Владимир предстаёт в образе боярского князя типа Василия Шуйского⁷. Защита земли здесь ему чужда. Богатырь Сухман оказывается посаженным в яму не столько за неисполнение приказа – мелочи, в сравнении с совершённым подвигом, – сколько в силу разности социального характера. Владимир – боярский

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Ростов-н/Д., 1999.

² Растимешина Т.В. Культурное наследие и подданническая культура российского общества // Власть. – 2012. – № 2. – С. 18-21.

³ Бердяев Н.А. Душа России / Н. А. Бердяев // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 7.

⁴ Безансон А. Убиенный царевич: Русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение / под общей редакцией М. Розанова. М., 1999. С. 5.

⁵ Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014. С. 410.

⁶ Орлов А.С., Пропп В.Я. Героическая тема в русском фольклоре / Сост. и отв. редактор О.А. Платонов. М., 2015. С. 533.

⁷ Там же. С. 636.

князь; Сухман – народный богатырь. И неразрешимость этого противоречия подчёркивается гордой и добровольной смертью Сухмана. Владимир оказывается осуждён этой смертью. Владимир здесь – царь не того же типа, что Иван Грозный. Иван Грозный вступает в борьбу с боярством и делает всё, чтобы уберечь страну и от смуты, и от врага. Поэтому, важнейшая функция правителя – защищать свою землю и свой народ. Защита и соби́рание земель – вот важнейшие функции власти. Совершенно справедливо, поэтому использование О.В. Гаман-Голутвиной термина «геократия» применительно к российской элите прошлого¹. До тех пор, пока власть исполняет эту функцию, народ готов, в целом, признавать эту власть. Он может бежать на казачьи окраины, бежать от неправды бояр, но власть в той или иной степени, будет признаваться им. Однако, с утратой властью этой функции отношение к ней меняется. А.С. Панарин отмечает в России феномен «открепления» властных элит от «локального контекста» в пользу «глобального»². Современная российская элита, согласно О.В. Гаман-Голутвиной, всё больше становится «кочующей»³. А И.Н. Тяпин, описывая ситуацию в нашей стране, начиная с 1990-х гг., замечает: «В данном случае произошло вырождение элиты, а далее, в свою очередь, новая квазиэлита, предавшая национальные интересы, начинает навязывать порочную систему ценностей всему обществу»⁴. Это означает, что ценностная «привязка» к своей культуре и своей земле теперь заменяется ценностью мобильности, в основе которой лежат представления о личной выгоде и личном благополучии. Либеральная идея в своей основе доведённая до определённого предела выводит из списка ценностей отдельно взятый локус, отдельную цивилизацию или культуру. На смену «человеку культуры-цивилизации» приходит «человек мира». В этих условиях политическая элита также перестаёт чувствовать себя частью культурного и национального локуса. Она выходит за пределы очерченных государством границ и её поведение перестаёт быть охранительным в отношении собственной страны. Не случайно уже не первый раз в современной России поднимается вопрос о запрете двойного гражданства, исполняющих обязанности в государственных структурах⁵. Совершенно очевидно, что и наличие двойного гражданства, и наличие недвижимого имущества у российских чиновников за рубежом могут быть использованы иностранными контрагентами в качестве рычагов воздействия на принятие политических решений российскими элитами.

¹ Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 30.

² Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 199.

³ Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 30.

⁴ Тяпин И.Н. Нравственное государство как национальная идея современной России. М., 2015. С. 69.

⁵ Гомзикова С. Задача для Кремля: Как заставить правящую верхушку Родину любить. Почему идея президента о запрете двойного гражданства может потерять смысл // Свободная пресса – 23.01.2020 – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/255107/>

По-видимому, именно поэтому, в условиях обострения отношений с Западом, президентом В.В. Путиным была предложена поправка к Конституции России в 2020 г. о запрещении чиновникам иметь собственность за рубежом¹. Весьма показательно, также, что данная поправка была отклонена Государственной Думой при подготовке вопросов, выносимых на референдум². Известный историк и публицист И. Шишкин, замечает: «... вдумайтесь в дикость ситуации... Когда президент предлагает внести это (поправки – А.Б.) в Конституцию, то, тем самым, он говорит, что значительная часть правящего класса страны в своей деятельности руководствуется не интересами России, а интересами других государств»³. Наглядным, т.е. внешним выражением «открепления» элит в России, по мнению А.С. Панарина, стало усвоение ею английского языка, что понимается как принадлежность к иному – глобальному миру и уж тем более, не к числу рядовых граждан. Нужно отметить, что подобное отделение элит (в плане языковом) не является первым в нашей истории. Так, в XVII в. в ходе Раскола в Русской Церкви Московского Патриархата богослужения стали проводиться на греческом языке, в отличие от старообрядцев, читавших молитвы на старославянском. В XIX в. языком российской элиты становится французский; в настоящее время – английский. Это отделение элит от народной массы очень хорошо осознаётся последней. Ведь не случайно А.С. Панарин даже применил известную формулировку к русскому народу относительно современности: «мы в самом деле имеем беспрецедентный случай перехода великого народа на нелегальное положение в собственной стране»⁴. Элита берёт на себя лишь функцию ревизорскую в отношении народа. Народная культура, да и сам народ (по своему экономическому положению, в первую очередь) становятся катакомбными – изгойскими. По мысли того же учёного, такое поведение власти диктуется привычным выбором элит – следовать за сильным. В условиях открытости глобализирующегося мира, сильным предстаёт либеральный Запад и потому, российская элита, дистанцируясь от ценностей, присущих отечественной культуре, выступает за ценности, навязываемые западной либеральной культурой. В последние годы в СМИ всё чаще звучат заявления о сохранении собственных ценностей, однако, обособление элит от народной жизни стало уже неоспоримым фактом. Об этом свидетельствуют и всё чаще возникающие скандалы с проговорившимися чиновниками, где чётко выражаются их отношение к

¹ Там же.

² Дорофеева Т. Госдума рискнула пойти против Путина: отклонена президентская поправка о «национализации» российской элиты // Новый день. – 10.03.2020. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/685728.html>

³ Гомзикова С. Задача для Кремля: Как заставить правящую верхушку Родину любить. Почему идея президента о запрете двойного гражданства может потерять смысл // Свободная пресса – 23.01.2020 – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/255107/>

⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 194.

рядовым гражданам¹. Об этом отношении к себе люди знают и платят насмешками в адрес чиновников. Какого-то преклонения перед властью здесь уже давно нет. И отчасти, потому, что и в православной отечественной культуре мы можем обнаружить некоторую отстранённость народа от власти.

Правитель, как было уже сказано выше, в русской культуре воспринимается традиционно как защитник слабых (Владимир Красное Солнышко, Иван Грозный). В случае же с «боярским» князем – из былины о Сухмане – правитель отворачивается от своего народа. Описывая ситуацию в нашей стране, начиная с 1990-х гг., И.Н. Тяпин замечает, что современная российская элита, в целом, деградировала, предав национальные интересы и при этом, стремится навязать всему обществу порочную систему ценностей².

Рассматривая тип современной российской политической культуры, А.Г. Левинсон, в одном из своих интервью замечает, что население современной России, в целом, никак себя в политической жизни не проявляет, не стремится к этому и даже не может сформулировать основные требования к качествам политиков³. У народа есть некие абстрактные представления о социальной справедливости и столь же абстрактные представления о том, каким должен быть политический деятель, но в силу своей абстрактности говорить об этих представлениях как о политической культуре, нельзя. Другими словами, народ индифферентен в своём отношении к политической власти, она ему совершенно не интересна.

Таким образом, загадка, поставленная в начале XX века А.Н. Бердяевым, по-нашему мнению, может быть решена, если рассмотреть истоки преклонения перед властью русского народа. Это преклонение, во-первых, должно отнести к религиозной традиции исихазма, заставляющей человека соотносить имеющуюся в реальной жизни данность с высоким идеалом божественной власти. Светская власть, не соответствующая своему высокому призванию подражать своему Первообразу, не может восприниматься иначе, как с подозрением. Это, как минимум. Одновременно, государственная власть в России – это традиционно, власть-защитница, власть-устроительница порядка («наряда» требовали русские послы у Рюрика). И до тех пор, пока власть выполняла эту свою функцию, русский народ готов был кое-как мириться с несправедливостью, исходящей от этой власти. Нарушение этой геократической традиции в современной России, переориентация политической элиты с защиты ценности отдельного культурно-исторического локуса на ценности

¹ Акопов П. Когда чиновники перестанут оскорблять общественную нравственность // РИА Новости – 14.05.2020. URL: https://ria.ru/20200514/1571399196.html?rcmd_alg=collaboration2&rcmd_id=1571411153

² Тяпин И.Н. Нравственное государство как национальная идея современной России. М., 2015. С. 59.

³ Левинсон А.Г. Гражданское общество появляется и исчезает / К. Фрумкин // Инвест-Форсайт. – 2 августа 2019 г. URL: <https://news.rambler.ru/other/42730264-aleksey-levinson-grazhdanskoe-obschestvopoyavlyaetsya-i-ischezaet/?updated>

мобильности и открытости перед остальным миром, который не может восприниматься подавляющим большинством иначе, как чужой (дихотомия «свой-чужой»), как раз и является вторым уровнем решения задачи, объявленной А.Н. Бердяевым. В данном случае, было бы вернее особенности восприятия власти в России представить не в виде оппозиции «государственный – безгосударственный» относительно народа, а в ином виде. Первый уровень оппозиции здесь должен выглядеть как «Божественная власть – земная власть», где диалектическим снятием является «симфония властей», принятая Русью от Византии. Впрочем, в современном российском обществе данная модель сохраняет свою актуальность лишь на страницах научных и публицистических работ¹. В секуляризованном обществе более существенным оказывается второй уровень оппозиции: «власть-защитница, геократия – открепление элит от родной земли, от интересов своей страны». Диалектического снятия в этой оппозиции, видимо, пока ещё нет. Попытки ограничить процесс «открепления элит» в современной России носит лишь декоративный, не имеющий глубокого теоретического обоснования, характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов П. Когда чиновники перестанут оскорблять общественную нравственность [Электронный ресурс] / П. Акопов // РИА Новости – 14.05.2020 – Режим доступа: https://ria.ru/20200514/1571399196.html?rcmd_alg=collaboration2&rcmd_id=1571411153, свободный. Дата обращения: 15.05.2020.
2. Алеф Г. Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного // Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 621–641.
3. Безансон А. Убиенный царевич: Русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение / Перевод с французского М. Антыпко, М. Розанова и Н. Рудницкой (под общей редакцией М. Розанова). – М.: Издательство «МИК», 1999. – 216 с.
4. Бердяев Н. А. Душа России / Н. А. Бердяев // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990. С. 1-29.
5. Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. // Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. – С. 506-542.
6. Гаман-Голутвина О. В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 30.

¹ Мартышин О.В. Конституция Российской Федерации 1993 г. как памятник эпохи // Государство и право. – 2004. – № 4. – С. 13-16; Чиркин В.Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 66-72.

7. Гомзикова С. Задача для Кремля: Как заставить правящую верхушку Родину любить. Почему идея президента о запрете двойного гражданства может потерять смысл [Электронный ресурс] / С. Гомзикова; материал комментирует И. Шишкин // Свободная пресса – 23.01.2020 – Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/255107/>, свободный. Дата обращения: 15.05.2020.
8. Дорофеева Т. Госдума рискнула пойти против Путина: отклонена президентская поправка о «национализации» российской элиты [Электронный ресурс] / Дорофеева Т. // Новый день. – 10.03.2020. — Режим доступа: <https://newdaynews.ru/moscow/685728.html>, свободный. Дата обращения: 15.05.2020.
9. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Т. 1. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. – 544 с.
10. Левинсон А. Г. Гражданское общество появляется и исчезает / К. Фрумкин // Инвест-Форсайт. – 2 августа 2019 г. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/42730264-aleksey-levinsongrazhdanskoe-obschestvopoyavlyaetsya-i-ischezaet/?updated>, свободный. Дата обращения: 18.04.2021.
11. Мартышин О. В. Конституция Российской Федерации 1993 г. как памятник эпохи / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 4. – С. 13-16.
12. Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре / Сост. и отв. редактор О. А. Платонов. – М.: Институт российской цивилизации, 2015. – 864 с.
13. Панарин А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
14. Растимешина Т. В. Культурное наследие и подданническая культура российского общества / Т. В. Растимешина // Власть. – 2012. – № 2. – С. 18-21.
15. Тяпин И. Н. Нравственное государство как национальная идея современной России. Монография / И. Н. Тяпин. – М.: Наука и политика, 2015. – 128 с.
16. Успенский Б. А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов / Б. А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 114 с.
17. Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 442-456.
18. Чиркин В. Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма [Текст] / В. Е. Чиркин // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 66-72.

С.А Борникова., В.И. Васютина

**ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АКТОРЫ, ФОРМЫ,
НАПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация. Целью исследования является анализ практики реализации государственной национальной политики на региональном уровне. Сделан вывод о том, что для эффективной реализации государственной национальной политики требуются квалифицированные управленческие кадры, качественное информационно-аналитическое обеспечение принятия управленческих решений, слаженное взаимодействие акторов, активное включение в развитие межнационального согласия общественных институтов, в том числе национально-культурных и религиозных организаций, Общероссийского народного фронта.

Ключевые слова и словосочетания: национальные отношения, государственная национальная политика, Орловская область

Орловская область – мононациональный регион, который входит в группу субъектов Российской Федерации с самым высоким процентом русских в общем количестве жителей.

Так, в регионе проживают представители более 24 различных национальностей и этносов, в частности русские (96%), украинцы (1,01 %), армяне (0,50%), азербайджанцы (0,28%), белорусы (0,22%), чеченцы (0,14%), евреи, молдаване, татары, курды и другие [10, С. 31-36], а также зарегистрированы 4 национально-культурные автономии (еврейские и узбекские).

Аппаратом Губернатора и Правительства Орловской области совместно с органами местного самоуправления региона ежегодно осуществляется сбор информации о местах компактного проживания национальных меньшинств (КПНМ). Согласно вышеуказанным данным, на территории области расположено 370 таких мест. Наибольшее их суммарное количество имеют курды – 1507 человек, армяне – 1217 человека, азербайджанцы – 843 человека, цыгане – 791 человека, турки-месхитинцы – 665 человек. В отношении религиозной дифференциации в 294 местах КПНМ представлено исламское вероисповедание, в 77 – христианское, в 32 – православное, в 2 – католическое, в 1 – буддистское [9].

Несмотря на подавляющее большинство русских в национальном составе населения, представителям национальностей, проживающим на территории Орловской области, в целом свойствен низкий уровень конфликтности на межэтнической основе [9]. Это, в свою очередь, положительно отражается на реализации региональной национальной политики. Это подтверждается экспертным сообществом с учетом и

федеральной, и региональной составляющей [2, С. 13-19; 4; 5, С. 224-229; 7, С. 28-33].

Однако, ряд конфликтов на национальной почве возникают между иностранными студентами на бытовой почве или некорректного поведения граждан различных национальностей [4].

В целях выстраивания системы приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики (далее – ГНП) Орловской области указом Губернатора Орловской области №438 от 18 ноября 2014 года была утверждена Стратегия государственной национальной политики в Орловской области на период до 2025 года. Стратегия служит основой для координации деятельности органов государственной власти региона, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Орловской области, их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации региональной ГНП [9].

В целях содействия укреплению общественного согласия, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений Указом Губернатора Орловской области от 23 октября 2014 года № 390 был утвержден состав и Положение о координационном Совете по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Губернаторе Орловской области.

Непосредственное обеспечение реализации положений государственной национальной политики Орловской области возложено на Департамент внутренней политики и развития местного самоуправления Администрации Губернатора и Правительства Орловской области. Департамент в рамках своих полномочий осуществляет системную работу по укреплению гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, защите прав национальных меньшинств, социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов, противодействию экстремизму, в том числе по включению в данную деятельность общественных организаций, представляющих интересы иностранных граждан, национально-культурных автономий, других институтов гражданского общества.

Активно участвуют в реализации ГНП ассоциация общественных объединений «Общественная палата Орловской области», Уполномоченный по правам человека Орловской области. УФМС России по Орловской области, Орловский институт усовершенствования учителей, органы местного самоуправления, образовательные организации и другие акторы.

Так, например, в марте 2018 года Уполномоченный по правам человека Орловской области принимал участие в праздничном мероприятии «Навруз», проводимым региональным отделением ООО

«Ассамблея народов России». В рамках мероприятия обсуждались вопросы сохранения единства нашего многонационального народа, его богатейшего духовного наследия, самобытных традиций и культур. В феврале в областной библиотеке им. И.А. Бунина Уполномоченный провел Межконфессиональный диалог в формате круглого стола, в котором приняли участие руководители всех конфессий, представленных в регионе, общественных национальных организаций, представители Правительства области, государственных структур. Цели и задачи диалога – определить пути сотрудничества представителей конфессий в укреплении российской самоидентификации в реалиях современного мира, найти формы и методы сотрудничества по взаимодействию между всеми религиозными и общественными организациями, представляющими широкую палитру национальных и этнических сообществ Орловской области [3].

Органы исполнительной государственной власти специальной компетенции Орловской области совместно с институтами гражданского общества проводят мероприятия, направленные на укрепление гражданского единства, гармонизацию национальных и межнациональных отношений. В 2018 году таких мероприятий было 12. Численность участников 5,3 тыс. человек [8]. В связи с эпидемиологической обстановкой в 2020 году проведено 6 мероприятий, в которых приняло участие 5,1 тыс. человек [8].

В 2019 году в рамках реализации стратегических документов национальной политики были проведены праздничные концертные программы («Хоровод единства»), библиотечные и иные выставки (например, «На перекрестке культур», «Через книгу к миру и согласию»), торжественные мероприятия, литературные праздники и беседы («Навстречу друг другу», «Разные, но не чужие – мир через культуру», «Созвездие культур»), в том числе по празднованию памятных дат, дней воинской славы России, Дня славянской письменности и культуры, Дня города Орла [1, С. 300-304].

В настоящее время Департаментом внутренней политики и развития местного самоуправления Орловской области используется Система мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозной и национальной дискриминации. Субъектами данной Системы мониторинга являются территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, органы государственной власти Орловской области, органы местного самоуправления Орловской области. Во всех муниципальных районах и городских округах Орловской области определены ответственные лица, которые ежедневно работают в вышеназванной системе в целях выявления предпосылок возникновения и развития конфликтных ситуаций, проводят анализ результатов мониторинга. В 2018-2020 годах предпосылок возникновения и развития конфликтных ситуаций на межнациональной и межконфессиональной почве не выявлено [8].

В рамках реализации комплексной информационной кампании,

направленной на укрепление единства российской нации, вышло более 30 сюжетов.

В 2016 году в регионе создан Региональный ресурсный центр в сфере национальных отношений (РРЦ) «Единство российской нации» Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» (на федеральном уровне действует с 2013 года). В его задачи входит обеспечение сетевой связи между социально ориентированными некоммерческими организациями и национально-культурными объединениями для оказания им информационной, научно-методической, консультационной поддержки, как механизм распространения передового опыта в сфере этнокультурного сотрудничества, гармонизации межнациональных отношений, реализации государственной национальной и миграционной политики РФ [11].

В рамках деятельности Центра разрабатываются и реализуются методики проведения межнациональных мероприятий для различных адресных аудиторий. В частности, созданы типовые сценарии межнациональных молодежных фестивалей и форумов, сформирован банк типовых тем для обсуждения на заседаниях «круглых столов», посвященных реализации государственной национальной и миграционной политики РФ, подготовлены памятки для мигрантов и иностранных студентов и пр. документы. РРЦ стал базой для создания структурных отделений РО АНР – молодежного крыла и центра медиации.

Эксперты РРЦ входят в состав Координационного Совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Губернаторе Орловской области; Общественного Совета Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Орловской области; экспертно-консультативного Совета при Уполномоченном по правам человека в Орловской области.

На региональном уровне реализован проект «Выявление уровня межнациональной напряженности в городе Орле и области, в работе которого принимал самое активное участие РРЦ. Результаты исследования также распространены в муниципальных образованиях области для выявления реальной степени развития и укрепления позитивных тенденций в межнациональных отношениях.

В конце 2017 года проведен первый межрегиональный детский фестиваль «Сокровище нации». Методика проведения Фестиваля в настоящее время используется Департаментом образования области для создания плана проведения детского межнационального форума для муниципальных образований области. Разработки РРЦ явились основой для проведения крупного молодежного форума ЦФО, собравшего более тысячи участников.

Среди иных мероприятий, проведенных Центром, можно выделить: дискуссия «Пожилые люди в разных культурах», круглый стол «Роль органов внутренних дел и общественных объединений в формировании

толерантности в области», круглый стол и фокус-групп «Образы России», круглый стол «Изменения в миграционном законодательстве, проблемы мигрантов-инвалидов и пути их решения», молодежный форум «ЭТНОГИД», участие в международной просветительской акции «Большой этнографический диктант», проведение заседания секции в рамках Гражданского Форума «Орловская область – территория межнационального диалога и сотрудничества» и другие [11].

Следует отметить, что в 2020 году доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общей численности граждан Российской Федерации, проживающих в субъекте Российской Федерации, составляла 76% [8].

Также исследователи отмечают терпеливое отношение (55,2 %) местного населения к другим национальностям [1, С. 300-304; 5, С. 224-229; 7, С. 28-33; 10, С. 31-36] (в 2013 году этот показатель был равен 42,5% [2, С. 13-19]), но при этом дифференциацию взглядов в вопросах равноправия.

Данный тезис подтверждается и общенациональными данными, согласно которым 23% респондентов уверены: русские в России должны иметь больше прав, чем люди других национальностей, 73% – за равенство прав. При этом считают, что в их населенном пункте у людей всех национальностей равные возможности устроиться на хорошую работу, 47% участников опроса, неравными назвали их 43%. Возможности открыть своё дело 49% опрошенных считают равными, 35% – неравными. А вот шансы занять высокий пост во власти их города равными видятся существенно реже, чем неравными (35% против 44%) [6].

Дискуссионность данной проблематики «вырисовывает» определенный образ колеблющегося индивидуума, который в целом не является националистически настроенным, дружелюбен по отношению к представителям других национальностей, однако очевидно, что его отношение может резко измениться в зависимости от социально-экономического и политического развития страны [10, С. 31-36].

В этой связи в Орловской области требуется формирование институтов и механизмов социальной и культурной адаптации иностранных граждан с учётом возрастных, профессиональных, национальных, культурных и иных особенностей, а также этнокультурного уклада жизни населения Орловской области. Для создания стабильной социально-политической ситуации в Орловской области, которая будет способствовать реализации положений государственной национальной политики, решению задач поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия, требуется четкая и скоординированная деятельность акторов в рассматриваемой сфере. В свою очередь, данная задача требует эффективного и качественного информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений.

Главную роль в этом должны играть подготовленные управленцы,

имеющие не только общее представление о «невероятном многообразии» культур народов, но и умеющие организовывать необходимые исследования для принятия взвешенных управленческих решений, способные деконструировать ситуации как потенциального конфликта, так и конфликта, вышедшего за пределы управляемости.

Также реализация мер в сфере государственной национальной политики в регионах объективирует повышение роли общественных институтов, в том числе национально-культурных и религиозных организаций, Общероссийского народного фронта. Необходимо активное их вовлечение в реализацию Стратегии государственной национальной политики и целевых программ

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарева Н.А.* Укрепление межнационального согласия в рамках реализации государственной национальной политики (на примере города Орла) / Н.А. Бондарева // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2019. – № 10. – С. 300-304.
2. *Даниелян П.С.* Сравнительный анализ развития толерантности и факторов риска в современном российском обществе / П.С. Даниелян // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1. – С. 13-19.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Орловской области за 2018 год. – Орёл, 2019.
4. Итоговый аналитический отчет по результатам проведения комплексного социологического исследования «Социологический мониторинг основных показателей состояния межнациональных отношений». – Москва, 2018. – 146 с.
5. *Ливцов В.А.* Политика регулирования этноконфессиональных отношений в регионе: опыт Орловской области / В.А. Ливцов, Тюрин Е.А., А.В. Исаев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2 (38). – С. 224-229.
6. Межнациональные отношения в России. – URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14157> (дата обращения: 05.04.2021).
7. *Меркулов П.А.* Межэтническая толерантность молодежи российской провинции в условиях интенсификации миграционных потоков / П.А. Меркулов, Н.В. Проказина, А.В. Исаев // Социум и власть. – 2017. – № 2 (64). – С. 28-33.
8. Национальная политика – URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=6&part=73&unit=452&op=8&in=2> (дата обращения: 05.04.2021).
9. О Стратегии государственной национальной политики Орловской области на период до 2025 года : Указ Губернатора Орловской области от 18.11.2014 № 438. – URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=20&part=89&in=111> (дата обращения: 05.04.2021).

10. Проказина Н.В. Межнациональные и межэтнические конфликты в оценках населения мононациональных регионов / Н.В. Проказина, А.В. Исаев // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 2 (47). – С. 31-36.

11. Региональный ресурсный центр (РРЦ) в Орловской области // [Электронный ресурс] : <http://xn----8sbnatxcctbeddbtj9c2e.xn--p1ai/russian-federation/materials/regionalnyy-resursnyy-centr-rrc-v-orlovskoy-oblasti> (дата обращения: 05.04.2021).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация. Данная статья нацелена на прояснение ситуации терминологического разноречия в части устоявшихся в научном обороте понятий «цифровизация» и «цифровая трансформация». Осмысление предлагается осуществлять в части применения последних к постижению социального феномена образования. Представляется необходимым осмыслить возможные терминологические обороты вышеозначенных понятий в контексте различных исследований образования, зафиксированных в открытых источниках. Видится, что вышеозначенные понятия зачастую воспринимаются исследователями как идентичные, подменяются друг другом, порождая терминологические ошибки в их применении.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, образование, социальный феномен, познание.

Основная часть. Цифровая повестка, как национального, так и международного уровня, предъявляет к обществу все новые и новые вызовы. Образование как одна из ключевых отраслей экономики страны, продуцируя и развиваясь в цифровой реальности, неизбежно втягивается в процесс диджитализация своей деятельности, как частных практик, так и значимых процессов, трансформирует парадигму образовательных отношений [1]. Осмысление цифровых новаций в образовании не ново и длится с 90-х годов прошлого века. Оставляя вне рамок данной статьи осмысление, как самих технологических новаций, так и эффектов от них, в жизнедеятельности социума, сосредоточимся на двух вышеозначенных понятиях, а именно их качественной применимости.

Анализ открытых научных источников показал, что в задачах исследования метаморфоз, происходящих в образовании, исследователи прибегают чаще всего к двум понятиям «цифровизация» и «цифровая трансформация», подчас подменяя их или используя одновременно. Предлагается совершить попытку осмыслить, что же понимают исследователи под «цифровизацией» и «цифровой трансформацией» образования, какие дефиниции последних можно встретить в научном обороте. Но прежде чем перейти к рефлексии научных источников, проясним следующее. Под «цифровизацией» в общем, ее применении понимается процесс встраивания цифровых технологий в процессы любой отрасли экономики с целью упрощения и повышения эффективности обрабатываемых данных, а под «цифровой трансформацией» - комплексное изменение отрасли в части ее ключевых процессов. Цифровая трансформация отличается от цифровизации масштабностью и глубиной изменений в отрасли. Цифровизация не меняет в корне основную бизнес-

модель отрасли, а лишь делает эффективными ее процессы. Как правило, это звенья одной «цифровой цепи»: процесс поворота отрасли к цифре идет от цифровизации к ее цифровой трансформации.

Цифровизация

В научном обороте до сих пор нет устоявшегося определения понятия «цифровизация». Каждая научная область, как технического, так и социогуманитарного цикла, вводит его в оборот, наполняя собственным смыслом. Так, например, в общем контексте под цифровизацией понимается «технологическая тенденция, которая сегодня меняет все секторы нашей промышленности и общества. Она считается главной и неумолимой движущей силой инноваций и разрушений, которые в равной степени бросают вызов частным и государственным организациям» [2, С.1]. В общем понимании, цифровизация образования «многогранное явление, охватывающее все сферы человеческой деятельности. Явление, которое необходимо осмысливать, развивать, а также активно применять на практике являющиеся его следствием, продвинутое технологии обучения для того, чтобы вписаться в новую, формирующуюся цифровую, мировую систему» [3].

Необходимо отметить, что в контексте образования, цифровизация приобретает два фокуса осмысления. В частности «с одной стороны, технократический взгляд на цифровизацию, с другой — гуманистическая позиция экспертов» [4, С. 1159]. Это в свою очередь позволяет увидеть, что «технократы» склонны ставить акценты в теме цифровизации образовательной среды на взаимодействие типа «человек-машина» ... гуманитарии предпочитают придавать феномену цифровизации поведенческое значение». В этой связи, автор цифровизацию образования определяет, как «формирование отношений между участниками образовательного процесса, т. е. субъектами образования в цифровой образовательной среде» [4, С. 1159]. Встречаются иные точки зрения, в частности, цифровизация воспринимается «с одной стороны, как формирование цифровой образовательной среды, в совокупности средств, используемых в образовательном процессе, и цифровых технологий, а с другой - как глубокую трансформацию образовательного процесса, обеспечивающего подготовку человека к жизни и к профессиональной деятельности в условиях цифрового общества и цифровой экономики» [5].

Отдельного внимания заслуживают публикации раскрывающие потенциал и нацеленность цифровизации, которая «формирует индивидуальные образовательные среды, куда могут входить платформы интернета, которые позволяют обучающемуся индивидуально управлять учебным контентом и лично создавать своего рода виртуальный стол» или же «позволяет обогащать реальные учебные ситуации цифровыми данными» или же делается попытка раскрытия перспектив ее развития «во-первых, это оснащение образовательных учреждений качественным программным обеспечением, информационными системами,

обеспечивающими доступ к образовательным ресурсам; во-вторых, это внедрение информационных (дистанционных) технологий, предполагающих опосредованное взаимодействие обучающегося и педагогического работника; и, в-третьих, онлайн-обучение (e-learning), позволяющее организовать образовательную деятельность и онлайн-взаимодействие обучающихся и педагогического работника» [6].

Цифровая трансформация

Что же тогда «цифровая трансформация» образования в рефлексиях исследователей? Анализ доступных источников показал, что встречаются самые различные экспликации понятия «цифровая трансформация в образовании». В одних источниках, цифровая трансформация образования «рассматривается как управляемый и / или стихийный процесс трансформации содержания, методов и организационных форм образовательной деятельности, который направлен на повышение качества школ в быстро развивающейся цифровой среде для соответствия требованиям цифровой экономики» [7]. В других – осмысливается какое «особое влияние на новые направления жизни общества» оказала цифровая трансформация вообще [8], или же оцениваются «взгляды ученых на цифровую трансформацию в образовании с точки зрения программ и процессов управления» и осознается что «изменение информационных и коммуникационных технологий влияет и даже трансформирует вещи почти во всех областях цифровой эпохи» [9].

Заключение. Анализ источников в части обращения исследователей к понятию «цифровизация» и «цифровая трансформация» привёл нас к осознанию, что четкой демаркации между ними пока не сложилось. Исследователи зачастую не разделяют эти два понятия и воспринимают их как синонимичные, в то время как корректнее было считать их рядомположенными. Цифровой трансформации отрасли, в том числе и образованию, всегда предшествует ее цифровизация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vikhman, V.V., Romm, M.V. (2021). “Digital twins” in Education: Prospects and Reality. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. Vol. 30, no. 2, pp. 22-32, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Lang, Volker. (2021). Digitalization and Digital Transformation. 10.1007/978-1-4842-6774-5_1.
3. Grebennikova V.M., Novikova T.V. On the issue of digitalization of education. Historical and Social-Pedagogical Studies. 2019. Vol. 11. No.5. PP. 158-165. doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-158-165. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Zaichenko, N. (2021). Digitalization of Education as a Trigger for Changes in Educational Relations. Economics and Management. 26. 1245-1257. 10.35854/1998-1627-2020-11-1245-1257.

5. Gairbekova, P.I. (2021). CURRENT PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION IN RUSSIA. Современные проблемы науки и образования (Modern Problems of Science and Education). 127-127. 10.17513/spno.30673.
6. Stokov, A. (2020). Digitalization of education: problems and prospects. Vestnik of Minin University. 8. 15. 10.26795/2307-1281-2020-8-2-15.
7. Uvarov, Alexander. (2019). FROM COMPUTER LITERACY TO DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION. Informatics and education. 5-11. 10.32517/0234-0453-2019-34-4-5-11.
8. Gülseçen, Sevinç. (2019). DIGITAL TRANSFORMATION IN EDUCATION: ACTIVE LEARNERS. International Conference on Technics, Technologies and Education. 14-21. 10.15547/ictte.2019.01.040.
9. Öz, Ömer & Balyer, Aydin. (2018). Academicians' views on digital transformation in education. 809-830.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ «ИНОСТРАННОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. В статье анализируется миграционная политика государства, рассматриваются причины и этапы миграционного движения иностранных переселенцев в Российскую империю, определен характер колонизации, которая в основном имела земледельческую направленность.

Ключевые слова и словосочетания: миграционная политика, миграционное движение, иммиграция, депортация, иммигранты, колонисты.

Оттеснение или вытеснение за пределы империи «иностранцев», особенно тех, кто был не пригоден к превращению в «государственных крестьян», кавказских горцев, кочевников-ногайцев, еврейских ремесленников и др. – было не единственным компонентом миграционной политики Российской империи и не исключало привлечения из-за ее пределов новых подданных.

Восточнославянская колонизация шла такими высокими темпами, что уже в XVIII веке «истощился ... колонизационный материал – малорусский и великорусский». А поскольку колонизационные планы правительства не были до конца реализованы, «оно обратилось к иностранному переселенческому материалу» [17, с.173].

Екатерина II, делая ставку на иностранцев в освоении приграничных районов, издает Манифесты (1762, 1763), которые открыли возможность для тысяч жителей Европы иммигрировать в Россию [7, с.7, 18–21]. В числе колонистов преимущественно оказались немцы из многонаселенных германских государств. Для управления миграционными потоками Екатерина II издала указ об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов (1763) [18]. За четыре года Канцелярия организовала транспортировку в Поволжье и другие регионы более 30 тыс. колонистов из Европы. Переезд был тяжелым испытанием для иммигрантов. Из 26 676 человек, отправленных для поселения в районе Саратова, в дороге умерло 3293 колониста, что составляло 12,5 % от общего числа. В Поволжье к 1774 году было основано 106 немецких колоний, в которых проживало более 28 тыс. немецких колонистов [5, с.75]. К 1917 г. в Поволжье было уже более 200 колоний, население которых превышало 400 тыс. человек [4, с.11].

С конца 1780-х годов основной поток переселенцев направлялся в южные районы России: причерноморские и приазовские степи. Среди новых колонистов были не только немцы (с 1770 по 1800 годы в Полтавской и Херсонской губерниях было основано по две колонии, в Екатеринославской – 13), но и швейцарцы, французы, поляки, болгары, греки [11, с. 53]. В XVIII

веке в Россию мигрировало 60 тыс. сербов, молдаван, венгров и др., и 360 тыс. немцев [1, с.19; 13, с. 138].

В первой половине XIX века в Россию прибыло 450 тыс. иммигрантов (115 тыс. немцев, 135 тыс. болгар и греков и др., 200 тыс. армян). Они селились в основном в Причерноморье и Закавказье. Самое большое число немецких колоний на юге России было основано в 1800–1850-е гг. – свыше 250 [11, с. 53; 13, с. 139].

Массовая немецкая колонизация Волыни началась после ее вхождения в состав России в 1795 году. Она являлась частью переселенческого процесса, который охватил несколько регионов России – Прибалтику, Поволжье, Новороссийский край и др. В XIX веке было три основных миграционных потока на Волынь. Первый поток охватывает первую треть столетия. Начало массового переселения на Волынь не регламентировалось правительственными распоряжениями. Для первого миграционного потока были характерны медленные темпы. Это объяснялось тем, что указ 20 февраля 1804 года рекомендовал допускать в страну материально обеспеченных иммигрантов, а в 1810 году Комитет министров принял решение, предусматривающее прекращение выплаты субсидий прибывшим иностранцам. Это было связано с экономическим положением страны и дефицитом казенных земель. По указу 5 августа 1819 года всякая земледельческая иммиграция была запрещена. Однако к тому времени на Волыни уже возникли десятки немецких колоний [1, с. 13].

В первом потоке иммигрантов были меннониты из Голландии и Царства Польского, католики и протестанты из Пруссии и немецких колоний Гродненской губернии. За первое тридцатилетие было создано пять немецких колоний (1001 житель). Вместе с меннонитами количество переселенцев составляло 2 тыс. человек. Второй поток немецкой иммиграции на Волынь приходится на второе тридцатилетие XIX века. Он характеризуется высокими темпами иммиграции. С 1830 по 1860 годы в губернии водворилось 11 424 немецких колониста, основавших 139 колоний [9, с. 29–30]. Большая часть иммигрантов была из Пруссии и Царства Польского, меньшая – из Австрии, Германии. Немецкая колонизация на Волыни носила сельскохозяйственный характер. Это и привлекало иммигрантов. Промышленные колонии, например, Вовнянка, возникали редко. Рост удельного веса иммигрантов из Польши объясняется и восстанием 1830-1831 гг. Немцы проявили верноподданность российскому царю, не участвуя в этих событиях.

Третий миграционный поток охватывает 60 – 90-е годы XIX века. Он был самым массовым, так как царское правительство в 60 – 70-е годы проявляло заинтересованность в переселении на Волынь иностранных колонистов. После польского восстания на немецких колонистов возлагалась миссия вытеснения из западных губерний польско-католического элемента. В 1881 г. численность немецких колонистов в

губернии составляла 87 731 чел., или 4,2 % всего населения края. К концу 80-х годов темпы иммиграционного процесса замедляются, но общее количество колонистов неуклонно возрастало: в 1889 году – 150 тыс., а в 1890 году – 155 860 чел., или 78% от общего числа иностранных колонистов губернии [9, с. 32]. По данным переписи населения Российской империи 1897 года, немцев на Волыни было 171 331 чел., что составляло 5,73 % всего населения губернии. Две трети их проживало в сельской местности, где они составляли 6,14% всего сельского населения и занимали третье место после украинцев и евреев. Это подтверждает сельскохозяйственный характер немецкой колонизации на Волыни [16, с. IX].

Таким образом, третий миграционный поток немцев на Волынь привел к массовой колонизации края. Волынские немцы составляли 9,45% всех немцев, проживающих в России. Одной из причин третьей миграционной волны являлась реформа 1861 года. Землевладельцы нуждались в рабочей силе и арендаторах. Второй причиной, объясняющей наличие основной массы поселенцев из Польши, опять стало польское восстание (1863). Другая причина была связана с отменой в 1867 году постановления 1833 года о льготах для иностранных колонистов в Царстве Польском.

В 80-е годы XIX века особое недовольство высказывали местные органы. Вместе с военным ведомством, которое усмотрело в колонистах угрозу империи на случай военного конфликта, местные органы стали инициаторами прекращения немецкой иммиграции на Волынь. Принятые законы 1886, 1887, 1888, 1892, 1895 гг. носили антинемецкий характер. Они были направлены на ликвидацию или ограничение немецкого землепользования, самоуправления.

Не находя возможностей для существования на Волыни, часть немцев мигрировала в другие регионы России. Они расселялись в других частях Украины, в Крыму, Сибири и на Дальнем Востоке. В то же время началось эмиграционное движение, которому власти не препятствовали. Закон 1892 года предоставлял генерал-губернатору право выдавать иностранным поселенцам эмиграционные свидетельства для свободного переселения в другие страны. По данным на 1 января 1906 года из семи уездов эмигрировало в Северную и Южную Америку, Пруссию, Прибалтику и Польшу 3343 человека. В 1907–1913 гг. от 15 до 20 тыс. волынских немцев эмигрировало в Прибалтику [9, с. 41].

После развязывания Первой мировой войны в феврале 1915 года в России был принят закон, по которому землевладение и землепользование австрийских, венгерских, германских выходцев в приграничных местностях империи прекращалось. Имущество колонистов подлежало конфискации. В течение лета 1915 года из Волыни было депортировано 60 % немецкого населения. Вторая волна депортации началась после указа от 13 декабря 1915 года. А в 1916 году немецкое население депортировали

исключительно в сибирские губернии. К февралю 1917 года на Волыни из 200 тыс. немецкого населения осталось всего 3 тыс. человек. Временное правительство отменило все дискриминационные законы в отношении немецких колонистов [1, с. 18, 21]. Судьба волынских и других российских немцев – трагический урок, который показывает, что если этническая группа отрывается от своего народа, исторической родины, то она полностью зависит от тех, кому доверяется.

Тем не менее, в результате вложенного немецкими переселенцами труда на Волыни были окультурены большие площади заболоченных полесских земель. Немцы-колонисты принесли рациональные формы землепользования и значительные капиталы, которые достались, главным образом, местным помещикам. Колонисты содействовали и промышленному подъему края.

На первом этапе миграционного движения немцев в Казахстан (середина XVIII века – конец 70-х годов XIX века) доминировали внешне управляемые типы перемещений в форме персональных военно-административных назначений и инфильтрации мелких дисперсных групп немцев в составе кадрового корпуса воинских подразделений. К середине XIX века в Казахстане немецкая мобильная диаспора насчитывала 250-300 человек. Среди них доминировали армейские офицеры, врачи, горные инженеры.

На втором этапе (80-е годы XIX в. – начало XX в.) процесс инфильтрации немцев перерос в выраженный миграционный процесс, а с начала XX века в результате столыпинской аграрной реформы – в крупный поток немецких крестьян из материнских колоний на Волге, причерноморских степей и Волыни.

Принятые правительством в 1881 году «Временные правила о переселении крестьян» и закон 1889 года стимулировали начало аграрных переселений немцев на территорию Казахстана. В 1897 году на территории Казахстана было зафиксировано 2 613 немцев, из них 30% проживали в городах и 70% – в сельской местности [6, с. 165]. К 1914 году общая численность немецких переселенцев составляла 63,5 – 64 тыс. Она возросла, главным образом, за счет крестьянских миграций, в результате чего удельный вес городских немцев снизился до 11,4 % [10, с. 14–15]. Практически все миграционные потоки регулировались государством и имели в основном экономический характер. Немецкие поселения локализовались на севере и северо-востоке региона.

Первая мировая война и связанная с ней кампания «немецкого засилья» поставила заслон добровольным экономическим миграциям. В 1914 –1916 годах на азиатском пространстве России происходили в основном принудительные миграции немцев. Они реализовывались в форме насильственной высылки за пределы Степного генерал-губернаторства «неблагонадежных» выходцев из «вражеских государств» – предпринимателей и коммерсантов Акмолинской области, имевших

германское или австрийское подданство. Официальные власти империи в степные регионы и Туркестанский край перемещали большие группы германских и австрийских военнопленных. В целом же переселение немцев из Европы на азиатскую периферию России, при всей относительной малочисленности осевших здесь до 1917 года аграрных и городских мигрантов, в немалой степени усилило созидательный потенциал полиэтнического населения края и внесло определенный вклад в процесс его модернизации и урбанизации.

По данным переписи 1897 г., в Российской империи проживало 1790 тыс. немцев, в том числе в Прибалтике – 9,3%, Поволжье – 21,8%, Привислинском крае (Царство Польское) – 22,3%. В Бессарабской, Волынской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерниях и Донской области 900 тыс. колонистов являлись сельскими жителями [12, с. 22; 14, с. 74].

Появление значительного армянского населения относится к концу 20-х годов XIX века, когда в состав империи вошли армянские земли, принадлежавшие Персии и Турции. До начала переселения армян на теперь уже российские территории в Закавказье было зарегистрировано 107 тыс. армян. Только в конце 20 – начале 30-х годов XIX века в Закавказье прибыло около 200 тыс. армянских эмигрантов. Затем поток резко уменьшился и к 60-м годам XIX века в России проживало более 530 тыс. армян, из которых почти 480 тыс. – в Закавказье [8, с. 104–105].

В 1894 – 1896 годах вспышки геноцида в Турции унесли жизни около 200 тыс. армян и подтолкнули их к новой массовой эмиграции в Россию, которая, выполнив роль защитницы, приняла эту эмиграцию. В Россию в 1897-1916 годы прибыло около 500 тыс. армян. В начале XX века это был наиболее массовый приток из-за рубежа [8, с. 203]. Накануне Первой мировой войны в Российской империи проживало 1,8 млн. армян. После геноцида 1915 года в Турции очаг армян в Закавказье стал основным для всех армян мира [3, с. 257–258].

Заметный и очень своеобразный поток переселенцев во второй половине XIX – начале XX вв. был представлен корейцами, осваивавшими территорию Дальнего Востока. Регион испытывал недостаток в рабочей силе. Это вызвало необходимость привлечения населения из-за границы. Первоначально планировалась чешская колонизация, но от нее пришлось отказаться, так как чехи потребовали автономии вплоть до отделения. Поэтому Россия благопрятно отнеслась к переселенцам из северных районов Кореи.

Корейская эмиграция в Россию осуществлялась в 1860-х годах и до 1914 года. Она была вызвана рядом причин: неблагоприятными социально-экономическими и политическими условиями в феодально-монархической Корее; оккупацией полуострова японскими войсками – 1910-е годы – и превращением страны в колонию. Инициатива в миграции корейцев исходила от корейских семей. Среди российских исследователей нет

единого взгляда на степень законности переселения корейцев в начале 60-х годов XIX в. Исследователи А. Буяков и А. Полутов считают, что «большинство находилось на российской территории по сути нелегально». Т.М. Мاستюгина и Л.С. Перепелкин указывают, что первые просьбы корейских семей о переселении поступили к русской администрации края в 1863 году и были удовлетворены военным губернатором Приморской области [2, с. 42; 13, с. 184].

В 1864 году первые корейские переселенцы появились в Уссурийском крае. 140 корейцев жили на реке Тизинхе [19, с. 10]. Интерес генерал-губернатора к корейским переселенцам был вызван их успехами в хлебопашестве и надеждами на обеспечение Приморской области собственным хлебом [15]. Исходя из этого предписывалось поощрять корейскую иммиграцию. В 1867 году на Дальнем Востоке проживало около 1000 корейцев. Несмотря на угрозу смертной казни со стороны китайских и корейских властей, эмиграция корейцев в Россию приняла массовый характер. Корейцы продвигались на север от приграничных районов. В освоении этих территорий была заинтересована и администрация. В 1870-х годах начались сезонные миграции корейцев на заработки в Россию. Часть корейцев из России мигрировала в Маньчжурию и Китай в поисках более выгодной работы. В конце 1870-х годов в Приморской и Амурской областях проживало 6 766 корейцев [13, с. 185].

В России отсутствовала единая государственная линия по отношению к корейским колонистам. Их миграция на Дальний Восток то признавалась полезной, то нежелательной. Действия различных органов власти в отношении корейских мигрантов были не скоординированными.

В начале 80-х годов XIX века усиливается внимание к заселению Южно-Уссурийского края Приморской области. В 1883–1901 годах сюда из России переселилось более 65 тыс. человек. Это было началом интенсивной русской колонизации края. Однако хозяйства корейских крестьян были более продуктивными, чем хозяйства русских. В 1884 году в г. Сеуле был подписан русско-корейский договор о дружбе и торговле, согласно которому переселившиеся корейцы могли принимать российское подданство и получать земельные наделы. Но уже через год торгово-промышленный съезд в Хабаровске высказался за прекращение иммиграции, а в 1887 году Александр III утвердил заключение Совета министров, запрещающее корейцам селиться у границы. Четыре года спустя военный губернатор Приморской области разделил корейцев на три категории: подлежащих принятию в российское подданство; временно проживающих; выселяемых обратно в Корею. Так, в 1892 году корейцы были выселены из с. Кроуновка, Синельниково, Кедровая падь. Из Янчихинской волости было выселено 700 семей [2, с. 43].

Но империя, остро нуждаясь в рабочих руках, одновременно и сдерживала отток иммигрантов. Согласно «Правилам для образования

китайско-корейских обществ в Приморской области» (1891) такие общества создавались для регистрации переселенцев, надзора над ними и изыскания средств по удовлетворению потребностей переселенцев. В 1897 году на Дальнем Востоке проживало 26 тыс. корейцев, из них 92,7 % в сельской местности [20, с. 16]. В 1903 году в Приморской области было уже 32 корейские деревни.

В 1900 году вопрос о подданстве корейцев, переселившихся в Россию, был решен положительно. Их причисляли к сословию государственных крестьян, принимались меры к ассимиляции корейцев. Дальнейшая корейская миграция признавалась нежелательной. Это было связано с притоком русских колонистов. Однако приток корейских переселенцев продолжался. Они становились сезонными рабочими (угольные копи, золотодобыча, рыболовецкие суда). К 1905 году корейское население Дальнего востока возросло до 34 тыс. чел., из которых 15 тыс. приняли российское подданство. Русско-японская война 1904-1905 годов и установление протектората Японии над Кореей привели к росту иммиграции корейцев в Россию. В 1910 году на Дальнем Востоке проживало более 17 тыс. русских подданных корейского происхождения и около 34 тыс. корейцев – иностранных подданных [13, с. 187]. После русско-японской войны наметилась тенденция негативного отношения власти, особенно приамурского генерал-губернатора, к корейской иммиграции. Власть не верила в российский патриотизм переселенцев, была недовольна темпами русификации корейского населения и считала, что русский крестьянин не выдерживает конкуренции с корейским. Позиция властей в «корейском вопросе» вызвала негативный отклик в российской прессе, промышленных и научных кругах. В апреле 1911 года министру внутренних дел России было предоставлено право принимать «в русское подданство проживающих в пределах Приамурского края корейцев на возможно более выгодных условиях» и временно предоставлять им работу на золотых промыслах. Корейская община на Дальнем Востоке разрасталась. Накануне Первой мировой войны только в Приморье она составляла 64,2 тыс. человек. К 1917 году численность корейцев Приморья увеличилась: более 32 тыс. из них были подданными России и около 42 тыс. – иностранными подданными [2, с. 43; 13, с. 188]. В годы Первой мировой войны, уклоняясь от мобилизации и тем спасая своих сыновей, часть корейцев – подданных России – переселилась в Маньчжурию и в Корею. Вместе с 750 тыс. русских и украинцев корейцы внесли свой вклад в освоение территории Дальнего Востока.

Таким образом, во второй половине XVIII–начале XX вв. практически все миграционные потоки регулировались государством и имели в основном экономический характер. Иностранные переселенцы, стремившиеся к лучшей жизни, проникали в различные регионы Российской империи, внося определенный вклад в хозяйственное освоение земель. В истории

иностранных переселенцев имели место иммиграции, эмиграции, и депортации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агасиев И.К. Немецкие колонии в Волынской губернии (конец XVIII – начало XX в.) / И.К. Агасиев. – Красноярск, 1999. – 270 с.
2. Буяков А., Полутов А. Корейский узел // Родина. – 1992. – № 2. – С. 42–45.
3. Вишневский А.В. Серп и молот/А.В.Вишневский. – Москва: ОГИ, 1998. – 423 с.
4. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Часть 1. Автономная область. 1918-1924. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. – 192 с.
5. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов / под ред. И.Р. Плеве. – М.: Готика, 1997. – 495 с.
6. Ерофеева И.В. Типы миграций немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М.: Готика, 1998. – С. 159–170.
7. История российских немцев в документах. 1763–1992гг./сост. В.А. Ауман, В. Г. Чеботарева. – М.: МИГУП, 1993. – 447 с.
8. Кабузан В. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа – СПб.: БЛИЦ, 1996. – 351 с.
9. Костюк М.П. Немецкие миграционные движения на Волынь. XVIII – начало XX веков // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М.: Готика, 1998. – С.27–45.
10. Кригер В. Э. Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): автореферат дис. канд. истор. наук. – Алма-Ата, 1991. – 27 с.
11. Кулинич И.М. Миграционные процессы немецкого населения в Причерноморье и Приазовье в XIX-XX веках // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М.: Готика, 1998. – С. 52–62.
12. Малиновский Л.В. История немцев в России / Л. В. Малиновский. – Барнаул: Позитив, 1996. – 186 с.
13. Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология. Народы России: история и современное положение / Т.М. Мастюгина, Л.С. Перепелкин. – Москва: ЦИНО, 1997. – 317 с.
14. Оболенский В.В. (Осинский) Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР / В. В. Оболенский. – М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. – 137 с.

15. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи / Б. Д. Пак. – Иркутск; Иркутский государственный педагогический институт, 1994. –238 с.
16. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. VIII. Волынская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого.– Санкт-Петербург издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 282 с.
17. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки) / В.В. Покшишевский. – Иркутск: Иркутское областное гос. изд-во, 1951. –210 с.
18. ПСЗРИ. Санкт-Петербург: Тип. II. Собственной Его Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т.XVI. – С.212–213. –URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9824/#page/311/mode/1up> (дата обращения 13.06.2021).
19. Сидоров И. Советские корейцы: история и современность // Сибирская газета. –1992. – С.10.
20. Шibaев В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР / В.П. Шibaев. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. – 298с.

АКСИОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Современный динамичный мир – это время глубоких глобальных трансформаций, характеризующихся существенными переменами в содержании целей и границ человеческой деятельности. Наиболее значимые изменения мирового масштаба, безусловно, относятся к инновациям в области экономики, науки и техники. Вместе с тем, инновации в указанных сферах, в частности в научно-технической области, резко активизируют преобразования в социально-культурной среде. Сегодня совершенно очевидно, что процессы модернизации, ставящие во главу угла ценности глобализирующегося техногенного мира, сопряжены с большим риском и могут привести к катастрофическим последствиям. Не вызывает сомнения тот факт, что на данном этапе социального развития ключевой вопрос современности состоит в разработке новых стратегий развития, обеспечивающих устойчивое и безопасное будущее всего человечества. В связи с этим, обращение к проблемам ценностных стратегий общественного развития находится в фокусе научно-философских обсуждений [1,3,6,7,10].

Кроме того, следует отметить, что в настоящий момент, нельзя не учитывать влияние глобализации на весь спектр социальных преобразований. Глобалистика сегодня не иллюзия, а реальность, способная детерминировать все направления жизнедеятельности человека. В новых усложненных обстоятельствах все более актуализируются проблемы выживания, как отдельного человека, так и всего человечества. Текущее состояние социального развития настоятельно требует поиска более эффективных способов выхода из глобального кризиса. Решение указанных проблем также неразрывно связано с исследованием ценностных трансформаций в аксиосфере общества.

С учетом сложившейся ситуации, следует активизировать исследования проблем, обусловленных негативными последствиями глобальных вызовов, свойственных новейшему историческому периоду, оказывающими значительное воздействие на структуру и содержание аксиосферы российского общества. Подобные трансформации приводят к смене мировоззренческих ориентаций, переосмыслению прежних ценностных иерархий.

В данной статье анализируется специфика ценностных горизонтов социального развития в контексте глобальных преобразований.

Итак, современный этап развития нашего общества характеризуется стремительным реформированием общественных отношений, испытывая на устойчивость и прочность, социальные структуры, в том числе, и ценностные иерархии. Какие перемены свойственны индивидуальным и социальным ценностным системам в данный период?

Существенные изменения в структуре аксиосферы социума, свидетельствует, что современное общество находится на сложнейшем витке своей эволюции. Критичность и опасность ситуации объясняется обострением кризисных процессов, важнейшим из которых является ценностный кризис. Произошедшие в последнее десятилетие кардинальные трансформации и активизация общественных преобразований вселили надежду на возможность конструирования новых стратегий развития, благодаря которым появится уверенность в стабильности и безопасности будущего мира. Однако в реальности все оказалось не так однозначно.

Наблюдаемые сегодня модернизационные процессы позволяют утверждать, что, несмотря на наличие значимых прорывов в области технических инноваций, не удаляется создать достаточные условия для формирования гражданского общества, в котором сам человек являлся высшей ценностью, и тем более, обеспечить безопасность его существования в современном техногенном мире. Вот почему, в новых обстоятельствах, построение общества на основе гуманистических принципов и гуманистической этики также становится весьма проблематичным [4].

В настоящий момент функционирование общества сталкивается с серьезными социальными проблемами, важнейшие из них даже «не проблемы справедливости, равенства, морали, а проблемы, связанные с выживанием» [8]. Состояние неопределенности и нестабильности, свойственные современному техногенному миру, характерно и для российского социума. Наряду с различного рода глобальными кризисами, основные вызовы касаются противоречия между новыми и традиционными ценностями, составляющими аксиологический фундамент любого социального устройства. Понятно, что если основу аксиосферы составляют потребительские ориентации, то развитие социальных процессов происходит по пути формирования общества потребления. Объективные реалии свидетельствуют, что именно потребительская ориентация определяет вектор развития нашего общества [2]. Как определить границы допустимого в сфере потребления и не оказаться в ситуации, когда потребительство управляет, «манипулирует» человеком, делая его полностью зависимым от мира вещей?

Прежде всего, необходимо конструирование новых механизмов выхода из глобального кризиса на основе осмысления проблем, связанных с ценностными трансформациями в системе общественных отношений. Особого внимания требуют проблемы объективных оценок последствий глобальных вызовов, столь характерных для новейшего периода развития, оказывающих существенное воздействие на структуру аксиосферы современного общества, и приводящие к кардинальной смене мировоззренческих ориентаций.

Эпоха потребления, в которой оказался современный человек,

послужила резкому увеличению спроса на потребительские товары и услуги. Данное обстоятельство, в свою очередь, обусловило появление ряда потребительских тенденций, основанных на пристрастии к потреблению товаров и вещей, например, вещизм. Вещизм, как следствие бесконтрольного потребления, становится неотъемлемым ценностным атрибутом современного социума. Человек стремится потреблять все больше и больше, и, естественно, становится зависимым от своих потребностей. Теперь, не он управляет своими желаниями, а желания управляют им. Человек, находясь преимущественно среди мира материальных вещей, поклоняется вещам, и «единственное, что связывает нас с ними, это, то, что мы знаем, как с этими вещами обращаться или как их потреблять» [9, с. 148-149].

Перечень негативных,стораживающих тенденций можно дополнить также нравственным релятивизмом, прагматизмом и другими дестабилизирующими факторами, все глубже пронизывающими все сферы человеческой деятельности. Таким образом, возникает острая потребность смены ценностной парадигмы, незамедлительного пересмотра ценностных установок в аксиологических иерархиях, с целью обеспечения условий перехода на качественно новый уровень общественного развития. Текущая ситуация такова, что вышеназванные тенденции вызывают опасения и свидетельствуют о том, что общество приблизилось к крайней черте, «точке не возврата», а значит, реальная возможность коренным образом изменить ценностные установки, становятся все более отдаленной.

Действительно, можно с уверенностью констатировать, что качественный уровень развития современных общественных отношений обнаруживает далеко нерадужные тенденции в духовной сфере, находящейся в состоянии глубочайшего упадка. Главной причиной такого положения является трансформация в аксиосфере общества и доминирование в ней потребительских и накопительских ориентаций. Сегодня они достигли кульминационной вершины и занимают в иерархической системе социальных ценностей лидирующие позиции. Данные обстоятельства не могли не сказаться на смене индивидуальных ценностных установок: «исторически беспрецедентное материальное изобилие и накопительство в современном мире повлекут за собой изменения в миропонимании, морали, нравственности, во всех прочих духовных параметрах» [5, с. 67].

И еще один важный аспект обсуждаемой проблемы. Не следует забывать и о социокультурной специфике российского общества, в котором вопросы межкультурной коммуникации поднимаются особенно остро. В связи с этим, учитывая последствия демонтажа ценностной архитектоники общества, постепенно вытесняются базовые характеристики нашей многонациональной культуры, в частности, нивелируется самобытность отдельных культур, стираются границы, разделяющие культуры, утрачиваются особенности национальных традиций и колоритов и другие.

Подобная ситуация приводит к обеднению культурного пространства. Безусловно, акцентирование внимания на возрождении и интерпретации культурных ценностей не может состояться без обращения к фундаментальным основам и культурно-историческим истокам российского общества.

Можно сколько угодно долго полемизировать на указанную тематику, но наступает время конкретных действий. На наш взгляд, прежде всего, следует сосредоточиться на формировании ценностного мировоззрения и ценностных позиций у молодого поколения посредством системы образования. А это означает, что в самое ближайшее время, можно будет прогнозировать позитивные перемены. Ценностное мировоззрение, основу которого составляют гуманистические идеалы, позволит обеспечить необходимые условия для гармоничного развития, как отдельной личности, так и общества в целом. Кроме того, становление нового ценностного мировоззрения, альтернативного потребительскому, способствует более эффективному решению многих важнейших вопросов, относящихся к аксиологическим аспектам человеческой деятельности.

В завершении краткого анализа аксиосферы российского социокультурного пространства важно отметить серьезные трансформации, произошедшие в этой области за последние годы. Одна из основных причин таких изменений коренится в самой природе глобализации. Глобализируемый мир ставит перед социумом новые задачи в сфере выбора фундаментальных ценностных стратегий развития. На рубеже нового столетия необходима кардинальная переоценка ценностных позиций социального развития. Становится очевидным, что процессы развития новейших технологий, характеризующих современность, актуализируют аксиологические подходы к оценке и осмыслению технологического прогресса. Не вызывает сомнения положение о том, что новые ценностные модели развития должны базироваться на гуманистических и нравственных принципах, обеспечивающих формирование ценностных иерархий, вершиной которых станет сам человек с его неисчерпаемым интеллектуальным и творческим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаева Е.Л., Михалкин Н.В. Ценности современного российского общества: философско-психологический анализ // Вестник МГОУ, 2005. № 3. С.62-69.
2. Данилкова М.П. Потребительская ориентация как негативная тенденция современного общества/ М.П. Данилкова // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2017. № 7(14). С.15-18.
3. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия. XXI век. Стратегии прорыва: технологии, образование, наука. – М.: Ленанд, 2016. 304с.

4. Киселев Г.С. Иллюзия прогресса // Вопросы философии, 2015. № 4. С. 16-25.
5. Косолапов И.А. Ноосфера от мира к реальности // Ноосфера: реальность или красивый миф. – М.: Новый век, 2003. С. 62-72.
6. Косумова Г.К. Социокультурная реальность глоболизирующего мира // Вестник МГУ. Серия 7.Философия. 2011. №3. С.86-98
7. Назаретян А.П. Вызовы и перспективы цивилизации: станет ли эволюция на Земле космически значимой?/ Вопросы философии,2018.С.99-110
8. Тоффлер Э. Третья волна.– М.: АСТ, 2010. 784 с.
9. Фромм Э. Здоровое общество / Эрих Фромм; пер. с англ. Т. Банкетовой. – М: АСТ: АСТ МОСКВА, 2016. 539с.
10. Чешев В.В. Технический прогресс в культурно-историческом контексте / Вопросы философии, 2017. №12. С.64-78.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Аннотация: данная статья обосновывает необходимость переосмысления инструментального понимания цифровых технологий, используемых в образовательном процессе, с точки зрения воплощенной когнитивной науки. Кроме того, рассматривается возможность применения принципов эпистемологии добродетелей к ситуации сетевого поиска в целях нивелирования негативных последствий цифрового когнитивного функционирования.

Ключевые слова и словосочетания: цифровизация, воплощенная когнитивная наука, расширенное сознание, интернет, эпистемология добродетелей

В связи с быстрым развитием интернет-технологий формируется новое цифровое образовательное пространство, и, следовательно, возникает необходимость анализа влияния информационных технологий на трансформацию образовательных процессов. Кроме того, недавние события, связанные с пандемией COVID-19, обнаружили необходимость и дали импульс к пересмотру и детальному изучению практик использования цифровых технологий.

Инновации в системе образования сегодня воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, и, как правило, оцениваются позитивно. Задача улучшения качества образования стоит как перед учебными заведениями, так и перед государствами в целом, поскольку многочисленные исследования показывают [9], что применение цифровых технологий способствует повышению квалификации преподавательских кадров, и, следовательно, улучшает качество обучения и уровень подготовки выпускников. Позитивный потенциал использования цифровых ресурсов в системе образования нашел отражение в различных стратегиях университетов, а также в ряде государственных проектов и программ.

Так, в Российской Федерации принят ряд мер по модернизации образовательной системы. Например, национальный проект «Образование» [1] предусматривает обеспечение реализации цифровой трансформации системы образования; проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [3] ставит целью предоставление возможности получения качественного и доступного онлайн-образования гражданам страны с помощью цифровых технологий. Во многих университетах созданы различные структурные подразделения, занимающиеся цифровизацией образовательного процесса, например, Управление цифровизации образования в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» или Центр цифровых трансформаций в Казанском (Приволжском) федеральном университете.

Разумеется, процесс онлайн-образования предполагает наличие

определенных рисков. К ним относятся вопросы рентабельности цифровых технологий, проблемы равного доступа к цифровым ресурсам, низкого уровня цифровой грамотности студентов и преподавателей. Также можно отметить некоторые негативные нейрофизиологические аспекты использования дигитальных технологий, такие как снижение уровня концентрации внимания [5], нарушение процесса выполнения когнитивных задач [8], ухудшение краткосрочной памяти [7].

Кроме того, на данный момент онлайн-обучение показывает более низкую эффективность в сравнении с традиционными системами образования. Так, например, исследование, проведенное в Массачусетском технологическом институте показало [6], что, во-первых, популярные в последнее время массовые открытые онлайн-курсы (МООК) характеризует критически низкий «показатель доходимости» - большая часть обучающихся (порядка 90%) не завершают начатые курсы. Во-вторых, география образования не расширяется, большинство слушателей курсов живут в высокоразвитых странах, прогнозируемое массовое проникновение образования в страны с низким уровнем жизни пока не произошло.

Несмотря на перечисленные проблемы использования цифровых технологий, подавляющее большинство научной литературы положительно оценивает практики онлайн-образования. Мы не ставим задачу опровергнуть данную позицию, но стремимся выявить способы наиболее эффективного взаимодействия с цифровыми технологиями в рамках организации системы образования.

В этих целях рассмотрим интернет как часть цифровой экосистемы образовательного процесса. Стоит отметить, что интернет на данный момент нельзя рассматривать как полностью надежный источник информации в силу специфической системы его устройства и функционирования.

Так, поисковые системы могут ранжировать результаты поиска на основании механизмов персонализации, также на последовательность результатов может влиять популярность сайта, определяемая количеством просмотров. Информация, опубликованная на различных интернет платформах, чаще всего создается анонимными пользователями, что не предусматривает проверку и цензурирование данных. Кроме того, люди, использующие информационные системы подвержены различным когнитивным искажениям, что также не способствует эффективности познавательного процесса. В качестве иллюстрации можно рассмотреть явление, получившее название «пузырь фильтров» (filter bubble). Данное понятие было разработано и описано интернет-активистом Эли Паризером [2] в книге «За стеной фильтров: что интернет скрывает от вас?» Он утверждает, что поисковые системы определяют, какую информацию пользователь предпочел бы получить, основываясь не только на его

предыдущих запросах, но также на местоположении, предпочтениях, языке и пр.

Таким образом, учитывая все возможные риски и негативные последствия использования информационных технологий в качестве когнитивных инструментов, необходимо разработать наиболее надежный с эпистемической точки зрения алгоритм работы с интернетом.

На наш взгляд, в этих целях можно использовать принципы эпистемологии добродетелей. Эпистемология добродетелей – это совокупность подходов в рамках эпистемологии, отводящая центральную роль изучению интеллектуальных добродетелей. Так, профессор философии Джейсон Бэр (Калифорния, США) выделяет три группы интеллектуальных добродетелей [4]:

1. в первую группу входят базовые добродетели, необходимые для организации познавательного процесса и способствующие приобретению истинного знания: это любознательность, интеллектуальная автономия и интеллектуальное смирение;

2. вторая группа добродетелей поддерживает избранное направление познавательного процесса: внимательность, интеллектуальная осмотрительность или осторожность, а также интеллектуальная основательность;

3. третья группа добродетелей помогает преодолевать затруднения, возникающие в процессе когнитивного функционирования: открытость, интеллектуальное мужество и интеллектуальная настойчивость.

Так, например, интеллектуальная осторожность направлена на формирование навыков критического мышления и, как следствие, позволяет избегать различных когнитивных искажений и формирования ложных убеждений; интеллектуально основательный человек стремиться к глубинному пониманию явлений, а также выявления связей между различными блоками и единицами информации; интеллектуальное упорство позволяет вне зависимости от различных проблем, возникающий в процессе познавательной деятельности, преследовать и достигать поставленные эпистемические цели.

Данные навыки, несомненно, приемлемы к ситуации онлайн взаимодействия. Однако, по нашему мнению, в этом случае требуется большая «мощность», интенсивность их использования. Например, сравним критерий внимательности при чтении книги и при чтении веб-страницы. Когда мы читаем книгу, нас может отвлекать поток наших собственных мыслей или факторы окружающей среды, например шум улицы за окном, пролетающая птица и т.д. В случае чтения веб-страницы помимо уже перечисленных факторов, нас также может отвлечь наличие гиперссылок в тексте, всплывающая на странице реклама, уведомления социальных сетей и пр.

Образование сегодня не преследует цель заполнить сознание людей набором различных фактов, правил, теорий, но стремиться научить методике поиска и анализа информации, системному и критическому мышлению, гибким навыкам, навыкам интернет-грамотности и т.д. Разумеется, применение добродетелей не гарантирует получение истинных знаний, однако значительно повышает шансы достичь поставленных познавательных целей.

Необходимо также учитывать, что первоначально существовавший разрыв в доступе к цифровым технологиям преодолен, однако сегодня наметилась новая проблема – низкий уровень интернет-грамотности пользователей. Поэтому мы утверждаем, что курсы с соответствующим теоретическим и практическим наполнением должны стать частью программ обучения на всех стадиях образования. Интеллектуальные добродетели, например, могут преподаваться в рамках курсов по логике. Но, на наш взгляд, будет более продуктивным, если школы и ВУЗы введут в программы образования отдельные дисциплины, посвященные навыкам интернет-грамотности. Отметим, что интернет – это быстроразвивающаяся система, навыки работы с ним актуальные сегодня не обязательно будут актуальны через 5 или 10 лет, поэтому программы данных курсов необходимо постоянно обновлять и адаптировать в связи с запросами, формирующимися в рамках цифровизации различных социально-культурных практик.

Таким образом, учитывая значимую роль, которую интернет играет во всех когнитивных практиках, особенно в системе образования, важно, чтобы школьники и студенты эпистемически добродетельным образом взаимодействовали с данным ресурсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный проект образование – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/> (дата обращения 26.04.2021)
2. Паризер Э. За стеной фильтров: что интернет скрывает от вас? М.: Альпина Бизнес Букс. 2012. 304 с.
3. Приоритетный проект в области образования в Российской Федерации «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» - URL: <http://neorusedu.ru/> (дата обращения 26.04.2021)
4. Baehr J. Educating for Intellectual Virtues: From Theory to Practice // Journal of Philosophy of Education. 2013. № 47(2). P. 248-262. URL: https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=phil_fac (дата обращения 26.04.2021).
5. Leiva L. Back to the app: The costs of mobile application interruptions // Conference: Proceedings of the 14th international conference on Human-computer interaction with mobile devices and services. 2012. URL:

<https://luis.leiva.name/web/docs/papers/app-interruption-mobilehci2012-preprint.pdf> (дата обращения 26.04.2021).

6. Reich J., Ruipérez-Valiente J. The MOOC pivot // *Science*. 2019. № 363. P. 130-131. URL: https://www.researchgate.net/publication/330316898_The_MOOC_pivot (дата обращения 26.04.2021).

7. Sparrow, B. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. 2011. № 333. P. 776–778. URL: <https://science.sciencemag.org/content/333/6043/776.full> (дата обращения 26.04.2021).

8. Stothart C. The Attentional Cost of Receiving a Cell Phone Notification // *Journal of Experimental Psychology Human Perception & Performance*. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/279457726_The_Attentional_Cost_of_Receiving_a_Cell_Phone_Notification (дата обращения 15.04.2021).

9. Waghid Z. Examining Digital Technology for (Higher) Education through Action Research and Critical Discourse Analysis // *South African Journal of Higher Education*. 2016. № 30(1). P. 265-284. URL: https://www.researchgate.net/publication/303749179_Examining_Digital_Technology_for_Higher_Education_through_Action_Research_and_Critical_Discourse_Analysis (дата обращения 26.04.2021); Ebner M. How to Foster Technology Enhanced Learning in Higher Education? // In book: *Handbook of Research on Faculty Development for Digital Teaching and Learning*. 2019. P. 402-416. URL: https://www.researchgate.net/publication/334285531_How_to_Foster_Technology_Enhanced_Learning_in_Higher_Education (дата обращения 26.04.2021).

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЦЕННОСТИ, ИСТОКИ, ПУТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Целью исследования является анализ сущности российской цивилизации, ее истоков и ценностных основ. Сделан вывод о путях развития России в условиях «столкновения цивилизаций».

Ключевые слова и словосочетания: русская цивилизация, православие, русский дух

«Хотя лично я сердечно привязан государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, - но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал.»

П.Я. Чаадаев

В контексте нетраспорентности мировой политики и модернизационных социально-политических процессов в российском научном дискурсе активно обсуждаются истоки российской цивилизации, а также особенности ее вхождения в современные глобальные взаимоотношения с миром [3, С. 41-47].

В методологическом плане цивилизация определяется как социокультурная общность, формируемая на основе универсальных ценностей, выраженных в религии, системах морали, права, искусства, а также воплощаемых в хозяйственной практике, системе государственной власти, повседневной жизни [3, С. 41-47]. Необходимым условием и одним из главных признаков цивилизации является наличие общего ценностно-смыслового пространства, а также ведущего языка межнационального общения и письменности. При этом цивилизация охватывает, как правило, множество народов нескольких государств. Одним из исключений в данной закономерности является российская цивилизация, которая дифференцирована территориально и локализована в рамках одного государства.

Но что такое «Русская цивилизация»?

Итак, Русская цивилизация – это сложная система, которую составляют различные этносы и народы. Это локализованная во времени и пространстве общность людей, объединенных общими представлениями о жизненном укладе, благе и справедливости, то есть о таких жизненных ценностях и взглядах, которые впоследствии воплотились в поведении индивидов, в содержании и организации общественной жизни, в формировании материальной среды бытия, в социальные институты и, в широком смысле, в культуру. Следовательно, это не только люди, населяющие территорию исторической России, а это еще и образ жизни, богатая культура и религиозность.

В данном контексте обратим внимание на одно из понятий, представленных в проекте Конституции России С.С. Сулакшина: «Народ России – сообщество граждан России, цивилизационно объединенное на основании общих ценностей, языка, культуры, истории, религии, традиций, территории проживания, осознающее себя в качестве субъекта государственного строительства и общественного развития, принявшего Конституцию России» [2].

А.С. Панарин отнёс «западные цивилизации» к типу «прагматических цивилизаций». В этих цивилизациях поступают в соответствии с кредо – «действовать по обстоятельствам» [6].

Джюльетто Кьеза назвал «Запад» «скупым царством прагматизма». При этом в своей монографии «Прощай Россия» он отмечал, что начиная с 1990 – х годов Россия прогнулась под «скупое царство прагматизма», что Третий Рим свернул свои знамена без боя». Он предрекал России потерю Кавказа и Сибири, а также отмечал, что Россия уже с колен не поднимется [4].

Специалист по социальной философии А.И. Субетто опровергает позицию Д. Кьезы, приводя в качестве аргумента то, что «Русский народ уже много раз повергался тяжелейшим испытаниям, но все победил и выжил, потерпели крах планы таких врагов русского народа, как Гитлер и Даллес». По мнению философа, «именно постоянная победа духовности над материализмом каждый раз заставляет Россию вставать с колен и двигаться вперед» [9, С. 295].

Российский общественный деятель, историк Л.П. Решетников считает истинно русской цивилизацией Россию до революции 1917 года, называя путь построения коммунизма в России (впрочем, как и либерализма) тупиковым. Он видит суть Русской цивилизации в мифологеме Святой православной Руси, приводя в пример слова святого праведного Иоанна Кронштадского: «Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня», а также утверждая, что «сила и предназначение русских всегда заключалось и заключается в служении Божьей Правде» [8, С. 22].

То есть, если говорить о русской цивилизации как о цивилизации мирового и космического масштаба и значения, то стоит упомянуть, что православная вера, как духовный стержень русского народа, несет в себе огромное значение [1, С. 138-148].

Это показывает и ретроспективный анализ. Так, трансформации российской цивилизации были связаны с реформаторской деятельностью Петра I, с масштабной модернизацией 18-го века, с советским и постсоветским периодами [5, С. 71-79].

Однако, по мнению В.Ф. Шаповалова, сохранилось главное – этно-конфессиональное ядро и культурно-генетический код», а также сформировались главные ценности русских: справедливость, красота, персонализм, любовь [12, С. 289-295].

На наш взгляд, еще одной из важнейших черт Русской цивилизации является такая дефиниция как «Русский дух».

В научном дискурсе концепт «Русский дух» иногда сравнивают с понятием «Русская идея».

Так, например, Рахматуллина В.А. считает, что под духом нации мы можем понимать развитый, многогранный социологический и культурный феномен, в корне которого находится проверенная временем совокупность определенных мировоззренческих черт [7, С. 125].

Юлдашев В.А. отмечает, что появлению русского самоосознания, менталитета и национального духа способствовали территория и православие. Также, к основным чертам русского национального самосознания исследователь относит коллективизм и большой экологизм [13, С. 218-220].

Еще одной из черт русского Духа и национального менталитета является терпимость. Отечественный антрополог И.А. Сикорский говорил, что «смирение является как бы необходимой психологической практикой, как бы внутренним приуготовительным упражнением, без которого была бы немыслима борьба с препятствиями, налагаемыми на человека суровой и бедной природой» [9].

Русская терпимость к другим людям обуславливает положительную комплиментарность (по Л. Н. Гумлеву), Миролюбие, щедрость, великодушные высоко ценились у русских людей, они позволяли быстро находить и налаживать контакты с внешним миром и другими людьми.

Кроме того, чертой, определяющей российскую государственность, является *патриотизм* и, в каком-то смысле, даже *мессианство*. «Истинная любовь к Отечеству в России всегда исключала националистическую гордыню и именно такой, истинный, державный патриотизм был источником понимания как своего национального духа, так и духа других народов» [13, С. 218-220].

В двадцать первом веке столкновение цивилизаций достигло своего апогея. При этом, на наш взгляд, именно российские цивилизационные принципы, основанные не на обогащении за счет других, а на справедливости и правде, взаимопомощи и сотрудничестве, единственные способны вывести человечество из тупика развития.

Современная Россия остается одной из величайших цивилизаций мира. События текущего столетия свидетельствуют о наличии гравитации русского мира. Притягательная сила России, ярко демонстрируемая во все времена и теперь - очевидный и непреложный факт. Отсюда вытекает неизбежный императив сбережения Русской цивилизации и народных талантов в логике православия, Комиссарова Т.С., Гладкий Ю.Н. (Санкт-Петербург, Россия) 6 неискаженного образования, передовой науки, эффективной политики, развитой экономики, уникальной культуры. Народу России необходима вера в истину и верность Отечеству. Замысел нынешней России как цивилизации, базирующейся на православных

ценностях, духовно-нравственных и социальных идеалах настолько актуален, что вполне может стать национальным символом. [11, С. 39-44].

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев А.В. Роль и место Русской Православной Церкви в развитии государства: история и современность / А.В. Исаев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1 (14). – С. 138-148.
2. Конституция России (проект) / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. – М.: Научный эксперт, 2016.
3. Купцова И.А. Российская цивилизация, русская культура, культура русской провинции: характеристики и взаимодействие / И.А. Купцова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 2 (34). – С. 41-47.
4. Къеза Дж. Прощай, Россия. – М.: ТОО «Гея», 1997.
5. Ливцов В.А. Веротерпимость в вероисповедной политике России: историко-правовой аспект / В.А. Ливцов, А.В. Исаев // Вестник государственного и муниципального управления. – 2019. – Т. 8. – № 2. – С. 71-79.
6. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Издат. корпорация «Логос», 1998. – 382 с.
7. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция: (Соц.-филос. анализ) / З.Я. Рахматуллина; М-во образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2000. – 304 с.
8. Решетников Л.П. Вернуться в Россию / Л. П. Решетников. – 5-е изд., пересм. и значит. доп. – Москва: Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел»; Москва: Издательство М. Б. Смолина (ФИВ), 2019. – 238 с.
9. Сикорский И.А. Черты из психологии славян / И.А. Сикорский. – М., 1999.
10. Субетто А.И. Слово о русском народе и русском человеке / Под науч. ред. проф., д.ф.н. А.В. Воронцова. – СПб.: Астерион, 2013. – 265с.
11. Сухоруков В.Д. Русская цивилизация и русское православие / В.Д. Сухоруков // в сборнике: Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт. Материалы международной научно-практической конференции. – Ленинградский государственный университет (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. 2016. – С. 39-44.
12. Шаповалов В.Ф. Характерные черты и особенности российской цивилизации / В.Ф. Шаповалов // Философия хозяйства. – 2013. – № 2. – С. 289-295.
13. Юлдашев Э.В. Философский смысл и своеобразие русского национального духа / Юлдашев Э.В. // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т.14. – №1. – С. 218-220.

С. ФРАНК О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена размышлениям философа Серебряного века С.Л. Франка о проблеме взаимоотношений личности и общества, о возможности примирить индивидуализм и коллективизм. Для философа попытка совместить ценности индивидуализма и коллективизма не дает принципиального разрешения вопроса, являясь неким временным компромиссом, так как оба эти начала претендуют на абсолютное первенство. С. Франк видит выход в соборности – духовной реальности, составляющей внутреннюю основу общественного бытия, где «я» и «мы» есть два самостоятельных, равноправных начала, которые не противостоят друг другу, не воспринимают друг друга как соперники, так как оба укоренены в источнике бытия – Боге.

Ключевые слова:. С. Франк, личность, общественное бытие, «я», «мы», соборность, Бог.

Одной из ключевых тем социальной философии является проблема взаимоотношений личности и общества. Эту тему активно и плодотворно разрабатывал выдающийся религиозный философ С.Л. Франк.

В объяснении природы общества в истории социально-философской мысли существует два направления: индивидуализм и коллективизм. Согласно первому направлению, общество есть нечто производное от человека. Согласно второму - человек произведен от общества. Но та и другая теория страдают односторонностью. Примат общества над личностью растворяет ее в обществе, превращая личность в простое орудие, средство для общественных целей, тем самым обезличивая ее. Но и абсолютный индивидуализм, провозглашая личное сознание началом и концом нравственных стремлений, на самом деле опустошает личность, лишая ее всяких опор в окружающем мире.

Поскольку оба начала претендуют на абсолютное первенство, конфликт между ними неизбежен, и верховенство одного из них может произойти только за счет другого. Но, так как оба начала не мыслимы одно без другого, - замечал Франк, - «...то побежденный увлекает в своем падении победителя, и оба гибнут вместе» [1, с.110-111]. Отсюда и возникает проблема: как примирить оба начала, чтобы избежать подобного финала.

Франк исходил из того, что общественное бытие имеет два уровня: внутренний и наружный. Именно внутренний слой и есть подлинная реальность, лежащая в основе общественного бытия. Для Франка, как яркого представителя русской религиозной философии, очевидны христианские корни свободы личности, ибо христианство, трактуя человека как образ и подобие Бога, привело к осознанию несравнимого своеобразия внутреннего личного бытия, абсолютной ценности и

неповторимости каждой человеческой личности. Эпоха Ренессанса и последующая затем Реформация внесли существенные коррективы в трактовку свободы личности. Одним из главных результатов Возрождения явилось рождение гуманизма, ставшего господствующим направлением в последующие века. Согласно гуманизму, человек представляется неким земным богом, призванным управлять не только своей судьбой, но и судьбой мира в целом.

Этот культ человека, вера в его неограниченные возможности, будучи по своей природе антихристианской, утверждали человека в самом себе, формировали представление о человеке как существе абсолютно автономном и самодостаточном. С. Л. Франк назвал этот гуманизм «профанным», противопоставляя его христианскому гуманизму. Говоря о зависимости человека от Бога, подчеркивал он, христианство нисколько не умаляет личность, напротив, своей идеей Богоподобия, оно утверждает его достоинство [2, с. 413-415].

С.Л. Франк критикует индивидуализм за превращение «я» в абсолютную первичность, «единственную инстанцию». При этом он никоим образом не умаляет самоценности человеческой личности, не отрицает за «я» единственности и неповторимости. Более того, Франк подчеркивает, что «я» существует как уникальное, отдельное «я» «не в силу своего самодовления, своей утвержденности в самом себе, а именно в силу своего отделения, обособления от «иного «я», т.е. «ты» и, следовательно, своей связи с ним в самом этом противостоянии» [1, с. 50]. Иными словами, именно существование «ты» придает «я» своеобразие и уникальность, т.е. «я» без «ты» не может существовать как не мыслимо «левое» без «правового».

Абсолютизация же «я» приводит к тому, по мысли Франка, что становится невозможным вообще общение, поскольку «я» весь окружающий мир представляется как «не я», как безжизненный объект. И «ты» для такого воззрения есть категория несуществующая. Из этого следует, - замечает Франк, - «что «ты» должно быть не извне дано мне, быть для меня не объектом,... а первичным и исконным образом, «изнутри» присуще мне». [Там же]. Именно наличие в обоих некоего «исконного первичного единства» и дает возможность встретиться двум сознаниям. Философ для обозначения этого первоначала вводит понятие «мы». Но, - подчеркивал он, - «мы» не есть грамматическая частица, а именно множественное число 1-го лица, т.е. «мы» - совсем не сумма «я», так как «я» уже в силу своей единственности и неповторимости не может иметь множественного числа, а «мы» есть «единство 1-го и 2-го лица, как единство «я» и «ты», некое целое, которое присутствует и в «я» и в «ты» [1, с. 51]. Таким образом, «мы» столь же первично - не более, но и не менее чем «я». Оно не производно в отношении «я»..., а есть исконная форма бытия, соотносительная «я» [1, с. 52].

Иными словами, единство «я» и «мы», отнюдь, не означает их

неразличимой слитности. И «я» и «мы» есть два самостоятельных, равноценных начала, взаимоопределяющих друг друга, где умаление одного влечет за собой умаление другого. Целое не только неразрывно объединяет части, но наличествует в каждой из своих частей. Поэтому эти две инстанции, единство целого и самостоятельность каждой части не конкурируют между собой, не стесняют и не ограничивают одна другую. Это живое органическое единство, внутреннюю пронизанность единичного общим, гармонию и согласованность, Франк и называет соборностью.

Реальность, с которой мы имеем дело в повседневной жизни, казалось, говорит нам об обратном: об отсутствии всякого единства и гармонии, о борьбе разрозненных интересов, о постоянных столкновениях между людьми. Но это есть то, что религиозный мыслитель называет поверхностным, наружным слоем общественного бытия, который не является адекватным воплощением соборности. Соборность в эмпирической общественной жизни может либо вообще не проявляться, либо находить в ней лишь слабое свое отражение. В этом и заключается, по мысли Франка, «подлинный трагизм человеческого существования, подлинное несоответствие между его эмпирической реальностью и его онтологической сущностью» [1, с. 54].

Но именно соборность и составляет подлинную основу общественного бытия, крепит его изнутри, не давая ему распасться на отдельные части. На самом деле за любыми внешними отношениями между людьми, какими-то их союзами скрывается внутренняя связь, действует сила соборности, вне зависимости от того, сознаем мы это или нет. С. Франк отмечал, что эти два слоя общественного бытия есть «не разные конкретные формы общества, а разные моменты общественного бытия, необходимо совместно присущие всякому обществу» [1, с. 57]. Эта двойственность общественного бытия вытекает из изначальной двойственности – духовной (внутренней) и физической (внешней) природы человека. Но как человек представляет собой единство души и тела, где именно духовное начало, как сопричастность абсолютной сверхчеловеческой реальности, определяет его подлинное своеобразие, так и два уровня общественного бытия не могут существовать порознь: второй, внешний имеет своей основой внутреннее, органическое единство или соборность.

Франк неоднократно повторяет парадоксальное на первый взгляд определение человека как существа, который на самом деле есть нечто большее, чем человек, подразумевая, что его подлинной сутью является духовное начало [1, с. 76-77]. Поэтому только выход за пределы своего эмпирического существования, возвышение над самим собой и есть истинное осуществление своего «я».

Он исходит из того, что именно в соборности раскрывается человеческая личность, происходит подлинная самореализация человека: но не за счет другого, а вместе с ним, когда другой начинает осознаваться

как условие собственного существования, ибо только в соборности человек начинает воспринимать другого не как «не я», т.е. как нечто чуждое и враждебное мне, а как «иное я», т.е. подобное мне, близкое мне, совпадающее со мной в духовной сущности. В работе «Непостижимое» он пишет, что человек является личностью «в той мере», в какой он может что-либо «дать» другому, тогда как замкнутость в себе есть «утрата личности» [4, с. 413].

Итак, соборность, по С. Франку, составляет «жизненное содержание» самой личности, которая духовно питает и обогащает ее, нисколько не умаляя ее при этом, а напротив, «расширяя» личность. Таким образом, «я» и «мы» неразрывно связаны между собой, не могут существовать вне бытия другого, но в то же самое время невыводимы друг из друга, т.е. представляют собой два равноценных начала. Подобное соотношение «я» и «мы» приводит Франка к новой формуле: не приоритет одного начала над другим, не противопоставление одного другому, а «и» и «и».

Важно правильно расшифровать формулу С. Франка, суть которой не сводится к тому, чтобы взять «понемножку от того и другого начала». Такой подход, по его мнению, есть чисто механический. Он мыслится по образу внешнего взаимоограничения сталкивающихся сил и, следовательно, не дает принципиального разрешения проблемы, а являет собой некий временный компромисс, обрекающий общество на опасность в случае его расторжения: либо полной анархии, либо безграничного деспотизма. Поскольку индивидуализм, доведенный до крайности, неизбежно приводит к хаосу и анархии, уничтожающей всякий порядок, а вместе с ним и личность. В свою очередь, коллективизм, абсолютизирующий общественное единство, уничтожает личность, а вместе с ней и общество.

Разрешение этой антиномии Франк видит в соборности как органическом согласовании двух взаимосвязанных и взаимоопределяющих начал, где «я» не изолированная единица, а «мы» есть не внешнее, а органическое единство. Поэтому они не противостоят друг другу, не воспринимают друг друга как соперники, каждый из которых претендует на абсолютное первенство, «...поскольку оба начала сознают себя не как первично-абсолютные, а лишь как производно-абсолютные силы, утвержденные в третьем, подлинном первично-абсолютном начале – Боге» [1, с. 111].

Таким образом, примирение обоих начал достигается путем подчинения их высшему началу - началу Правды и Добра, или, по выражению Франка, «суперарбитру», возвышающемуся над спорящими сторонами.

Франк, выделяя в обществе два аспекта - наружный и внутренний - подчеркивал, что развитие наружного слоя или внешней общественности (право, власть) не зависит от воли человека и его внешней деятельности, а «предопределены онтологически качеством и развитием его сущностной

духовной жизни» [1, с. 86]. Непонимание этого обстоятельства на практике приводит к тому, что философ называл «утопическим реформаторством» или «механической борьбой со злом». Ибо зло коренится внутри человека и подлинная борьба сил добра со злом происходит в глубине человеческой души.

Зло, по определению Франка, есть «пустота» или иначе отсутствие добра, поэтому оно «уничтожается только заполнением» этой пустоты добром, которое возвращается в душе человека [3, с. 211]. Следовательно, всякие внешние попытки борьбы со злом в, лучшем случае, бесплодны, а, в худшем - только его умножают, так как активное воздействие вызывает искусственное потрясение, влекущее за собой противодействие, а вместе с ним опасность нарастания хаоса. Рано или поздно нарушенное равновесие восстановится, - по справедливому замечанию философа, - «но уже на низшем уровне» [там же]. В истории было немало свидетельств, когда борьба за освобождение личности оборачивалась попранием всяческих прав. «Классическим образцом этого имманентного бессилия рационального реформаторства и имманентной кары за него» называет Франк большевистскую революцию [1, с. 86]. Но и новейшая российская история является не менее убедительным подтверждением этой истины.

Но из этого вовсе не следует бесплодность и ненужность внешнего совершенствования жизни. Считать так, - подчеркивал он, - «значит теоретически не понимать онтологической структуры духовного бытия, а практически - впадать в максимальный грех пассивности в отношении к злу» [1, с. 87]. Такова, по мнению Франка, позиция Л.Н.Толстого и его последователей, уповающих только на личное совершенствование. Франк же указывал, что хотя государство не в состоянии уничтожить зло, но оно может и должно «обуздать его и не позволить ему разрушать жизнь» [3, с. 212]. При этом он напомнил знаменитые слова В. Соловьева о том, что государство существует не для того, чтобы осуществить рай на земле, а для того, чтобы не допустить ада на земле.

Не смотря на то, что уже минул целый век со времен большевистского переворота, до сих пор не сделаны должные выводы из событий тех лет в полной мере, и размышления выдающегося философа остаются по-прежнему актуальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию / Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. - С. 13-146.
2. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии / Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. – С. 405-470.
3. Франк С.Л. Смысл жизни / Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. – С. 147-216.

4. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. – 608 с.

ОБРАЗ СТРАННИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: в статье исследуется явление странничества как своеобразная форма идентичности человека, связанная не столько с путешествием, сколько с идеей духовного пути, поиска смыслов своего предназначения в жизни, духовного восхождения, постижения бытия. В русской литературной и философской традиции сформирован тип странника-правдоискателя, человека, идущего своим путём, часто от греховности к нравственному совершенствованию. Русская словесность представляет целую галерею таких персонажей, интеллектуальных, парадоксальных, непредсказуемых и сильных духом. Осмысление странничества как феномена в структуре нашей картины мира позволяет нам глубже понять процессы, происходящие не только в историко-культурном слое, но и в современном обществе.

Ключевые слова и словосочетания: художественная концепция личности, картина мира, странничество, странник, путь, традиция, философское осмысление.

Понимание художественной концепции личности в литературном произведении чрезвычайно важно для осознания картины мира не только писателя, эпохи, но культуры и психологии целого народа. Современный мир, всё более ускоряющийся, перенасыщенный техногенными реалиями, социальными потрясениями, стремящийся к тотальной глобализации, стирает границы, делая перемещение людей в пространстве чем-то почти обыденным и повседневно-хлопотным. При этом странствие по-прежнему имеет не только сугубо утилитарное значение, но и остаётся формой познания мира и самого себя, способом постижения своей культуры через другие, развитием духовности, преодолением разобщённости, поиском духовных ориентиров.

Феномен странничества выводит нас на понятия-символы, понятия-концепты мировой культуры: странник, пилигрим, странствие, дорога, путь. В глубинах нашего сознания все эти явления связаны не столько с путешествием, сколько с идеей духовного пути, поиска смыслов, своего предназначения в жизни, духовного восхождения, постижения бытия. Странничество стало пониматься как своеобразная форма идентичности человека.

Мотив странничества прозвучал во многих произведениях русской литературы, позволив писателям раскрыть особенности русской культуры, причём, не только в религиозном аспекте, но и в общедуховном, и в нравственном, и в эстетическом, хотя часто эти аспекты выступают в нерасторжимом единстве православной ментальности русского народа.

Явление странничества в русской культурной традиции не было однородным, оно менялось, можно сказать – эволюционировало от исконно религиозного явления к светскому в XIX веке, а затем философскому к началу XX столетия.

Но феномену странничества присуща одна константа – это поиск собственного «я», личностной самоидентичности, постижение собственной духовной сути.

В культуре русской словесности странничество являет собой архетипический мотив, древние корни которого мощно проросли в самую суть картины мира русского человека и дали мощные побеги и в древнерусской литературе, и в великой классической, и в калейдоскопичной словесности XX века.

«Странник ходит по необъятной русской земле, никогда не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник ищет правды, ищет Царства Божьего, он устремлен вдаль. Странник не имеет на земле своего пребывающего града, он устремлен к граду Грядущему» [1, с. 88], – писал философ Н.А. Бердяев. То, что он назвал Русь «бродячей», отразило ментальный философско-культурный код самосознания народа. Бердяев размышляет о «прекрасном» типе личности, которую формирует странничество [1, с. 88].

Русская литературная традиция восприняла этот архетип во всей его полноте и многоёмкости. Вот лишь ряд произведений, несущих образ странника, напитанных мотивом странничества. Конечно, это два удивительных произведения древнерусской словесности – «Житие и хождения игумена Даниила из Русской земли» и «Хождение за три моря». В течение длительного времени в отечественной литературе жил и развивался жанр «роман-путешествие». Его отзвуки прослеживаются в повести А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В контексте этого явления можно рассматривать описанные А.С. Пушкиным странствия Онегина и путевые дневники Печорина, героя М.Ю. Лермонтова.

Для русской литературы первой половины XIX века был характерен образ сломленного странника, убегающего на Кавказ, к цыганам, черкесам, казакам для удовлетворения жажды действий, которая, как мы уже заметили, показательна для сознания всего русского народа. Он покидает город и цивилизацию, признавая себя бесполезным существом без своего места и призвания в этом мире. Такой тип беглеца, странника, скитальца, имея множество вариантов и обликов, активно функционирует в русской литературе.

Тип героя-скитальца присущ и романам Ф.М. Достоевского «Подросток» и «Бесы», рассказу А.П. Чехова «Перекасти-поле», пьесе М. Горького «На дне».

«Мёртвые души» Н.В. Гоголя также наполнены мотивом дороги, хотя путь Чичикова относится, скорее не к странствиям, а к похождениям.

Здесь невольно вспоминаются плутовские романы XVIII века М.Д. Чулкова и В.Т. Нарезного. Русская поэзия также остро и вдумчиво обращается к образам странничества, что, безусловно, требует отдельного большого исследования. Выясняется, что типы странников в русской литературе различны, из них мы можем выделить два основных: странник-духовный скиталец и странник-авантюрист, герой-плут.

Думается, особенно важно сосредоточить наше внимание на духовных скитальцах Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и Л.Н. Толстого. Находясь постоянно в пути, подобно Онегину, Печорину, Чичикову, эти типы скитальцев, однако, преследуют иные цели. Помимо топографической перемены места, они претерпевают изменения и нравственные, становясь лучше, одухотворённые.

Именно этот тип странника наиболее полно воплощает феномен странничества в русской культуре и сопряжён с удивительным явлением: странник отражает культуру, словно «отзеркаливает» её, и одновременно находится как бы вне её, вне места и социума данной культуры. Странник – человек, находящийся «не на своем месте», не имеющий метки общества. Он существует вне нормативных установок и отторгается социумом. Именно благодаря этим факторам странничество позволяет познать внутреннее бытие культуры с разных ракурсов и в то же время остается предметом философского исследования.

Понятие «странничество» имеет древние корни. Есть мнение, что семантика этого слова происходит от праславянского *stoma* («простор», «простирает», «распространять») и применимо к людям, путешествующим по чужим землям [8, с. 121].

В.И. Даль толкует это понятие с трёх разных позиций: 1) как старославянское «странствовати», что означало страдать, болеть; 2) как производное от «странничать» - то есть «быть странным», чудить и этим отличаться от других людей; 3) как определение постороннего человека, стороннего, то есть неместного [2, с. 344].

Все перечисленные смысловые оттенки понимания явления странничества ещё можно было наблюдать в языковом сознании XIX века, однако уже к XX веку в русском языке это понятие начали связывать преимущественно с формой религиозного подвижничества. Само слово стало подразумевать странствующего богомольца [6, с. 772].

Для образа странничества, бытующего в русской культуре, не характерно яркое разнообразие факторов, какое мы наблюдаем, например, в культуре и литературе западной, однако именно это делает его более значимым: он не делится на множество форм, становится явлением целостным.

Причём, духовное странничество – явление, по всей видимости, особенное, исключительное, определяющее сознание, характер и менталитет человека русского, причастного к православной вере. Так, например, Н. А. Бердяев в «Русской идее» анализирует духовное

странничество как специфику русской культуры [1]. Думается, в таком понимании этого явления прослеживается ещё византийская традиция, идущая от Преподобного Иоанна Лествичника, когда странничество через избегание всяческих привязанностей становится путём к Богу, помогает и мысль свою не разлучной с Богом [7, с. 85-87]. Он писал: «Странничество есть невозвратное оставление всего, что сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть неведомая премудрость, необнаружимый помысел, путь к Божественному вождению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчание глубины. Странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом... Велик и достохвален сей подвиг» [4, с. 29].

Есть ещё один важный аспект в понимании данного феномена. В сознании народа странничество всегда идет в связке с юродством и является одним из наивысших состояний духа христианина, который достиг совершенства, отрекшись от искушений и соблазнов.

К середине XIX века явление странничества преодолело каноничность религиозных границ и стало пониматься в целом как путь духовного поиска и обновления. К началу XX века вопрос, касающийся изначальных аспектов духовной жизни и странничества как, прежде всего, духовного поиска, становится объектом философских размышлений и активно разрабатывается в трудах В. С. Соловьева, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, К.Н. Леонтьева, С. Н. Трубецкого, С. Булгакова, П. Флоренского.

Что касается особенностей русской литературы второй половины XIX века и конца этого столетия, то надо отметить, что писатели часто задаются вопросом о лишении мироздания Бога, а, соответственно, и идеала, в результате чего структура людского миропонимания исказится и пошатнётся. Человек становится пристанищем бесов, когда Бог покидает его и он сам от Него отрекается. Об этом и задумываются герои Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и Л.Н. Толстого, испытывая невыносимый страх при мысли об абсолютной свободе, анархии и вседозволенности, о потере миром своего хозяина в лице Бога. По их мнению, нравственность не способна существовать без религиозной почвы, из которой она произрастает. Достоевский размышляет над тем, что, если небо окажется пустым, люди осознают свою богооставленность, окажутся подавлены одиночеством, душевной пустотой. До этого момента все ценности сводились к Христу, но, если мы удалим Его из Вселенной, то «что мы поставим вместо Него, неужели себя, тогда как мы так гадки?» [3, с. 234].

Писатели разрабатывают и описывают поэтапную систему познания истины, которая непременно сопровождается заблуждениями и приходом к иной правде, что придает странствиям скитальца характер покаяния. Таким образом, человек считается не заблудшей душой, а искателем духовного прозрения. Чтобы обрести мир и покой в душе, грешник должен был пережить страдания и лишения, преодолеть хождение по мукам, из

которого и состоит путь скитальца, воссоздающего в себе путь Божий, искоренить внутри себя преграды, в которых заключена низшая, чувственная природа человека, и позволить природе духовной воскреснуть, а разуму достичь просветления. Путь духовного странника проложен к Небесному просветлению, и этим он отличается от бездомного бродяги и плута, шатающегося по миру.

Одними из самых характерных типажей странников в русской литературе стали персонажи художественно-философских произведений Н. С. Лескова («Очарованный странник») и Л. Н. Толстого («Отец Сергей»).

Образам писателя присуща феноменальная амбивалентность: праведность оборачивается стремлением к греху. Если взглянуть поверхностно, то Флягин большой грешник. Вспоминаются слова Н.А Бердяева: «Россия грешна, но в грехе своем она остается святой страной – страной святых, живущей идеалами святости... русский народ хочет не столько святости, сколько преклонения и благоговения перед святостью» [1, с. 59]. Изображая своего героя, Лесков намеренно наделяет его чертами, характерными для типичного образа странника, укоренившегося в сознании людей, и добивается тем самым того, что в нашем восприятии он оказывается неразрывно связан с народом и русской культурой в целом.

От классического образа странника Иван Флягин отличается тем, что обязан странствовать, так как когда-то был обещан родителями Богу. Герой ведет бродячую жизнь не по собственной воле, а по прихоти судьбы, высших сил, которые вынуждают его преодолевать испытания и злоключения. На основании этого мы считаем Флягина не просто странником, а именно странником-скитальцем: «Если странничество – добровольный выбор, то скитальчество – злая судьба» [9, с. 402]. Имея шанс в юном возрасте пойти в монастырь, как ему и говорил мертвый монах во сне, и посвятить свою жизнь служению Богу, Флягин отказывается и избирает другой путь, который после долгих лет скитаний, мучений, плена и приключений все равно приводит героя к тому, что изначально было для него предопределено. Сила личности Флягина – явление стихийное, часто вступающее в противоречия с требованиями самой жизни. Его путь странника – это поиск гармонии между двумя этими силами. Каким образом Бог проявляется в человеке и где находится Царство Божье – необъяснимые для героя вопросы, но он чувствует сердцем их существование и власть над земным миром.

Л.Н. Толстой в повести «Отец Сергей» продолжает важнейшую для его философии тему служения Богу через служение ближним своим. Степан Касатский не отрекается от людей. Покидая социум, внутренне он готовится к возвращению, но уже укрепленным и духовно преображенным.

В своей религиозно-философской работе «Царствие Божие внутри нас...» Толстой размышляет о том, что движение к совершенству мытаря,

разбойника или блудницы оказывается гораздо важнее и глубже «неподвижной праведности фарисея». Он находится изначально на более высокой ступени, но к совершенству не продвигается [11, с. 79].

Лесков и Толстой не идеализируют своих героев. По-своему и вместе с тем удивительно схоже они изобразили тернистый путь и судьбу русского странника. Иван Флягин и Степан Касатский встали на этот путь, ведомые совершенно разными причинами и обстоятельствами, но, пройдя множество стадий скитальческой жизни и познав греховность бытия, обрели смысл жизни и Бога в лице беззаветного служения людям. По сути эти странники русской литературы совершают своеобразный подвиг поиска Божественной Истины и Бога, преодолевая свою греховность и борясь со своими страстями.

Таким образом, мы определяем странника в русской литературной и философской традиции как правдоискателя, человека, идущего своим путём, часто от греховности к нравственному совершенствованию. Русские персонажи-странники интеллектуальны, парадоксальны, непредсказуемы и сильны духом. Как очень точно отметил Ю. С. Степанов в словаре русской культуры: «Странник – вечный образ русской жизни» [9, с. 405]. Осмысление странничества как феномена в структуре нашей картины мира позволяет нам глубже понять процессы, происходящие и в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 541 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1978. 704 с.
3. Достоевский Ф. М. Письма 1834-1881 // Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 15. Л.: «Наука», 1988-1996. 449 с.
4. Иоанн Лествичник. Лествица, или Скрижали Духовные. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. 280 с.
5. Лесков Н. С. Очарованный странник // Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 385-514 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Преподобный Иоанн Лествичник. О странничестве... М.: Сретенский монастырь, 1996. 330 с.
8. Смирнова О. А. Хронотоп русской культуры и феномен странничества: отечественный опыт осмысления проблемы // ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ. 2010. № 3. 121-125 с.
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.

10. Толстой Л. Н. Отец Сергей // Полное собрание сочинений: в 22 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1982. С. 342-384.

11. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 28. М.: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1957. 590 с.

ВОПЛОЩЕНИЕ ЦИФРЫ: ГЛУБИННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ

Аннотация. В статье цифровизация представлена как появление нового “онтика”, как акт перехода существования количественной стороны объекта в ее символический, самостоятельный, производный, побочный и тусклый аналог – цифру как эпифеномен. Онтологизация цифры интерпретируется как обратный процесс перехода символического объекта “цифры” в новый объект, имеющий единственное качество – быть совокупностью исключительно количественных характеристик, что подобно гипостазированию, но не сущности, а абстракции от существования реального объекта.

Ключевые слова: цифровизация, онтологизация цифры, символические объекты, цифровая трансформация.

На основе символов происходит передача и хранение информации, и их формой становится особый символ – цифра. Цифровизация выступает как попытка материализовать, опредметить информацию, превратить ее в разнообразные частицы, взять у различных объектов их “тела” и превратить их в *подобие* информации. И этим подобием становится цифра. А весь процесс опредмечивания информации предстает как ее эманация в цифру – появление новой формы информации как модуса ее сущности, способной существовать самостоятельно. Так “цифра” получает онтологию.

Цифра – *символическое* отображение бытия *количественных* сторон феноменов мира. Цифра, как символ числа, регулирует действия человека в направлении ориентации исключительно на *количественные характеристики* объектов. Эти характеристики заменяют конкретный образ объекта на его цифровое (количественное и символическое) замещение, оставляя в объекте только то, что может быть количественно в нем измерено (вычислено). Так объект превращается в цифру. Цифра самостоятельно существует только как *абстракция* – феномен сознания. Но при определенных условиях может переходить из состояния идеального в состояние материального и начинать *собственное существование* через включение в человеческую деятельность как *символический инструмент (схема) практики*, т.е. оказывая *воздействие* на вещественно-предметный мир и на поведение человека. Этот переход цифры составляет содержание процесса ее онтологизации.

Императив цифровой трансформации

Процесс онтологизации цифры прошел несколько исторических *этапов*: создание проекта опытного прототипа человека-машины (Ламетри); разработка концепции общества как машины и вычисляющей

машины; создание ЭВМ – основной этап оцифровки машины; возникновение технологий технобиохакинга и киборгизации, положивших начало версии человека оцифрованного; оцифровка социума; цифровая трансформация социальных отношений и человеческого поведения; замещение человека искусственным интеллектом. В итоге происходило постепенное приближение к созданию машины для вычислений и в итоге оцифровка самой машины.

Онтологизация цифры как ее *объективация в предметах и процедурах* прошла длительный путь, воплощаясь в математических объектах и алгоритмах. Математические объекты – это числа, геометрические фигуры, матрицы, машина Тьюринга. Алгоритм – точно определенный метод вычисления. Тьюринг доказал, что некоторые задачи не решаемы никаким компьютером – у них есть решения, но невозможен алгоритм, который всегда бы находил ответ [1, с. 55]. Для этих решений нужен не алгоритм, а “хитрость человеческого разума”, порождающего мир все более сложных комбинаций чисел и сам же ставя себе задачи их решения. Это означает, что числа и их символические воплощения как создания человеческого разума – способного проникать в любые количественные характеристики объектов и их вскрывать, лишь одному этому разуму и подчиняются в своих безграничных сложностях, воплощаясь в создаваемых человеком умных машинах с искусственным интеллектом (ИИ). Эти машины для рациональных рассуждений совершенствовались в течение нескольких веков: в XI в. Раймунд Луллий создал колесо для логических комбинаций суждений; Блез Паскаль в XVII в. первым создал действующий механический калькулятор; в XIX в. Чарльз Бэббидж разработал аналитическую машину – ему помогала Ада Лавлейс, которая описала ее как думающую или логическую машину. Затем Тьюринг создал универсальную вычислительную машину. Позднее были разработаны методы рассуждений в условиях неопределенности, основанных на теории вероятности Джудом Перлом. Стюарт Рассел отмечает, что центральным понятием современного ИИ является “интеллектуальный агент” – нечто способное воспринимать и действовать. Агент – это процесс, протекающий во времени – поток воспринимаемых входных сигналов преобразуемых в поток действий [1, с. 58-61].

Сегодня становится очевидной тенденция трансформации социума в единый социальный организм. По мнению Е.Ю.Журавлевой, цифровизация, как массовая “софтверизация”, порождает общество 5.0. В нем важную роль играют такие технологии, как Интернет вещей, ИИ, киберфизические системы, виртуальная и дополненная реальность, аналитика больших данных. Софтверизация связана с тремя технологическими макротрендами: сенсоризацией, дигитализацией и даннофикацией. Рост сенсорных технологий превращает мир в единую программируемую систему. Софтверизация является основой

даннофикации – преобразования социальных действий в онлайн-количественные данные с возможностью их отслеживания [2, с. 114].

Роль источника информации фактически переходит к поисковым алгоритмам, выступающим в роли квазиличностей, с которыми человек взаимодействует. Это свидетельствует о том, что в настоящее время мы наблюдаем изменения в наборе факторов, формирующих поведение человека. Возникает сообщество новых дилетантов. Это формируемая развитием информационных технологий самоидентификация человека как субъекта, способного принимать решения и действовать на основе иллюзии непосредственного взаимодействия с глобальной средой данных посредством предлагаемых ему поисковых алгоритмов. Иллюзорность обусловлена наличием у этих технологий скрытого автора [3, с. 210-211].

Сегодня к социальным преобразованиям предъявлен *императив цифровой трансформации*: в экономике, медицине, территориальном развитии, образовании и проч. [4, с. 35]. Цифровые технологии уже изменили режимы взаимодействия личности с личностью, семьей, ближним кругом общения, с корпорациями и государством. А также поменяли отношения личности и глобального субъекта как господствующего класса. Эти технологии меняют масштаб социального действия, социального пространства и времени. Не удивительно, что в представлениях людей цифровые технологии наделяются некоторой субъектностью [4, с. 36].

Попытка цифры охватывать безграничное количество данных воплотилась в технологии машинного обучения. Для него важен доступ к данным: чем больше у него примеров, тем опытнее он становится. М.Сотой так описывает этот процесс. Машинное обучение представляет собой форму цифровой эволюции. Программисты разрабатывают метаалгоритм, который создает новые алгоритмы – состоящие из слоев вопросов и ответов – нейронных сетей, подобных сетям нейронов человеческого мозга [5, с. 89]. Машинное обучение основано на повторном взвешивании входящих сигналов в случае получения неверного значения, это обучение на основе новых алгоритмов, при котором происходит переход от детерминистических алгоритмов к вероятностным. Это похоже на переход от математического мышления к инженерному. При этом алгоритм создает сам себя снизу-вверх в процессе взаимодействия с новыми данными. В этом взаимодействии он находит набор вопросов, наиболее эффективно приводящих к ответу [5, с. 93-95]. Восходящая стратегия позволяет алгоритму создавать свое собственное дерево решений, исходя из тренировочных данных. Сегодня алгоритмы обладают способностями, которых нет у человека: они могут оценивать огромные массивы данных и разбираться в них [5, с. 117].

Анализируя каким образом бытие современного человека сплетено с технологиями и вещами, Л.В. Баева раскрывает механизм и последствия проникновения цифровых технологий в когнитивные структуры и этико-

нормативную сферу человека. Автор согласна, что цифровой мир дает человеку сверхвозможности, позволяет преодолеть границы того пространства и той замкнутой телесности, которыми он обладал всегда. Более того, теперь технологические инновации создают реальную основу для изменения не только мира культуры, но и биологической составляющей самого человека, его природы. “Это касается как когнитивной сферы, так и коммуникации с другими, ценностных ориентаций и этико-нормативного сознания, затрагивает весь жизненный мир современного человека” [6, с. 28]. Современный цифровой мир дает множество возможностей для различных экзистенциальных проекций. Электронная культура во множестве своих проявлений представляет человеку открытость для выхода в мир знаков, симуляций, виртуальных объектов и цифровых аналогов другого. Однако последствия взаимодействия с информацией и оперирование знаками справедливо оцениваются Л.В.Баевой как не имманентные процессам понимания и осмысления. Виртуальные копии и цифровые безаналоговые симулякры заполняют восприятие индивида, который все меньше сосредоточивается и концентрируется на чем-то одном. “Происходит самоблокировка индивида под воздействием информационной перегрузки, он изолируется от мира, переходит к эскапизму, сопровождаемой аутизмом. Цифровое бытие меняет пространственность и телесность человеческой экзистенции” [6, с. 29].

Прямым порождением новейшей версии перестройки человеческой телесности с помощью цифровых технологий стало движение “Самоквантификация” (Quatified Self-movement). Его сторонники применяют технологии для сбора и анализа данных о своей повседневной жизни. Используются механистические принципы квантификации, рассматривающие человека как набор фактов и статистических данных, которые могут быть обработаны, интерпретированы и из которых будут сгенерированы дополнительные данные, словно человеческая жизнь – это цикл обратной связи входящих и исходящих данных. Это одна из форм практического трансгуманизма [7, с. 155-156]. Движение “Квантификация себя” встроено в кибернетическое мировоззрение. В кибернетике все рассматривается как технологии. Животные, растения и компьютеры выполняют одни и те же действия и являются одним и тем же [7, с. 160]. Сравнение организмов с механизмами имеет глубокие исторические корни. М.О’Коннелл отмечает, что “технодуалистическое представление о самих себе как о программном обеспечении, работающем на оборудовании наших тел, выросло из древнейшей человеческой склонности отождествлять себя с самыми передовыми машинами” (7, с.75). Теперь существует представление человеческого разума в виде устройства хранения и обработки данных, подобного нейронному коду, который работает на разветвленной сети центральной нервной системы. “Когда информация теряет свое тело, - пишет Н. Кэтрин Хейлз, - становится

особенно легко отождествлять людей и компьютеры, поскольку выбор материальной формы для мыслящего разума кажется случайным” [Цит. по: 7, с. 76].

Вычислительные машины в последние десятилетия стремительно приближались к телам и уже достигли низших уровней интеллектуального субстрата. Вычисления воплотились в новых машинах, а цифры стали основой сборки новой реальности. Онтологизация цифры происходит через машинность, а техника становится контактной зоной между идеями и материей [8, с. 94]. Теперь уже и живой и мыслящей материей. Поэтому уместно ввести новое определение машин и машинности – это способ думать операциями. Машина с цифровыми технологиями искусственного интеллекта стала технологией производства реальности. Операции как новое понимание технологии позволяют создавать новые объекты и миры эмпирической реальности [8, с. 95]. Технологичным становится когнитивный процесс. Тело больше не мыслится как объект, но как множество микротехнологий телесности. Реальность теперь производится на уровне микроанализа операций различных типов [8, с. 96-97]. Из проекта постгуманизм уже становится частью современной повседневности [9].

Созданы инструменты, основанные на цифровых технологиях. Последствия оцифровки подробно представлены в книге Г.Леонгарда “Технологии против человека”. В его исследовании социум предстает как полностью трансформируемый процессом цифровизации. Можно не соглашаться с автором о степени распространения цифровых трансформаций, но обнаруженные им явления достаточно аргументировано интерпретированы как ведущие тренды социальных и антропологических трансформаций, которые можно объединить единым символом – “цифровая трансформация человечества”. Г. Леонгард приводит массу убедительных свидетельств того, что жизнь переходит в цифровой формат. Явления с помощью цифрового формата переводятся в медиаформат и датафикацию информации. Живая коммуникация между людьми превращается в часть медиа [10, с. 82-83]. В результате тотальной датафикации 1) создается машинное облачное хранилище жизни людей; 2) все события жизни людей размещаются в социальных сетях, что делает людей более похожими на машины; 3) общение на родном или иностранном языке происходит с помощью посредника – медиаустройства или электронного переводчика [10, с. 85]. Вещи постоянно наделяются и пополняются интеллектом. ИИ интеллектуализуется через глубокое обучение, перехватывая инициативу и уникальность у человеческого интеллекта. Виртуализация представляет собой создание нематериальной цифровой версии чего угодно вместо его материальной копии [10, с. 93]. Цифровые технологии распространились не только в вещах – устройствах, гаджетах, сервисах и связи, они все больше внедряются в самих людей, в их тела, сознание и человечность. Цифры заставляют людей реагировать

физически, подвергая эмоциональным и интеллектуальным манипуляциям со стороны алгоритмов [10, с. 142]. Происходит замещение человека “умными помощниками” (цифровыми ассистентами и двойниками), которые стремятся знать о нас все; они контактируют с миллионами других помощников для создания глобального облачного мозга и подключения к нему каждого индивида. В итоге каждый индивид оказывается сразу в разных местах коммуникативного пространства, впадая в состояние диджифрения [10, с. 151]. Дуглас Рашкофф пишет: “Диджифрения – это попытка существования одновременно в нескольких местах. У нас есть *Twitter*, *Faxebook*, почтовый ящик. В этих мини-инстанциях мы действуем одновременно и параллельно. И для большинства людей это не очень удобная позиция” [11]. Диджифрения – это процесс человеческой деквалификации, сопровождаемый все возрастающим желанием находиться в разных местах одновременно. Цифровые технологии, уже не могут рассматриваться только как инструменты. Они становятся необходимыми условиями существования людей уже в другом качестве – не полностью человеческом [10, с. 155]. ”Сначала мы создаем инструменты, затем инструменты создают нас”, заметил Маршал Маклюэн [12]. Общение через машину и экран – это путь к дегуманизации. Прогноз, который делает Г.Леонгард: вероятно, устройства с ИИ будут вырабатывать алгоритмы, в которых воплотят свои собственные ценности и цели. И это будут цели и ценности не социума людей, а социума техносубъектов – техносоциума [10, с. 238].

Воплощение цифры

В процессе воплощения цифры в социальную реальность – онтологизации цифры – образуется, по терминологии В.И.Дудиной, “цифровое тело” – все траектории, которые остаются, как следы использования мобильных телефонов, пользования GPS-навигаторов и т.п. [13, с. 229]. Цифровые данные динамичны, они отражают социальную реальность в реальном времени, и содержат информацию о том, что люди делают реально, а не о том, что они думают по поводу того, что делают. В методах извлечения данных, по мнению В.И.Дудиной, человеческая интерпретирующая способность заменяется математическими методами и алгоритмами, позволяющими находить паттерны путем переработки множества различных комбинаций [13, с. 230-231].

Цифровизация протекает как перевод любых данных через комбинацию простейшего набора символов – цифр в значения – в хранилища информации. Причем данные не лишены материальной сущности, поскольку их сбор зависит от мощной инфраструктуры. Переход к цифровой коммуникации сделал регистрацию данных чрезвычайно простой. Открылись огромные новые массивы потенциальных данных, и выросли новые отрасли, занятые их извлечением

и использованием. Н.Срничек подчеркивает, что принципиально новым стал сам тот объем данных, которые теперь можно использовать [14, с. 39]. Он приходит к выводу: данные стали выполнять целый ряд ключевых капиталистических функций: они учат алгоритмы правильной работе и обеспечивают их конкурентное преимущество; позволяют координировать труд работников и нанимать внешних подрядчиков в режиме аутсорсинга; помогают оптимизировать производственные процессы и делать их более гибкими; сам по себе анализ данных порождает новые данные. В процессе развертывания инфраструктуры цифровой экономики были созданы “платформы” – цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать [14, с. 40-41]. Благодаря технологиям платформ данные становятся зарегистрированной сущностью, т.е. замеченной путем извлечения символического (мысленного) содержания. Сами данные генетически (по источнику) материальны, поскольку выражают свойства реальных объектов, а по содержанию являются закодированными символами ментальных сущностей – смыслов и значений. При этом смыслы знаков остаются только феноменами сознания и не существуют вне сознания конкретных индивидов.

Цифровые платформы способствуют тому, что население принудительно вовлекается в жесткие алгоритмы инфотехнического взаимодействия, где регламент установлен не самими людьми. Цифровые технологии стимулируют установление либерально-олигархической системы управления. В социальной структуре появились предпосылки элитарно-информационного и корпоративного отчуждения человека от процессов управления на локальном и более высоком уровне. Зародился класс “креативных технократов”, манипулирующий знанием и информацией. Возник феномен “электронной бюрократии” [15, с. 77]. Как заметил О.Н. Яницкий, “современные технологии...все чаще заменяют человеческий опыт и знания “дигитальным знанием”, когда нет необходимости думать в привычном для нас смысле слова, необходимо лишь действовать по заранее созданным алгоритмам. То есть в соответствии с ситуацией надо нажимать те или иные кнопки. Это – новая, “дигитальная эпоха”, в которой развертывается новая форма отчуждения индивида и группы от глобальной машины, производящей нужные властисобственности алгоритмы их поведения” [16, с. 13].

Воплощенная цифра предписывает следовать правилам. Эти правила теперь тотально представлены в базах данных, постоянно сопровождающих индивида. Следование правилу – “цифровой ДНК” – становится единственным способом и целью существования человека. “Даже неформализуемый мир ценностных состояний сознания, - отмечает Павел Барышников, - представляется через списки и реляционные таблицы, что “органично” помещает личную область сакрального в технологическую социальную архитектуру [17, с. 50] ... автоматизируются не только процедуры социальных актов, но и актов духовных.

Автономным интерфейсом ввода (вещью), способным мотивированно расставить маркеры напротив списка, становится сам человек” [17, с. 51].

На основе *онтологизации цифры* происходит эманация символического в физическое: свойства цифры становятся свойствами технологий медиа коммуникаций. В данном случае “физическое” означает перестройку оборудования и человеческого поведения. Глобальная паутина нового образца (Web 3.0) характеризуется взаимодействием Интернета с физическим миром. Возник новый вид взаимодействия – Phygital-взаимодействие как объединение двух реальностей – физической (Physics) и цифровой (Digital). Ее особенности: нелинейность, возможность передавать объемную многоплановую информацию, доступную в любое время и в любом месте, как для восприятия, так и для дальнейшей передачи через посты, сторис, прямые трансляции. Physics – это система взаимодействия, когда цифровое пространство проникает в физическое и интегрируется с человеком [18, с. 35]. Этот новый мир характеризуется изменчивостью, нестабильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью (VUCA) [18, с. 39].

Цифра как шаблон вторглась в социальную реальность. Воплощением этого шаблона становится трансформация социальных качеств человека и становление цифроподобных качеств. В результате поражения цифровизацией деградирует мышление и ряд деятельностных способностей человека. Появляются отчуждение, вседозволенность и безнаказанность как ответ чувству возрастающего одиночества вследствие погружения в виртуальную среду и коммуницирования исключительно с удаленными и часто безличными собеседниками. Это и структурные изменения мозга, и снижение физической активности, возникает цифровая деменция, формируется ложное представление о способности к многозадачности ввиду доступа к огромному количеству каналов информации. Дискурс приобретает центробежный характер. Коммуникация перестает быть взаимодействием между людьми теряется способность слушать и слышать Другого. Усиливается эскапизм как стремление избегать конфликтов. Происходит формирование шаблонного “формульного” общения, когда теряется смысл в выстраивании диалога с виртуальным собеседником, поскольку цифровое устройство предлагает готовый шаблон [19, с. 46-47].

Можно сделать вывод, что уже сейчас обнаружился ряд очевидных следствий цифровизации общества в целом.

1) Тотальная оцифровка ведет к превращению общества в единый организм, а индивидов – в его клетки благодаря внедрению технологий цифрового реестра населения. В целом превращение человека в элемент массы формирует цифровую биомассу человекоподобных (пока еще) примитивов-исполнителей и потребителей. И гораздо раньше, чем наступит время транс-человека, уже повсеместно можно наблюдать

появление постчеловека в лице социальных меньшинств био-техно-хакеров.

2) Антропоморфизация машины ведет к появлению техносубъектов различных видов – устройств с искусственным интеллектом, ботов и роботов. Все более антропоморфными становятся и боты.

3) Техноморфизация людей означает переход к виду *Homo sapiens 2.0.* – хомо-цифровому (*Homo digitalis*) как цифровому гибриду. И все это происходит как управляемая эволюция, целенаправленный переход к биотехническому гибриду и гибриднему социуму._

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассел С. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект. М., 2021. 438 с.

2. Журавлева Е.Ю. Софтверизация общества: истоки и перспективы // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 109-117.

3. Пятов М.Л., Рогожникова В.Н. Современный дилетантизм // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 202-213.

4. Щербина А.В. Технократическая вера или гражданское общество: размышления о типологических понятиях социологии // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 34-47.

5. Сотой М. Код креативности: Как искусственный интеллект учится писать, рисовать и думать. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.

6. Баева Л.В. Теория экзистенциалов М.Хайдеггера и М.Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 24-33.

7. О'Коннел, Марк. Искусственный интеллект и будущее человечества / Марк О'Коннел; [перевод с английского М.Кудряшова]. – Москва: Эксмо, 2019. 272 с.

8. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под редакцией В.В.Савчука. - СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 498 с.

9.Криман А.И. Постгуманистический поворот к пост(не)человеческому // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 57-67.

10. Леонгард, Герд. Технологии против человека / Герд Леонгард; пер. с англ. А.О.Юркова, М.Ю.Килина, Т.Ю.Глазкова; предисл. М.Федорова. – Москва: Издательство АСТ, 2018. 320 с.

11. Rushkoff, D. Present Shock: When Everything Happens Now. Current, 2013.

12. McLuhan, M. Quote by Marshall McLuhan: “First we build the tools, then they build us”. 2016. Retrieved 7 July, 2016, from <http://www.goodreads.com/quotes/484955-first-we-build-the-tools-then-they-build-us>.

13. Дудина В.И. Социологическое знание в эпоху “больших данных”

// Информация – Коммуникация – Общество (ИКО-2016): Труды XIII Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 21-22 января 2016 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2016. 412 с.

14. Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2019. 128 с.

15. Тихонов А.В., Богданов В.С. От “умного регулирования” к “умному управлению”: социальная проблема цифровизации обратной связи // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

16. Яницкий О.Н. Глобализация и гибридизация: к новому социальному порядку // Социологические исследования, 2019, № 8. С. 8-18.

17. Павел Барышников. Морфология технологической сказки: Интернет вещей и социальные дистанции // Социология власти. Том 27. № 1 (2015). С. 37-54.

18. Мамина Р.И., Толстикова И.И. Поколенческая проблематика в цифровую эпоху: философская проекция // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 6. С. 29-41.

19. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 41-53.

Р.Ж. Идрисов

**РЕЛИГИОЗНОЕ И СВЕТСКОЕ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО
ЛИДЕРСТВА В ДАГЕСТАНЕ**

Аннотация: В статье исследуется особенность проявления религиозного лидерства в республике Дагестан. Вместе с усилением исламского фактора в жизни людей, все более важную роль и влияние приобретают религиозные лидеры. Религиозные лидеры продвигают стратегию религиозного развития региона, проводят просветительскую работу с населением. В настоящее время сложилось несколько направлений формирования религиозной повестки в регионе, оказывающих влияние на формирование и трансляцию религиозных ценностей.

Ключевые слова: Дагестан, религия, Северный Кавказ, лидерство, ислам радикализм

Исламские регионы в последние десятилетия столкнулись со стремительным усилением исламского фактора в жизни людей. Все более важную роль и влияние в обществе приобретают религиозные лидеры.

Религиозное лидерство и возможности влияния религиозных деятелей на население региона и жителей республик для сих пор остается достаточно слабо изученным.

В изучение вопроса религиозного лидерства внесли свой вклад такие ученые как В. Бобровников, много сделавший на пути изучения ислама в Дагестане.

Вопрос разделения религиозных лидеров на традиционных и нетрадиционных исследовал ученый из Чеченской Республики В. Акаев. Он проводил анализ всего северокавказского региона, но в том числе он так же рассматривал и ситуацию в Дагестане.

Проблемы политизации религиозных организаций в регионе Северного Кавказа в контексте радикальных и экстремистских проявлений исследовали Э. Кисриев, А. Малащенко, И. Добаев и др.

Наиболее широкие эмпирические исследования религиозного вопроса и иных проблем, связанных с регионом Северного Кавказа, проводит на протяжении многих лет «Центр исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие»», который в том числе, посвятил целые серии качественных и количественных исследований проблеме изучения религии и ислама, противодействия радикализму и выработке рекомендаций по дерадикализации.

Так, одним из перспективных направлений центра является «Радикализация и де-радикализация» [11].

Согласно результатам социологического исследования, которое провел «Центр исследования глобальных вопросов современности и

региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие»», 81,2% региона отметили первостепенность религиозных ценностей. Данный результат говорит о том, что религия действительно играет важную роль в обществе, и религиозные деятели могут действительно иметь большое влияние на население [8, с. 74-83].

Религиозные организации транслируют религиозные ценности, которые преломляют под местную специфику, современные нужды, собственные интересы и стратегии [6].

По мнению В. Акаева, в нашей стране было несколько этапов в развитии религиозного лидерства, на современном этапе религиозное духовенство сыграло важную роль в борьбе с ваххабизмом [3, с. 89-102].

Несмотря на то, что религиозное лидерство и авторитет религиозных деятелей в светском обществе носят ценностный характер и ограничены сферой духовной жизни людей, неоднократно осуществлялись попытки влияния и на сферу политическую [4], [6], [3], [1], [5], [9].

В республике, после распада Советского Союза активно создавались политические партии.

Ряд политических лидеров, действовали под религиозными лозунгами и апеллировали к религиозным вопросам.

Более того, осуществлялись попытки захвата политической власти религиозными группами.

Данные события заставили власть пересмотреть свое отношение к участию религиозных групп в политике.

На протяжении длительного периода, после попыток силовым путем прийти во власть, влияние религиозных групп, организаций и лидеров проявлялось более латентно.

Трагические события в республике были связаны и с попыткой создания территорий под шариатским управлением на территории Республики Дагестан, и впоследствии в Чеченской Республике.

Политизацией отличались и радикальные группы (лидеры ваххабизма, создававшие политические партии и пытавшиеся после прекращения функционирования Советского Союза создать Халифат на территории региона), так и представители официального ислама [3].

В настоящее время религиозными лидерами, авторитетными для населения являются несколько наиболее ярких религиозных деятелей.

Наиболее влиятельными является муфтий республики. Число его мюридов значительно. Для мюридов его мнение и его авторитет непререкаем. Муфтият обладает организованной структурой и большими возможностями воздействия на группы приверженцев (мюридов).

На местном уровне авторитетны национальные, районные, сельские, шейхи, устазы и имамы.

Среди молодежи часто пользуются популярностью активные в социальных сетях и оппозиционные официальному духовенству религиозные деятели.

Итак, влияние на духовную жизнь людей оказывают разные религиозные деятели. Они же зачастую формируют взгляды населения. Религиозные лидеры, зачастую высказываясь о разных аспектах жизни общества, продвигают практики, нормы [7], [2], обычаи, выносят «фетвы», реагируют и отвечают на бытовые вопросы.

Таким образом, сфера влияния религиозных организаций и религиозных лидеров в республиках Северного Кавказа (и особенно в Республике Дагестан, в которой на настоящий момент сохранилась цепочка «живых» шейхов – религиозных авторитетов) широка и обладает мощнейшим потенциалом, так как религия и духовная сфера для многих жителей региона, несмотря на то, что они живут в светском обществе, в настоящее время является важной, и более того, определяющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bobrovnikov V. "Islamic Revival" in Dagestan: 25 years later //Islamology. – 2017. – Т. 7. – №. 1. – С. 106-121.
2. Saida V. Sirazhudinova (2019) Attitudes Toward Female Circumcision in Dagestani Society: "Not to be Mentioned!", Anthropology & Archeology of Eurasia, 58:3, 123-133, DOI: 10.1080/10611959.2019.1686907
3. Аккаев В. Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. 2014. №1. Т.17. С. 89-102.
4. Алигаджиева М. А. Роль религиозной элиты в социально-политических процессах Дагестана //Science of Krasnoyarsk / Nauka Krasnoyar'ya. – 2016. – №. 5.
5. Сиражудинова С.В. Власть и ожидания в Республике Дагестан // Власть. 2015. № 2. С. 195-201.
6. Сиражудинова С.В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2021. №1. С. 56-67. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5
7. Сиражудинова С.В. Женское обрезание в Республике Дагестан: социокультурные детерминанты и концептуальный анализ // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 48-56.
8. Сиражудинова С.В. Оценка гражданского общества глазами жителей Северного Кавказа // Социология власти. 2011. № 1. С. 74-83.
9. Сиражудинова С.В. Политико-правовые и конституционные проблемы Северного Кавказа в контексте его ментальной специфики // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 30-34.
10. Сиражудинова С.В. Религия и гражданское общество на постсоветском пространстве: политический аспект // Информационные войны. 2016. № 2 (38). С. 92-97.
11. Центр «КМР». Радикализация и дерадикализация. <http://center-kmr.ru/de-radikalizatsiya/radikalizatsiya-i-de-radikalizatsiya/>

П.Н. Киричѐк

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ УНИВЕРСУМЕ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье анализируется миграция социальных отношений в российском обществе в процессе модернизации экономики, политики, культуры. Выявляются причины снижения роли и статуса интеллигенции в общественной жизни пореформенной России. Предлагаются конкретные меры по изменению складывающейся в стране социальной конфигурации в пользу интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, общество, слой, группа, роль, статус, функция.

В социальном универсуме России в различные периоды её многосложной и противоречивой истории складывалась разная конфигурация движущих сил развития общества. По обыкновению она обуславливалась статусно-ролевым значением в повседневной жизнедеятельности социума отдельных групп и слоёв населения. В силу диалектической логики в каждый конкретно-исторический момент ведущей стратой становилась та часть населения, которая формировала основной социально-экономический профиль страны и, тем самым, определяла образ жизни большинства граждан. Сначала Россия была страной аграрной – производной от преобладавшего крестьянства, затем стала страной индустриальной – производной от превалировавшего пролетариата, наконец, превратилась она в страну постиндустриальную (информационно-технологическую) – производную от доминирующего когнитариата (производителей знаний и информации).

Таким выглядел передний план общественного бытия, а на заднем плане, за спиной у гражданского слоя – временного лидера, как правило, стоял другой, меньший реальным количеством, но больший деятельным качеством, социальный слой. Во все эпохи он представлял собой активно действующие «бродильные дрожжи» общественного развития, имеющего основным вектором материальную и духовную бесконечность всеобщего прогресса. Этот своеобразный слой состоял из набора людей интеллектуального профиля общественно-полезной деятельности, принадлежащих к слою интеллигенции, технической и гуманитарной, навечно приставленной к креативному «станку» и публичному амвону. И эта интеллигенция в России постепенно становилась живым символом, создателем, носителем и распространителем в повседневной действительности разумного, доброго, вечного начал в форме технических идей, гуманитарных правил и образцовых поступков.

В самом деле, если бы представители интеллигенции не индуцировали вечный двигатель жизни непрерывно идущими материально-техническими импульсами и духовно-нравственными

аналогами прогрессивного свойства, то вся человеческая деятельность уподобилась бы бесполезному верчению белки в колесе – без всяких шансов перейти, например, от лучины к электричеству или сменить берестяные грамоты с рукописными манускриптами на печатные книги, газеты, журналы с телепрограммами и радиопередачами. Между тем об интеллигенте и интеллигенции в русской истории наговорили много лишних и несправедливых слов. В частности, в сильно нашумевшем в начале прошлого века коллективном сборнике статей «Вехи», снова поднятом на щит в постсоветское время пришедшими к власти либералами, социальную сущность интеллигенции уничижительно называли «отщепенством». А в другой (уже именной, претендующей на уровень «пророчества») брошюре конца прошлого века под названием «Как нам обустроить Россию» социальную сущность интеллигенции презрительно окрестили «образованщиной».

Увы, даже самые остроумные упражнения нигилистического свойства не способны объяснить и, тем более, обосновать явную необъективность подобных определений по отношению к социальному слою, который называют «креатос» (творческий) в силу его тройственной роли в обществе как носителя, создателя и распространителя материальной и духовной культуры. Последняя из ничего не возникает: «Системообразующей силой является деятельность человека – существа одновременно природного и социального, творящего культуру и творимого ею» [6, с. 168]. В рамках этого фундаментального тезиса как деятельность человека, так и сам человек являются делимыми по внешнему и внутреннему признакам: творимый культурой – человек абстрактный, а творящий культуру – человек конкретный, который как раз и именуется интеллигентом.

Считается, что термин «интеллигент» в России вводится в обиход с середины XIX века, когда на арену общественной жизни выходит множество людей разных чинов, хотя кто-то из историков первым русским интеллигентом называет более раннее В.Г. Белинского, а кто-то – ещё более раннего А.И. Радищева. Как и следует новому термину, «понятие «интеллигенция» в русском языке, в русском сознании ... эволюционирует: сперва это «служба ума», потом «служба совести» и, далее, «служба воспитанности» [1, с. 9]. Наконец, в известном словаре русского языка даётся такое определение: «Интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [3, с. 46]. В сущности, это тонкий культурный слой в социуме (как гумус в почве, 15-20 сантиметров которого естественным путём создаются в течение 75-100 лет).

Как в теоретическом, так и в эмпирическом дискурсах человека-интелли-гента наделяют четырьмя имманентными чертами – это просвещённость, образованность, воспитанность, культурность. В отличие от западно-европейской русская интеллигенция, не удовлетворившись профессиональной «беловоротничковой» деятельностью, добавила к этому

набору ещё одну черту – оппозиционность. Она выражалась в заступничестве народа («маленького человека») от всех возможных рукотворных бед, главным источником которых считалась социально-экономическая несправедливость общественного устройства. Своё назначение русская интеллигенция усматривала в воздействии на существующую власть всеми доступными – легальными и нелегальными – средствами.

Главной целью своего оппозиционного поведения русская интеллигенция считала повышение уровня цивилизованности власти и последующей либерализации её намерений и действий, что, например, сказалось на характере правления: сначала Александра Второго, отменившего крепостное право, затем Николая Второго, разрешившего работу Государственной Думы, потом В.И. Ленина, осуществившего право наций на самоопределение, далее И.В. Сталина, возвратившего прежний статус религии и церкви, наконец, М.С. Горбачёва, демократически реформировавшего политическую систему страны. Одновременно интеллигенция выступала в роли просветителя низших слоёв общества (хождение в народ, культурная революция, всеобщая грамотность) и представителя его коренных интересов в официальной и публичной сферах (работа в думе и советах депутатов, выступления в прессе, на митингах и манифестациях).

Как видно, круг функций, определённый для себя русской интеллигенцией, значительно выходил за пределы «отщепенства» и «образованщины», чем занимался, по мнению вчерашних веховцев и сегодняшних либералов, маргинальный слой, подменивший профессионально-ответственный интеллектуальный труд борьбой за народное счастье. Социально-политическая минимизация роли отечественной интеллигенции в обществе имела продолжение и после свержения самодержавия и устранения буржуазной власти: в доктрине и структуре советского государственно-общественного устройства, просуществовавшего в России больше семидесяти лет, интеллигенции не давали места ни класса, ни слоя, а определили лишь «прослойкой», хотя в официальных почестях и наградах в адрес её представителей, особенно по случаю творческих юбилеев, «сверху» никоим образом не скупились.

Известная из школьного обществознания, двух-с-половинная формула социальной структуры СССР выглядела следующим образом: «рабочий класс + колхозное крестьянство + народная интеллигенция», которая постепенно формируется и обновляется путём образовательно-воспитательного процесса из отдельных небольших групп одарённых представителей основных классов общества – пролетариата и крестьянства: «Интеллигенция – социальная прослойка, состоящая из лиц, специально занимающихся умственным трудом (деятели науки и искусства, инженеры, учителя, врачи и т.п.)» [5, с. 690]. Конечно, столь узкого целеполагания было явно не достаточно для нашей евразийской

ментальности: в сложившейся в стране системе разделения труда интеллигенция, наряду с интеллектуальной работой технического и гуманитарного характера, занимается воспроизводством необходимых для самосохранения и развития общества витальных пластов материальной и духовной культуры.

Больше того, интеллигенция, особенно – творческая, всецело занятая производством и распространением продуктов духовно-практической деятельности информационно-культурного свойства, несёт в своём ядре нечто такое, без чего цивилизованное общество просто не сможет существовать, а именно: высокую деятельную истину, добро и красоту на альтруистической основе, ведь «интеллигент – это человек, думающий о людях лучше, чем они о нём» [4, с. 310]. При разрешении всех социально-конфликтных ситуаций, характерных наличием традиционных дихотомий «доброе – злое», «прекрасное – безобразное», «полезное – вредное», «моральное – аморальное», настоящий интеллигент не испытывает душевных колебаний, становясь на защиту светлых, а не тёмных концептов, даже если рискует лишиться не только куска хлеба насущного, не говоря уже о разного рода привилегиях, но и гражданской свободы.

Деятельный интеллигент-почвенник (не нытик и не хлюпик!) неустанно служит идее-правительнице (термин Е.Н. Трубецкого), от чего в стране возникают два очень важных для общественной атмосферы момента: во-первых, формируются порядок, согласие и созидание, чему служит умело организованный управленческий дискурс как «социальная коммуникативная технология взаимодействия различных социальных групп, которое пронизывает все сферы и уровни в системе отношений общества и государства» [7, с. 4]; во-вторых, рождаются духовная крепость и высокая пассионарность, помогающие русскому народу преодолевать выпадающие на его долю тяжёлые испытания: например, в Великой Отечественной войне, когда массовый настрой на победу поддерживался пронзительными лирическими артефактами, созданными творческой интеллигенцией, – патриотическими песнями «Священная война», «В землянке», «Соловьи», стихами «Василий Тёркин», «Я убит подо Ржевом», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», рассказами «Наука ненависти», «Взятие Великошумска», «Русский характер», пьесами «Нашествие», «Фронт», «Русские люди», кинофильмами «Два бойца», «Парень из нашего города», «Жди меня».

Вопрос о роли и статусе русского интеллигента в пореформенной России приобретает особую значимость в связи с возникшей у нынешней власти необходимостью поддерживать в обществе социальное равновесие между различными стратами путём оптимизации экономических, политических, культурных квот для всех слоёв населения (за исключением бомжей). Как известно, «в социальной жизни идёт постоянный процесс миграции социальных отношений из одной системы в другую» [9, с. 660], который нередко отличается противоречивым характером и требует

постоянного внимания со стороны действующей власти. В ситуации крайнего неблагополучия этот процесс понуждает властные структуры вносить в его динамику и статику необходимые социально-управленческие флуктуации, иначе складывающееся экономическое, политическое, культурное неравновесие в какой-то исторический момент может стихийным революционным взрывом полностью разрушить существующие базис и надстройку общества.

Тридцать лет спустя после начала либеральных реформ как раз и настанет такой рискованный момент: вполне определившаяся миграция социальных отношений в России происходит не в пользу ведущей страты – технической и гуманитарной интеллигенции, роль и статус которой в пореформенной общественной жизни неуклонно снижаются. На передний план в социальной структуре устойчиво продвигаются фактически слившиеся воедино олигархат (крупные бизнесмены, банкиры, владельцы холдингов) и чиновничество (управленцы высшего и среднего звена) с обслуживающим их офисным «планктоном» и охранным корпусом. Этот правящий слой безоговорочно лидирует в устроенной по капиталистическим правилам общественной жизни, причём по всем основным показателям: уровню доходов, условиям труда, представительству во власти, государственной опеке, сословному самоуважению, хотя гуманитарная наука прямо предупреждает: «Никакая группа не может стать абсолютно тоталитарной и полностью вытеснить остальные. В процессе расширения данной системы всегда наступает момент насыщения, дальше которого она идти не может, а если и попытается, то вскоре её ждёт провал» [9, с. 661].

По контрасту с новым «нерушимым блоком» олигархов и чиновников, стоящим у руля управления страной и механизма распределения её богатств, многочисленные пролетарии умственного труда (термин Д.И. Писарева), куда относятся дошкольные педагоги, школьные учителя, вузовские преподаватели, заводские инженеры, научные специалисты, культурные и социальные работники, всё очевиднее становятся изгоями общества. Все разговоры об их принадлежности к среднему классу, в том числе инициируемые верховной властью, не выдерживают никакой критики, стоит только внимательно посмотреть на индивидуальные доходы представителей массовой интеллигенции и конкретные условия их семейной жизни, которые ухудшаются с каждым годом по мере осуществления нескончаемых либеральных реформ в сферах экономики, политики, культуры.

Подобный неестественный реверс массовой интеллигенции на задворки общества дорого обходится нынешнему российскому социуму, который всё глубже погружается в регрессивный процесс деиндустриализации, декооперации и, главное, деинтеллектуализации основных сфер своей жизнедеятельности. При этом общество лишается самого перспективного витального источника, а именно: всё

возрастающего интеллектуального ресурса прогрессивного развития, сопровождаемого высокой позитивно-деятельной пассионарностью и нравственностью. Больше того, в условиях либеральных псевдореформ происходит социальное перерождение отечественной интеллигенции, утрачивающей черту оппозиционности: сейчас – «это массовая бюрократия, кадровое обеспечение подсистем воспроизводства рутинизирующегося постреволюционного тоталитарного общества. Её собственный интерес связан прежде всего с некоторым, по мере возможности, смягчением «крайностей» в отношениях между опекающей властью и подопечным населением. При этом навязчиво воспроизводящиеся попытки тех или иных интеллектуальных кругов «дистанцироваться от власти», в конечном счёте, выявляют глубочайшую связь с ней, зависимость от неё» [2, с. 5-6].

По всем социально-экономическим прогнозам и проектам ситуация с интеллигенцией в постиндустриальной России на самом деле должна быть прямо противоположной, чему объективно способствует быстро растущий уровень информатизации и интеллектуализации современной жизни. Однако объективные условия наталкиваются на субъективные препятствия: главный институт воспроизводства интеллигенции в стране – система высшего образования (и её потребности) – не удостоивается адекватного отношения со стороны государства как главного заказчика и основного плательщика, предоставляющего этой системе режим наименьшего благоприятствования. «Подаренная» либеральной властью вузам в конце XX века автономия оказалась данайским даром, поскольку в её основу заложили принцип «экономикоцентризма», уже признанного во всём мире вчерашним днём. Конкретно это означало переход государства на финансирование вузов по остаточному принципу, снижавшемуся с каждым годом, что поставило их на грань выживания.

В то время, как другие страны-лидеры не жалеют бюджетных средств на воспроизводство представителей интеллигенции – будущих собирателей и сеятелей научно-практического интеллекта в повседневной жизни, культивирующих всё лучшее по мысли и интересное по форме, либеральная власть Россия идёт другим путём: сейчас страна занимает 98 место в мире по государственным расходам на нужды образования – 4,1% от валового внутреннего продукта [8, с. 188]. По этому показателю Россия уступает даже своим соседям по СНГ – Беларуси, Украине, Латвии, Литве, Эстонии, Молдове, Кыргызстану. Бывшие союзники по соцлагерю кубинцы вкладывают сейчас в сферу образования средств в три с лишним раза больше, чем россияне [8, с. 69]. Да и в рейтинге лучших вузов мира наш лидер высшей школы – Московский государственный университет – находится сегодня на 95 месте.

Мизерный уровень финансирования и платный характер высшего образования коммерциализирует эту систему до крайности – в основном, за счёт всё большей замены бюджетных мест для студентов платными, при

этом тарифы на учёбу ежегодно растут и, тем самым, отлучают от вузовского диплома юношей и девушек из бедных и даже средних слоёв населения. Те же из них, кто всё-таки попадают в вузы, обычно учатся в кратких перерывах от работы официантами и кассирами в сервисных забегаловках, чтобы иметь деньги на оплату учёбы. Очная учёба у них фактически превращается в заочную. А их преподаватели, посаженные на унизительные зарплаты, тоже решают проблему выживания – читают лекции и ведут семинары одновременно в двух-трёх вузах, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

О качестве брошенного в стихию рынка образования, суть которого сводится на выходе к убогому в социальном значении примитиву – подготовке квалифицированных потребителей и их последователей, всерьёз говорить не приходится. Между тем уничтожение любой нации, как написано на памятной доске у входа в Стеленбосский университет (ЮАР), не требует атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана на экзаменах учащимися. Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования – это крах нации.

Риск утраты позитивной доминанты развития для нашей страны здесь, безусловно, присутствует: главный источник воспроизводства интеллигенции пребывает в кризисном состоянии, а в обществе тем временем стихийно формируется социальный заказ на образованных и деятельных людей, способных запустить оздоровительный процесс рэиндустриализации, рэкооперации, рэинтеллектуализации. Устранить эти социально-функциональные ножницы можно лишь в том случае, если государство поменяет существующий коммерчески-рациональный подход к вузовской системе на разумно-целесообразный, исключая гобсековскую финансовую скупость. Без такого поворота власти лицом к научно-образовательному сектору (и вообще к роли и статусу интеллигенции) невозможно будет достигнуть многократно декларированной цели – всестороннего улучшения жизни большинства граждан страны, а также поддерживать в повседневной её жизни социальное равновесие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999. – С. 5-14. – 423 с.
2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 304 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. –

М.: Русский язык, 1978. – Т. 2. – 779 с.

4. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 1056 с.

5. Интеллигенция / Энциклопедический словарь. В 3 т. – М.: Бол. Сов. энцикл., 1954. – Т. 1. – 720 с.

6. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. – Л.: Изд-во Ленигр. гос. ун-та, 1991. – 383 с.

7. Киселёв А.Г., Шилина С.А. Управленческий дискурс как социальная технология в системе отношений государства и социума. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 120 с.

8. Мир в цифрах – 2013. – М.: Олимп – Бизнес, 2013. – 272 с.

9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос о новых вызовах для отечественного образовательного пространства, связанных с глобальной цифровизацией; рассматривается научный этап перехода к открытой науке и открытому доступу к результатам научных исследований, который позволяет увеличить виртуальную мобильность студентов, а ученым и преподавателям конкурировать в рамках единого мирового образовательного пространства.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, образовательное пространство, технология, интернет-пространство.

Цифровизация образования открывает новые перспективы для любой профессиональной сферы, поскольку дает возможность расширять контекст деятельности, организовывать международное сотрудничество, создавать виртуальные группы и сообщества, форумы и чаты, обеспечивать доступ к материалам различных форматов – текстов, мультимедиа, телевидения, подкастов, общаться с носителями языка через интернет-системы и тому подобное. В этом контексте высшие учебные заведения несут ответственность за превращение своих студентов в активных «цифровых граждан», что требует обновления содержания образовательных программ, повышения профессионального уровня преподавателей. Поскольку цифровизация признана глобальной тенденцией современности, которая способствует стремительному развитию инноваций и технологий, этот аспект существенно ускоряет развитие каждой отрасли и экономики, и в целом зависит от человеческого капитала [1].

В настоящее время термин «цифровизация» используется в основном для описания различных социотехнических явлений или процессов «адаптации соответствующих технологий в более широком индивидуальном, институциональном и глобальном социальных контекстах» [6, С. 301]. Цифровизация также рассматривается, как технология для обновления, упрощения или совершенствования задач и продуктов, на которую влияют внешние (международные инициативы) и внутренние (инициативы отдельных работников или группы работников) факторы [7].

В сфере образования и науки процесс цифровизации имеет разностороннее применение: от организационного обеспечения и технологической инфраструктуры до педагогических подходов. С одной стороны, цифровые сервисы упрощают размещать научную и методическую информацию, принимать управленческие решения, усиливают системы защиты персональных данных и авторских прав,

позволяющих в автоматизированном режиме выявлять плагиат, предоставляют доступ к библиотечным сервисам и другим образовательным ресурсам. Они становятся важными в реализации виртуальных экспериментов и моделировании различных процессов, помогают хранить и обрабатывать большое количество данных. С другой - цифровизация требует развития соответствующих компетенций академического персонала.

Однако, как отмечают многие ученые и преподаватели, на сегодняшний день, цифровизация отечественного образовательного пространства характеризуется незавершенностью организационной инфраструктуры и отсутствием единого информационного пространства, которое бы обеспечило эффективный доступ к национальным информационным ресурсам научно-технической информации и взаимодействие с мировым образовательным пространством [3]. Эти аспекты являются существенным ограничением для ученых в направлении реализации цифровых технологий. С целью преодоления приведенных противоречий научным сообществом и управленческим аппаратом министерств и правительства определен оптимальный обмен и трансфер научных знаний и приняты приоритетными открытая наука и цифровые инновации. При такой приоритезации разработаны меры, предполагающие создание инфраструктуры открытого доступа к научным публикациям, участие в формировании Европейского Облака открытой науки, цифровизации всех отраслей, включая науку [2]. Реализация указанных стратегических шагов позволит укрепить научную цифровую базу, и будет способствовать развитию национальной исследовательской системы.

Одним из лидеров «открытой науки» является технологичная компания Google Scholar, которая непосредственно участвует в разработке широкого спектра цифровых технологий от операционных систем до создания искусственных нейросетей. В отличие от закрытых платных конкурентов принцип работы этого открытого сервиса заключается в регулярном мониторинге интернет-пространства, наличие упоминаний и гиперссылок на научные статьи, монографии и тому подобное, их индексация и анализ. Сложная система отбора профессиональных периодических изданий, длительный сбор статистических данных претендентов на включение в основную базу, совершенная экспертиза и постоянный анализ дальнейшей публикационной активности поддерживают высокий профессиональный уровень материалов, представленных в этих базах, что вызывает доверие к ним научного сообщества. Однако такой подход имеет два существенных недостатка: во-первых, отсутствие гарантии качества найденного контента; во-вторых, ложное срабатывание системы аналитики, влияющей на индекс научного цитирования ученых.

Google Scholar, как и другие интернет-сервисы в образовательном пространстве, являются важными именно потому, что они содержат

ключевые составляющие цифровизации. Ведь основу цифровизации образуют взаимосвязанные и взаимообусловленные четыре базовые электронные технологии, которые только в совокупности дают синергический эффект перехода в новое качество, а именно:

- 1) доставка данных (интернет, гипернет и т. д);
- 2) генерирование или создание данных (интернет вещей, смарт-системы, системы журнала / генерации логов и т. п);
- 3) хранение и первичная обработка данных;
- 4) автоматизированная аналитика (искусственный интеллект, нейросети и т.п.) [5].

Главная тенденция цифровизации глобального образовательно-научного пространства состоит в интегрировании между собой разнообразных цифровых сервисов, по примеру, произведения, которое имеет цифровой идентификатор DOI - в режиме реального времени, оно «появляется» во всех реестрах и базах данных и автоматически становится доступным на всех сервисах.

Цифровизация образовательного пространства уже сейчас меняет традиционную систему образования в направлении формирования ее нового качества, а именно: увеличивается количество виртуальных образовательных платформ, один электронный ресурс может быть использован много раз для предоставления различных по содержанию образовательных услуг; внедряются цифровые образовательные платформы, которые предоставляют учебно-методический контент.

Главными факторами, определяющие качественное развитие цифрового образовательного пространства, выступают: налаживание горизонтальных и вертикальных связей между факультетами, вузами, предприятиями, инвесторами; создание национальной образовательной платформы; внутренняя университетская мобилизация кадров; новые технологии формирования навыков цифровой и инновационной деятельности; обновление образовательной программы в направлении ее цифровизации; интерес к инновационной культуре университета и его проектов; взаимообогащающий обмен между университетами и факультетами; кадровый состав сферы образования, который готов к изменениям в результате цифровизации экономики страны [4].

Сегодня в отечественном образовании прослеживаются ключевые изменения: вузы не только обеспечивают учебный процесс, но и становятся площадкой для создания инноваций, что невозможно без слияния с наукой и практикой; происходит объединение ресурсов для реализации совместных проектов, создание научно-образовательных on-line платформ. Появилась возможность выстраивания персонифицированных образовательных траекторий и уровневой системы тематических модулей. Получает все большее распространение дистанционная форма обучения, развитие которой способствуют информационные технологии и коммуникации. Цифровизация образовательного пространства позволяет

увеличить виртуальную мобильность студентов, конкурировать в рамках единого мирового образовательного пространства.

Обобщая вышесказанное, целесообразно отметить, что процесс глобальной цифровизации образовательного пространства сосредоточен на: создании специальных сервисов для ученых и преподавателей, обеспечивающих представление и обнародование результатов научных исследований в сети Интернет; создание научно-образовательных on-line платформ, в формировании Европейского Облака открытой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцовский, А. В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние / А. В. Воронцовский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. №2. – С. 189–216.
2. Ефимов, В. С., Лаптева, А. В. Цифровизация в системе приоритетов развития российских университетов: экспертный взгляд / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева // Университетское управление: практика и анализ. 2018. №4 (116). – С. 52-67.
3. Зенков, А. Р. Цифровизация образования: направления, возможности, риски / А. Р. Зенков // Вестник ВГУ. 2020. № 1. С. - 52. -55.
4. Кавецкая, Р. И., Соловьева, Н. С. Особенности подготовки кадров в условиях цифровизации / Р. И. Кавецкая, Н. С. Соловьева // E-Scio. 2020. №6 (45). – С. 246–261.
5. Никулина, Т. В., Стариченко, Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление / Т. В. Никулина, Е. Б. Стариченко // Педагогическое образование в России. 2018. №8. – С. 107 – 113.
6. Legner, C. Digitalization: Opportunity and Challenge for the Business and Information Systems Engineering Community / C. Legner // Business & Information Systems Engineering, 2017, vol. 59, no. 4, pp. 301-308.
7. Tomte C., Fossland T., Aamodt P., Degn L., Digitalisation in higher education: mapping institutional approaches for teaching and learning / C. Tomte, T. Fossland, P. Aamodt, L. Degn // Quality in Higher Education. 2019., vol. 25, no. 1, pp. 98-114.

А.Г. Кузьмин, Д.П. Кондраль

**АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНСЕРВАТИВНЫХ ВЕКТОРОВ И
ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПУТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00594 «Современный русский национализм и модернизация страны: идеологические аспекты воздействия и перспективы реализации»

Аннотация: Политическое развитие современной России происходит в рамках консервативной стратегии модернизации политической системы страны. Ключевыми векторами консервативного развития политической системы сегодня выступают: развитие национально-патриотической идеологии в теории и практике государственного управления, рост значения политических партий и движений консервативного толка, усиление суверенитета страны, создание стабильных основ развития государства и общества. Перспективное политическое развитие страны определяется дальнейшим ростом значения консервативных политических идей и соответствующей им практики государственного управления.

Ключевые слова и словосочетания: Современная Россия, национально-патриотическая идеология, консерватизм, политическое развитие, охранительные концепции, векторы политической модернизации, политическая система, демократия.

Современные международные и внутригосударственные условия развития страны и общества, характеризующиеся ростом социально-экономической и геополитической нестабильности [1], определили ориентацию государственной политики страны на охранительные концепции и подходы социально-политического развития. В связи с этим, в основе современной практики государственного управления отмечается рост значения консервативных проектов модернизации политико-правовой системы страны.

В рамках консервативной государственной политики получили распространение национально-патриотические концепции, идеи и проекты, став основой политической модернизации современной России. Политико-правовой базой консервативной модернизации страны стало принятие поправок к Конституции России в 2020 г., призванных укрепить суверенитет страны и обеспечить стабильное развитие социально-политической, политико-управленческой, экономической и культурной систем государства. Поправки получили дальнейшее развитие в российском законодательстве.

Так, среди внутригосударственных проектов определенное развитие получили охранительные концепции, нашедшие отражение в правовой системе страны.

Например, принятый в июле 2016 г. «закон Яровой», состоящий из двух федеральных законов [10; 11] и носящий антитеррористическую направленность, обязал операторов хранить весь пользовательский трафик за последние 30 суток в течение 6 месяцев и ежегодно увеличивать емкость технических средств хранения на 15% в течение пяти лет с начала их эксплуатации.

Также отметим принятые изменения в декабре 2020 г. в ФЗ от 19 июня 2004 г. №54 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [13], определившие более пристальный регламент и условия организации и проведения общественных мероприятий с целью предотвращения негативных и противоправных последствий их проведения.

В 2020 году также были приняты поправки в ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" [12], направленные на развитие самого определения экстремистской деятельности. Экстремистская деятельность была охарактеризована в целом как нарушение территориальной целостности России, в том числе отчуждение части её территории.

Поправки, касающиеся защиты территориальной целостности страны были внесены в КоАП РФ (ст. 20.3.2 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» [3]), УК РФ (внесены изменения в ч. 1 ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» и введена статья 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации», согласно которой: «Отчуждение части территории Российской Федерации или иные действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 278, 279 и 280.1 настоящего Кодекса, - наказываются лишением свободы на срок от шести до десяти лет.» [9]), Уголовно-процессуальный кодекс России. [8]

Основным политическим ресурсом поддержки государственной политики в проводимых консервативных изменениях в политической системе страны выступили политические партии («Российский общенародный союз», «ЛДПР», «Народно-патриотическая партия России – Власть Народу», «Национальный курс», «Патриоты России», «Партия Возрождения России» и др.) и движений (Изборский клуб, Институт динамического консерватизма и др.) консервативного толка. Следует также отметить деятельность отдельных представителей национально-консервативного движения (С.В. Аксёнов, С.Н. Бабурин, В.В. Жириновский, Н.В. Стариков, М. Калашников, С.Е. Кургинян, А.А. Проханов, А.Н. Севастьянов и др.), выражающих национально-

патриотические идеи и концепции в общественно-политической сфере государства. [4]

Важным вопросом деятельности политических партий и движений национально-патриотического толка является поиск перспектив самостоятельного развития страны и общества, а также противодействие внешним вызовам и угрозам современности. Среди внешнегосударственных концепций в среде национально-патриотического движения распространение получили идеи различных планов интеграции стран бывшего СССР. Данные идеи сегодня активно поддерживаются властью страны. Так, например, Президент России В.В. Путин заявил о необходимости поддержки Донбасса [7]. Наряду с этим, в кругах национально-патриотического движения страны распространение получила доктрина «Русский Донбасс» [2; 5; 14].

Сегодня среди ключевых угроз и рисков сбалансированного развития страны следует отметить: 1) усиление геополитической конкуренции и санкционного давления на Россию со стороны экономически развитых стран Европы и США; 2) нивелирование эффективности системы государственного и регионального управления в виду нерешённости проблемы коррупции; 3) низкий социально-экономический уровень жизни населения; 4) слабость механизмов государственной протекции в экономической и социальной сферах страны; 5) невысокий уровень научной проработанности механизмов повышения демографии страны; 6) частое пренебрежение научными механизмами планирования процессов современного демократического развития систем государственного и регионального управления. [6]

Среди ключевых путей противодействия угрозам стабильного функционирования политической системы страны определяются: 1) усиление суверенитета и повышение участия страны на геополитической арене; 2) поиск новых эффективных методов борьбы с коррупцией и укрепление законности в стране на основе развития правовой деятельности институтов гражданского общества; 3) формирование благоприятных социально-экономических условий и рост качества жизни населения страны; 4) развитие ответственной системы политического управления; 5) формирование современных протекционных механизмов в экономике и социальной сферах; 6) ориентация на научные основы при формировании механизмов управления социально-экономическим и политическим развитием страны и регионов.

Ключевыми векторами модернизационного развития страны в условиях социально-экономической и геополитической нестабильности сегодня выступают: 1) развитие институтов гражданского общества и правовой культуры; 2) расширение демократической практики управления, с привлечением здоровой основы российского национально-консервативного направления развития модернизационного потенциала государства и общества; 3) разработка научных основ развития

механизмов управления; 4) поддержание благоприятных социально-экономических условий для обеспечения свободного развития граждан страны; 5) расширение практики участия государства в международных политико-правовых организациях с целью наиболее полного представления интересов страны на международной арене; 6) дальнейшее развитие системы открытых и честных политических выборов на основе новых информационных технологий.

Таким образом, консервативные векторы современного политического развития России определяют дальнейшее формирование теоретической и правовой базы по реализации национально-патриотических программ политической модернизации страны. Важными вопросами успешного развития России сегодня являются: укрепление суверенитета, формирование стабильных социально-экономических условий общественной жизнедеятельности, развитие институтов гражданского общества и практики широкого демократического управления, борьба с коррупцией, формирование ответственной системы государственного и регионального управления, противодействие внешним вызовам и угрозам современности. Успешность решения рассматриваемых вопросов будет определять возможности дальнейшего развития страны и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вякина И.В. Безопасность экономического развития Российской Федерации в условиях нарастания геополитических угроз // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №5 (338). – С. 178-191.
2. ДНР: желание Донбасса присоединиться к России не противоречит Минску-2 [Электронный ресурс] / РИА НОВОСТИ. 01.02.2021. URL: <https://ria.ru/20210201/donbass-1595520733.html> (дата обращения: 22.03.2021).
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021) [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 22.03.2021).
4. Кондраль Д.П., Кузьмин А.Г. Модернизация политической системы современной России: развитие консервативных и национал-патриотических проектов // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – №4 (81). – С. 19-24.
5. Коннов Д. Глава ДНР раскрыл смысл доктрины «Русский Донбасс» [Электронный ресурс] / URA.RU. 30.01.2021. URL: <https://ura.news/news/1052469398> (дата обращения: 22.03.2021).
6. Кузьмин А.Г., Кондраль Д.П., Чабанова С.С. Современные условия российской модернизации: социально-политические проблемы и

радикальные вызовы // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – №1 (15). – С. 28-41.

7. Путин заверил, что Россия не бросит Донбасс [Электронный ресурс] / ТАСС. 14.02.2021. URL: <https://tass.ru/politika/10695121> (дата обращения: 22.03.2021).

8. Самтынова Е. В КоАП РФ, УК РФ и УПК РФ внесены поправки, направленные на защиту суверенитета и территориальной целостности РФ. [Электронный ресурс] / ГАРАНТ.РУ. 09.12.2020. URL: <http://www.garant.ru/news/1427048/#ixzz6pquWHy2i> (дата обращения: 22.03.2021).

9. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.03.2021).

10. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" от 06.07.2016 N 375-ФЗ [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/ (дата обращения: 22.03.2021).

11. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" от 06.07.2016 N 374-ФЗ [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/ (дата обращения: 22.03.2021).

12. Федеральный закон "О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" от 31.07.2020 N 299-ФЗ [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358785/ (дата обращения: 22.03.2021).

13. Федеральный закон от 30.12.2020 № 497-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372674/ (дата обращения: 22.03.2021).

14. Юранец А. Возвращение к истокам: о чем говорится в доктрине «Русский Донбасс» [Электронный ресурс] / ГАЗЕТА.RU. 29.01.2021. https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/29_a_13460270.shtml (дата обращения: 22.03.2021).

С.В. Кущенко

**Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ О СУДЬБЕ РОССИИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

Аннотация. В статье анализируется речь Ф.М.Достоевского на открытии памятника А.С.Пушкину в Москве в 1880 г., показывается ее значение для общественно-политических процессов в России, приводятся итоги анкетирования студентов с целью выяснения их отношения к речи Ф.М.Достоевского.

Ключевые слова. Достоевский Ф.М., Пушкин А.С., русский народ, Россия.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать один из вариантов возможной интерпретации знаменитой Пушкинской речи Ф.М.Достоевского, произнесенной им при открытии памятника А.С.Пушкину в Москве 8 июня 1880г.

Эта речь Ф.М.Достоевского (годы жизни 1821-1881 гг.), великого русского писателя, члена-корреспондента отделения русского языка и словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1877 г.), двухсотлетие со дня рождения которого отмечается в 2021 г., имела и имеет в настоящее время большое значение для общественно-политической жизни России. Значение этой речи, смысл высказанных в ней тезисов изучается во множестве научных, литературных, публицистических сочинений. Опубликованы многочисленные воспоминания об этом массовом мероприятии – открытии памятника А.С.Пушкину – в котором участвовали тысячи москвичей. Специальный анализ опубликованных исследований Пушкинской речи Ф.М.Достоевского не входит в задачу данной статьи, отметим в порядке перечисления лишь некоторые из множества публикаций, посвященных этому важному событию в общественной жизни России конца XIX века.

В частности, кроме воспоминаний слушателей речи Ф.М.Достоевского, можно отметить сборник статей «Достоевский и Пушкин», опубликованный в Петрограде в 1921 г. Авторами этого сборника были А.Волынский, К.Леонтьев, Гл.Успенский, С.К.Аксаков. О проблемах поэтики Ф.М.Достоевского писал М.М.Бахтин, затрагивая в том числе и проблемы, поднятые в указанной речи писателя. В.Розанов в размышлениях о судьбах России проводил аналогии «от Достоевского до Бердяева». А.В.Луначарский в 1925 г. опубликовал в Ленинграде свои размышления о судьбах русской литературы, затронув и указанную речь Ф.М.Достоевского. Можно также отметить публикации А.Н.Архангельского, В.Крушельницкого, В.Дворцова, Г.Селина, И.Есаулова, в которых высказываются различные точки зрения на содержание и значение речи Ф.М.Достоевского. На телевизионных и интернет-каналах идут передачи «О жизни и слове Достоевского», о его картине мира. Речь Ф.М.Достоевского изучают и зарубежные

исследователи. В частности, профессор славистики университета Южной Калифорнии Маркус Ч. Левитт написал книгу «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года», переведенную на русский язык и опубликованную в Санкт-Петербурге в 1994 г. В Австралии, в университете Мельбурна, Д.В.Гришин опубликовал свое исследование «Речь Достоевского о Пушкине». Перечисление публикаций о значении Пушкинской речи Ф.М.Достоевского можно продолжить, однако ограниченный объем данной статьи не позволяет этого сделать, поэтому перейдем к краткому напоминанию о том, как проходило это мероприятие.

Как это было

Для краткого описания этого исторического события – открытия памятника А.С.Пушкину в Москве – используем материалы Эллы Кричевской [1], Полины Ребениной [2], Гл.И.Успенского [4] и некоторых других авторов.

Как отмечает Элла Кричевская, «сразу после трагической гибели А.С.Пушкина его большой друг, поэт В.А.Жуковский, написал прошение на имя императора Николая I. Жуковский просил царя позаботиться о семье погибшего. Николай I откликнулся на эту просьбу и обеспечил будущее вдовы и детей поэта. Но в письме Жуковского содержалась еще одна просьба – увековечить память первого поэта России. Он хотел получить согласие царя на создание памятника Пушкину. Однако эту просьбу царь отклонил». [1] Еще одну неудачную попытку установить памятник А.С.Пушкину предприняли в 1855 г. чиновники Иностранной коллегии Министерства иностранных дел (83 человека), в которой когда-то служил А.С.Пушкин. И только в 1860 г., при подготовке к 50-летию Царскосельского лицея, бывшие лицеисты вновь предложили установить памятник А.С.Пушкину. Это предложение лицеистов стало известно Александру II, который одобрил его и дал согласие на создание памятника и установку его в лицейском саду в Царском Селе. По инициативе бывших лицеистов братьев Я.К. и К.К.Грот был создан комитет из 7 человек, в который вошел и адмирал Ф.Ф.Матюшкин, который предложил установить памятник А.С.Пушкину не в лицейском саду, а в родном городе поэта – в Москве (в итоге место для памятника определили в конце Тверского бульвара, напротив Страстного монастыря). Комитет организовал подписку по сбору средств на памятник. Окончательная сумма, собранная по подписке, составила 106575 рублей 40 копеек. В 1872 г. был объявлен конкурс на лучшую модель памятника. Из 19 проектов был выбран проект скульптора Александра Михайловича Опекушина. Весной 1880 г. всю подготовительную работу по открытию памятника взяло на себя Общество любителей российской словесности, созданное при Московском университете. Была составлена программа проведения Пушкинских дней (6-8 июня), включавшая, помимо открытия памятника, публичные заседания Общества, литературно-музыкальные вечера, выступления известных деятелей культуры, знаменитых писателей, торжественные

обеда. На открытие памятника были приглашены более 100 журналистов, писатели И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, А.Н.Островский, Г.И.Успенский и другие, известные публицисты, представители как славянофилов, так и западников, И.С.Аксаков, П.В.Анненков, Н.Н.Страхов, А.С.Суворин, А.А.Краевский, М.Н.Катков, историк В.О.Ключевский, композитор Н.Г.Рубинштейн и другие. Свои поздравления прислали зарубежные писатели В.Гюго, Г.Флобер и другие.

Столь пристальное внимание российского общества к открытию памятника А.С.Пушкину было вызвано несколькими причинами. Среди них в данной краткой статье можно выделить две причины. Первая связана с отголосками восстания декабристов, с которыми был дружен А.С.Пушкин. Идеи, высказанные декабристами, еще сохранялись в российском общественном сознании, однако уже не имели того влияния, которое было у них четверть века назад. Самих участников движения декабристов осталось мало – из всех осужденных декабристов дожили до установления памятника А.С.Пушкину 8 человек, все в преклонном возрасте. Вторая причина повышенного внимания к открытию памятника А.С.Пушкину, особенно со стороны официальной государственной власти, заключается в заметном росте политической активности новых оппозиционных самодержавию движений – народников, анархистов и ряда других начинающих формирование политических движений. Министром внутренних дел как раз в это время (1880 – 1881 гг.) был М.Т.Лорис-Меликов, который пытался сочетать репрессии против революционеров с уступками либералам с целью снизить остроту назревающих политических конфликтов. Важное общественно-политическое значение в это время имела и дискуссия западников и славянофилов о судьбе России и перспективах ее развития. Важно отметить двойственное отношение М.Т.Лорис-Меликова и, соответственно, всей правоохранительной системы, к идущим в России общественно-политическим процессам. С одной стороны, было стремление остановить рост оппозиционного самодержавию движения, а с другой стороны, было желание продолжить политику в русле либеральных реформ Александра II, вплоть до принятия конституции в России. Эта двойственность закончилась после убийства Александра II 1 марта 1881 г., увольнения М.Т.Лорис-Меликова и начала политики контрреформ Александра III.

Однако памятник А.С.Пушкину все-таки успели поставить!

Как отмечает Элла Кричевская, «открытие Пушкинского праздника началось 5 июня, когда в зале Московской городской Думы был устроен прием делегатов, приехавших на этот праздник из разных регионов России. Всего было 106 делегаций, более 250 человек, в том числе дети А.С.Пушкина с семьями и представители высших органов государственной власти, включая генерал-губернатора Москвы Долгорукова. 6 июня произошло главное событие – открытие памятника. Как отмечали очевидцы, «с утра вся Москва на ногах ...Улицы и тротуары, специальные

трибуны, ... амфитеатр, построенный городом для гостей – женщин, были полны народа, как и соседние крыши и окна (где места были проданы заранее...»)[1]

Далее Элла Кричевская отмечает следующее. «После короткого выступления Корнилова, зачитавшего акт о передаче памятника городу, в час дня...зазвенели монастырские колокола, обнажились головы, и пресловутый «мешок» спал с опекушинской статуи. Через несколько секунд из толпы раздались ликующие выкрики...многие плакали... Затем под звуки марша Мейербера «Пророк», восходящего к одноименному стихотворению А.С.Пушкина, делегации приблизились к памятнику и возложили к его подножию цветы. ...Не обошлось и без казуса. После завершения церемонии толпа ... кинулась на венки и за несколько секунд растащила их на сувениры». [1]

Загадка формулы Ф.М.Достоевского «Удел России – всемирность»

7 и 8 июня состоялись публичные заседания Общества любителей российской словесности, на которых выступили приглашенные участники Пушкинских дней. По общему мнению присутствующих на этих заседаниях, главными событиями стали речи И.С.Тургенева и Ф.М.Достоевского.

Первым произнес свою речь о А.С.Пушкине И.С.Тургенев 7 июня. Речь И.С.Тургенева была встречена достаточно прохладно. Как отмечал впоследствии сам И.С.Тургенев, «на публику она большого впечатления не произвела». [2] Как отмечает Элла Кричевская, «самым интересным моментом речи (И.С.Тургенева – С.К.) был вопрос о народности творчества А.С.Пушкина. Тургенев убедительно говорил о том, что в творчестве Пушкина гармонически слились «русское творчество и русская восприимчивость»...Пушкин обладал способностью «самобытного присвоения чужих форм», способностью, которую и иностранцы признают за русским человеком». Однако нигде в своей речи И.С.Тургенев не назвал А.С.Пушкина народным поэтом. И.С.Тургенев поставил вопрос: «Но можем ли мы по праву назвать Пушкина национальным поэтом в смысле всемирного (эти два выражения часто совпадают), как мы называем Шекспира, Гете, Гомера? Иначе: можем ли мы поставить Пушкина рядом с признанными мировыми гениями?»[1] На этот вопрос И.С.Тургенев не дает прямого ответа.

На следующий день, 8 июня, на втором публичном заседании Общества любителей российской словесности, свою речь о А.С.Пушкине произнес Ф.М.Достоевский. Реакцию слушателей на речь Ф.М.Достоевского хорошо выразила Элла Кричевская. «По своему эмоциональному накалу, а главное, по своему содержанию, речь Достоевского произвела впечатление разительного контраста по сравнению со спокойной, взвешенной речью Тургенева. Каждый тезис речи Достоевского был полемически заостренным ответом Тургеневу. Это

противоборство, словесная дуэль двух знаменитых писателей была отражением острых идейных разногласий в литературе и обществе. И.С.Тургенев обратил внимание на то, что восприимчивость к чужому влиянию является особенностью русского характера. Ф.М.Достоевский развил эту мысль и сделал ее основным тезисом своей речи. Речь Ф.М.Достоевского имела небывалый, оглушительный успех. Интересно отметить, что после выступления Ф.М.Достоевского и Тургенев, и литературный критик Анненков бросились обнимать Достоевского со слезами на глазах, и повторяли: «Вы гений, вы более чем гений». Ф.М.Достоевскому преподнесли лавровый венок, который он в тот же вечер возложил к постаменту памятника А.С.Пушкину». [1]

Для дальнейшего анализа приведем большую цитату из речи Ф.М.Достоевского о А.С.Пушкине, вокруг которой и разгорелась основная дискуссия, продолжающаяся и в наше время. Ф.М.Достоевский говорил: «Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сам а Россия, как и удел своей родной земли, потому что **наш удел и есть всемирность**, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. ... И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [3]

Позднее основные положения своей речи с пояснениями Ф.М.Достоевский опубликовал в «Дневнике писателя».

«В речи моей, - писал Ф.М.Достоевский, - я хотел обозначить лишь следующие четыре пункта в значении Пушкина для России. 1) Пушкин первым своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским

сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего и искренно страдающего. ...2) Пушкин первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные. ...3) У Пушкина есть та особая, характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного. Я сказал в моей речи, что в Европе были величайшие художественные мировые гении: Шекспир, Сервантес, Шиллеры, но что ни у кого из них не видим этой способности, а видим ее только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. ... Но не для умаления такой величины европейских гениев, как Шекспир и Шиллер, сказал я это, такой глупенький вывод из моих слов мог сделать только дурак. Всемирность, всепонятность и неисследимая глубина мировых типов человека арийского племени, данных Шекспиром на веки веков, не подвергается мною ни малейшему сомнению. ... 4) Способность эта (всемирной отзывчивости и перевоплощения – С.К.) есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности». [2]

Эти четыре фундаментальных тезиса из речи Ф.М.Достоевского о А.С.Пушкине стали, как известно, одним из оснований общественно-политического движения почвенничества, получившие широкое распространение как в XIX веке, так и в настоящее время, в первой четверти XXI века. Ф.М.Достоевский с разных сторон рассматривает и гений А.С.Пушкина, и гений русского народа, высказывает свое мнение о русской душе: «Я просто только говорю, что русская душа, что гений русского народа, может быть, наиболее способны из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»[2]

В своей Пушкинской речи Ф.М.Достоевский сформулировал и обосновал ставшую широко известной формулу, раскрывающую историческую роль и судьбу России: **«Удел России есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления**

нашего к воссоединению людей».

Эта формула Ф.М.Достоевского стала предметом дискуссий сразу же после опубликования его Пушкинской речи и продолжается в настоящее время. Предпринимаются различные попытки раскрыть смысл слов «удел России – всемирность», однако общепринятого понимания этой формулы Ф.М.Достоевского пока не найдено. Ф.М.Достоевский сам отмечает, что А.С.Пушкин не успел разъяснить людям всемирность стремления русского духа: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». [3]

Загадочность, не полностью раскрытый смысл речи Ф.М.Достоевского о А.С.Пушкине отмечает и Г.И.Успенский: «В ней (в Пушкинской речи Ф.М.Достоевского – С.К.) есть еще и нечто такое, что превращает ее в загадку, которую нет охоты разгадывать». [4] Известный историк и публицист либерально-западнической ориентации К.Д.Кавелин в открытом письме Ф.М.Достоевскому писал: «Ваша восторженная речь в Москве по случаю открытия памятника Пушкину произвела потрясающее впечатление в слушателях самых разнообразных лагерей, на которые теперь дробится русская мысль. ... Все это доказывает, что вопросы, которых вы коснулись с вашим необычным талантом, всегдашнюю искренностью и глубоким убеждением, назрели в сердцах и умах мыслящих людей в России и живо их затрагивают. ... **Что мы такое? Куда идем? Куда должны идти?**» [4]

Эти вопросы фундаментальной значимости сохраняют актуальность и для современной России. Автор данной статьи, разделяя почвеннические идеи Ф.М.Достоевского, не претендуя на бесспорность, предлагает воспользоваться подсказкой Ф.М.Достоевского для частичной расшифровки той способности А.С.Пушкина и русского народа, обозначенной как «способность всемирной отзывчивости и перевоплощения». В качестве подсказки можно использовать слово Ф.М.Достоевского «всепонятность». По нашему мнению, слово «всепонятность» Ф.М.Достоевский использует для характеристики сочинений мировых гениев – эти сочинения понятны всем, они обладают «всепонятностью». Но эти сочинения – неодушевленные, они не обладают никакими способностями. Некими способностями в данном контексте могут обладать только люди. В таком случае неодушевленная «всепонятность» должна по смыслу превратиться в одушевленную **«всепонятливость»** как некую человеческую способность. «Всепонятливость» А.С.Пушкина и русского народа - вот как можно частично расшифровать «способность всемирной отзывчивости и перевоплощения». А.С.Пушкин и русский народ «понятливы», они обладают способностью понимать других людей, и эта способность уникальна, неповторима. Во всемирной истории есть бесконечное количество примеров непонимания людьми друг друга. Русский народ, в

отличие от всех других народов, обладает способностью понимать интересы других народов, способностью «всемирной отзывчивости и перевоплощения». Таков общеизвестный главный смысл Пушкинской речи Ф.М.Достоевского, обсуждение которого с самых разных точек зрения продолжается до сих пор.

Студенты о формуле Ф.М.Достоевского «Удел России – всемирность»

К попыткам разгадать загадку формулы Ф.М.Достоевского «Удел России – всемирность» автор данной статьи привлекал своих студентов. Многие студенты серьезно относились к моей просьбе письменно изложить свое понимание указанной формулы Ф.М.Достоевского. В усредненном варианте мнение студентов об этой формуле, выраженное в свободной форме, выглядит так. А.С.Пушкин показал нам настоящего русского человека, а именно человека с широкой и доброй душой. Русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться. Всемирная отзывчивость есть особенность всего русского народа. А.С.Пушкин в своих произведениях мог воплощать дух чужого народа, как свой собственный, и в этом выразилась его национальная сила. Сила русского народа в стремлении к всемирности и всечеловечности, в том, что русский народ есть братский народ, и этим он способен внести некоторую гармонию в мир. Россия может и небогата экономически, но уделом всемирности ее можно назвать из-за богатства нравственного. И всемирность России не приобретена мечом, а воспитана братским стремлением. (Сохранена стилистика студенческих текстов.)

Продолжая попытки разгадать загадку указанной формулы Ф.М.Достоевского, автор данной статьи провел небольшой социологический опрос своих студентов с целью выяснить их мнение о формуле Ф.М.Достоевского. Для проведения этого опроса был использован доклад одного из студентов на тему: «Панк-рок в России и в Сибири». Доклад мы обсудили со студентами на одном из семинарских занятий, после чего желающие ответили на вопросы составленной мной анкеты. Панк-рок, как известно, одна из молодежных субкультур, появившаяся в Западной Европе и получившая распространение в России. Я составил анкету для студентов, вопросы которой имели отношение к термину Ф.М.Достоевского «всемирность». Итоги анкетирования студентов-первокурсников, изучающих иностранные языки на факультете гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета оказались следующими.

Всего получено 13 заполненных анкет. В анкете было 10 вопросов. Ответы студентов на вопросы анкеты распределились следующим образом.

Вопрос 1: К какому музыкальному жанру Вы относите панк-рок?

Ответы: - heavy metal -2

- не знаю -1

- уникальный жанр «собственно панк-рок», разновидность

рока – 10

Вопрос 2: Почему панк-рок возник не в России?

Ответы: - не соответствует русской культуре – 4

- не соответствует российскому менталитету (способу мышления и деятельности) – 8

- панк-рок возник не в России скорее всего потому, что русский менталитет очень долго принимает нечто новое, с чем еще не был знаком. Каждый исполнитель чего-то нового и «странного» сталкивается с непониманием и отторжением, но те, кто готов дать новизне шанс, часто остаются довольны – 1

Вопрос 3: Почему панк-рок распространен в современной России?

Ответы:

- распространен незначительно среди малочисленной группы любителей панк-рока – 8

- считается модной музыкой – 3

- скорее всего, он ненамного распространенней других жанров музыки, у него есть как свои слушатели, так и свои «хейтеры» - 1

- мне кажется, что панк-рок распространен в современной России потому, что в какой-то момент люди нуждаются в определенном направлении музыки, и для кого-то один из периодов в их жизни может быть как с панк-роком, так и с балладами. Все зависит от самого человека. Популярность панк-рока в группе людей может быть обусловлена похожим музыкальным вкусом – 1

Вопрос 4: В каких социальных группах России панк-рок популярен?

Ответы:

- среди всех социальных групп – 4

- среди молодежи до 25 лет – 5

- уже совсем непопулярен, это уже ушедшая мода – 4

Вопрос 5: Есть ли в музыке панк-рока нравственные ценности (доброта, бескорыстие, взаимоуважение)?

Ответы:

- нет – 7

- есть – 3

- не знаю -3

Вопрос 6: Какие культурные ценности выражает панк-рок?

Ответы:

- не знаю – 2

- никакие – 5

- свободу, независимость – 1

- свободу личности – 1

- доброта, бескорыстие, взаимоуважение – 1
- музыка, говор, стиль одежды – 1
- панк-рок, в основном, имеет остро социальный подтекст, заключающийся в выражении протеста – 1
- панк-рок, исходя из моей точки зрения, ассоциируется и, собственно, базируется именно на негативных ипостасях человека, тем не менее не прославляя их, но показывая непосредственное присутствие данных аспектов нашей жизни – 1

Вопрос 7: В русском, английском, немецком языках есть аналогичные, одинаковые по значению понятия: гармония, лад, согласие; concord; Eintracht. Панк-рок соответствует этим понятиям во всех трех языках и культурах или не соответствует?

Ответы:

- возможно, соответствует – 2
- не соответствует – 6
- не знаю – 4
- скорее, панк-рок склоняется к понятию «протест», некий своеобразный хаос – 1

Вопрос 8: Соответствует ли факт распространения панк-рока в России формуле Ф.М.Достоевского: «Удел России – всемирность»?

Ответы:

- соответствует – 10
- не соответствует – 1
- не знаю – 2

Вопрос 9: Можно ли сказать, что современная российская культура адаптирует, приспособливает к себе зарубежную культуру (как А.С.Пушкин, по мнению Ф.М.Достоевского)?

Ответы:

- нельзя – 2
- можно – 9
- думаю, да, так можно сказать, потому что любая культура других национальностей может быть изменена на лад той национальности, в культуру которой она входит. Точнее сказать, она адаптируется к другой культуре, а значит, изменяется – 1
- по моему мнению, в современное время российская культура взаимодействует и в какой-то степени скорее подражает западной культуре, чем внедряет свои ценности и взгляды. Но Россия – это развивающаяся страна, которая никогда не остановится на достигнутом, динамичная страна – 1

Вопрос 10: Согласны ли Вы с формулой Ф.М.Достоевского «Удел России – всемирность»?

Ответы:

- согласен – 11
- согласна, если всемирность подразумевает братство -1

- я не понимаю смысла этой формулы – 1

Общий вывод.

Таким образом, проделанный анализ показывает, что в своей Пушкинской речи Ф.М.Достоевский сформулировал главные тезисы своего понимания судьбы России, ставшие основанием нового общественно-политического движения – почвенничества. Формула Ф.М.Достоевского – «Удел России – всемирность» - получила широкое распространение, находится в центре дискуссий и в современной России. Краткий социологический опрос студентов, проведенный автором данной статьи в 2020 году, показал, что опрошенные студенты в целом понимают и согласны с формулой Ф.М.Достоевского, для них рассуждения великого русского писателя о судьбе России важны и актуальны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кричевская Элла. Пушкинский праздник 1880 года. Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/1999/068/win/krichev.htm>
2. Ребенина Полина. Мой Тургенев. 46. Пушкинские торжества. Режим доступа: <https://proza.ru/2020/06/11/1880>
3. Достоевский Ф.М. Речь на открытии памятника А.С.Пушкину в Москве 8 июня 1880 г. Режим доступа: <https://omiliya.org/article/rech-o-pushkine-fm-dostoevskiy>
4. Успенский Г.И. Праздник Пушкина (Письма из Москвы – июнь 1880). Режим доступа: dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/memory/v-vospominaniyah-sovremennikov/uspenskiy-prazdnik-pushkina

Г.Н. Мезенцев

**«МИР ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ» - ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Никакая армия не устоит против идей, время которых пришло.
Виктор Гюго

Аннотация. В статье высказано и обосновано утверждение о том, что в основе структуры современных международных отношений лежат политические факторы, не справляющиеся с проблемой их стабилизации, и ситуация могла бы измениться в лучшую сторону, если на высшем уровне принятия решений представить акторы, выражающие интересы локальных цивилизаций, в основе которых лежат культурологические особенности отдельных мировых регионов.

Ключевые слова и словосочетания. Цивилизация, государство, культура, субъект международных отношений, совет цивилизаций.

Долгое время казалось очевидным, что основными субъектами международных отношений, принимающими основополагающие решения о путях мирового развития, являются суверенные образования – государства. В соответствии с такой идеологией, закрепленной Вестфальской системой в 1648 г., был сформирован орган регулирования международных отношений – ООН, объединяющий данные политически независимые субъекты.

Но современный мир демонстрирует нарастание драматических событий, связанных с ростом экстремизма и терроризма, разжиганием на этой почве войн и конфликтов, в которых гибнет все больше людей, культурных ценностей и происходит попираание духовных основ человеческой цивилизации. Такое положение дел указывает на неспособность существующей системы международных отношений справиться с возложенными на нее миротворческими и созидательными задачами. Это дает основания поставить вопрос о необходимости повышения ее эффективности в области создания устойчивых и справедливых международных отношений.

Один из подходов к решению данной проблемы был предложен великим русским ученым Н.К. Рерихом, который, кроме обширной художественной и историко-этнографической деятельности, большое внимание уделял проблеме защиты и развития культуры. Его деятельность в этом направлении была начата с продвижения идеи сохранения мирового культурного наследия. Широко известен Пакт Рериха по защите памятников мировой культуры, краткая история появления которого следующая.

Впервые идея о необходимости государственной охраны памятников культуры возникла у Н.К. Рериха в 1899 г. при проведении

археологических раскопок в Санкт-Петербургской губернии. От зарождения идеи до ее воплощения в практику международной жизни прошло более 35 лет. В этот период Н.К. Рерих делает доклад по этой проблеме Николаю II, обращается к государственным и культурным деятелям всех стран и получает международную поддержку. Ему помогают разработать Пакт в виде международного договора, в различных странах создаются комитеты по его поддержке, проводится три международных конференции. В итоге Пакт был подписан 21 американским государством, хотя в дальнейшем его ратификацию провели только 10 из них. Пакт был положен в основу Гаагской конвенции по защите культурных ценностей, участниками которой в настоящее время являются 60 государств.

Н.К. Рерих прекрасно сознавал, что принимаемых мер явно недостаточно для сохранения культуры во всех ее проявлениях. В связи с этим им был выдвинут принцип, который должен был стать, по его мнению, гарантией сохранения культурных ценностей человечества. Это – «Мир через культуру», то есть распространение идеи защиты и развития культуры с культурного наследия на всю культуру человечества в целом.

Н.К. Рерих на одной из встреч с представителями молодого поколения так выразил мысль о приоритете культуры над другими сферами общественной жизни: «Если вас спросят, в какой стране вы хотели бы жить и о каком государственном строе мечтаете? С достоинством вы можете ответить: Мы хотели бы жить в стране великой Культуры».

Яркий пример деятельности Н.К. Рериха наглядно демонстрирует тот факт, что любая значительная масштабная идея только тогда становится общественно значимой силой, когда она обретает определенные организационные формы в правовом международном пространстве. Положение дел в современном мире не оставляет сомнений в том, что по прошествии более 80-ти лет со дня вступления в действие Пакта Рериха, миротворческие идеи Н.К. Рериха и их дальнейшее продвижение и развитие остаются крайне актуальными.

В настоящее время все более приходит понимание того, что страны являются искусственными образованиями в отличие от цивилизаций, интересы которых значительно фундаментальнее и, как показывают исторические и современные события, поднимают на достижение своих целей более глубокие силы, чем политические отношения, связанные с наличием института государств.

Являясь целостным образованием цивилизации часто оказывают более существенное влияние на международные события, чем государства. Когда вне пространства какой-либо цивилизации возникает угроза носителю одной из культур этой цивилизации, то происходит консолидирующая реакция со стороны данной цивилизации, с которой вынуждены считаться государственные структуры. Это приводит к мысли о том, что при разрешении ряда международных проблем мирового масштаба должны учитываться интересы цивилизаций как

самостоятельных субъектов международных отношений. И если в существующем миропорядке культура и цивилизации являются фоном для принятия политических решений, то, в случае его соответствующего изменения, они смогут подняться до смысловых начал формирования международных отношений. Речь может идти об уровне мироустройства на базе сотрудничества цивилизаций. Кроме того, усиление значимости цивилизаций происходит на фоне наблюдающегося в условиях глобализации ослабления роли государств.

Понятие «цивилизация» в научной литературе появилось сравнительно недавно, в середине XVIII века в работе шотландского философа А. Фергюсона. С тех пор исследованием этого явления занимались многие мыслители. Здесь можно перечислить только основных из них. Это: Ш. Ренувье, Г. Рюккерт, Ж. де Гобино, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби. Содержание самого понятия «цивилизация» претерпело в процессе его освоения изменение значения от отождествления с высшей стадией развития общества до современного – так называемой локальной цивилизации, в основу которой положены качественные культурные отличия. Одним из подтверждений того, что основу цивилизации составляет культура, является использование культурологией в качестве основной единицы научного анализа понятия «цивилизация».

Необходимо отметить, что многие фундаментальные идеи современной цивилизационной теории выдвинуты российскими учеными. В ней проводится понимание того, что в развитии человечества социокультурная эволюция имеет приоритет перед политической и экономической, являющимися рамками развития, но не его целью. Можно предположить, что для многих российских ученых обращение к данному подходу стало результатом поисков альтернативы развиваемой в советское время марксистской формационной теории, опирающейся на социально-экономические отношения в обществе и не учитывающей массу других, не менее важных явлений. В то же время можно отметить, что цели, провозглашаемые марксизмом, являются безупречными: это построение общества социальной справедливости, всестороннее развитие и реализация духовных интересов человека. Другое дело, насколько были эффективны средства, предлагаемые для достижения этих целей, на том этапе понимания закономерностей развития общества.

Цивилизационный подход использовал в своих исследованиях известный российский философ В.С. Степин, уделявший значительное внимание обоснованию приоритета социально-культурной сферы. В его трудах, в отличие от многих других исследователей, полагающихся по большей части на интуицию, оправданность такого подхода имеет глубокое теоретическое обоснование. Оно связано с формулированием всеобщего фундаментального закона развития, охватывающего не только общественные, но и природные системы. В соответствии с этим законом,

«если система порождает новый уровень организации, то он становится системообразующим и начинает управлять уже сложившимися уровнями» [6].

Культурная составляющая является высшей по отношению ко всем остальным общественным сферам и, в соответствии с данным всеобщим законом, задает им направленность развития в рамках возможностей, предоставляемых стоящими ниже ее остальными общественными сферами. Из этого закона также следует, что урегулированность проблем в функционировании нижестоящих сфер, например, политико-экономических, является необходимым условием для устойчивого существования и развития вышестоящих, таких как социальная и культурная. Таким образом, по проблемам, в свое время поднятым марксизмом и не нашедшим до сих пор адекватного разрешения, должен продолжаться всесторонний поиск решений с учетом новых знаний и современных общественных реалий.

Значительный вклад в понимание явления цивилизации и его роли в истории и современном мире сделан исследователем русской цивилизации О.А. Платоновым [5]. Им рассмотрены общие представления о цивилизациях, их признаки и закономерности, а также история и особенности жизнедеятельности русской цивилизации.

Приоритетность цивилизационных отношений перед государственными обосновывает в своем фундаментальном труде российский геополитик и политолог Л.Г. Ивашов [2]. Он приводит характерное высказывание помощника госсекретаря США Р. Блейка: «Современный мир – это мир цивилизаций, наднациональных структур, кланов и немного государств» [2, с. 115].

Л.Г. Ивашов различает политический и геополитический уровни международного взаимодействия. Если, по его мнению, произошло «оформление государства в качестве основного субъекта политики» [2, с. 5], то «геополитика «мыслит» категориями планетарных пространств, мировых цивилизаций, исторических эпох» [2, с. 115], то есть основным субъектом действия в геополитике является цивилизация.

В одном из выпусков телепередачи «Вечер с Владимиром Соловьевым» Л.Г. Ивашов прямо высказался о необходимости существования на международном уровне субъектов цивилизационных отношений, так как существующие структуры, основанные на политических отношениях не способны справиться с решением мировых проблем.

В этой связи необходимо отметить, что исследования проблемы бессубъектности или так называемой «сборки» субъекта в общественных и, в том числе, международных отношениях, и связанного с ней рефлексивного управления на фундаментальном и прикладном уровнях проводятся российским ученым В.Е. Лепским [4]. На примере России им убедительно было показано, что многие проблемы ее развития связаны с

отсутствием или неопределенностью субъектов, заинтересованных в этом развитии [3].

Что касается современной западной научной мысли, то в ней цивилизационный подход к рассмотрению развития человечества менее популярен, чем так называемый мир-системный анализ, который, по существу, является разновидностью марксистского подхода в части его опоры на экономическую сферу. В этом отношении характерно высказывание о цивилизационном подходе, сделанное основателем наиболее распространенной версии мир-системы И. Валлерстайном, который классифицировал его как «идеологию слабых», как форму протеста этнического национализма против развитых стран «ядра» современной мир-системы [7]. Это свидетельствует о его неприятии цивилизационного подхода, основанном на уходящем в историю западнцентристском понимании прогресса.

Близость взглядов на цивилизационный подход сторонников марксистской формационной теории, основанной на экономических отношениях, и современных представителей либерализма также отметил в своей статье В.Н. Шевченко [8].

На определяющую роль цивилизационных отношений в современную эпоху обратил внимание американский политолог С. Хантингтон в статье «Столкновение цивилизаций?», вышедшей в 1993 г.¹ Он рассмотрел негативные последствия их взаимодействия, порожденные неотрегулированностью последних и в немалой степени связанные, по нашему мнению, с отсутствием в международном правовом поле субъектов таких отношений и, как следствие, развитие отношений по стихийному сценарию.

Обострение проблемы взаимодействия цивилизаций было также осознано политиками, ведущими практическую деятельность. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2001 г. Годом диалога между цивилизациями.

По злой иронии судьбы, 11 сентября этого года произошел крупнейший в современной истории террористический акт, унесший жизни более трех тысяч мирных граждан. Несмотря на столь трагические события, для продолжения начатой инициативы был создан форум «Диалог цивилизаций», который ежегодно проводит конференции с целью выработки экспертных оценок для правительств и руководителей стран. Но, несмотря на столь длительную деятельность не наблюдается значительных результатов.

¹ В связи с тем, что С. Хантингтон входил в так называемую Трехстороннюю комиссию и готовил ее материалы, не исключено, что его статья была одним из звеньев сознательной дестабилизации международной жизни и служила ее теоретическим прикрытием. Весьма симптоматично, что в 1992 г. появляется статья основателя теории управляемого хаоса С. Манна «Теория хаоса и стратегическая мысль», а в 1993 г. – статья С. Хантингтона. Но это не умаляет важности проблемы взаимодействия цивилизаций, которую могли использовать в специфических целях. Нагнетание нестабильности объективно способствует необходимости быстрого решения данной проблемы.

Менее известен, но не менее важен другой ряд событий. 11 марта 2004 г. в столице Испании Мадриде и ряде ее пригородных поездов исламскими экстремистами было взорвано десять бомб, от которых погибло сто девяносто и получили ранения не менее полутора тысяч граждан. В сентябре того же года Испания выступила с предложением о формировании Альянса цивилизаций для способствования установлению более справедливого мирового порядка. Альянс был создан под эгидой ООН в 2005 г. К сожалению, деятельность Альянса раскололась на несколько направлений, не дающих решения проблемы в целом: областью его деятельности стало влияние на образование, молодежь, миграцию и СМИ.

Как показывает проведенный обзор, понимание важности проблемы взаимодействия цивилизаций заняло в пространстве международных отношений значимое место на самом высоком уровне, но существующее положение дел заставляет задуматься об эффективности принимаемых решений.

Можно много и убедительно говорить о важности в жизни человечества цивилизаций и образующих их основу культур, но без субъектов, имеющих достаточные полномочия для отстаивания их интересов на международном уровне, эта проблема не обретет формы эффективных действий. Это наводит на мысль о целесообразности создания, например, в структуре ООН соответствующего органа - Совета Цивилизаций с приданием ему полномочий, одноуровневых в части принятия решений с Советом Безопасности.

Впервые идея Совета цивилизаций была высказана в 2002 г. российским философом В. Вольновым [1]. Он предлагал реформировать ООН путем преобразования ее в Совет цивилизаций. Необходимость такого преобразования им обосновывалась тем, что в условиях столкновения цивилизаций имеется больше шансов построить справедливые международные отношения путем поиска компромиссов между цивилизациями, чем между странами. Наши предложения не столь кардинальны. В современном мире практически все ресурсы распределены между государствами и существует важный уровень международных отношений, на котором они являются субъектами, принимающими решения. Другое дело, что, как показывают исследования, есть необходимость в структуре, которая будет ответственна за сохранение и развитие культур, составляющих основу цивилизаций. Нельзя сохранить цивилизации, не сохранив культур.

Движение за создание Совета Цивилизаций должно быть не политическим движением, а духовно-культурным, целью которого является убеждение мирового сообщества в том, что культурные ценности и интересы естественным образом стоят выше политических и в связи с этим должны активно участвовать в формировании мировой повестке дня. При принятии каких-либо решений на международном уровне в первую

очередь необходимо учитывать интересы цивилизаций как культурно-духовных образований. Эти интересы должен формулировать и озвучивать Совет Цивилизаций.

Человечество выработало множество методов создания субъектов в публичном поле, представляющих интересы различных общественных групп. Был создан, например, такой субъект, как Совет Европы, который можно рассматривать как орган, представляющий значительную часть западноевропейской цивилизации. По-видимому, локальные цивилизации должны будут формировать некие Ассамблеи, которые будут выдвигать представителей в Совет Цивилизаций ООН.

Опираясь на опыт Н.К. Рериха при продвижении Пакта и учитывая современные реалии, можно рассмотреть в качестве обсуждения следующий вариант реализации данного предложения. На базе заинтересованной международной организации может быть создан Совет по проблеме цивилизационного регулирования международных отношений, который проведет несколько семинаров и подготовит доклад для руководства ЮНЕСКО. В случае поддержки этого предложения ЮНЕСКО может открыть тему по анализу проблемы и разработке документов для представления Генеральной ассамблее ООН, проведя при этом ряд международных конференций. Это было бы достойным развитием идей Н.К. Рериха в области сохранения мира, разнообразия культур и человечества в целом.

Кроме того, при рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать следующие обстоятельства. Россия, в соответствии со своим статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, является важным звеном в институте принятия международных решений. И одним из основных инструментов, позволяющих уравнивать различные подходы, является право вето. Видится, что новые решения, если они появятся, должны дополнять, а не разрушать инструменты стабилизирующего влияния на международные дела. В то же время, масштабная культурологическая международная инициатива, если она появится, могла бы оказаться весьма полезной для укрепления авторитета России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольнов В. Проблема наций в свете теории цивилизаций. - URL: <http://www.v-volnov.narod.ru/SmallWorks/ProblemOf-Nations.htm> (дата обращения: 19.02.2021).
2. Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Л.Г. Ивашов. - М.: Институт русской цивилизации, 2015.
3. Лепский В.Е. "Бессубъектность" - главный источник угроз безопасности и развития России / В.Е. Лепский // Проблемы управления безопасностью сложных систем: Труды X международной конференции.

Москва, декабрь 2002 г. Ч. 1. - М.: РГГУ - Издательский дом "МПА-Пресс". С. 79-81.

4. Лепский В.Е. Проблема субъекта (междисциплинарный анализ) / В.Е. Лепский. - М.: Гуманитарий, Институт философии РАН, 2009; Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к динамическому моделированию социальных систем / В.Е. Лепский // Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий. - М., 2012. С. 205–225; Лепский В.Е. Проблемы сборки субъектов развития на евразийском пространстве / В.Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов IX Международного симпозиума 17-18 октября 2013 г., Москва. - М.: «Когито-Центр», 2013. С. 256-262.

5. Платонов О.А. Русская цивилизация / О.А. Платонов. - М.: Алгоритм, 2010.

6. Степин В.С. Коренной перелом цивилизации. - URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=845> (дата обращения: 05.03.2021).

7. Цивилизация. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цивилизация> (дата обращения: 15.02.2021).

8. Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики / В.Н. Шевченко // Вопросы философии. 2016. № 2.

М.Р. Москаленко, А.А. Бурых, Е.Г. Леоненко
ИЗУЧЕНИЕ СО СТУДЕНТАМИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
СПЕЦИФИКИ РОССИИ В КУРСАХ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. В работе исследуются вопросы объяснения студентам цивилизационной специфики России на курсах истории и социологии. Выявляются ключевые аспекты данной проблематики, представляющие для учащихся наибольший интерес. Дается краткий обзор влияния процессов модернизации, вестернизации, глобализации на развитие российской цивилизации.

Ключевые слова: Российская цивилизация, преподавание истории и социологии

Системный анализ цивилизационной специфики российского социума очень интересен для студентов практически всех направлений подготовки. В массовом сознании существуют различные мифы и стереотипы о России [3], которые не всегда корректно, а часто в карикатурном виде отражают те или иные особенности нашей страны, ее истории и самосознания народа. Поэтому знакомство студентов с научной оценкой специфики российской цивилизации очень важно. Анализ особенностей развития российского социума входит в состав учебного материала по дисциплинам «История» и «Социология», читаемым в вузах студентам.

Отметим, что представление о цивилизационном подходе изучается в рамках школьной программы на уроках истории и обществознания, но там данная тема рассматривается поверхностно и не дается четкого анализа специфики российской цивилизации. Кроме того, понимание данного материала предполагает высокий уровень эрудиции и начитанности учащихся, знание ими основных фактов, процессов и явлений отечественной и зарубежной истории, а также развитой способности к анализу социокультурных процессов и явлений. Поэтому изучение специфики российской цивилизации достаточно важно именно в вузовском курсе истории и социологии.

В курсах истории и социологии при объяснении учащимся цивилизационной специфики России следует выделить несколько проблемных аспектов: изучение традиционных, архетипических черт российского общества и национального характера; рассмотрение влияния модернизационных изменений (на разных этапах российской истории, от XVIII до конца XX вв.) на трансформацию различных сфер российского государства и общества; влияние современных процессов глобализации на развитие России. Каждый из этих вопросов требует серьезного, комплексного рассмотрения; учащимся важно показать их основные аспекты и взаимосвязь.

Естественно, учащиеся должны иметь представление о

«догоняющей» модели модернизации, которая, как правило, существует в странах «второго эшелона». В России это привело к формированию специфической, «мобилизационной» модели развития страны [1, с. 16], для которой характерна огромная роль государства, этатизм и патернализм.

Для студентов гуманитарных направлений подготовки изучение влияния модернизации связано, прежде всего, с анализом развития социально-политических структур и институтов, изменениями массового сознания, происходящими в ее ходе. Для будущих инженеров, экономистов и управленцев будет интересен также процесс появления новых образцов техники, направлений конструкторской мысли, а также создания организационных структур по внедрению разрабатываемой техники. Например, известно, что в 1930-40-е гг. многие изобретения и ноу-хау внедрялись в советской промышленности в рекордно короткие сроки. И почему затем, в 1960-70-е гг. их внедрение в советской промышленности (ее гражданском секторе) затормозилось, хотя, казалось бы, условия были более благоприятными? Значительно увеличилось количество инженеров и квалифицированных работников, интенсивно развивалась наука – но при этом происходило снижение темпов экономического роста. Каким образом следовало реформировать плановую экономику для повышения ее эффективности и предотвращения деструктивных тенденций? Комплексный анализ данных вопросов повысит управленческую культуру будущих специалистов.

Существует достаточно много работ про специфику российских модернизаций. Интересный и доступный для понимания студентов подход содержится, например, в работах исследователя А.И. Владимирова [2], по мнению которого, особенности российских модернизаций таковы:

- проводились «сверху» и имели радикальный характер;
- внедрялись в неготовую для их восприятия национальную почву, негативно воспринимались большинством населения;
- модернизационные реформы часто осуществлялись насильственно, ценой больших жертв, при этом имели исторически кратковременный успех, поднимая вопрос о несопоставимости цели и средств;
- народ воспринимал далеко не все навязываемые ему ценности, перестраивая их под собственную ментальность.

Можно согласиться с точкой зрения автора, что сформированные таким образом «информационно-культурные коды, закрепляясь в национальной генетике, несли в себе потенциально убийственные гены бунта против собственной нереализованности, тоски по справедливости и несбывшемуся внутренней анархичности и пессимистического фатализма» [2, с.45].

Интересным моментом для студентов является рассмотрение специфики развития правосознания и правовой культуры населения в процессе модернизации. Россия, в отличие от стран Западной Европы, не получила систему римского права, а специфика социально-экономического

развития страны привела к расцвету крепостного права в эпоху, когда на Западе оно уже стало сходиться с исторической арены и появилась теория «естественных прав» личности. Кроме того, Россия в начале XX в. по уровню грамотности серьезно отставала от развитых европейских стран, большинство населения не умело читать и писать. Все эти факторы способствовали распространению правового нигилизма, традиции которого уходили в глубокое Средневековье, когда господствовало убеждение, свойственное традиционным типам культуры, что обычай и общественная мораль гораздо эффективнее защищают элементарные права человека, чем писаное законодательство. Для традиционной культуры свойственно некоторое противопоставление справедливости, «правды», и закона, который воспринимается как исходящий от властных структур и поэтому защищающий, прежде всего, интересы господствующих классов. В этих условиях происходит подмена правосознания этическими воззрениями: можно привести, например, точку зрения Л.Н. Толстого, который, называя юридическую науку «болтовней» о праве, требовал заменить право нравственными проповедями [5].

Интересным феноменом модернизации стран «второго эшелона» является западнцентризм части интеллектуальной элиты, который в разной степени проявляется во многих государствах. Очень яркое выражение это нашло в России, где со времен Петра I существует раскол между ориентированным на западные стандарты культуры и потребления дворянством и основной массой населения. Западнцентризм в оценках собственной культурно-исторической традиции продолжает сохраняться. В литературе отмечается, что для политических и интеллектуальных кругов присутствует сравнение России с цивилизацией Запада, существует зависимость от внешней оценки [4, с. 189-190]. Данное явление интересно для изучения как с исторической, так и с социологической точки зрения.

Естественно, что в эпоху современной глобализации происходит усиление проникновения западных потребительских и культурно-правовых стандартов в другие регионы и государства планеты, которые изначально имели традиционную цивилизацию. Данное проникновение создает угрозу историко-культурной идентичности этих сообществ, поскольку способствует оценке их исторической традиции и значимых культурно-исторических событий с западнцентристских, радикально либеральных позиций (культ индивидуальных прав, противопоставление гражданина и государства и т.д.).

Синтез национальных и западных культурных моделей в современном мире является очень интересным и многоаспектным явлением, которое можно рассматривать на курсах истории, социологии, культурологии и целого ряда других гуманитарных дисциплин. Даже культуры, которые, казалось бы, нашли достаточно гармоничное сочетание между национальной и вестернизированной традицией и динамично развиваются, могут испытывать серьезные системные противоречия.

Например, в Японии происходит достаточно масштабная депопуляция населения, и одной из причин этого является распространение индивидуализма и кризис традиционной модели семьи.

Объяснение учащимся цивилизационной специфики российской цивилизации способствует выработке у них целого ряда компетенций, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берсенев В.Л. Мобилизационная модель экономики: опыт историографического анализа // История науки и техники в современной системе знаний. Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. С. 16-20.
2. Владимиров А.И. О национальной государственной идее России. Стратегические этюды. М.; Новосибирск: ЮКЭА, 2000. 288 с.
3. Мединский В.Р. Мифы о России. М.: Абрис, 2017. 304 с.
4. Скворцов И.П. Об основаниях культурно-цивилизационного самоопределения России // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 185-190.
5. Ячевский В.В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1983. 167 с.

Г.В. Моргунов

**СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ИМПЕРАТИВАХ
МЕТАФИЗИКИ И. КАНТА¹**

Аннотация: Автор предпринимает попытку исследования проблемы свободы и ответственности, в контексте соотношения категорий "разума", "рассудка", "свободы", "произвола", актуализированных в философии Канта, которая является реализацией проекта Просвещения.

Ключевые слова: ответственность, свобода, рассудок, метафизика, трансцендентность, субъект, личность.

Динамика социо-экономических, культурных процессов глобального мира активизирует изменение смысловых кодов существования личности. Ведь трансформируется не только производство, технологии, наука, но и рефлексивная сфера бытия человека и присущие ему способы мировосприятия и миропонимания. Это обстоятельство деконструирует поведение человека, вследствие чего происходит "разрыв" между представителями разных эпох, что приводит к "фрагментации" истории. Из-за этого человек предстает как "внеисторическая" сущность, поскольку "выпадает" из исторического времени, которое выходит за "рамки парадигмы" и разрушает социальное пространство существования. Как следствие - происходит ослабление исторической преемственности, культурного взаимодействия и коммуникации. В силу этих причин особую актуальность обретает исследование проблемы свободы и ответственности личности, преодоления социального и культурного отчуждения.

Целью статьи является исследование специфики формирования основ этики ответственности. Реализация поставленной цели ставит задачу осветить характерные черты этического дискурса эпохи Просвещения на примере его отражения в философии Иммануила Канта.

Философия эпохи Просвещения разработала рационалистическую модель человека, которая опирается на примат разумной, рациональной и целенаправленной деятельности. Именно способность сознательно достигать практической цели, успешность деятельности были определяющими чертами новоевропейского человека. Корни такого понимания кроются в протестантской этике с ее акцентированием вниманием на повседневной работе и ее результативности. Рациональная, сознательная активность, таким образом, выступает характерной чертой такого человека.

Вследствие того, что "новоевропейский человек" действовал в условиях становления рыночных отношений, его деятельность и мышление приобретали специфические черты, поскольку протекали в условиях ограничения ресурсов потребления, что порождало жесткую

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 10-013---208

конкуренцию и индивидуализм. Отсюда вытекает требование к субъекту этой деятельности нести ответственность за свои поступки прежде всего перед самим собой. Индивидуализированный субъект эпохи Нового времени ориентирован главным образом на себя и на собственную самореализацию в этом мире. Поэтому и отчитывается прежде всего перед собой.

В результате процесса секуляризации, в новоевропейский период индивид оказывается "заброшенным" (Ж.-П. Сартр) в этот мир, то есть таким, что оказывается в ситуации отсутствия высшей авторитетной инстанции. Поэтому он на свой страх и риск вынужден выбирать стратегию своей жизнедеятельности. И если в сфере морали высшая инстанция еще продолжала существовать до конца XIX века, пока Ф. Ницше не совершил "переоценку ценностей" и этим продемонстрировал их безжизненность, то в сфере экономической деятельности свобода индивида была основополагающим принципом с самого начала.

Вновь созданный субъект отказывается от традиционного благоговения перед трансцендентным, нравственным, поскольку всем обязан только себе. Для его мировоззрения характерна посюсторонняя направленность устремлений и трезвость ума. Его взгляд не направлен в трансцендентный мир, не для этого он работает и не от него ожидает помощь. Как отмечал Б. Франклин, успех необходимо приобретать в этой жизни, на этой земле. Человек сам является "кузнецом своего счастья" и не обязан никаким унаследованным привилегиям, и это является для него источником особого удовольствия. Добродетель в таком контексте измеряется полезностью. Поэтому "самоотречение, от которого никому нет пользы, предстает как нечто бессмысленное и глупое" [7, 239]. Полезность же, успех достигается через свободу.

Вместе с тем, для таких мыслителей Нового времени, как Томас Гоббс и Иммануил Кант было очевидно, что в пределах повседневной жизни индивидов свобода зачастую превращается в произвол. Господство последнего приводит к знаменитой "войне всех против всех". Эта идея отражается в понимании И. Кантом природы социального взаимодействия индивидов. Следует заметить, что проблема свободы является одной из самых сложных и дискуссионных в этике Канта. Еще в «Критике чистого разума» автор ставит перед собой задачу прояснить, как мир свободы может проникнуть в мир природы. Априоризм нравственности имеет характер «практической необходимости», и, следовательно, свобода олицетворяет себя в свободной причинности самоопределения. В этом Кант продолжает идею Т. Гоббса, согласно которой первоначальное состояние "войны всех против всех" преодолевается благодаря внешнему принуждению. "Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь

недоброжелательную общительность людей, т.е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением. "[3, 16].

Источником этой "недоброжелательности" выступает "человеческая природа". Человек склонен общаться с себе подобными, так как благодаря этому он развивает свои природные задатки. Но ему также присуще сильное стремление уединяться (изолироваться), потому что он одновременно находит в себе некоммуникативное свойство - желание все согласовать только со своим пониманием - и потому ожидает отовсюду сопротивление, потому что он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим. Именно это сопротивление, по мнению И. Канта, активизирует все силы человека, заставляет его преодолевать природную лень, и, движимый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих близких, которых он терпеть не может, но без которых он не может и обойтись. В этом антагонизме берут свое начало первые настоящие шаги от варварства к культуре, которая заключается в общественной ценности человека.

Здесь постепенно утверждается такой способ мышления, который способен со временем превратить природные задатки морального различия в определенные практические принципы, и таким образом "патологически вынужденное согласие" жить среди других людей воплотить в нравственный закон. Без этих "свойств необщительности", порождающих сопротивление, "задатки" навсегда остались бы скрытыми в зародыше. "Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо, и она хочет раздора" [3, 17], - убеждает И. Кант. Таким образом, по мнению немецкого философа, "необщительность" и "общее сопротивление" являются движущими силами развития человечества. Впрочем, природная склонность к произволу должна быть ограниченной. Ведь человек действует под давлением его природных склонностей, поэтому и существует подобно вещи, а не как свободное существо.

В поисках ограничения произвола индивидуализированного субъекта, который мог превратить его в свободное существо, Кант приходит к выводу, что таким ограничивающим, регулятивным принципом является только разум. В антропологии мыслителя субъект деятельности состоит из трех измерений. Во-первых, это "задатки животности человека" как живого существа. Во-вторых, это "задатки человечности", которые принадлежат человеку как живому существу, и вместе с тем, как существу разумному. В-третьих, это "задатки его личности" как разумного существа и вместе с тем существа, способного отвечать за свои поступки. Таким образом, индивид утверждается как личность при наличии способности отвечать за свои поступки. Эта способность и характеризует человека как свободное существо. Ведь произвол зависим от различных эмпирических объектов, зато свобода руководствуется императивами разума как "безусловным господствующим законом". Этот безусловный закон

невозможно вывести из эмпирического опыта. Поэтому, если бы этот закон "не был бы дан в нас, мы не могли бы его как таковой выдумать никаким разумом или навязать произволу; и все же этот закон единственное, что дает нам осознание независимости нашего произвола от определения всеми другими мотивами (осознание нашей свободы), а тем самым и осознание того, что за все поступки мы способны нести ответственность"[4, 26].

Таким образом, свобода человека предусматривает его ответственность. Проект Просвещения заключался в эмансипации человека, его освобождении от различных "идолов". В философии Канта, которая является способом самоположения не только науки, морали и искусства, но и самоопределения человека, который отвечает за себя и этим себя конституирует. Но для того, чтобы сознательно себя творить, необходима свобода. Обращаясь к самому себе, он вырывается из "болота" эмпирического круга существования и становится "метафизическим существом".

Метафизика у И. Канта насквозь антиномична, и поэтому в ее пространстве появляется возможность свободы, которая является ноуменальным корнем, онтологической основой, словно бы субстанцией "метафизических предметов". "Свобода — это "место" возможного абстрагирования от непосредственной данности и заданности существования, то есть, основа возможности мышления вообще, так же, как и основа возможности моральной ответственности за собственное бытие" [1, 269]. Эта фундаментальная основа возможности разума открывается, когда с логической и этической необходимостью, стремясь онтологически обосновать свой теоретический и нравственный мир, разум находит себя "заброшенным" в радикальную метафизическую проблему. Антиномичность "метафизических предметов", антиномичность человека, прежде всего, выталкивает его за пределы механически упорядоченного и детерминированного мира, делает его существом принципиально отстраненным. Свобода человека кроется в способности быть от "мира" в стороне.

В этом контексте, исследуя проблему поведения человека, Кант видит источник нравственного поведения в априорных идеях "практического разума". Эмпирический опыт, по мнению немецкого философа, не может дать истинный критерий такого поведения. Опыт, который служит источником истины в познании природы, оказывается бессильным в процессе конституирования норм отношений между людьми. Задача "практического разума", в отличие от "чистого разума" (науки), заключается в том, чтобы раскрыть общие императивы поведения, которыми индивид должен руководствоваться в своем эмпирическом существовании.

Таким образом, Кант утверждает, что благодаря разуму человек способен возвышаться над природным миром детерминации. Человек как

разумное существо принадлежит "царству целей" и возвышается над "царством природы". Итак, свобода человека заключается в его самодетерминации, способности быть законодателем всеобщих нравственных законов. Но, вместе с тем, отсюда вытекает и его ответственность. Ведь человек принимает этот закон, исходя из уважения ко всеобщей нравственной максиме, а не под действием естественной склонности или страха.

Как субъект свободной воли и разумное существо, человек является самоцелью. Его нравственные цели являются всеобщими вследствие того, что индивид самоосуществляется как представитель рода человеческого, то есть он должен в процессе своей деятельности относиться к другим людям как к цели, а не как к средству. По И. Канту, человек как нравственная личность ответственен перед человечеством в целом. Таким образом утверждается верховенство общечеловеческого над эгоистическими интересами. "Категорический императив" является ничем иным, как законом нравственной свободы и выражает обязанность человека перед самим собой. Но это возможно при условии отношения к себе, как к представителю рода человеческого. Поэтому философ говорит, что человек как свободное существо берет на себя обязательства, то есть относится к себе как к человечеству в своем лице. Поэтому, освобождение человека предусматривает утверждение его как высшей ценности. Формулируя "категорический императив", Кант исходит из понимания самоценности человека как субъекта всех возможных целей.

По мнению И. Канта, человек может быть свободным, следовательно, и ответственным, только как "интеллигибельное существо", как личность. Эмпирический характер человеческого поведения может быть детерминирован условиями его жизни. Но ответственным человек становится именно благодаря своей способности действовать, опираясь на разум, который является сферой самодетерминации. В таком случае ответственность и эмпирические детерминанты выступают как взаимоисключающие. Иначе говоря, человек свободен только в пределах умозрительной сферы, в сфере практической деятельности он оказывается жестко подчиненным внешним обстоятельствам и обречен на произвол.

Человек как "интеллигибельная", "метафизическая" сущность не выдерживает напряжения проблематичности и обречен постоянно перемещаться из мира ноуменов в мир феноменов и наоборот. Конкретный "Другой" гораздо больше удален от этого человека, чем человечество вообще. Так же, как и разум вообще, который у И. Канта отождествляется с нравственностью, при детальном анализе постоянно раскрывается как рассудок индивидуализированного субъекта, очень часто подменяя собой интересы человечества вообще частными интересами индивидуального или группового "я".

Концепция человека у И. Канта построена весьма иерархично. Чувственное измерение бытия индивидов оказывается подчинено

"естественной" детерминации, а свобода оказывается в сверхчувственной сфере "практического разума". Но бесчувственный (отделенный от чувственной составляющей) разум оказывается сухим рассудком. Структура сознания также выступает иерархически построенной. Дуализм между практикой и теорией, ощущениями и умом, свободой и необходимостью выливается в примат разума. Возникает вопрос, а чем является этот разум? История дальнейшего развития продемонстрировала ограниченность "разума Просвещения".

Человек в этом контексте ответственен не столько перед конкретным "Другим", сколько перед абстрактным "человечеством". Отсюда вытекает игнорирование чувственности как основы человеческого поведения. Для Канта ощущения не способны даже обманывать "трансцендентального субъекта". "Ощущения не обманывают, - утверждает И. Кант, - ... и не потому, что ощущения всегда правильно судят, а потому, что они вообще не судят, в результате чего ответственность за ошибку всегда несет только рассудок ... но ошибка, которую из-за этого он допускает - ошибка рассудка, а не ощущений» [2, 163]. В результате иерархического дуализма этика ответственности превращается в формальную деспотическую норму "категорического императива". Даже совесть не выводит человека из состояния бесчувственности, то есть неспособности сочувствовать "Другому". Последний поглощается рассудочной абстракцией "рода человеческого".

Попытка положить в основу нравственного поведения формальный принцип превращает человека в винтик "хрустального дворца" морали. История развития человечества после Канта показала, что "интерес всего человечества" с легкостью превращается в "частный интерес" отдельного человека или группы людей. Абстрактность "категорического императива" приводит к тому, что он очень легко наполняется содержанием, которое кардинально противоречит стремлениям его создателя. Заложенная в "категорическом императиве" устремленность к господству новоевропейского субъекта над миром в истории XIX и XX веков трансформируется в господство одного человека над другим. Отношение к миру как к «вещи» переносится на отношение к "Другому", оно овеществляется. Ясно, что ответственность в этих условиях кардинально трансформируется: можно не отвечать на страдания "Другого", ведь отвечать необходимо только перед "человечеством", к тому же ограниченным моей персоной. Позже Ф. Ницше писал: "Мы сегодня вовсе не сочувствуем понятию "свобода воли": мы очень хорошо знаем, что это такое – самый сомнительный фокус теологов, который только есть, с целью сделать человечество "ответственным" в их понимании, то есть сделать зависимыми от них самих ... Всюду, где ищут ответственности, обычно инстинкт ищет желание карать и осуждать» [6, 583]. Рассудок под маской "общечеловеческого разума" легко идет на службу любым властным интенциям. Позже это подробно раскрыл М. Фуко в своей концепции

"дисциплинарной власти".

Абстрактность новоевропейского рассудка и его доминирование создают предпосылки для формализации проблемы "ответственности" в философии Канта. Так, например, у Ф. Ницше совесть — это не долг перед деспотичным рассудком, а привилегия автономного человека. "Гордая осведомленность об исключительной привилегии ответственности, осознание этой редкой свободы, этой власти над собой и судьбой пронизывает его до самой глубины и становится инстинктом, доминирующим инстинктом - как же он назовет его, этот доминирующий инстинкт, предположив, что ему нужно найти для него слово? Но в этом нет сомнения: этот суверенный человек называет его своей совестью ... "[5, 441]. Если по Канту "моральный закон" всегда дистанцирован от человека, то у Ф. Ницше он превращается в "инстинкт", то есть имманентен человеку. Разорванность чувственного и рационального у И. Канта приводит к тому, что в дальнейшей философии сущность человека видится не в "разуме", а, наоборот, в иррациональном. Ограниченность рассудочной морали в дальнейшем пытались преодолеть через волевое, чувственное начало. Впрочем, как известно, односторонность иррационального оказалась ничем не лучше односторонности рационального. Более того, противоречивость рационализма и иррационализма оказывается мнимой. В определенном ракурсе иррациональное является обратной стороной рационального, неразумные чувства - обратной стороной бездушного рассудка. Иррационализм продолжает судьбу "утопического рационализма" (Х. Ортега-и-Гассет), он так же разрывает человека между двумя мирами: миром свободы и миром необходимости. Меняется только то пространство, где человек может быть свободным. Непосредственное пространство intersubjectивных отношений, общество остается сферой несвободы и безответственности. В контексте социальных отношений индивид в обоих случаях не может нести сущностную ответственность в силу того, что они оказываются зоной внешней детерминации. Она, в пределах рационалистической философии Канта, накладывается на поступки субъекта извне как абстрактная, а потому и репрессивная, мера.

В рамках философии Канта, отражена проблематика всей эпохи Просвещения в целом. Идеал ответственного человека, который реализуется только за реальными межличностными отношениями, оказывается бессильным в мире повседневного существования. Формальная этика оказывается бездействующей, так и формальное понимание проблемы "ответственности" в эпоху Просвещения превращает ее в абстрактный несовершенный идеал.

Содержание философии Канта не исчерпывается своей эпохой. В ней присутствует возможность критики, а значит и выхода, отстранения от застывших форм "нормативного закона", и тогда ответственность и самоопределение человека возникают снова как актуальные проблемы.

Это требует поиска дальнейших ответов на проблему соотношения «свободы» и "ответственности", которая не решена раз и навсегда, хотя навсегда поставлена Кантом и Просвещением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина А.В. София и черт. Кант перед лицом русской религиозной метафизики // Ахутина А. В. Тяжба в бытии. - М.: Русское феноменологическое общество, 1996. - С. 244-271.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: в 8 т. - Т. 7. - М.: Чоро, 1994. - С. 137-441.
3. Кант И. Идея всемирной истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 8 т. - Т. 8. - М.: Чоро, 1994. - С. 12-28.
4. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. - Т. 6. - М.: Чоро, 1994. - С. 224-542.
5. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. - Т. 2. / сост., Ред. и авт. примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. - М.: Мысль, 1996. - С. 407-524. Философия 45
6. Ницше Ф. Сумерки идолов или как философствуют молотом // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. - Т. 2 / сост., Ред. и авт. примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. - М.: Мысль, 1996. - С. 556-630.
7. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали: пер. с польск. / Общ. ред. А. А. Гусейнова; Вступление. ст. А. А. Гусейнова и К. А. Шварцман. - М.: Прогресс, 1987. - 528 с.

С.Н. Некрасов

**«ВЕЛИКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА» ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ –
ЗАВЕРШЕНИЕ ПРЕДЫСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Аннотация. В статье критикуется широко распространенное утверждение, что наше будущее зависит от того, как скоро мы перейдем к высокотехнологичному миру с низким содержанием углерода, к низкоуглеродной экономике. На самом деле формируется эконофашистская повестка дня международного банковского лобби и хедж-фондов, продвигающих «зеленые инвестиции» и апокалиптические культы, предсказывающие «конец света», если не будут сокращены выбросы углерода. Следует разоблачать псевдорелигию климатических апостолов с помощью научных дебатов. Реальная чрезвычайная ситуация - это установление зеленой диктатуры в виде декарбонизации мировой экономики, которая приведет к коллапсу развитых стран, упадку развивающегося мира и глобальному сокращению населения, то есть геноциду. В конце предыстории человечества возникает очередная неожиданность - «зеленый лебедь» как установление зеленой диктатуры. Моделью обнуления цивилизационной матрицы выступают перезагрузки кинематографической матрицы. Провозглашенный Западом курс на безуглеродное будущее исключает существование капиталистической России в ее современном периферийном облике. Мир антагонистических обществ и социальной несправедливости вступил в конец предыстории – в ситуацию перезагрузки и борьбы за ресурсы во главе с Америкой и Евросоюзом, а выходит из неё во главе с Китаем и Россией, сообществом единой судьбы человечества.

Ключевые слова. низкоуглеродная экономика, предыстория, зеленая диктатура, сельское хозяйство, климатические апостолы, эконоколлапсологи, зеленые «пророки гибели», духовность, форум в Давосе, безуглеродное будущее.

Если представить всемирную историю когнитивных и социокультурных систем человечества во временном потоке как ставшую единой для всех народов и континентов цивилизационную матрицу, в которой рождаются и сражаясь погибают цивилизации, то естественно задаться вопросом, когда эта матрица стала всемирной? Всемирной не в смысле всемирной истории, написанной историками, как например «Всемирная история дипломатии», но всемирной в смысле надмирной глобальной сети процессов, стягивающей воедино все уголки мира в общий процесс развития как качественного изменения. Очевидно, что формирование капиталистической цивилизации запустило работу этой матрицы как совокупности рыночных хозяйств, их игр обмена, формирования модульного типа человека каждой формации, разделения труда, в том числе на философов и не-философов. Лиссабонское

землетрясение, описанное Вольтером как феномен культуры и менталитета, сформировало зрелый практический атеизм, а по влиянию на философию, религию и культуру европейцев лиссабонское землетрясение превзошло ужасную Первую мировую войну, из которой выпорхнула черная бабочка фашизма. Новейшие оценки Ватиканом шока от Пандемии прямо сравнивают рост числа атеистов три с половиной века назад как результат землетрясения и аналогичный процесс сегодня, когда ужасные страдания и внезапная смерть множества людей заставляют искренне верующих людей усомниться в существовании Бога с гораздо большей силой, нежели любые философские теории Просвещения.

Глобальная матрица была сформирована и уравновешена в результате Первой Мировой войны и Октябрьской революции, когда образовалась мировая система социализма, прошло завершение холодной гражданской войны в виде репрессий 1937 г., осуществилось нашествие коллективного капиталистического Запада во главе с нацистской Германией на родину мирового социализма. Начавшаяся после Второй Мировой войны холодная война, завершившаяся победой Запада в 1992 г., привела к крушению всей матрицы цивилизационного развития. Первые тридцать лет после краха СССР выглядели как «конец истории» и формирование однополярного мира. Это была пародия, фарс на трагедию мирового социализма, отказавшегося от диктатуры пролетариата уже в 1961 г. и перешедшего к диктатуре буржуазии под флагом общенародного государства, обнажившего вызревший капитализм также через тридцать лет – строго в 1991 г.

Начавшаяся «Великая перезагрузка» матрицы, объявленная в Давосе дважды в 2020 и 2021 гг., до боли напомнила десталинизацию, разоблачение культа и последовавшую перестройку. Задуманная большая перестройка оправдывалась необходимостью «спасения планеты от нас самих», и тем, что перезагруженному человечеству придется разработать более чистые технологии – технологии освобождения от людей. Считается, что само будущее зависит от того, как скоро мы перейдем к высокотехнологичному миру с низким содержанием углерода, к низкоуглеродной экономике. В целом эта новая утопическая идея создания устойчивой «зеленой экономики» в отличие от нестабильной, зависимой от углерода экономики, предполагает мировую войну нового гибридного типа, так же как старый капитализм рождал войну старого типа как передел мира рынков сбыта и источников сырья.

В статье «Каким может быть безуглеродный мир будущего?» футуролог Рамез Наам так объяснил новую форму войны против человеческого в человеке: «Говоря об энергии, еде, транспорте, домах и подобном: очень малая часть нашего прогресса будет идти через добровольное желание потреблять меньше. Люди отчаянно этому сопротивляются. Если мы хотим преуспеть, нам нужно предоставить больше чистых, не загрязняющих окружающую среду, безопасных для

климата вариантов этого всего» [1]. Отметим: люди мешают, они сопротивляются, и нужна война, чтобы сломить это сопротивление.

В «Курьере ЮНЕСКО» М.Г. Хеннесси в статье «Безуглеродное будущее: первое слово за городами» пишет: «Во избежание катастрофических последствий изменения климата сокращение углеродных выбросов должно быть более радикальным, чем предусмотрено Парижским соглашением 2015 г. В связи с этим требуется масштабная реформа энергетики и согласованные и конкретные меры на международном уровне, в том числе по электрификации транспорта и декарбонизации жилья» [3]. После климатического саммита ООН 2019 г. радикальные отделения климатического лобби на уличном уровне начали действия с целью «спасения планеты», а организация «климатических апостолов», основанная в Великобритании, потребовала, чтобы выбросы парниковых газов были сведены к нулю к 2025 г. Напротив, Институт культуры и искусства им. Ф. Шиллера организовал дни действий по всему миру, чтобы разоблачить экофашистскую повестку дня как международного банковского лобби, так и лобби фондов, продвигающих «зеленые инвестиции» и иррациональные апокалиптические культы, предсказывающие скорый «конец света», если ничего не будет сделано для сокращения выбросов углерода. Более того, обнажился всячески скрываемый Климатгейт и против этой человеконенавистнической идеологии выпущена брошюра Х. Зепп-Ларуш, призывающая к «научному возрождению человечества». В ней говорится: «нет никакой климатической катастрофы. Климатические данные за последние 500 миллионов лет показывают, что климат Земли постоянно менялся с постоянным чередованием теплых и холодных периодов... Современные климатические паникеры не могут основываться на научно проверяемых фактах, но используют климатические модели, предсказания которых уже оказались преувеличенными [6, р. 2]». CO₂ не является загрязнителем, но оказывается необходимым условием для жизни на Земле. Аксиомы экоалармистов столь же неверны, как и большинство составляющих Средневековья, таких как схоластика, колдовство, сжигание ведьм или движение флагеллантов.

Совершенно то же относится к Ковид-19 - катастрофе лжепандемии как самому эффективному способу утилизации лишней биомассы. Пандемия закончится, когда завершится использование химтрейлов, будут вышки, облучающие в определенных диапазонах организмы, и останется лишь радиация ранее освоенных военными диапазонов 5G, которая сама по себе не опасна. Однако масочный режим на планете останется по проекту перезагрузки навсегда, поскольку он создает новую реальность общества безликих человекообразных существ. Но важнейшей причиной несостоятельности нового мира перезагрузки и обнуления станет человеческий выбор. В третьем фильме «Матрица. Революция» Архитектор сообщает Нео о том, что главная проблема невозможности

долгого существования перезагруженной матрицы заключается в человеческом выборе. И Нео как «избранный», способный рукой останавливать пули агентов матрицы, формулирует: «Choice. The problem is choice». Глобалисты не только на форумах решают эту проблему, однако в фильме решают ее тем, что создают в третьей перезагрузке человеческим бунтарям их убежище – штурмуемый машинами город Зион. Но сама проблема может решиться только в Революции, и она решается превращением Нео в код, а кода агента Смита в человека, то есть установления мира между человеком и машинами.

Чувства страха и бессилия перед несправедливостью капиталистических отношений по мере завершения предыстории усиливаются, и посредством Covid-19 попадают в души и сердца людей, у которых в запланированной «большой перезагрузке» и новом информационном обществе используется ограниченный объем когнитивных функций мозга [5]. Это необъединенное человечество надеется то на Йеллоустонский вулкан, будто бы периодически очищающий Землю, то на заатмосферный термоядерный взрыв, способный вывести из строя всю следяще-считывающую аппаратуру информационного общества. Все эти настроения уже построены на том, что навязчивой идеей современного человека стала возникшая после прозвучавшего в фильмах «Матрица» предложения «прими красную таблетку» – призрачность нашего существования, закодированность бытия, страх того, что мы на самом деле живем в Матрице, обитаем в нарисованном мире, являемся объектом эксперимента, служим живыми энергетическими батарейками для следующей за человечеством цивилизации машин.

Начинаются навязчивые поиски сбоя кода Матрицы (женщина в красном платье, повтор картинки, феномен дежавю, плоская Земля, иллюзия истории и прошлого, которых не было по причине новой перезагрузки), возникает стремление найти Архитектора перезагрузки Матрицы, Мервингера и Пифии как управляющих персонажей сюжета трех фильмов братьев Вачовски «Матрица». Нео, Морфиус и Тринити лишь пытаются обратиться к ним за разгадками своего бытия [2]. После выхода фильмов братья совершили переход (каминг-аут) – стали сестрами, транс-женщинами, что говорит о глубоком личном потрясении от самого рассуждения о программных кодах социального бытия, перезагрузки, революции, мира свободного человека и свободной воли искусственного интеллекта, убежища людей города Зион, а на самом деле резервной восстановительной системы матрицы и гибели города под ударами машин. На самом деле это навязанные коллективные иллюзии целой общественной эпохи краха капитализма и родовых мук нового справедливого социалистического общества.

Всемирный экономический форум в Давосе год назад был посвящен «спасению планеты», «предотвращению климатического апокалипсиса»,

«прекращению глобального потепления», в списках докладчиков было много «коллапсологов». За лозунгами стояла реальная повестка дня: создание нового «зеленого пузыря», чтобы спасти обанкротившуюся трансатлантическую финансовую систему от краха. В Давосе сложившийся альянс между идеологами монетаризма и защиты окружающей среды стал ясным для всех. Выступление Д. Трампа на форуме вызвало шок, поскольку он сказал: «Сейчас не время для пессимизма; это время для оптимизма... Но, чтобы принять возможности завтрашнего дня, мы должны отвергнуть вечных пророков гибели и их предсказания апокалипсиса. Они являются наследниками вчерашних глупых гадалок... и они хотят видеть, как у нас плохо, но мы этого не допустим. Они предсказали кризис перенаселения в 1960-х гг., массовое голодание в 70-х и конец нефти в 1990-х гг.» [4, р. 2]. Трамп после этой речи стал ненужным и подлежащим устранению в большой перестройке. И в начале июня 2020 г. на сайте Всемирного экономического форума появилась тема очередного саммита 2021 г: «Великая перезагрузка», при помощи которой предлагалось «извлечь выгоды из глобального экономического шока», что соответствует политике ООН, озвученной в 2015 г. в программе Agenda 2030.

Стало наглядно очевидным, что через 30 лет после распада старой матрицы в новой перезагруженной матрице создается «капитализм всех заинтересованных сторон» (stakeholder capitalism). Но это не новый капитализм, а новое рабовладение. Почему? Потому что перестроенный капитализм, объявленный инклюзивным вместо старого эксклюзивного, устанавливает новый лимит на человеческую биомассу: от 2 млрд в странах третьего мира и до 500 млн в странах первого мира с тем, чтобы была сформирована новая мировая система цифрового рабства и тотального контроля. Тесты в ней могут заражать, брать анализ ДНК, либо показывать зараженность здоровых людей, подлежащих удалению. Эти действия взаимодействуют в реализации проекта интернета людей по аналогии с «интернетом вещей», где каждый человек и каждая «умная вещь» в «умном доме» через встроенный наночип подключается к общему компьютеру и к системе ИИ с результирующей утилизацией в духе лемовских «Звездных дневников Йона Тихого» и электронным рабством. В двадцать четвертом путешествии Тихий видел народ индиотов, которых великая Машина превращала в блестящие кружки и выкладывала из них красивые узоры на планете. Делала она это во имя красоты и вечного покоя, который подрывали люди, желавшие справедливости и равенства.

Актуальность движения планеты в сторону социализма подтверждается тем, что провозглашенный Западом курс на зеленую экономику и безуглеродное будущее исключает существование России в ее современном буржуазно-либеральном периферийно-экспортном обликии. Новой цивилизации на планете будут не нужны ископаемые источники энергии – уголь, газ, нефть, уран, станут не востребованными системы

газопроводов и нефтепроводов. Исчезнет ископаемый и экспортируемый источник столь необходимой стране валюты. Останется один источник – сельское хозяйство и земельные ресурсы. Другим источником в зеленой экономике станут бесплатные бесконечные энергоресурсы в стиле Н. Теслы, когда к вращающемуся ротору Земли ставится статор для получения энергии. Наиболее оптимальным общественным устройством для России и мира в этих условиях становится социализм, при этом на первый план выходит вопрос о цели и смысле жизни и творчества все новых поколений людей.

Мир вступил в ситуацию перезагрузки и борьбы за ресурсы, борьбы с коронавирусом во главе с Америкой и Евросоюзом, а выходит из неё во главе с Китаем и Россией. Вместе с Америкой и Великой Европой с их либеральным проектом «Нового Вавилона» уходят демократия, свобода и спекулятивный капитализм, а с Китаем и Россией на просторах Большой Евразии в исторической форме и в границах «Третьей орды» приходят порядок, общая судьба человечества и социализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каким может быть безуглеродный мир будущего? // [Электронный ресурс] https://s30633708255.mirtesen.ru/blog/43476980388/Kakim-mozhet-stat-mir-v-buduschem-pri-defitsite-ugleroda-...?utm_referrer=mirtesen.ru Дата обращения 22. 12. 2015
2. Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице». – М.: Ультра. Культура. 2003. – 312 с.
3. Хеннесси М. Г. Безуглеродное будущее: первое слово за городами // «Курьер ЮНЕСКО» № 3, 2019 - <https://ru.unesco.org/courier/2019-3/bezuglerodnoe-budushchee-pervoe-slovo-za-gorodami> Дата обращения 09. 03. 2021
4. Executive Intelligence Review - E.I.R. Strategic Alert Weekly Newsletter n° 34, No. 5, January 30, 2020. Дата обращения 19. 05. 2020.
5. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset, Cologny/Geneva: FORUM PUBLISHING 2020. – 212 p.
6. Zepp-LaRouch, Helga. Executive Intelligence Review - E.I.R. Strategic Alert Weekly Newsletter n° 41 / 2019. p. 1-4. Дата обращения 12. 06. 2020.

МИР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНФОРМАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. Глобальные угрозы безопасности выступают как специфическое порождение современной эпохи, как следствие крайне обострившейся неравномерности экономического, социального, политического, научно-технического, демографического, экологического и культурного развития современных государств в условиях возрастающей информационной прозрачности и открытости.

Ключевые слова: глобализация, информация, безопасность, вестернизация, неравномерность развития.

Процесс расширения и интенсификации социальных связей, между различными общностями и группами, классами и слоями, объединениями людей осуществляется непрерывно с момента возникновения человека как продукта общественных отношений. К настоящему времени изучение глобализации позволяет выделять несколько принципиальных форм ее появления:

- а) Технологический прогресс привел к изменению коммуникационных возможностей в пространстве и времени. Медленно, в течение тысячелетий шел процесс коммуникационного сжатия мира, создания единого общества, посредством ряда фундаментальных открытий: изобретения книгопечатания, распространения транспорта и телевидения, утверждения глобальной сети Интернет. Пространственно-временное сжатие стремительно сокращало географические и социальные дистанции, разделяющие граждан информационного общества.

- б) Увеличение скорости коммуникационных процессов, рост масштабов взаимосвязей и степени взаимозависимостей в современном обществе между социальными общностями и движениями, странами и континентами, развивающимися рынками. Социолог М.Кастельс назвал нынешнее общество «сетевым», ядром которого является глобальная экономика, «работающая как единая система в режиме реального времени и масштабе всей планеты».

- в) Расширение взаимодействия и слияния различных культур. Современные электронные средства связи, дистанционное образование и средства массовой информации делают возможным обмен культурными образцами в мировых масштабах и с огромными скоростями. Люди в разных концах света все больше проникаются сознанием, что они живут в едином мире.

- д) Формирование системы глобальных социальных взаимодействий как основы становящегося планетарного социума - создание и развитие транснациональных корпораций, международных некоммерческих

организаций, рост международных правительственных организаций: ООН, НАТО, МВФ, Всемирный Банк, Гринпис, Красный Крест.

Понятие «глобализация» закрепилось в научном обороте с 1996 года, после 25-ой сессии Всемирного экономического форума в Давосе, проходившая под руководством основателя и президента Давосского форума Клауса Шваба, где дискуссия проходила вокруг темы «Глобализация основных процессов на планете». Впервые термин «глобализация» употребил в 1983 году Т. Левитт в статье в «Harvard Business Review», характеризуя процесс слияния рынков отдельных продуктов, производимых транснациональными корпорациями. К 1998 году в экономической литературе термином «глобализация» стали обозначать превращение мировой экономики из суммы связанных товарообменом национальных экономик в единую производственную зону и «единый глобальный рынок» (термин, введенный в оборот Джеффри Саксом), где обращение товаров, услуг, капиталов, людей и информации является беспрепятственным. Идея глобализации в социальной модели разрабатывалась всесторонне в работах О. Конта, К. Маркса и теоретиков «массового общества». У О. Конта идея транснационального союза европейских государств и североамериканских штатов, - «Западной Республики» раскрывается в трактовках человекобожия. Мировое пространство О. Конт отождествлял с «Великой средой», а человечество с «несравнимой Богиней». Среда Интернет является технологической базой реализации великой трансформации, которую можем назвать в настоящее время Великой средой мирового информационного пространства.

У К. Маркса идея глобализации освобождается от религиозной терминологии и принимает социально-экономические и классовые очертания. Наиболее важны в его анализе следующие тезисы:

- а) Создание крупной промышленности всемирного рынка и развитие торговли и средств сообщения.

- б) Глобализация производства и потребления. «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим... Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены... Их вытесняют новые... отрасли, ...вырабатывающие различные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света».

- в) Замена «национальной замкнутости» «всесторонней связью и зависимостью наций друг от друга» в области материального и духовного производства.

- д) Вовлечение в сферу западной цивилизации всего мира: «Буржуазия быстрыми усовершенствованиями вех орудий труда и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации».

- е) Рост унификации общественной жизни: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более

исчезают... со свободной торговлей, свободным рынком, единообразием промышленного производства».

Социологию интересует возможность превращения мирового сообщества в мировое общество, которое в работах М. Олброу, «воспринимается как самая важная тенденция сегодняшнего развития». «Глобализация (от лат. globus - шар) - принцип подхода в теории и политике к формированию, организации, функционированию и развитию мира как целостной экономической, социокультурной и политической суперсистемы. Глобализация означает, что современное человечество рассматривается как единое целое, принципиально новая всемирная, глобальная система, все структурные элементы которой находятся в теснейшей и неуклонно углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости. Глобализация мира носит объективный характер и обусловлена, прежде всего, быстро прогрессирующей интернационализацией всех сторон жизни стран и народов. Она находит отражение в достижении уровня единства, при котором существование и успешное развитие каждой страны, каждого народа оказывается все больше в прямой и решающей зависимости от состояния мира в целом. Наиболее видными представителями развития идей глобализации являются Э. Тоффлер, З. Бжезинский, К. Боулдинг, С. Мендловиц, Э. Ласло и др.

Современный этап глобализации обусловил переход функции интеграции человечества к средствам массовой информации. Радикальное воздействие средств массовой информации на общество и человека отмечал А. Токвиль: «В условиях, когда люди больше не связаны между собой прочными и длительными узами, становится невозможным достичь объединение большего числа людей до тех пор, пока вам не удастся убедить каждого добровольно объединить свои требования с требованиями других. Это может обеспечить только газета... ей одной дано посеять одну и ту же мысль одновременно в умах тысяч людей. Газета - это вестник, которого не надо искать, так как она сама приходит к вам и ежедневно беседует с вами, не отвлекая вас от ваших повседневных забот». Подмеченный А. Токвилем процесс превращения СМИ в фактор социальной интеграции обнаруживает фундаментальную характеристику глобализации. Она включает замену человеческого общения искусственными формами социальной коммуникации, изменение повседневных социальных практик через информационные системы, посредством Интернет. В работах естествоиспытателя А. Кларка и английского социолога М. Маклюэна идея глобализации обретает форму технологического детерминизма.

М. Маклюэн развивает фундаментальную для понимания глобализации тему о ведущей роли средств массовой коммуникации. Новый этап изменения социального пространства-времени он связывает с появлением электронных сетей - Интернет, несопоставимо увеличивших скорость информационных потоков. Электронные средства массовой

коммуникации сжимают мир в одну точку и позволяют каждому одновременно видеть события, удаленные друг от друга. Такой мир М. Маклюэн назвал «глобальной деревней». Логика концепции глобальной деревни подводит к одному из ключевых аспектов идеи глобализации - проблеме глобального сознания. М. Маклюэн проводил аналогию между системой электронных средств массовой информации и центральной нервной системой человека. Он представляет идею глобализации образом единого земного человека. Глобальная деревня М. Маклюэна, обозначающая современное общество, в котором благодаря развитию коммуникационных систем люди рассуждают и поступают так, как если бы они были, совсем рядом, жили в одной деревне.

В целом глобализация представляет собой отнюдь не «естественный», идущий сам по себе процесс, средством интенсификации информационного обмена является технологический прогресс, прежде всего, реализуемый посредством развития микропроцессорной техники, цифровых технологий, средств телекоммуникации, сети Интернет. В результате появилась реальная возможность для формирования глобальной информационной среды. Объединение возможностей компьютера с сетью Интернет «сжимает» время и пространство, уменьшая значение национальных границ, приобщая индивидов к некоторой глобальной общности.

Глобализация определяется такими качествами как открытость, многоаспектность и многоуровневый характер. Глобализация - не столько данность, сколько становящаяся реальность. Её системообразующие параметры вырабатываются в самом процессе формирования нового глобального мира. Приводя в движение системообразующие свойства общества и личности, глобализация ставит перед человечеством новые проблемы, а для решения старых выдвигает качественно иные требования. Ведь ядром глобализации - её субъектом и объектом — выступает человек, который породил своими действиями глобальные проблемы современности. Для решения этих проблем, - а они пронизывают всю культуру и формы жизнедеятельности, - требуются практические действия и теоретические дискурсы, равные современным вызовам.

В числе основных проблем, порождённых глобализацией, выделяются:

- проблема идентичности, соотношение глобализации и идентичности (индивидуальной, культурной, цивилизационной) в современных условиях;
- осознание того, что объективный процесс глобализации трансформируется в вестернизацию и американизацию. Происходит смешение понятий глобализации как объективного процесса и идеологии глобализма, выражающей интересы правящих групп и элит;
- существенный разрыв культурных традиций и ментальности, с которыми разные народы подошли к современному этапу глобализации;

- отсутствие на сегодня единой конструктивной концепции глобализации, могущей стать основой общепланетарных трансформаций в интересах большинства

Глобализирующаяся реальность пронизана глубочайшими парадоксами, такими как: систематическая критика науки и научной рациональности, с одной стороны, и абсолютное доверие к науке, - с другой,

усиливающаяся критика идеи прогресса, с одной стороны, и попытка убедить весь мир в том, что существует одна единственная, «прогрессивная» модель общественного развития, которой является неолиберальная модель социально-экономического развития,

понимание мировым сообществом того, что тот путь, по которому западные страны достигли своего экономического благополучия, является стратегически тупиковым, поскольку именно он привёл к столкновению природы и индустриальной цивилизации, с одной стороны, а с другой, - стремление придать базовым принципам этой цивилизации глобальный характер.

Моделью глобализации, соответствующей природе постиндустриального общества, может быть та, которая представляет людям, независимо от их национальности и места проживания, равное право на знание и культуру, обеспечивает их культурный рост и развитие в любой точке земного шара. Экономическое равенство людей в значительной мере зависит от их культурного равенства, в достижении которого, очевидно, и следует усматривать главную цель глобализации.

Таким образом, социальный смысл и социальные процессы глобализации глубоко противоречивы. Обладая большим потенциалом стимулирования человеческого роста, технологического прогресса, развития информационных систем, являясь источником многих социальных изменений в целом ряде стран мира с одной стороны, неуправляемая, неконтролируемая глобализация несёт массу отрицательных последствий особенно для развивающихся государств, с другой. При этом особо глубокие опасения глобализация вызывает непосредственно в сфере культуры.

Глобализация сегодня всё больше происходит в сфере не только экономики, но и информации. Производство информации в наше время стало главным источником развития, в том числе и экономического и военного. Получив техническую возможность распространяться на всё пространство земного шара, информация охватила сегодня своими сетями и потоками весь мир. Соответственно меняются требования к современному человеку, который нуждается теперь в постоянном доступе к источникам информации, обязан уметь пользоваться ею, находить ей правильное применение.

В условиях глобализации в разы возрастает роль коммуникации, её уровень углубляется, число коммуникационного процесса увеличивается.

Социальная коммуникация эволюционирует вместе с развитием общества и человека. С нашей точки зрения глобальная коммуникация является новой формой бытия социальных систем. В коммуникации человек проявляет себя. Эффективное функционирование социальных систем зависит от характера информационных потоков, циркулирующих в социумах. В процессе глобализации возрастает актуальность концептуализации коммуникации, как особого социокультурного феномена. Более многообразными становятся точки пересечения культурных полей.

Новое общество, которое часто называют информационным или электронным, имеет ряд специфических особенностей, таких как беспрецедентная роль коммуникации в экономике и культуре, и явная зависимость развития науки, технологии, а главное уровня безопасности личности, общества и государства от коммуникационных средств.

Таким образом, происходящее в современной культуре изменение коммуникативной парадигмы - явление общецивилизационного масштаба. Новые коммуникационные формы создают новую социокультурную среду, точка напряженности которой в доступности к информации, умении декодировать эту информацию наиболее адекватным образом и, что не менее важно, участвовать в производстве информации.

Безопасность выступает как социально-политическое явление, обслуживающее потребности граждан, социальных групп, общества, государства. Обеспечение безопасности имеет свои закономерности, в числе которых:

- скорость реакции субъектов на опасности и угрозы должна превосходить скорость их формирования и вызревания, а сама реакция должна быть направлена, прежде всего, на ликвидацию опасностей;
- как свидетельствует исторический опыт, нельзя никогда обольщаться благоприятным развитием отношений с другими государствами в данный момент, а учитывать возможность крутых поворотов в политике даже союзных государств;
- несмотря на то, что военная сила и уходит на третье-четвертое место в обеспечении безопасности государств, важно помнить, что государства обречены вечно соперничать в борьбе за мировую власть и влияние; в нем всегда, пусть даже незримо, участвует военная мощь государств, оставаясь одним из универсальных средств защиты жизненно важных интересов;
- суверенное государство может стать объектом вмешательства других государств (коалиций), если его безопасность, и прежде всего его информационный потенциал, оказываются уязвимыми, т.е. ниже возможности защитить себя, или из-за недостаточности воли его правящих кругов решительно отстаивать национальные (государственные интересы).

Необходимым условием жизнеспособности безопасности личности, общества и государства в современных условиях является безопасность

информационная, выступающая в качестве интегратора остальных подсистем безопасности. Достоверная и адекватная новой реальности информация становится сегодня решающим фактором эффективности обеспечения комплексной безопасности. Предпочтение и использование каких-либо видов безопасности, при игнорировании надлежащего информационного обеспечения недопустимо. Доминирование информационной составляющей необходимо во всех трёх наиболее распространенных классификациях безопасности: военная - невоенная; внутренняя - внешняя; государства - общества - личности.

Развитие и внедрение в различные сферы жизни общества новых информационных технологий, как и любых других научно-технических достижений, не только обеспечивают комфортность, но и нередко создают целый ряд опасностей, среди которых можно назвать:

- опасности, связанные с бурным развитием нового класса оружия - информационного, которое способно эффективно воздействовать и на психику, сознание, подсознание людей, и на информационно-техническую инфраструктуру общества и армии;
- опасности, связанные с распространением преступлений, основанных на использовании современных информационных технологий (махинации с электронными деньгами, компьютерное хулиганство и др.);
- использование новых информационных технологий в политических и иных целях, противоречащих интересам общества, государства, личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце 20 века. - М., 1997. С.54.
2. Глобализация: синергетический подход. Под общей редакцией В.К. Егорова. М., 2002. 234с.
3. Ковалёв В.И. Социальные аспекты безопасного развития России в контексте глобализации (теоретико-методологический подход). М., 2001. 321с.
4. Москвичев Л.Н. Глобализация: два уровня анализа. М., 2004. 167с.
5. Мельников В.П., Клейменов А., Петраков А.М. Информационная безопасность. М., 2005. 198с.
6. Россия в изменяющемся мире. Доклад академика РАН Г. В. Осипова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ftb.ru/test2/Confer/confer1-3.html> (дата обращения: 12.03.2019)
7. Социологический энциклопедический словарь / редактор-координатор Г.В. Осипов. - М.: Норма, 1998. С.25.
8. McLuhan, M. Understanding Media / M. McLuhan.- L., 1964. P.93.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье идет речь о возможности представления социальной реальности посредством языка. Анализируются возможности сетевого подхода в изучении ценностных концептов и их взаимосвязи.

Ключевые слова и словосочетания: ценности, социальная реальность, концепт, картина мира, сетевой подход

Аксиологическая проблематика всегда оказывается значимой и востребованной в периоды кризисного состояния общества, поскольку оно в такие моменты теряет формализованные критерии собственного устойчивого развития. В начале третьего тысячелетия кризисных ситуаций в мире происходит более чем достаточно: экологические катастрофы, этнические конфликты, экономический кризис и т. д. Рассматривая проблемы связанные с современным состоянием общества, ученые вновь и вновь обращаются к ценностным основаниям существования, социально-культурной жизнедеятельности человека, поскольку только они способны задать ориентиры исторического развития общества, и, следовательно, способствовать возможности выживания самого человечества. При этом исследователями фиксируется бессистемность существующих социокультурных процессов, следствием которых становится появление неопределенности, т.е. возможности возникновения в социальной реальности значительного числа таких явлений, представление о каждом из которых оказывается недостаточно структурированным. Это приводит к невозможности достоверного предвидения развития той или иной ситуации.

«Для того, чтобы сделать выбор из множества вариантов развития собственного будущего, необходимо осознавать правила, законы и условия порождения реальности. Человек не только создает модель социальной реальности, но и окружающий его мир, и самого себя в этом мире. Он может интерпретировать и реинтерпретировать социально приемлемую модель действительности»[7]. Главной же формой репрезентации социальной реальности становится моделирование при помощи языка.

Вместе с тем, знание о нормативном как общезначимом и неизменном задаётся определенными пределами, задаваемыми самой культурой, допускающими возможность нарушения их меры в определенных отношениях и связях. Таким образом, можно говорить об объективном существовании в социокультурном пространстве плюрализма тех или иных ценностей, заложенных в том или ином знаке. Из веера допустимых значений человек выбирает то, что значимо конкретно для него. Ценность при таком подходе понимается как интерпретация, в которой субъект выражает свои предпочтения. Языковая картина мира выступает в качестве репрезентанта наших аксиологических установок[7].

Люди одной национальности пользуются не только единым алфавитом, правилами грамматики, общей лексикой. В речевой деятельности, помимо правил речеобразования, присутствуют и правила общего (коллективного) мировоззрения и единообразного ограничения в произволе интерпретации. Наш выбор из множества альтернатив сдерживает не только «предметная практика», но и совсем не материализованные традиции понимания и истолкования надприродных смыслов, заложенных в содержание речевых высказываний.

Так, например, Богатырева О.А., анализируя социальную реальность сквозь призму языка, отмечает, что «В русском языке в отличие от французского и английского делается акцент на испытании властью, подчеркивая тот факт, что немногие выдерживает его с честью, понимая власть как увеличение полномочий и возможностей, а не ответственности. Негативный оттенок наиболее ярко проявляется в русском языке, в то время как в английском лексика наиболее нейтральная»[3]. Все существующие явления и предметы отражаются в сознании и обозначаются при помощи языка, который позволяет хранить, обрабатывать и передавать знания о мире, в том числе и знания, характеризующиеся с оценочной стороны.

Любой язык обладает специфическими нормами и правилами, изучаемыми частными науками. Но главное предназначение языка – обеспечивать устойчивый баланс, гармонию, между индивидом, социумом и остальной внешней средой в сфере неопределенности. Именно в этом видится важнейшая функция языка II Сигнальной системы – поиск общих слов для обозначения разного и разных слов для обозначения одинакового. Чем беднее лексика членов сообщества – тем меньше они готовы к социальным изменениям и активной социальной позиции, тем меньше подготовлены они к неожиданностям и социальным пертурбациям[2].

Аксиологический потенциал социальной реальности возможно выявить при помощи языковой реконструкции ценностных оснований присущих существующей картине мира.

Одним из перспективных элементов возможной реконструкции и репрезентации социальной реальности являются концепты. Д. С. Лихачев отмечал, что в человеческом сознании концепты образуются не только как «потенции, отраженные в словарном запасе», но и как результат личного и общественного культурно-исторического опыта, богатство которого позволяет расширять границы концепта[6, с. 284]. В философской же трактовке концепт это в первую очередь идея, сгусток смыслов, в данный момент еще не возникший, но который может им стать, из которых реконструируется бытие как таковое.

Окружающая нас реальность может восприниматься сквозь призму двух (и более) картин мира. В данном случае речь идет об отражении с одной стороны физической, фактуальной, с другой стороны ценностной стороны реальности. При пересечении разных (материальной и идеальной)

концептуальных систем происходят «переосмысления окружающего мира с позиций ценностных концептов и категорий» [5, с. 107]. Богданова Е.А. отмечает, что результатом указанного процесса является оценочная категоризация действительности [4].

Существующая же система оценок происходит на двух уровнях[1]. Во-первых, через переживания, характеризующие обыденное сознание людей. Во-вторых, через осознание реальности, позволяющее человеку сформировать концептуальное ядро собственного существования. Именно это ядро становится содержанием той оценочной связи, которая возникает между субъектом и объектом деятельности.

Таким образом, аксиологические параметры, например, хорошо, плохо, лучше, хуже, становятся основой, позволяющей структурировать социальную реальность, в соответствии с собственным мировоззрением и существующими общественными установками. Несоответствие между индивидуальной и коллективной значимостью тех или иных явлений находит отражение на формализованном языковом уровне.

Традиционная теория ценностей, базирующаяся на классической онтологии, рассматривает систему ценностей как некоторую иерархию. Подобный подход связан в первую очередь с существующей установкой, в рамках которой приоритетом, высшей значимостью обладают общечеловеческие ценности, рассматриваемые как относительно устойчивые личностные образования. В соответствии с наличествующей значимостью в культуре ценности могут рассматриваться как выстраиваемые в определенную иерархию. Дело в том, что некоторые из существующих ценностей могут соотноситься с духовными потребностями человека, рассматриваемые как высшие, другие с его первичными, природными потребностями. Чем выше оказывается в сформированной иерархии репрезентируемая в объекте ценность, тем значимее он становится в рамках конкретной культуры.

Современный этап в исследованиях социальной реальности связываются в первую очередь с необходимостью отказа от существующих методологических подходов, что является следствием изменения онтологических представлений о реальности. Весьма перспективной в современных условиях становится сетевая онтология, позволяющая по-новому взглянуть на существующие объекты исследований.

Сторонники сетевого подхода отстаивают идею о том, сложившаяся социальная структура изменяется в направлении горизонтально-коммуникативной деиерархизации. Данный подход позволяет осмыслить концепт как некий актор, позволяющий понять, что составляет основу конструирования социальной реальности, задает исходную ее целостность и единство. При этом определяющими параметрами оказывается сила и вектор связи, возникающие между акторами, являющиеся результатом социального взаимодействия. Так, например, Богданова Е.А. в своих исследованиях[4] показывает, как происходят горизонтальные изменения

в ценностных доминантах, представленных концептами «добро» и «зло». В отечественной культуре исследователь фиксирует смещение ядерного значения концепта «добро» от базисного материального значения добра как имущества до периферийного понимания добра как духовной ценности. Во французской культуре обнаруживается процесс последовательного перехода от ядерного значения добра как моральной ценности к периферийному значению добра как богатства. Этот пример может быть рассмотрен и как процесс децентрализации и деиерархизации концептуальной системы.

Таким образом, для современных исследователей весьма актуальным становится поиск средств позволяющих снизить степень неопределенности и повысить предсказуемость социальных процессов. При оценочной концептуализации действительности происходит упорядочивание, структурирование реальности, позволяющее предвидеть и предсказывать происходящие события. Сетевой подход позволяет рассматривать данные процессы как деиерархизированные и децентрализованные. Сложности же репрезентации социальной реальности при концептуализации связаны, прежде всего, с тем, что сами концепты образуются как точка пересечения разных смыслов, не обладающих стабильными векторами развития. В условиях же неопределённости наше сознание зачастую использует иллюзию закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрюхина М. С.* «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры // МНКО. - 2010.- №3. - С.54-58.
2. *Бажутина Н. С.* Сущностные основания языковой деятельности человека / Н. С. Бажутина, Т. О. Бажутина // Социальная онтология России: сб. науч. ст. по докл. 7 Всерос. Копыловских чтений. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 48-54.
3. *Богатырева О. А.* Концепт власть как отражение социальной реальности / О. А. Богатырева // Социальная онтология России: сб. науч. ст. по докладам 14 Всероссийских Копыловских чтений. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. – С. 29–35.
4. *Богданова Е. А.* Ценность как реализация аксиологической функции культуры в рамках языкового сознания (на примере понятий добра и зла в русской и французской лингвокультурах) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017.- №12-2 (78). - С-80-83.
5. *Болдырев Н. Н.* Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. М. - Воронеж, 2002. - С. 103-114.
6. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. - М.: Академия, 1997. - С. 280-287.

7. *Пронер Н. С.* Социальная реальность: коммуникативный аспект = Social reality: communicative aspect [Электронный ресурс] / Н. С. Пронер, О. А. Богатырева // Научные труды КубГТУ : электрон. журн.. - 2020. – № 3. – С. 385–391.

О.А. Захарова, Т.А. Рязанова

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

Вынужденный переход к дистанционным формам обучения в условиях карантина показал их недостаточное разнообразие при проведении занятий в Вузе. Опросы среди студентов показали, что большинство занятий проходит как семинар, либо предоставляется текст лекций с последующими заданиями. Разработанные ранее успешные методики ориентированы в большинстве на аудиторный формат и не работают дистанционно. В данной статье рассматриваются возможности и необходимость изменения форм обучения в Вузе для улучшения его качества и повышения заинтересованности студентов через геймификацию процесса обучения.

Ключевые слова: современные тенденции развития образования, Вуз, дистанционные формы обучения, игры, геймификация образования

Если сделать запрос в любой поисковой системе «современные тенденции в образовании» за последние 5 лет, независимо глобальные ли это тренды или направления развития образования в отдельно взятой страны, в списке непременно будут названы: 1) цифровизация 2) мягкие навыки “soft skills” 3) инклюзия 4) геймификация 5) виртуальная и дополненная реальность 6) искусственный интеллект. [1,4,11].

Период изоляции в условиях COVID-19 в 2019-2020 гг. только ускорил изменения в образовании в Вузе в указанных выше направлениях. Вынужденный переход на дистанционное обучение обнажил многочисленные проблемы, связанные с тем, что сама система обучения в Вузе достаточно консервативна и инертна по своей природе, так как связана с природой и нейрофизиологией человека. Процессы запоминания, овладения речью, воспроизведения услышанного, эмоциональное воздействие педагога на студенческую аудиторию сохраняется ни один век и можно, при желании, продолжать обучать методами Аристотеля и Гумбольдта. Услышал - повторил, записал - воспроизвел.

К сожалению, большая часть накопленного за долгую историю богатейшего педагогического опыта, разработок педагогов и методистов, формы проведения занятий, рассчитанные на аудиторные занятия, не работают в формате дистанта и требуют дополнительной адаптации к преподаванию через экран.

Если проанализировать отзывы студентов на недостатки процесса обучения в дистанционном формате, то больше всего обоснованных жалоб связано: а) с техническими проблемами работы Интернет-связи или оборудования б) форматом преподавания. [1,10].

Если с первым вопросом — техническим несовершенством существующих платформ для видеоконференций и оборудованием

занимаются узко-профильные специалисты, то с вопросом формата преподавания- только сами педагоги. Интересно было бы обобщить, пусть пока и не очень большой, имеющийся опыт. Из всего списка «Рекомендаций по использованию инновационных образовательных технологий для учебного процесса» Российского государственного гуманитарного университета выделены для дистанционного обучения всего лишь две лекции из тринадцати, представленных базовых форм проведения занятий, это видео- и мультимедиа- лекции; девять видов семинарских занятий; десять видов практико-ориентированных имитационно-игровых методов; и девятнадцать неигровых симуляционных занятий. [12].

Лекции и семинары относят к базовой традиционной учебной деятельности, когда лектор (профессор, преподаватель) как источник уникального знания, делится им с максимальным количеством слушателей. Сегодня источники знаний диверсифицированы. Масса онлайн платформ, предлагающих курсы на выбор самых различных лекционных материалов: Coutsera, Khan Academy, Udacity, edX и российский «Универсариум» т. д. Нет необходимости в одном лекторе. Более того, ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов в рамках Гайдаровского форума предсказал, что через несколько лет искусственный интеллект полностью вытеснит бумажные учебники, онлайн лекции заменят не креативную часть преподавательского состава и рутинную работу, например, проверку выполненных заданий будет выполнять робот в рамках цифровизации. [2,3]. И, несмотря на то, что уже сегодня решения кейсов используют вместо лекций, проводится «кастомизация» учебных программ под индивидуальные запросы студента, лекции и семинары остаются основными формами организации учебного процесса как в дистанционном, так и в очном формате.

При этом опросы [1] показывают, что «половина детей выпадает из работы класса, потому что им трудно или скучно». От части справиться с этой проблемой могут практико-ориентированные (квазипрофессиональные) имитационные и игровые формы организации учебного процесса. Я. Кузьминов утверждает, что «Возможность обучения через игру сейчас не реализована практически ни в одной образовательной системе мира, но точно будет реализована в ближайшие 20 лет». [7]

Современные игры, разработка сценариев для игр, видеоигр будут полезны не только преподавателям, но и самим студентам как соучастникам или исполнителям проекта прежде всего в образовании. Современные онлайн- игры построены на глубокой аналитике, так как имеют интерактивную составляющую, что предполагает возможность отслеживать каждое действие пользователя. Это в свою очередь открывает перспективы для новых конкретных тематических разработок в сфере образования. Можно создавать игры, объясняющие, формирующие и воплощающие поведенческие модели и т.д.

Важно отметить ещё один положительный аспект развития, который дают игры. Наличие большого числа качественных аутентичных учебников, массы онлайн курсов международных платформ и открытых университетов Британии, США создают и безграничные возможности, например, для изучения английского языка дистанционно.

В то же время, есть «потенциальные (небезосновательные) опасения относительно безработицы на рынке преподавательского труда, стремительных переделов образовательных рынков в пользу крупнейших университетов мира (MIT, Гарвард и т. п.) и вытекающего из этого культурного империализма, угрожающего размыванию национальных идентификаций молодежи.»[5] Эти негативные моменты озвучил Я. Павлов, директор программ дистанционного обучения Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС (глобальные тренды). Создание собственных сценариев игр позволяет углублять изучение национальных культурных традиций и дополнять аутентичный материал своей историей, достигая необходимого культурологического баланса через формирование ролевого поведения в онлайн-играх русскоязычного сегмента.

Дополнительно это возможность корректировать, если на онлайн платформах возникает асимметрия информации, с учетом скорости её распространения, увеличения объема и проблемами с достоверностью (от откровенных фейков, до ошибочной, фактологически искаженной или непроверенной, антинаучной информации).

Идеи ролевого (игрового) поведения в различных контекстах затрагивали: Джордж Мид, Т. Парсонс, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Джордж Хоманс, Питер Блау, Ральф Линтон-выделил активные и латентные роли, Георг Зиммель, Роберт Парк, Теодор Сарбин- определял формальные, Тамотсу Шибутани-конвенциональные и межличностные, Джон Тибо, Гарольд Келли- предписанные и достигнутые. Из современников можно выделить Сергея Кравченко, Виктора Вахштайна, Виктора Гэзиса, Ричарда Бартла. Джордж Мид выделил три этапа достижения социальных ролей: имитация, индивидуальная игра, групповая игра. [4]

Все взаимодействие в игре реализуется через коммуникацию, а поведение и роли определяются контекстом. Контекст отбирается в соответствии с образовательной программой и соответствующей группой компетенций. На каждую компетенцию требуется один мультимедийный модуль (объемом 1 час), состоящий из четырех пятнадцатиминутных эпизодов. Первый эпизод — это теоретический материал относительно содержания компетенции, презентуемый двумя экспертами в форме проблемных диалогов с использованием слайдов, видеоряда, данных статистики и т. п. плюс дополнительно социальная драматургия или адаптированный текст.

Формирование личности, как считал Я. Морено, во многом обязано ролевому развитию. [9] Как считает С.А. Кравченко, в мире становится всё меньше сфер и областей, которые напрямую не затронула играизация.[7,8]

Развитие дистанционных технологий в формате комплексной виртуально геймифицированной технологии обучения позволяет найти эффективный ответ на тренды массовизации и интернационализации образования без существенных потерь с точки зрения обеспечения его качества

Самым большой минус геймификации образования это высокая затратность времени и, особенно, если это видеоигры, высокая себестоимость изготовления, но возможное дальнейшее тиражирование методических материалов позволит окупить затраченные ресурсы не только мотивированием студентов и качеством их подготовки, но и финансово.

Есть и иная точка зрения на происходящие процессы. Например, Герман Грефф в интервью корреспонденту ТАСС Михаилу Терещенко сказал: «Лучшее образование, которое только можно получить, — очное, даже домашнее образование. Когда за тобой ходит гувернер и целыми днями учит. Конечно, такая модель невозможна в обществе в целом...Первое — я не верю в онлайн-образование. При нынешнем уровне развития технологий — сделаю такую оговорку — онлайн не сможет заменить очную форму. Когда-нибудь, в отдаленной перспективе, но сегодня это не работает даже в высшей школе» ... [6].

Необходимо вносить элементы геймификации в образовательный процесс в Вузе , для того ,чтобы максимизировать интерес и вовлеченность студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) <https://wciom.ru/> Дата обращения:04.05.2021, 15:05
2. Гайдаровский форум «Будущее образование в России»- 14 янв. 2021 г <https://gaidarforum.ru/ru/program/1022/>
3. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступит. статья А. Д. Ковалёва. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 304 с.
4. 12 решений для нового образования. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики -Загл. с экрана.2017 год в докладе [Электронный ресурс]Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/213952252.html>
5. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Глобальные тренды в развитии университетского образования и вызовы дистанционных технологий. Университетское управление: практика и анализ. 2014;(4-5):44-51.
6. Интервью Германа Грефа корреспонденту ТАСС. Дата обращения: 04.03.2021 <https://tass.ru/business-officials/8827375/>
7. Кравченко С.А. Играизация общества: блага и проблемы / С.А. Кравченко // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса

РФФИ 2007 года. Выпуск 11 / Под ред. члена-корреспондента РАН В.И. Конова. - М.: Октопус – Природа, 2008. - С. 270-276.

8. Лаврентьев Г.В., Лаврентьева Н.Б., Неудахина Н.А. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www2.asu.ru/cppkp/index.files/ucheb.files/innov/Part2/index.html>

9. Морено Дж. Театр спонтанности / Пер. с англ., авт. вступ. ст. Б. И. Хасан. — Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1993

10. «Мы хотим обратно на пары»: как изменилась жизнь студентов после перехода на дистанционное обучение. Студенты новосибирских вузов рассказали о плюсах и минусах нового учебного формата[Электронный ресурс] Загл. с экрана. <https://ngs.ru/text/education/2020/04/04/69054844/6>]НГС.ru новости. Дата обращения:04.04.2021, 15:05

11. «Основной тренд в образовании — это цифровая революция» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.momooze.com/educational-trends-for-2021/>Сколково

12. Рекомендации по использованию инновационных образовательных технологий в учебном процессе. Москва, 2011.Материал опубликован в Электронной библиотеке РГГУ object_8.1321273246.44436.doc

Е.А. Самоделова

**ЭСТЕТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ЖИЛИЩА В СКАЗКЕ «СИНИЦА»
А.Н. ТОЛСТОГО: ОТ ПРЕДЫСТОЧНИКОВ К
ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ**

Аннотация. Рассмотрены письма и записные книжки писателя (в том числе неопубликованные), а также разные печатные издания и книжные иллюстрации, в которых имеются историко-культурные сведения о древнерусской архитектуре, использованные Толстым при создании «Синицы» в 1917 г. Также рассматриваются отдельные предысточники (в том числе учебник истории), которые лишь предположительно могли быть известны будущему писателю и далее привлекаться им при написании сказки. Экспонаты музеев и выставок, которые посещал Толстой в юности, а также традиционные предметы быта, наблюдаемые писателем в реальной жизни, также стали зримыми впечатлениями, занесенными в текст произведения.

Ключевые слова: архитектура у А.Н. Толстого, древнерусский терем.

А.Н. Толстой публиковал сказку «Синица» 10 раз (с 1918 по 1929 гг.) – больше, чем любое другое его сказочное произведение, созданное с опорой на поэтику русского фольклора и летописания. В архиве писателя сохранилась его записная книжка под названием «Черная книга» (1900-х гг.), содержащая перечень прочитанных научных журналов и книг и выписки-пересказы фольклорных сведений оттуда. Эта рукопись чрезвычайно важна для установления прообразов «Синицы» и других сочинений Толстого.

Сюжет сказки таков: пока князь Чурил с дружиной ездил на охоту, его супруга Наталья, подобно древнерусской княгине Евпраксии из «Повести о разорении Рязани Батыем в 1237 году», не желая быть плененной татаро-монголами, предпочла выброситься из кремля вместе с сыном Иваном и разбиться, узнав, что ее супруг Федор Юрьевич убит. В отличие от древнерусского текста, у Толстого сын княгини остался жив, а напало на княжеский терем в городе Крутояр, стоявшем на Днепре, северное племя – чудь белоглазая.

Из текста сказки известно об устройстве Крутояра и городских строений. Центральные события сказки происходят в «детинце» – внутреннем укреплении древнерусского города (его кремле, цитадели), который осаждали враги – чудь белоглазая (см.: [10]).

Название «детинец» также сохранилось на Русском Севере: новгородцы и псковичи так называют свой кремль, вообще внутреннее укрепление древнерусского города. Толстой вычитал это слово (помимо прочих возможных источников) в томе 1 «Собрания сочинений» Н.И. Костомарова: «В Пскове среднее укрепление называлось Детинец: оно стояло в углу, образуемом рекою Великою и впадающею в нее

Псковую. От угла, противоположного той стороне, где была Великая, шла стена вдоль реки Псковы и упиралась в башню, от этой башни в обе стороны шли стены, огибавшие город, построенный на двух сторонах реки Псковы; эти стены сходились к двум углам Детинца на берегу реки Великой» [8, с. 8; 1-я публ. в 1860 г. в журн. «Современник»].

Н.И. Костомаров упоминал Детинец в одном ряду с Кромом и Застеньем, которые все вместе образуют город Псков. Вероятно, Толстой обратил особое внимание на башню из этого описания и потому в «Синице» указал иное архитектурное сооружение, а именно часть кремля, атакуемого чудью: «В замковую башню-детинец кидала стрелы, камни, паклю горящую» [15, с. 329]. Можно предположить, что у писателя в сложную послереволюционную пору, когда он с семьей пробирался из Москвы на юг России в 1918 г. и затем оказался за границей в 1919 г., не нашлось под рукой труда Н.И. Костомарова и он не смог уточнить исторические детали. Толстой читал и конспектировал труды историка на рубеже 1900-1910-х годов, когда сочинил основную массу авторских сказок в фольклорной стилистике: «Костомаров I, II, III, IV» – отметил он в своей рукописной «Черной книге» прочитанные тома сочинений историка в общем списке освоенной научной литературы [17, л. 66 об.].

По данным Нестеровой и Лаврентьевской летописей, детинцем в старинной русской фортификации (XII-XIII вв.) именовали цитадель, внутреннюю каменную или деревянную ограду укрепленного города; слово «детинец» происходит от «деть, девать» (то есть ‘поместить, укрыть’) или от «дети» (предположительно в детинце от врага укрывали детей и вообще слабых – жен, стариков; либо детинец доверяли оборонять «детям боярским») [18, с. 342]. Это представление о детинце Толстой прочитал в томе 10 издания, хранящегося в его личной библиотеке в Музее-квартире писателя в Москве на ул. Спиридоновка, д. 2/6: Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона. Т. 1-50, 51-82. СПб., 1890-1904. Инв. № 500-549. 232287-232334, инв. № 468-493. 232335-232365 (ГЛМ; ныне ГМИРЛИ им. В.И. Даля). Немного позже Толстой будет сотрудничать с издательством Брокгауза – Ефрона: в 1924 г. опубликует сказку «Кот – сметанный рот»; об этом сохранился издательский договор Толстого и художника В.П. Белкина [9, оп. 2, инв. № 1189, коробка 71, 1 л.].

Народное поверье приписывает названию «детинец» происхождение от обычая закладывать крепость на месте принесения в жертву ребенка – «дитя». Сравните распространенный у крестьян ритуал начала строительства дома: в предполагаемый красный угол закапывали голову петуха, откуда пошло выражение «на свою (чью-то) голову». Предполагали, что плотники могли обрушить несчастье на неугодного им человека, если отсутствовала строительная жертва. Необходимость такой жертвы могла быть вызвана поверьем о том, что, срубая дерево, человек губит его душу (по данным наших экспедиций 1983-2019 гг., такое народное мнение бытовало, напр., в Костромской обл. еще на рубеже XX-

XXI вв.).

А.Н. Толстой записал в «Черной книге» (1900-е гг.): «Дом будет тогда только прочен<,> когда умрет глава дома и <,> превратившись в домового <,> станет охранять. Первый вступивший в новый дом должен умереть в продолжение года, поэтому при закладке дома под первое бревно кладут зарезанного петуха или на пороге убивают ягнёнка» [17, л. 54].

Художественное описание старинного княжеского уклада в сказке «Синица» свидетельствует о том, что Толстой разделял мнение И.Е. Забелина о тереме как важном духовном символе: «С какого именно времени вообще жены знатных и богатых людей стали скрываться в удаленных от людских глаз хоромах, с какого именно времени является в русской жизни этот *терем*, и как особая постройка, и как особая жизненная идея, сказать определенно мы не можем. По всему вероятно, это началось с первого же века по водворении в нашей земле византийских понятий и византийских обычаев» [6, с. 90; курсив автора. – Е.С.]. «Иван Забелин. Дом<ашний> быт рус<ских> цариц» – указано в списке прочитанных книг в «Черной книге» (1900-е гг.) Толстого [17, л. 66 об.]. Другая монография этого же историка: Забелин И. Домашний быт русских царей. Ч. 1. М., 1895 – хранится в личной библиотеке Толстого в его Музее-квартире в Москве на ул. Спиридоновка, д. 2/6 (ГЛМ. Инв. № 207. 229466).

Такое же мнение о тереме как месте затворничества супруги и детей влиятельного человека Толстой, интересовавшийся героическим прошлым Отечества, мог вычитать в «Учебнике русской истории» К.В. Елпатьевского еще в годы учебы: «Жена и дочери боярина жили в доме в особом помещении (светлица и терем), и видеть их могли из мужчин только самые близкие родичи» (в более раннем издании, рекомендованном для гимназий, институтов и духовных семинарий) [5, с. 234]. При таком достаточно интимном назначении терема он часто радовал взгляд своим эстетическим совершенством: сложными конструкциями с плавными очертаниями верха и богатым декором – резным или мозаичным, украшенным прекрасными многоцветными нарисованными узорами.

Толстой вдохновился описанием былинного жилища Чурилы Пленковича. Сборник «Былины» с этим сюжетом имелся в личной библиотеке писателя в Музее-квартире А.Н. Толстого в Москве: Былины. СПб., 1911. Инв. № 379. 232575. В личной библиотеке М.А. Волошина в Коктебеле Толстой мог пользоваться книгой под № 1312: Былины. 3-е изд. СПб.: Изд. И. Глазунова, 1912. 186 с. Полное название сборника: Былины: Былины про старших богатырей. Былины киевского и новгородского циклов. Духовные стихи. Исторические песни. Восемь объяснительных статей. – 3-е изд., без перемен. Санкт-Петербург: И. Глазунов, 1912. – [4], VIII, 186 с., 1 л. фронт. (ил.); 21. – (Русская классная библиотека, изд. под редакцией Александра Николаевича Чудинова: Пособие при изуч. рус. лит. Вып. 13). – Предисл.: А. Ч[удинов]. Это собрание былин носит учебный характер и по полноте изложения уступает «Былинам» 1911 г., но Толстой

мог обратить внимание на фамилию автора предисловия – А.Н. Чудинова и увидеть в ней отголосок старинного племени чудь, которое выступает противником русского князя Чурилы в «Синице» Толстого. Елпатьевский дал толкование: «Финны, называвшиеся у наших предков Чудью, жили маленькими поселениями среди обширной страны лесистой и болотистой и занимались почти исключительно звероловством и рыболовством; они не составляли одного сплоченного целого и делились на мелкие племена. Бедная северная природа их страны вполне отразилась на их физическом и духовном развитии; когда русские еще до 862 г. стали вступать с ними в сношения и среди них селиться, то финны скоро перенимали русские нравы и обычаи и затем совершенно сливались с ними; так образовывалось новое славянское племя – великоруссы» [5, с. 10].

Вот фрагмент изображения терема в былинах:

Двор у него на семи верстах,
Около двора железный тын,
На всякой тынинке по маковке,
А есть и по жемчужинке, –
Среди двора светлицы стоят,
Гридни белодубовые
Покрыты седым бобром,
Потолок черных соболей,
Матица-то валженная,
Пол, середка одного серебра,
Крюки да пробой по булату злачены,
Первые у него ворота вальжчатые,
Другие ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные
[4, с. 128-129; 2, с. 110-111; 3, с. 72 – с небольшими разночтениями].

Толстой ввел подобные черты терема (с маковкой, с позолотой) в описание жилища своего князя Чурилы, причем писатель начинает произведение вдохновенным показом домового строения и его составных частей, поэтизацией его красоты и рационального устройства; терем выступает зримым символом любви князя к супруге и его заботы о семейном укладе.

Толстой мог вычитать в учебнике К.В. Елпатьевского сведения о городской усадьбе XVII в.: «Посреди двора у зажиточных людей помещались деревянные хоромы с крыльцом, состоявшие <хоромы> обыкновенно из трех этажей: нижнего или подклета, где помещалась прислуга и кладовые, среднего или горницы, разделявшейся перегородками на несколько комнат, и верхнего или терема (вышка, светелка), окруженного балконом. Снаружи хоромы украшались различной узорчатой резьбой и расписывались яркими красками. У богатых людей бывало во

дворе и несколько хором, соединенных между собою сенями или крытыми переходами. <...> Устройство деревянных царских хором было такое же, но только они были более просторные и затейливее изукрашенные» [5, с. 230]. И далее: «Во внешнем виде хором, в их украшениях и резьбе, равно как и в постройке храмов проявлялся своеобразный и затейливый русский вкус <...>» [5, с. 231].

Усвоив разницу между княжескими и обычными городскими усадьбами, а также церковными постройками, заключающуюся в степени обилия орнаментации, Толстой принялся создавать поэтические красоты в описании терема князя Чурила, срубленного им для супруги Натальи: «Выстроил посреди городища на бугре, где могучие клены, высокий, бревенчатый терем, украсил его коньками, звездчатыми маковками, крыльцо перекрыл резным шатром резьбы индийской, с витыми столбами, с крутыми лесенками, что вели и выше и ниже, на двор к колодцу» [13, с. 7]. Для другого издания Толстой изменил облик терема: «Ничего не жалел для Натальи, для милой своей хотя<, > князь Чурил: выстроил терем посреди городища, на бугре между старых кленов; поставил на витых столбах высокое крыльцо, где сидеть было не скучно, украсил его золотой маковкой, чтобы издали горела она, как звезда над княгининой светлицей» [14, с. 56].

В первой публикации «Синицы» Толстой использовал слово «поветь», которое он затем, начиная уже со сб. «Аргонавты» (1918), заменил на «крыльцо»: княгиня Наталья «отомкнула дверь в светлице и вышла на мокрую от росы поветь» («Эпоха», 1918) [16, с. 151 и др.]. В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Толстой прочитал о многозначности слова «поветь»: «<...> нежилая пристройка к крестьянскому дому сзади над хлевом, для хранения скотского корма, земледельческих орудий, дровней, телег и других хозяйственных принадлежностей; здесь же устраивают и клеть»; «иногда п<оветь> означает чердак, сарай, сенник, крышу над двором (в Вятской, Вологодской, Нижегородской и Тверской губ.), крытый теплый двор и навес» [18, 1898, т. 24, с. 18].

Современный словарь диалектизмов показывает, что слово «поветь» обладает чрезвычайно широкой семантикой, носит разные смыслы в целом ряде диалектов и к тому же обозначает различные части крестьянского (!) жилища: чердак, крытый двор, любое покрытое крышей место усадьбы, утепленная часть крытого скотного двора, закрытое место для куриного насеста, крыша над воротами или частью двора, навес во дворе, верхнее помещение двухэтажного крытого двора севернорусского типа, бревенчатый настил под крышей конюшни или хлева для хранения сена, надворная хозяйственная постройка вроде сарая, небольшая пристройка к дому для хранения хозяйственного инвентаря [11, с. 236-238].

Вероятно, Толстой понял, что отнесенность слова к крестьянской усадьбе и распространенность его на севернорусских территориях не

позволяет использовать «повесть» для характеристики княжеского терема, тем более расположенного на юге, в долине р. Днепр.

В учебнике Елпатьевского дано описание типового устройства древнерусского города и княжеской усадьбы: «Большие города состояли из внутреннего города (кремля, детинца), обнесенного по большей части деревянной стеной или валом с тыном, и внешнего (окольного, острога, посада) также огороженного; вокруг острога бывали еще слободы, окруженные валом. Внутри города находились деревянные строения: двухэтажные хоромы – наверху теплое жилье (изба) и холодное (клеть), соединенные между собою сенями, которые служили в то время приемными, а внизу кладовые; иногда наверху надстраивался терем. У князей были такие же хоромы, но более просторные, украшенные резьбой и расписанные красками, а у простых людей одноэтажные, состоявшие только из клетки и избы. Кроме хором на дворе были еще разные строения – людские, баня, медуша и пр. Все строения в городах были обыкновенно деревянные; со времени принятия христианства в стольных городах начинают строить каменные княжеские терема, стены и башни, храмы, напр., Софийские соборы в Киеве и Новгороде, Успенский храм во Владимире; каменные здания строились греческими и немецкими мастерами» [5, с. 49].

Образ «дыма» в разных его значениях является сквозным для сказки «Синица». Смысл древнерусского понятия, обозначающего жилище с печью, представлен у Толстого: «Внутри, дым к дыму – срублены высокие избы» и «Заряславу разбили лучший шатер, покуда к заморозкам дыму не срубят» [15, с. 327, 336]. Толстой вычитал у Ф.И. Буслаева (в публикации из «Архива...») Н.В. Калачова, о чем упомянул в «Черной книге») старинное народное представление о «дыме» как доме: «Дым и пепел, в старину предметы столь многозначительные, напоминающие родной угол и семью, употреблялись в смысле дома, избы» [1, с. 41]. Из той же заметки Ф.И. Буслаева писатель узнал и более конкретный исторический смысл понятия «дым»: «В основе этого древнейшего эпического выражения дань от дыма, т.е. с каждого двора, дома или очага» <...>» [1, с. 42]. Во время татаро-монгольского ига дань собирали с дыма, поэтому крестьяне затыкали печные трубы, образуя курные избы [7, с. 467].

После сделанного с любовью описания хорошо налаженного и богатого быта княжеской семьи трагический поворот сюжета сказки начинается с упоминания крепостных заграждений городища – и, в частности, с «раската»: «<...> покуда не выйдет на раскат князь Чурил <...>» [15, с. 327]. «Раскат» – это раскатанное, гладкое место; здесь – плоская насыпь или помост перед оборонительным валом.

Слово «раскат» Толстой вычитал в томе 3 «Собрания сочинений Н.И. Костомарова» – в описании захвата Астрахани (астраханского кремля) Степаном Разиным, где оно трижды повторяется: «Прозоровского вынесли и положили под “раскатом”, затем стали хватать всех бывших в церкви,

вязали назад руки и сажали рядом под стенами колокольни в ожидании суда Стеньки. <...> Он начал с Прозоровского, приподнял его за руку и вывел на раскат. Все видели, как Стенька сказал что-то воеводе на уха, а тот отрицательно покачал головою; вслед за тем Стенька столкнул воеводу с раската головой вниз» [12, с. 106]. Через несколько страниц рассказывается о подобной казни на том же месте другого современника С.Т.Разина – уже после его ареста в апреле 1670 г.: «Астраханский митрополит Иосиф уговаривал жителей принести повинную и до того раздражил козаков <так!>, что его подвергли пытке огнем и потом 11 мая сбросили с раската» [12, с. 112].

Итак, мы рассмотрели опубликованные исторические источники о деревянной архитектуре древних славян, которые помогли Толстому уяснить типовое устройство их жилищ и на этой основе придумать свое устройство сказочного города – с идеализированным княжеским теремом, с обычными колодцем-журавлем и раскатом, уже при жизни писателя уходящими в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. Дополнения и прибавления ко второму тому Сказаний русского народа, собранных И. Сахаровым // Архив историко-юридических сведений, относящийся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М.: В тип. Александра Семена, 1850. Кн. 1. Отд-е 4. – С. 1-48.
2. Былины /Вступ. ст. Е.А. Ляцкого. СПб.: Огни, 1911. – XXX, 196 с.
3. Былины. 3-е изд. СПб.: Изд. И. Глазунова, 1912. – 186 с.
4. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб.: А.С. Суворин, 1892. – XXXII, 352 с.
5. Елпатьевский К.В. Учебник русской истории: с приложением родословной и хронологической таблиц и указателя личных имен / Сост. К.В. Елпатьевский, инспектор С.-Петербургской Васильеостровской женской гимназии. 8-е изд., стереотип. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – VI, 486 с., 2 л. табл.
6. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Грачева и Комп., 1869. – 186 с.
7. Забылин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: В 4 ч. М.: Изд. книгопродавца М. Березина, 1880. 607, VIII с.
8. Костомаров Н.И. Собр. соч. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 т. СПб.: Вестник знания, 1912, 1913. Кн. 2, 3. – 441 с.
9. Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ОР ИМЛИ). Ф. 43. Оп. 1-2.
10. Самоделова Е.А. Сказка «Синица» А.Н. Толстого как «северный текст» // Рябининские чтения – 2019. Мат-лы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера.

Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. – С. 533-535.

11. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1882. Вып. 27. – 400 с.

12. Сочинения Н.И. Костомарова: В 12 т. М.: Мир книги, 2004. Т. 3. – 477 с. (напечатано по: Костомаров Н.И. Собр. соч. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 т. СПб.: Вестник знания, 1912, 1913. Кн. 2, 3. 441 с.).

13. Толстой А.Н. Синица // Аргонавты. Екатеринослав: Искусство, 1918. № 1. С. 7-13.

14. Толстой А.Н. Синица // Толстой А.Н. Навождение. Рассказы 1917-1918 года. М., 1918. С. 56-68.

15. Толстой А.Н. Синица // Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 15 томах. М.; Л.: Гиз, 1929. Т. 1. С. 326-337.

16. Толстой А.Н. Синица // Эпоха. Книга первая. Андрей Белый – Александр Блок – Валерий Брюсов – Ив. Бунин – М. Кузмин – Виктор Мозалевский – А. Немов – <В.> Ропшин-Савинков – Федор Сологуб – Алексей Толстой – Владислав Ходасевич. М.: Т-во скоропеч<атни> А.А. Левенсон, 1918. С. 149-169.

17. Толстой А.Н. Черная книга // ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 70. 144 л.

18. Энциклопедический словарь: В 77 т. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890-1907.

АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОКРЕАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ¹

Аннотация. В статье рассматривается эвристический потенциал использования теории фрейма в исследовании прокреативных практик и процессов нормогенеза прокреации в обстоятельствах трансдисциплинарного опыта. Учитывается развитие теории фрейма в двух направлениях: социолого-психологическом и кибернетико-лингвистическом. Выделены идеи и принципы фрейм-анализа, релевантные задачам изучения прокреации.

Ключевые слова: фрейм, фрейм-анализ, прокреация, методология социально-гуманитарных исследований

Прокреация – процесс воспроизводства человека в культуре, что предполагает ценностно-смысловое ее содержание [8]. Элиминация из прокреации моральных и нравственных смыслов (как в практике, так и в исследованиях прокреации) разрушает креационный смысл культуры воспроизводства человека. В исследовании 2016 года мы показали, что происходит это во многом под воздействием инструментально-технологизирующего подхода, преобладающего в биомедицинских исследованиях и практиках [8]. Однако же сторонники технологических усовершенствований человека могут здесь возразить, отстаивая высокий гуманизирующий и творческий смысл такого подхода, ведь новые технологии расширяют возможности выбора прокреативных решений: можно планировать рождение ребенка далеко за границами фертильности или вопреки собственным возможностям вынашивания и рождения детей, можно манипулировать количеством и качественными характеристиками детей и т.д. Преодолевая естественные границы воспроизводства человека в культуре, расширяя возможности хотеть чего-то нового в манипуляциях с собственным телом и его продолжением в детях, мы, как может показаться, ориентируемся на приращение творческого и гуманистического потенциала человечества.

Столь различные в своих мировоззренческих основаниях культурно значимые представления формируют пространство этической напряженности, в котором реализовываются конкретные прокреативные решения и практики, имеющие значение и глубокий смысл как для отдельных людей, так и для человечества в целом. Поэтому наряду с теоретическими дискуссиями по поводу аксиологических оснований прокреативного поведения, исследователи обращаются к изучению повседневных практик и к сфере индивидуальных решений в попытке обнаружить границы норм прокреации, способы и формы нормализации новых возможностей репродуктивных технологий.

В данной статье рассматривается возможность использования фрейм-анализа как инструмента исследования прокреации. Для реализации этой цели ставятся следующие задачи 1) на основании работ, в которых разрабатывалась, анализировалась и использовалась методология теории фреймов, вычленить

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 20-011-00609 Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм - язык междисциплинарного дискурса

основные идеи и принципы данной теории; 2) определить релевантность ее исследовательского инструментария задачам изучения прокреативных практик и процессов нормогенеза прокреации.

К теории фреймов в современных социально-гуманитарных науках и кибернетике обращаются достаточно часто. В отношении социологии, отечественный исследователь В. Вахштайн связывает это с «ренессансом социологии повседневности», проявляющемся в «отказе от макросоциологических объяснений, в акцентировании повседневной укорененности социальной реальности [2, с. 3]. Он же выделяет два направления в развитии теории фреймов: социолого-психологическое и кибернетико-лингвистическое. Первое направление связано с исследованиями Г. Бейтсона и разработкой фрейм-анализа у И. Гофмана. Второе – с идеями М. Минского, Ч. Филлмора и их последователей.

И. Гофман формулирует теорию фрейм-анализа (1974 г.) как инструмент понимания социального. И его поиск начинается с вопроса, что считать реальностью в сложном и многомерном мире социальных взаимодействий, где множество коллективных и индивидуальных смыслов в сложном взаимодействии меняют параметры восприятия одних и тех же ситуаций, предоставляя возможности для различных форм поведения и способов отношения к ним. Обращаясь к идеям А. Шюца, Гофман признает, что «конституируют реальность» и позволяют согласовывать наше восприятие «именно значения нашего опыта» [4, с. 64]. Здесь концептуальный характер приобретает понятие «повседневность». Во взаимодействии с другими людьми мы выстраиваем наш повседневный мир – мир «здорового смысла» и социального опыта, который обладает приоритетностью перед другими возможными мирами. Но при этом нужно учитывать два методологически значимых момента. Во-первых, мир здорового смысла не есть непосредственное решение практических задач, а социальная опосредованность порождает множество символических форм и отношений. Во-вторых, сохраняется возможность субъективного восприятия социального универсума. Поэтому Гофман скептически относится к попытке Г. Гарфинкеля найти правила «порождения» миров с определенными характеристиками: невозможно говорить об ограниченном количестве правил для неограниченного количества игроков [4, с. 66].

Гораздо интереснее Гофману представляется перспектива понять, как происходит процесс «узнавания» той или иной ситуации и как удастся социально значимым образом менять формат ситуации. В статье биолога и антрополога Г. Бейтсона «Теория игры и фантазия» (1955г.) его привлекла идея умышленного смешения фреймов и описание опыта «сборки» несерьезного на основе небольшого фрагмента серьезного на примере животных [4, с. 67]. В отношении человека, важным для понимания процессов «узнавания» ситуаций и транспонирования фреймов оказывается язык. Поэтому Гофман обращается также к лингвистическим исследованиям, выявляющим языковые механизмы «кодирования-декодирования» в распознавании событий.

Возвращаясь к ответу на вопрос «Что человек считает реальностью?», Гофман заявляет, что это определяется контекстом: «слово «реальность», как само собой разумеющееся можно принимать до тех пор, пока есть возможность установить, чем занят тот, кто говорит о «реальности»» [4, с.73]. Поэтому теория фрейм-анализа претендует не на изучение структуры социальной жизни, а на изучение структуры индивидуального социального опыта [4, с. 74]. Фрейм, с его точки зрения, – определение ситуации («Что здесь происходит?») в соответствии с принципами социальной организации событий и в зависимости от субъективной вовлеченности субъекта [4, с. 71].

Идея фреймов М. Минского, американского ученого-когнитивиста и специалиста в области искусственного интеллекта, предназначена для оптимизации репрезентации знаний, структурирования поиска информации. Фрейм понимается им как иерархическая знаниевая структура, включающая в себя различные когнитивные элементы: от понятий, которые всегда справедливы по отношению к ситуации, до характерных примеров и данных [10]. Ч. Филлмор, один из основателей когнитивной лингвистики, выдвинул теорию семантики фреймов [11], где фрейм понимается как группа слов, которые «мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта...» и «для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все» [9]. Система связанных фреймов может образовывать семантическую сеть. Ссылаясь на различие П- и И-семантики в работе Лакоффа и Джонсона (1980, 156-184) Филлмор отмечает: «В П-семантике, придающей решающее значение использованию фреймов интерпретации, считается, что кодируемые в языке категории (не только слова и устойчивые выражения, но также различные виды грамматических признаков и синтаксических моделей) предполагают особую структуру понимания культурных установлений, представлений о мире, общего опыта, нормальных и привычных способов поведения в мире и его видения». [9]. Он подчеркивает своего рода недостаточность имеющейся уже традиции исследования фреймоподобных структур (М.Минский, Г. Бейтсон, И.Гофман), где непосредственная связь между понятийными фреймами и лингвистическим описанием не рассматривается. «Кроме того, - утверждает лингвист, - рассматривая фреймы как средства организации опыта и инструменты познания, мы должны также видеть во фреймах инструменты описания и объяснения лексического и грамматического значений.» [9]. Данное замечание представляется весьма ценным в контексте основной исследовательской задачи проекта № 20-011-00609: изучение социокультурного опыта прокреации в его нормативном и дискурсивном ракурсах. Здесь также можно упомянуть одного из видных разработчиков теории дискурса Т. А. ван Дейка, который, включая идею фрейма в теорию текста и анализ дискурса, полагает, что фреймы, группируясь вокруг некоторого концепта, задают определяющие рамки и описывают характерное и типичное в данном обществе [5].

Обращение к классическим работам по теории фреймов [4, 9,11], а также

к анализу и опыту использования данной теории в работах некоторых отечественных исследователей [1, 2, 3, 6, 7, 10], позволяет сделать ряд выводов в отношении методологии и эвристического потенциала теории фреймов в изучении социокультурного опыта прокреации в его нормативном и дискурсивном ракурсах.

В методологическом споре между субъект-ориентированными и объект-ориентированными исследовательскими программами теория фреймов претендует на некоторый промежуточный статус, лавируя между феноменологией и структурализмом. Инструмент фрейм-анализа может, соответственно, критиковаться с двух сторон (структуралистские и феноменалистские исследовательские программы) за «непоследовательность», «незаконченность». И это может считаться «слабым местом». Зато, в отличие от последовательно «отвлекающихся» идеализирующих объект-ориентированных, а также от описывающих бесконечное многообразие субъект-ориентированных программ, фрейм-анализ близок «здравому смыслу»: позволяет избежать, с одной стороны, крайних форм релятивизации, дурной бесконечности многообразия, а с другой – безжизненных абстракций).

Преимуществом фрейм-анализа можно считать его самореферентность (возможен фрейм-анализ фрейм-анализа), на которую указывает, например, В.Вахштайн [2, с.12]. Он подчеркивает, что концепция фрейм-анализа в социологии чувствительна к проблеме границ повседневной реальности и ее метаконтекстам. Контекст практического действия действительно наделен относительно автономным от практик существованием. Для исследования прокреации это принципиально важно, поскольку без учета контекста трудно понять, почему одни и те же ситуации даже у одних и тех же людей обуславливают разное восприятие и поведение. Например, почему в одних случаях забота о ребенке интерпретируется как «реальная забота», а в других – как «симуляция заботы» или «соревнование в заботливости», почему в одних случаях диагностика бесплодия это – «приговор», в других – «манипуляция», а в некоторых контекстах – «оскорбление», почему, выступая в роли родителя в одном контексте человек проявляет строгость и принципиальность, а в другом, в отношении того же самого поступка, обнаруживает лояльность. Фрейм-анализ допускает возможность говорить о смыслах как о том, что может определять и объяснять человеческие действия, позволяет найти общее в различном и учесть различия в общем. Это, если можно так выразиться, структурализм повседневных поведенческих форм или феноменология структурных отношений и связей.

Верещагин О.А. и Белова Н.Е. подчеркивают связь фрейм-анализа с пониманием «механизмов взаимодействия личности в социальном пространстве на уровне восприятия знаний стереотипных поведенческих моделей и сценариев» [3, с. 303]. Учитывая эту сторону фреймирования, можно выявить, какие фреймы прокреации воспроизводятся и как они создают вторичные системы фреймов. Представление о динамике фреймирования (транспонирование) дает возможность исследовать процессы нормогенеза в

прокреации. Транспонирование – перенос одного типа фрейма на другую ситуацию – распространенное явление. Существуют специальные технологии транспонирования фреймов, например, в НЛП – смена восприятия ситуации через изменение языковых выражений [6]; в дискурсивных практиках – «Окно Овертона» [3]. Выявление и изучение подобных техник позволяют обнаруживать практики «переключения» («ключи») восприятия в прокреативных дискурсах и смещение нормативности.

Подчеркнем, что следует держать в поле зрения различные трактовки понятия «фрейм» и обращать внимание на связанные с этим различия в исследовательских программах фрейм-анализа. В изучении прокреации можно идти как по пути когнитивно-лингвистических интерпретаций фрейма, в этом случае через исследование языка идем к особенностям деятельности. И здесь анализ дискурса показывает практики фреймирования, а различие П- и И-семантики позволяет обнаруживать проблемы и противоречия нормирования прокреации. Можно идти и по пути, разработанном И. Гофманом, отыскивая недискурсивные рамки «узнавания» и «понимания» ситуаций и рассматривая механизмы их транспонирования.

Отечественный исследователь В.Вахштайн в своем исследовании показывает, что теория фреймов позволяет обнаружить в повседневном мире следующие свойства: 1) репрезентативность контекстов повседневных взаимодействий, 2) изоморфизм воспринимаемых событий и схем их восприятия, 3) гомотопию материальных и знаковых порядков интеракции. [3, с. 12]. Соответственно, мы можем говорить, что результаты изучения контекстов взаимодействий в отношении прокреации могут быть обобщены. Они отражают некоторые типичные аспекты прокреации в рамках того или иного сообщества. Можно также считать, что схемы восприятия событий, связанных с прокреацией, отражают существенное в формах этих событий, какое бы многообразие схем не предлагалось. Материальное и знаковое в прокреативном взаимодействии имеют одинаковое строение и происхождение, но вполне могут отличаться по функциям. Материальный объект выполняет одновременно функцию знака, будучи введенным в данную интеракцию. Знак задает использование материального объекта. (например, предметы ухода и внимания к особому статусу беременной женщины, предметы и топос, связанный с процессом рождения ребенка, с его зачатием и т.п.).

Подводя некоторый итог, можно выделить идеи и принципы фрейм-анализа, релевантные задачам изучения прокреативных практик и процессов нормогенеза прокреации в обстоятельствах трансдисциплинарного опыта: 1) значимость понятия повседневности и идея структурности повседневности; 2) представление о сложном характере культурно-практического бытия человека, его социальности и, одновременно, возможности «внезапности»; 3) установление связи между опытом, пониманием и языком; 4) возможность удерживать в поле внимания исследовательскую оптику (самореферентность); 5) динамичный характер фреймоподобных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступит. статья Г.С. Батыгина. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 7-57
2. Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: Автореф. ... к. социол. н. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 25 с.
3. Верещагин О.А., Белова Н.Е. Фрейм-аналитика: опыт эпистемологического исследования// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 302-306.
4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступит. статья Г.С. Батыгина. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
5. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. - Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - 308 с
6. Дилтс Р. Фреймы и рефрейминг / Фокусы языка [Электронный ресурс]/ URL: http://nlp-ist.narod.ru/docs/materials/books/dilts_slight/dilts_slight_2.html [дата обращения 10.06.2021].
7. Крюкова О.П. Использование фрейма как матрицы для анализа и синтеза научного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2015. № 19 (730). С. 19-29.
8. Сидорова Т.А., Сандакова Л.Б., Жичина Е.Ю. Динамика границ прокреативных норм: из опыта участия в программе ЭКО // Медицинская антропология и биоэтика [электронный научный журнал]. 2016. № 1 (11). С. 2.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания//Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/grammar/164.new-in-linguistics-23/source/worddocuments/5.htm> [дата обращения 10.06.2021].
10. Шалгина Е.А. Фрейм-анализ концепта «милосердие» // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2020. Том 6. № 1. С. 186-199.
11. Fillmore Ch.J. Frame semantics and the nature of language (1976): In Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Volume 280: 20-32.

В. И. Игнатъев, Е В. Чупина

**ОСОБЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ ОНЛАЙН АУДИТОРИИ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В 2020-2021 гг.**

Аннотация. Изменилась ли аудитория интернет пространства, за период пандемии 2020-2021 года? Период 2020 – 2021 год был богат на такие события, как пандемия, локдаун, самоизоляция, экономический кризис. Они повлияли на ускоренный процесс развития автоматизации, цифровизации и развитие IT–сферы, что дало новый толчок в развитии интернет пространства. Проблемой социологии является отставание изучения развития общества в интернет пространстве от возрастания ускорения процессов развития автоматизации и цифровизации. Цель статьи - изучить изменения, происходящие с онлайн аудиторией пользователей. Гипотеза: под влиянием ускоренной автоматизации, цифровизации, и развития интернет-рынка, происходит трансформация интернет аудитории, превращение ее из «пользователя» в аудиторию «потребителя».

Ключевые слова: интернет пространство, онлайн аудитория, мультимедиа, пандемия, самоизоляция, цифровизация, автоматизация.

На конференции Ассоциации электронных коммуникаций (далее РАЭК) была затронута тему характера изменений Интернета в 2020 году, в том числе, рост электронного рынка. Б. Овчинников в своем докладе сообщил, что: «В период пандемии темпы роста на рынке электронной торговли не только не снизились, но ускорились. Этот рост очень неравномерный: более половины приходится на крупнейшие универсальные маркетплейсы — в значительной степени рынок растёт благодаря их росту. Остальная половина рынка выросла, в большей степени, за счет двух сегментов — сервисы доставки продукты питания и интернет - аптеки. Темпы роста количества заказов превышают 70%, темпы роста выручки составляют почти 50% относительно 2019 года» [1].

А. Бырдин также отметил факт развития рынка онлайн - видео: «Динамика роста рынка составила 56%: в условиях самоизоляции люди стали больше смотреть телевидение и онлайн-кинотеатры. Впервые прогноз выручки онлайн-кинотеатров будет больше, чем бокс-офис, то есть рынок кинопроката. Это будет способствовать фундаментальным изменениям на рынке контента как в онлайн, так и в офлайн. Продолжает расти доля выручки онлайн-кинотеатров по платным моделям: по подписке и транзакционным моделям. Рост платной модели косвенно свидетельствует о снижении потребления пиратского контента. Онлайн-кинотеатры остаются одним из самых доступных видов развлечений»[1]. Исходя из полученной информации, можно предположить, что онлайн рынок, уже начал процесс трансформации и преобразования, за счет чего происходят изменения и в онлайн аудитории.

Обратимся к ключевым понятиям, используемым при изучении

аудитории потребителей.

Пользователь – конкретное лицо или организация, которое входит в интернет-пространство и использует действующую систему для выполнения конкретных задач или функции[2]. Пользователь — человек, который использует Интернет с определенной целью. Например, для поиска информации, развлечения, обучения, общения, заработка и т. д.[3].

Потребитель - гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних или иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [4].

Как известно, мультимедийную среду в интернет пространстве формировали и формируют крупные компании и бизнес предприниматели. В условиях пандемии многим крупным компаниям и организациям пришлось отменить офлайн мероприятия: концерты, акции, марафоны, фестивали и проч. и начать свое развитие в онлайн среде, чтобы оставаться на плаву и не уйти в экономический кризис.

В период пандемии начинают появляться, развиваться и получать популярность платные сервисы с различными услугами, такими как:

- Кинотеатр дома (новые премьерные фильмы и сериалы, стали доступны в платных сервисах, таких как КинопоискHD, Ivi, More.tv, Netflix, Okko и др.).

- Онлайн-супермаркеты и маркетплейсы (продукты и различные товары стали доступны через такие сервисы как ЯндексМаркет, СберМаркет, Самокат, ЭкоМаркет, а также начали пополнять и развивать свой ассортимент такие крупные в России маркетплейсы, как Ozon и WildBerries).

- Развлекательные платформы (онлайн-концерты различных артистов стали появляться на YouTube, музыка хорошего качества и без рекламы доступна в AppleMusic, Vk Boom, ЯндексМузыка, книги и аудиокниги, которые пополняют свои книжные полки новинками каждый день MyBook, Storytel).

- Онлайн образовательные платформы (Skillbox, Stepik, Changellenge, Учи.ру, Лекториум, Универсариум и многие другие платформы, на разные области изучения предметов и искусства).

Начало марта 2020 года стал периодом, когда крупные организации были вынуждены выйти на рынок интернет пространства, для развития и продажи своих услуг (товаров), и этот период времени стал переломным для формирования новой целевой аудитории Интернета.

В России для целевой аудитории Интернета были доступны фильмы, музыка, книги на общественно доступных или пиратских (сайты с нарушающие авторские права) платформах и была возможность получать информацию бесплатно. Во время пандемии стали ограничивать доступ на не официальные сайты (без лицензий доступа на продукт или услугу) и

пиратские платформы, опираясь на Гражданский кодекс РФ от 18.12.2006 N 230-ФЗ., Глава 70. АВТОРСКОЕ ПРАВО и др. правовые законы. Только в 2020 году более 190 тысяч интернет-ресурсов попало под блокировку в России [8].

В действительности, такие популярные платформы как YouTube, Vk музыка, MyBook и др. дают возможность бесплатно просмотреть видео блоги, послушать музыку или почитать книги, но с некоторыми ограничениями, такими как: реклама каждые 5-10 минут, плохое качество. Они предлагают доступ на ознакомительный фрагмент или трейлер. Премьеры фильмов, новые книги, новая музыка доступны только на платных платформах.

Нельзя утверждать, что эти платформы с официальной лицензией появились в 2020 году - они существовали и до этого периода, но популярность и развитие начали получать только в период пандемии, когда на самоизоляции оказалось больше 74 % людей [5]. Именно в этот период - когда были закрыты магазины, кинотеатры, развлекательные центры, торговые центры, библиотеки, детские юношеские центры, были отменены концерты, марафоны и фестивали - начали приобретать популярность такие платформы, где можно посмотреть премьеры фильмов, почитать хорошие книги, послушать музыку или посмотреть концерты.

По данным Telecom Daily, в режиме самоизоляции основным занятием стали: домашние дела (у 72% опрошенных), просмотр фильмов и сериалов (66%), общение с семьей (55%), общение в социальных сетях (52%), а также сон (49%).

Востребованной заменой офлайн-магазинам стали сервисы заказа продуктов в Интернете – ими пользуются 55% респондентов. 32% опрошенных сообщили, что оформили подписки в онлайн-кинотеатрах. Концерты в Интернете смотрят 27%, дистанционные курсы проходят 25% респондентов, 19% занимаются дома спортом, используя онлайн-программы, еще 12% посещают виртуальные экскурсии [6].

Из исследований Mastercard следует, что популярными онлайн-развлечениями россиян в период самоизоляции были:

- общение по видеосвязи с родственниками, друзьями и коллегами (73%);
- просмотр стендап-комедий (59%);
- покупка подписки стриминговых сервисов, включая Netflix, Amazon Prime Video и т.д. (51%);
- просмотр онлайн-концертов (49%);
- участие в онлайн-викторинах (34%) [7].

Таким образом, мы можем наблюдать процесс, как при ускорении автоматизации и цифровизации происходит трансформация интернет аудитории, и как она перестает быть просто «пользователем» и становится «потребителем» информации. Перспективным для продолжения исследования может стать выдвижение гипотезы, что изменения в интернет пространстве принимают не все представители российского

общества. Вероятно, формируется сопротивление к таким изменениям, а не официальные сайты и пиратские платформы, где можно будет получать информацию, будут существовать всегда, так как состав аудитории разнороден, характеризуется различиями в уровнях дохода, в стилях мышления и разнообразием ценностных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эксперты провели итоги 2020 года Рунета [Электронный ресурс] //РАЭК. – 21.12.2020. - URL: <https://raec.ru/live/branch/12132/>
2. Пользователь [Электронный ресурс] // ECO.news. Энциклопедия интернет маркетинга. URL: <https://www.seonews.ru/glossary/polzovatel/>
3. Термин: Пользователь [Электронный ресурс] // PromoPult. Словарь терминов. – 2017.- URL: <https://promopult.ru/library>
4. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 22.12.2020) «О защите прав потребителей» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/
5. Кокон самоизоляции: как меняется потребитель, и как реагировать брендам? [Электронный ресурс] / Ipsos. Инновация и знания // 13.03.2020. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/kokon-samoizolyacii-kak-menyaetsya-potrebitel-i-kak-reagirovat-brendam>
6. Кречетова А. Чем занимаются россияне в самоизоляции [Электронный ресурс] / А. Кречетова // Ведомости. Технологии. - 15.05.2020.- URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/05/15/830347-rossiyane-v-samoizolyatsii>
7. Исследование Mastercard: россияне стали активнее совершать покупки онлайн [Электронный ресурс] // Прес-релиз. - 2020.- URL: <https://newsroom.mastercard.com/ru/press-releases>
8. Более 190 тысяч интернет-ресурсов попали под блокировку в России в 2020 году [Электронный ресурс] // РосКомСвобода. – 20.01.2021. –URL: <https://zen.yandex.ru/media/roskomsvoboda/bolee-190-tysiach-internetresursov-popali-pod-blokirovku-v-rossii-v-2020-godu-6006b42c94dcbd4ea64c9dc6>
9. Аналитики Accenture выявили долгосрочные изменения в поведении потребителей [Электронный ресурс] // Accentyreю. -12.05.2020.- URL: <https://www.accenture.com/ru-ru/about/company/company-news-release-long-term-changes-consumer-behavior>

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ ПЛАНЕТАРНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Аннотация. Диалектика сложности актуального планетарного развития характеризуется плюрализацией социотехнического бытия, ускорением политических процессов, экономической нестабильностью. Новая социальная онтология обусловлена необходимостью учитывать длинные технологические циклы в экономике, основанные на инновациях и эволюции техники.

Ключевые слова: новая социальная онтология, новая нормальность, гибридизация, VUCA мир, янусовидность, хаосмос, метастабильность.

Описывая в разных моделях релевантности становление новой социальной онтологии, мы можем концептуализировать её в нескольких проекциях: 1) как технологический и экономический уклад 4.0 (постиндустриальное общество) в процессе переход в цифровой проект 5.0; 2) как негеографическую глобальную топологию, неиерархический социализм и новую сетевую коммунитарность; 3) как массив дискурсов с практиками артикуляции, доминантой риторики над логикой и массовым некритическим конспирологическим мышлением; 4) как коммуникативную рациональность с паранепротиворечивыми характеристиками критического мышления, дополненную технологиями мифотворчества, идеологизации, манипуляции; 5) как постфеноменологический умвельт с локусами устойчивости в сетке перформативных высказываний ценностно-смысловых групп; 6) как динамическое процессуальное состояние общества с доминантой взаимодействия и негоциации над классическими категориями бытие и истина¹.

Для описания социальной онтологии используются концепт «новая нормальность», призванный дать нам когнитивный эффект понимания, что происходит в мире, куда он движется; объяснить как нам лавировать в многослойных противоречиях².

До «новой нормальности» получил распространение политический акроним VUCA, описывающий среду как нестационарную (volatile), нечёткую (uncertain), сложную (complex) и неоднозначную (ambiguous). Когда мы имеем дело с процессами, которые не поддаются достоверному и однозначному описанию и прогнозу, мы имеем дело с VUCA-фактором.

¹ Тимощук А.С. Постнеклассическое массовое сознание // Массовое сознание в России : современное состояние и тенденции изменения. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Амурского гуманитарно-пед. ун-та, 2007. С. 60-68.

Тимощук А.С. Нон-классика как политрадиционализм // Неклассическое общество: векторы развития : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Владимир: Владим. юрид. ин-т, 2008. С. 30-32. Тимощук А.С. Мод(а)ульность неклассического познания // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск XLI. М.: Экон-Информ, 2009. С. 259-261.

² Гофман А. А., Тимощук А.С. Новая нормальность как концепт общественных изменений // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 471-473.

VUCA среда не оставляет шансов на стратегическое долгосрочное планирование. В VUCA мире на фоне самой современной демократической оболочки могут применяться средневековые методы пыток, похищений и отравлений.

Попытки описания сложности мира предпринимались не только в политологии. Термодинамика предложила терминировать нестационарность в категориях синергии открытой и закрытой системы. Неклассическая физика расширила познавательные горизонты сложности через концепты относительности пространства и времени, многомерности реальности, тёмной материи и квантовых эффектов. Французский постструктурализм описывает сложность как ризому, хаосмос, номадизм, разрыв, метаязык, деконструкцию, складку, лабиринт, хаосмос, игру, контекст, проективность, интертекст, симулякр, бриколаж, шизоанализ¹.

Этико-политическая перспектива мультикультурализма конкурирует с рефлексивными культурными традициями, улучшающих своё понимание реальности за счёт образования, науки, коммуникации. Речь идёт о либеральных течениях в христианстве, иудаизме, исламе, буддизме, индуизме, которые расширяют свой горизонт интерпретации, но сохраняют солидарность и интересубъективность. Новая нормальность – это конвергенция религии и науки, права и морали, Востока и Запада, Севера и Юга при сохранении идентичностей и границ интерпретации. Культурные перспективы радикальных альтернативных концепций в виде неофундаментализма, неонацизма, левого движения и экофашизма не имеют широкой поддержки и не могут выступить формой устойчивости. Их культурные сценарии контаминированы насилием и разрывом внутренне согласованного мира. Рациональная коммуникативная практика сталкивается с контингентными культурными формами конкуренции и борьбы: гибридная война, вирусные новости, spin doctoring, мемы, фото жабы, троллинг, флеймы, флудинг, вбросы и т.п.

Тенденция соединения разнородных система называется гибридность в политике и химеричность в биологии (животные-растения, растения-животные, мышцы-халки и т.п.) Названные гибридные формы – это более или менее гармоничные «скрепы», необходимый «социальный клей». Существуют ещё социальные химеры – православие и коммунизм, радикализм и ЗОЖ, «добрая машина пропаганды», «либерализм или смерть»².

Динамичное усложнение реальности также выступает составляющей новой нормальности. Перенос термодинамическую концепцию энергии на социальные процессы, мы получаем описание сложных процессов в синергетических категориях хаос, автопоэзис, самоорганизация, порядок,

¹ Тимошук А.С. Мод(а)ульность неклассического познания // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск XLI. М.: Экон-Информ, 2009. С. 259-261. Тимошук А.С. Философия неклассической науки / Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. 88 с.

² Кукарцева М.А., Сурма И.В. Политические химеры и деформация современного социально-политического пространства // Политика и Общество. 2017. № 3. С. 62-75.

энтропия, неравновесная динамика, индетерминизм, открытость системы, флуктуация, бифуркация, полифуркация, аттракторы. Нелинейная клиодинамика играет решающую роль в возникновении и развитии новой нормальности. Вдобавок квантовая физика добавила метафизический аспект в наше представление о Вселенной. Если классическая философия последовательно изгоняла метафизику с помощью позитивизма и аналитической философии, современная физика через энергию и информацию активно продвигает метафизическое понимание новой нормальности. Квантовая нелокальность, сознание как квантовый компьютер, голографическая топология Вселенной – все эти идеи составляют новую концептуальную структуру новой нормальности как постматериальности.

Ещё одним фактором новой нормальности стала скорость, власть ускорителей-рапидаторов (А.Н. Павленко): транзисторов, процессоров, транспорта, стандартов передачи информации, скорости обслуживания клиента¹. Политэкономия скорости выражена философией капиталократических акселераторов, преодолевающих барьеры времени и пространства, уничтожающих все преграды для профицита капитала. Логика скорости определяет процессуальность мира, его супер-онтичность. Мы как бозон Хиггса существуем в пикосекундных эстафетах и зазорах, а время остаётся супер-аттрактором сущего. Августин и Эйнштейн запретили время «до», но это как бороться с отрицательными числами. Время «до» остаётся временем и претендует на роль великого аттрактора Вселенных. В индийской философии, которая является одной из самых грандиозных донаучных космологических систем, время – это класс предметностей, где существует транзитивное время (юга, чатур юга, маха юга, калпа, маха калпа) и вечное время (маха кала).

Существование в процессах означает, что мы не успеваем за скоростью изменений и генерируем формы успевания: синхронизация, социодинамика, time management, «время – деньги», speed-dating, «обслуживание под ключ», срочные похороны. Скорость социальных процессов не позволяет осмыслить происходящее, что рождает особый тип мышления культуры скоростного восприятия – аналогизирующе-образное, клиповое, мозаичное. Инстаграмизация, медиатизация и визуализация – ведущие тренды цивилизации образа, характеризующейся как паноптикум цифрового вуайеризма и эксгибиционизма, царство видимости, обозримости и прозрачности. Культура образа соревнуется с культурой текстов; «быстрее и быстрее» вытесняет анахронизм long read.

Тренд пластичности и гибридности определяет все социальные неограничения и грядущие изменения социетальных форм. Деонтологизация, процессуальность, контингентность – это внутренняя структура

¹ Тимошук А.С. Янусовидность стандартов в международной политике и праве как способ актуализации социальной динамики в условиях глобальной конкуренции // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности. материалы международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. Владимир: ВлГУ, 2016. С. 95-100.

функционирования цивилизации. Неоднородность и скорость социокультурных трансформаций ставят перед нами цель определить когнитивные условия новой нормальности в терминах дополнительности, гибридности, конвергенции и устойчивого развития.

Управляемость обществом во время пандемии подверглась сильной флуктуации. Глобальные транзакции, национальные валюты, игроки на оптовом рынке, логистика, розница, туризм, коммерческие организации испытали серьезный шок, после которого не все оправились. Причём кризис COVID-19 не завершился, он развивается и ещё проявит себя, ибо кумулятивный эффект от экономического спада откликнется долгим эхом рецессии. Антикризисные меры на федеральном и региональном уровне не спасут от разорительных последствий и оцениваются предпринимателями как недостаточные. Может потребоваться корректировка текущих теорий или новых теоретических разработок, что и терминируется, в целом, как «новая нормальность»¹.

Глобализация – это новый фактор состояния мира открытости информации, ценностям, смыслам. В этих условиях идёт выработка модели взаимодействия субъектов мирового процесса: мультикультурализм, поликультурность, культурная ассимиляция, аккультурация. Очевидно, что откровенная культурная экспансия и колониализм позади, выбор стоит между диффузией и сепарацией, маргинализацией и интеграцией. Россия нуждается в адекватной модели аккультурации, которая бы могла цивилизованно работать с проблемами культурного плюрализма: миграции, миссионерством, горизонтальными и вертикальными новшествами. Современная политика межкультурной коммуникации берёт начало в Европе эпохи Просвещения и нуждается в адаптации. Культурные различия находятся, возможно, не на уровне онтологии, но они затрагивают общественные формации не меньше чем природно-географическая среда, и, в отличие от последней, могут быть гармонизированы.

Гетерологи Э. Лаклау, Ш. Муфф поставили под сомнение саму возможность гегемонии социального как всеобщего. Фактически о таком же политическом принципе структурирования социальности говорит Б. Андерсон с его концепцией наций как искусственных воображаемых сообществ. Противоречие нашего времени заключается в том, что, распространяя технологии и образование мы способствуем терроризму. Мало кто мог представить в XIX в., например, что в Тамилнаде появятся террористы-сепаратисты.

¹ Тимошук А.С. ПОСТ-КОВИД: проблемы устойчивости и управляемости // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития. Сборник статей по итогам Второго Новосибирского международного юридического форума. В 2-х частях. Под редакцией Д.А. Савченко, М.В. Громоздина, М.С. Саламатова, О.Н. Шерстобоева. Новосибирск: НИИХ, 2020. С. 109-118. Sarkis J. Supply chain sustainability: learning from the COVID-19 pandemic // International Journal of Operations & Production Management. 2021. Vol. 41. No. 1. Pp. 63-73.

Нельзя построить долгосрочную культуру на ситуативных регулятивах. У фундаменталистов есть свой символ веры, свои абсолютные ценности, за которые они готовы умереть. Посттрадиционная культура не дала нам единогласной решимости быть готовым умереть за карикатуры Charlie Hebdo, свободу слова, многопартийность, гомосексуализм, секуляризм, феминизм, теорию эволюции, плюрализм и т.п. Таким образом, наряду с глобализацией идут процессы глокализации, регионализации, архаизации. Социальные процессы более сложные и дифференцированные, что и демонстрировал в своих работах феноменолог Питер Бергер. Конституирование социального это нелинейный процесс компоновки социокультурных реальностей, их сопряжения и гибридизации¹.

Слияние культур, переплавка этноконфессиональных идентичностей в единый англопротестантский национальный сплав – этот идеал возник в США в результате наплыва иммигрантов. Реализация этой цели проходила достаточно успешно до тех пор, пока субъектами амальгамации выступали белые переселенцы. Представители индейской, латиноамериканской, японской, китайской, африканской цивилизаций формировали обособленные анклав, что позволило С. Хантингтону даже в 1993 г. говорить о столкновении разных культурных миров.

Русские космисты Фёдоров, Циолковский, Вернадский смотрели в будущее, убеждая перейти от войн и разрушения к созиданию галактического человека, сохранившего земное прошлое, но устремлённого на трансформацию энергии космоса в условия для жизни *homo sapiens* на других планетах Солнечной системы. Смысл не в том, чтобы ломать копья из-за некоторых несоизмеримостей в понимании таких категорий как логика, каузальность, материя, объект, власть, народ, нация, государство, демократия, идеология, терроризм и т.д., а сохранить тренд на устойчивое развитие человечества. Осознание уникальности *homo sapiens* в известных нам пределах Вселенной должно привести к новой глобальной нормальности: миру без войн и диверсий, объединению усилий для космогенеза человечества.

У человечества короткая память и сегодня пандемию даже некоторые образованные люди воспринимают апокалиптически: «мир никогда не будет другим», «мы прощаемся с классическим обществом», «оставьте в прошлом всё, что Вы так ценили». Вместе с тем, это был очень щадящий режим встречи с пятым царством, и он прошёл очень благоприятно, если сравнивать с прошлыми чудовищно вирулентными эпидемиями чумы, оспы, брюшного тифа, холеры.

Эпоха III НТР является наиболее благоприятной с точки зрения максимального раскрытия доступных человечеству технологий. Мы

¹ Тимошук Е.А. Динамика и проблемы современного общества в феноменологии П. Бергера // Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (VIII Северо-Кавказские социологические чтения, 14 ноября 2019 года, г. Ставрополь, СКФУ). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. С. 273-277.

накопили большое количество знаний и опыта в области сельского хозяйства, медицины, фармакологии, химии, физике, информатике и других областях. Это время также характеризуется профицитом трудовых ресурсов, зенитом углеводородов и наиболее мирным состоянием общества.

Глобальному человечеству необходимо использовать это время для подготовки к более «холодным» временам. Ведь глобальное потепление должно смениться по теории гляциальных циклов новым оледенением, что приведёт таким же климатическим беженцам, как и возможное затопление территорий в краткосрочной перспективе.

Новую нормальность отличает готовность к климатическим трансформациям, техногенным катастрофам подобным в Мексиканском заливе в 2010 г., когда на буровую платформу попал попутный газ и произошла крупнейшая экологическая катастрофа в регионе или в Норильске в 2020, когда из-за аномального таяния мерзлоты просели опоры накопителя дизельного топлива, у резервуара оторвалось дно и десятки тысяч тонн нефтепродуктов загрязнили приполярную экосистему.

Мы забываем, что катаклизмы в прошлом уже приводили к катастрофическим последствиям для человечества в виде затопления территорий, оледенений, регулярного неурожая, голода, эпидемий, климатических миграций. Человечество медленно набирало демографическую массу, иногда теряя из-за инфекционных болезней, войн и голода до 80 % жителей территорий. Сегодня, в эпоху максимальной демографической ёмкости, профицита оружия массового поражения, ядерных боеголовок, обострение международных отношений, вызванное миграцией беженцев, территориальными спорами, захватом нефтяных месторождений, войной за водные ресурсы, может иметь катастрофические последствия. Человечество не может допустить кризиса глобальной управляемости. Поэтому, сегодня, как никогда нужны глобальные, национальные и региональные усилия в следующих областях: 1) стратегическое планирование, создание условий для долгосрочной устойчивости в мире, 2) стабилизация международной политической и военной обстановки для долгосрочного мира; 3) концентрация усилий в области энергетики и продовольственной безопасности; 4) развитие космической программы для отдалённой колонизации Луны и Марса как резервных баз homo sapience.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА (ОБ ИДЕЯХ Ю.М. РЕЗНИКА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ Ф. ГИЗО)

Аннотация. Институт философии РАН инициировал разработки в области философского обоснования российского проекта цивилизационного развития. Проектный подход неявно поставил под сомнение концепт российской цивилизации. В качестве альтернативы предложено выделять кирилло-мефодиевскую цивилизацию, составной частью которой является Россия.

Ключевые слова и словосочетания: Россия, цивилизация, локальная цивилизация, российская цивилизация, Кирилл и Мефодий.

В недавнем обширном очерке Ю.М. Резника, подготовленном по направлению «Российский проект цивилизационного развития» (2018–2024), российская цивилизация рассматривается не столько в онтологическом статусе состоявшейся исторической реальности, а как проект [7]. Концепт российской цивилизации тем самым проблематизируется. Цель статьи состоит в определении обоснованности данного концепта и поиске возможных альтернатив. В качестве методологической основы анализа используется концепция локальных цивилизаций Ф. Гизо.

В последние десятилетия понятие российской цивилизации стало активно использоваться для описания историко-географического феномена, достаточно размытого и неопределенного в пространстве и времени. Параллельно с данным понятием не менее активно используются конкурирующие понятия: «русская цивилизация», «православная цивилизация», «евразийская цивилизация», «северная цивилизация» и др. Наличие такого фокусированного пучка понятий позволяет предполагать, что существует некий цивилизационный феномен, в котором выделяются либо сущности разного порядка, либо какие-либо его аспекты.

Неудовлетворительность данного аспектного (да и «полюбовного») решения проблемы цивилизационной репрезентации России продемонстрируем на примере следующего размышления Ю.М. Резника. Комментируя определение России как страны-цивилизации (или государства-цивилизации), он обратил внимание на тот факт, что российская цивилизация включает также «дружественные и культурно родственные страны» [7, с. 91]: «бывшие» республики Советского Союза и близкие в культурно-историческом плане Болгарию, Сербию, Грецию. Монголию и пр. [7, с. 118]. Предложенное географическое расширение границ российской цивилизации кажется разумным и позволяет предполагать, что российская цивилизация – это не только Россия, а может

быть – и не вся Россия.

Не следует ли в исторической ретроспективе относить (хотя бы временно) к российской цивилизации Польшу, Финляндию и другие территории, входившие в состав Российской империи? Не следует ли в исторической ретроспективе (и возможно – перспективе) исключить ряд территорий, тяготеющих к другим цивилизациям? В любом случае ясно, что российская цивилизация на всем протяжении своего существования не совпадает с Россией-государством или Россией-страной. Иначе придется допустить временное исчезновение российской цивилизации в период феодальной раздробленности и иных «смут» или, наоборот, в рамках парадигмы приоритета «почвы» над «кровью» в генезисе культуры¹ допустить ее историческое существование в рамках Северной Евразии задолго до появления славян².

Аналогичные вопросы возникают и в отношении релевантности альтернативных цивилизационных идентификаций России.

Вероятно, что цивилизация, ассоциируемая в сегодня с Россией, если и существует, то она трансгранична и с необходимостью включала другие государства. Один из распространенных вариантов онтологии цивилизации это допускает. Так, Ю.М. Резник критически относится к концепту «государство-цивилизация» и понимает под цивилизацией локальную систему обществ [7, с. 18]. Только такой системой обеспечивалась непрерывность исторического существования локальной цивилизации.

Тогда данная цивилизация выступала не только российской, но и украинской и т.п. Не исключено, что на определенных исторических этапах Россия играла в ней ведущую роль и по этому основанию данная цивилизация идентифицируется как российская. Но не исключено, что на других этапах ведущую роль могли играть иные общества. Поэтому желательно различать, с одной стороны, некоторую мегацивилизацию и, с другой стороны, входящие в ее состав российскую, украинскую и другие цивилизации. Ю.М. Резник осознает реальность такой проблемной ситуации и думает, что для этой мегацивилизации придётся искать иное название, например «экологическая евразийская цивилизация» [7, с. 91].

Сходную ситуацию описывал Ф. Гизо, один из основоположников концепции локальных цивилизаций. В отношении европейской цивилизации он замечал, что она никогда не развивалась вполне в одном государстве, а бесконечно нюансировала: «Элементы ее истории следует искать то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии и Испании» [2, с. 17]. При этом в составе европейской цивилизации он полагал

¹ В. Шубарт полагал, что «силы почвы фундаментальнее и прочнее сил крови» [11, с. 16]. Он апеллировал к сложившейся практике предоставления национального гражданства и заключал, что народы формируются духом ландшафта.

² Например, историю Тувы и тувинской культуры прослеживают с древнекаменного века, задолго до появления в ней тюрков – этнического субстрата тувинцев во второй половине I тыс. н.э. [5].

возможным выделять французскую, английскую и другие цивилизации.

По мнению Ф. Гизо, Франция была главой (центром, фокусом) европейской цивилизации. Цивилизационное лидерство Франции выражалось, в частности, в том, что «все идеи, все, так сказать, цивилизующие учреждения, родившиеся на другой почве, не раньше распространялись, обобщались, применялись на практике и вообще начинали действовать на пользу всей европейской цивилизации, как после переработки их во Франции; оттуда уже, как из второй своей родины, они овладевали всею Европою» [2, с. 17].

Французскую цивилизацию Ф. Гизо полагал «самым полным и верным изображением цивилизации общеевропейской» [1, с. 37]. А в составе последней он выделял две основы: романскую (цивилизация Испании и Италии) и германскую (цивилизации Англии и Германии), – и справедливо указывал, что в цивилизации Франции эти две начала соединены¹ [1, с. 37]. Воплощая в себе романо-германский синтез как фундамент европейской цивилизации, Франция и стала объективно лидером европейской цивилизации.

Разумеется, можно говорить и о России (или российской цивилизации) как лидере (северо-)евразийской цивилизации, уходящей своими истоками в далекое историческое прошлое Северной Евразии, когда основным ландшафтом была тундростепь. Но конкурирующие идентификации ее как цивилизации «русской» и «православной» все же ограничивают ее существование во времени. Ввиду этого скифо-сибирский мир и другие более ранние архаические социокультурные миры, развивавшиеся в нашей стране, обычно не рассматриваются в качестве ранних исторических формаций российской цивилизации.

Исходя из изложенного, можно предполагать, что специфика локальной цивилизации, в составе которой находится Россия, определяется не собственно этническими или географическими факторами. Конечно, можно говорить о российской цивилизации в том же смысле, в котором Ф. Гизо говорил о французской цивилизации. Но это представляется малоперспективным по ряду причин.

Во-первых, цивилизационистика в целом отошла от этнизации цивилизаций и рассматривает последние как межэтнические сообщества.

Во-вторых, в модели Ф. Гизо французская цивилизация как центр (лидер, глава, ядро) общеевропейской цивилизации существует лишь в системном единстве с периферийными цивилизациями (английской, испанской и т. д.), также входящими в ее состав.

В-третьих, в системе общеевропейской цивилизации ее отдельные составляющие находятся во взаимодополнительности, различаясь по соотношению элементов общественного и индивидуального, духовного и практического [2, с. 24–28]. В результате возникает системный эффект и общеевропейская цивилизация развивается как качественно новое целое,

¹ По-видимому, в результате этнокультурного синтеза галлов и франков.

несводимое к своим частям.

Возникает вопрос об основании спецификации таким образом структурируемых локальных цивилизаций. Отвечая на него, я предлагаю учесть несколько важных обстоятельств.

Во-первых, каждая локальная цивилизация воплощает в себе конкретный стандарт цивилизованности, мерило разумности и продуманной человечности образа жизни [8].

Во-вторых, локальная цивилизация противопоставляет себя варварству окружающего мира и воспринимает себя как эталон всеобщего жизнеустройства. Такую универалистскую установку цивилизации Н.И. Кондаков называет глобалитетом [4].

В-третьих, мышление в категориях всеобщего возвышает самосознание цивилизации до уровня философии. Поэтому продуктивной представляется восходящая к Р. Декарту, но малоизвестная традиция трактовки специфики цивилизации, которая связывает ее с философией.

Ю.М. Резник разделяет эту традицию. Он полагает, что философия символически оформляет цивилизацию и «лишь та цивилизация достойна своего положения, которая имеет собственную философскую систему» [7, с. 19]. В свете концепции Ф. Гизо эта система может быть неслучайной. Каждая цивилизация, на его взгляд, внутренне едина, так как вытекает «из одного известного начала, из одной идеи», из «одного принципа» [2, с. 37–38]. Соответственно, цивилизационная философия может рассматриваться как экспликация основополагающей идеи.

Исходя из принципа существенной взаимосвязи философии и цивилизации, обратимся к типологии локальных цивилизаций, построенной по философским основаниям: конфуцианская цивилизация, буддийская цивилизация, христианская цивилизация (разумеется, при условии восприятия Христа как «бродячего философа»). Россия безусловно относится к христианской цивилизации, но с одной локальной особенностью – опытом неконфронтационного сосуществования с исламом (а также с иудаизмом и буддизмом). Такое «примирение», по-видимому, философски обусловлено.

На мой взгляд, в институциональных взаимоотношениях православия и других религий положительную роль могла играть кирилло-мефодиевская традиция, с ее миролюбием, установкой на равенство народов и ориентацией на уважительное отношение к другим конфессиям [9; 10]. Основателем этой традиции является св. Кирилл (Константин Философ), прозвище которого историками философии признается неслучайным.

Поэтому заслуживает внимания идея выделения кирилло-мефодиевской (кириллической) цивилизации [3; 6]. Она включает не только современную Россию, но около полутора десятков других стран разной конфессиональной принадлежности. Некоторые из них (Болгария, Киевская Русь, Литовская Русь) на определенных этапах истории

выполняли роль цивилизационного лидера.

Следует признать, что Россия, в отличие, например, от Индии и Китая, практически на всех этапах своего развития признавала свою цивилизационную несамодостаточность. Отсюда вековая болезнь подражательности, характерная, впрочем, не только для России, но и для любых отдельных обществ, входящих в ту или иную локальную цивилизацию. В силу цивилизационной несамодостаточности актуальна идея Ю.М. Резника о «цивилизационном содружестве России и других стран» [7, с. 95]. Данное содружество объективно сложилось в рамках кирилло-мефодиевской цивилизации.

Итак, концепт российской цивилизации можно оценивать как промежуточное рабочее понятие, эмпирически фиксирующее одну наиболее значительных составляющих кирилло-мефодиевской цивилизации как системного целого. Такими же рабочими понятиями являются конкурирующие концепты «русской цивилизации», «православной цивилизации», «евразийской цивилизации», «северной цивилизации».

Введение концепта кирилло-мефодиевской цивилизации позволяет сделать важный шаг в восхождении от абстрактного конкретного в типологии локальных цивилизаций. Перспективной является задача системного описания кирилло-мефодиевской цивилизации и определения роли и места отдельных входящих в ее состав социальных организмов на различных этапах исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гизо Ф. История цивилизации во Франции в 4-х томах. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006. – Т. I. – 328 с.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 336 с.
3. Карпенко Л.Б. Кириллица в цивилизационном аспекте // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2009. – № 2 (6). – С. 172–177.
4. Кондаков И.В. Глобалитет локальных культур (к постановке проблемы) // Традиционная культура. – 2005. – № 2 (18) – С. 60–70.
5. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: МГУ, 1979. – 208 с.
6. Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Герменевтика новой науки (к наброску культурно-исторического переоткрытия реальности в проективной возможности Кирилло-Мефодиевской цивилизации) // Рождение культурологии в России. – Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – С. 11–28.
7. Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной

теории: Научный альманах. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; под редакцией Ю.М. Резника. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. – Разд. 1. – С. 17–120.

8. Спиридонова В.И. Западный дискурс «стандарта цивилизации» и его эволюция // Проблемы цивилизационного развития. – 2019. – № 1. – С. 91–107.

9. Тюгашев Е.А. Кирилло-Мефодиевская традиция в понимании российской цивилизации // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; под редакцией Ю.М. Резника. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. – С. 220–221.

10. Тюгашев Е.А. Фундаментальные ценности кирилло-мефодиевской цивилизации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2021. – № 2 (7). – С. 75–84.

11. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Альманах «Русская идея», 2000. – 448 с.

И.В. Упоров

**ПРЕДПОСЫЛКИ МЕНТАЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ
«ВЛАСТЬ-ОБЩЕСТВО» И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЕ В РОССИИ:
ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

Аннотация: Исследуются исторические особенности формирования менталитета российского населения с точки зрения отношений власти и общества. Выделяются несколько составляющих, обуславливающих характер этих отношений (огромная территория страны, множество населяющих ее народов, влияние Орды и др.). Делается вывод о том, что население России предпочитает подстраиваться под действующую власть, и в этом проявляется слабость гражданского общества, причем положение наблюдается несколько веков – с тех пор, как Россия стало самым большим государством.

Ключевые слова: власть, общество, государство, население, территория, Орда, религия, миграция.

Чтобы понять истоки ментальности населения России, включая современный период, следует обратиться к особенностям ее исторического развития. И здесь выделяются несколько составляющих, которые, на наш взгляд, во многом, если не в решающей степени, определяют характер отношений между властью и обществом, содержание которых, собственно, и позволяет выявить предпосылки формирования сущностных основ России как общества (населения) и России как государства. В данном случае мы не разделяем «общество» и «население», а понятие «общество» отграничиваем от понятия «гражданское общество», и ниже будет представлена причина такого подхода.

Первая составляющая заключается в территориальном вопросе.

Россия уже несколько веков является крупнейшей по территориальным пространствам державой, причем она находится на первом месте с огромным разрывом от других государств – в настоящее время территория России составляет 17125191 кв.км., для сравнения далее в первой десятке следуют государства: Канада (9976140 кв.км), КНР (9598 077 кв.км), США (9518900 кв. км), Бразилия (8511965 кв.км), Австралия (7686850 кв.км), Индия (3287590 кв.км), Аргентина (2766890 кв.км), Казахстан (2724 900 кв.км), Алжир (2381740 кв. км) [4]. В свое время Древняя Русь (от Львова до Самары и от Санкт-Петербурга до Ростова-на-Дону – в современных названиях городов) имела территорию порядка 1 330 000 кв. км. В последующем уже обособленная Московия, населенная преимущественно этническими русскими, обрела огромную мощь - пока еще необъяснимым для исторической науки образом. И начала Большой поход с запада на восток как своеобразный ответ предшествовавшему Большому походу монгольской империи (Орды) с востока на запад, присоединяя земли вплоть до Тихого океана. Расширение

территории Московского государства было стремительным - уже в XVI в., благодаря присоединению сибирских земель, Россия стала самым крупным государством, далее к XVII в. площадь составила порядка 4 млн кв.км, к XVIII в – порядка 14,5 кв.км, к началу XIX в. – порядка 16 млн кв.км, к началу XX в. – порядка 22 млн кв.км. Площадь нашей страны в период СССР составляла: в 1939 г. – 21, 9 млн кв. км, в 1979 г. и до распада советского государства в 1991 г. – 22,4 млн кв. км. Еще раз подчеркнем, что уже почти пятьсот лет территория России намного превышает территорию любого другого государства.

Вторая составляющая заключается в национально-этническом вопросе. Присоединение к Московском государству новых территорий означало вхождение в его состав населявших эти территории народов (включая небольшие по численности этносы), имевший меньшую степень социально-публичной организации своего сообщества. Данный процесс протекал в целом мирным путем, местные жители относительно спокойно воспринимали пришествие новой силы (как, вероятно, до этого пришествие монгольских отрядов), тем более, что, как можно предположить, выбора на этот счет не было. Как бы ни было, на территории России в рамках единого государства оказались, к настоящему времени, то есть по результатам переписи 2010 г., более 190 народов и этногрупп [3]. Они имеют разную культуру, разный социальный уровень развития – например, коми и ненцы на Севере, чеченцы и дагестанцы на Юге, буряты и якуты на Востоке, а в срединной части страны расположились многочисленные регионы с преимущественно русскими жителями. Но все народы живут под одной государственной «крышей», а это означает, что у них есть общие интересы и одновременно в чем-то им приходится идти на компромисс ради целостности сложившегося общественно-государственного существования, которое предпочтительнее, чем жизнь врозь.

Третья составляющая заключается в религиозном вопросе.

Изначально с Запада в Россию пришло христианство (православие), и эта религия с тех пор, уже более тысячи лет, является преобладающей, а некоторое время (период монархии) и вовсе была одним из признаков российской государственности. Одновременно, опять же по мере присоединения новых территорий, в Россию вошли и другие религии (ислам, буддизм, иудаизм и др.), также сумевшие найти согласие на единой государственной территории. Как представляется, принятие христианства (православия) и придание ему статуса главной религии во многом предопределило историческое развитие России на основе ценностей, лежащей в основе этой религии, на всей территории страны.

Четвертая составляющая заключается в миграционном вопросе.

Расширение территории российского государства не могло происходить без активной внутренней миграции, что и имело место. Так, для закрепления новых земель за государством из европейской части

России, то есть, из ядра изначальной Московии, отправлялись на северо-восточно-южные рубежи чиновники, военные, разного рода специалисты, купцы и т.д.; туда же и для этих же целей власть стала ссылать преступников. Такая внутренняя и на первых порах односторонняя миграция несла за собой и предопределяла на новых территориях некий общий образ жизни, ранее сформированный в Московии (в основных его параметрах) для жителей всех регионов указанных направлений (единые законы, привнесение православной религии, перемешивание обычаев и т.д.). Расширение территорий в западном направлении (Украина, Финляндия, прибалтийские земли и др.) не сопровождалось интенсивной миграцией, учитывая, что они были достаточно заселены и уже имели свои устоявшиеся образы жизни. Указанные миграционные процессы приводили к определенному ослаблению русского народа как этноса: уезжая из европейской части страны, как правило, навсегда, они ослабляли «русскость» оставляемой территории, а на новых местах они хотя и являлись представителями властного народа, но были все же «чужаками», новые земли так и не стали для русских их родиной. В СССР внутренняя широкоформатная миграция получила новый импульс в связи с развитием экономики, образования, культуры т.д. (освоение целины, комсомольские стройки, сооружение крупнейших предприятий, гидростанций и т.п. с мобилизацией трудовых ресурсов и самых разных частей страны), что сформировало единую общность под названием «советский народ». Здесь духовный фактор был заменен идеологическим – вся страна строила социализм на основе коммунистической идеи под руководством единой КПСС, и везде, от Калининграда до Чукотки, жители СССР восприняли новые политико-идеологические обычаи (праздничные и политически выверенные демонстрации 1 мая, 9 мая, 7 ноября, установка памятников основателям советского государства, размещение портретов членов Политбюро ЦК КПСС на видных местах, признание за партией ее руководящего начала в жизни советского общества и т.д.).

Пятая составляющая заключается в «ордынском» вопросе.

Влияние Орды на общественную психологию населения Московского государства во многом предопределило будущее состояние российского общества. Как отмечает Н.И. Дорохов, «двухвековое золотоордынское иго превратило русских князей в "служебников" монгольских ханов. Ни один князь не мог получить власть, не заручившись предварительно грамотой монгольского хана. Чтобы получить ярлык на княжение удельный князь отправлялся на много месяцев в Орду ... Так постепенно создавалась генерация покорных князей. Непокорных же унижительно наказывали или казнили. Русские князья впитывали дух государства восточного типа, дух абсолютной, никем и ничем не ограниченной власти, отношения жесткого подчинения и беспрекословной покорности подданных» [2, с. 9]. Несложно предположить, что и князья с подданными в своих княжествах обращались по тому же принципу

жесткого подчинения. Как представляется, тогда и сложились в российской истории истоки парадигмы «общество-власть»: население подчиняется правителю, предоставляя ему свою судьбу на его усмотрение и не смея перечить (проявлять оппозиционность).

И такое столкновение двух глобальных культур (Запад в виде христианства и Восток в виде деспотизма и преклонения перед господином) на территории Московского государства с учетом отмеченных составляющих привело к созданию уникального государства, где одновременно заимствованы как европейские ценности и достижения научно-технического прогресса (например, во время своего Большого похода на восток Московия использовала огнестрельное оружие, чего не было у воинов Орды), так и восточные церемониалы. Во властно-управленческих отношениях, то есть, в развитии государственности, при таком конгломерате стала доминировать восточная сущность, но при западном фасадном преломлении политического и бытового характера. Такое доминирование ярко было продемонстрировано, например, еще во времена первого русского царя в отношениях Московии и Великого Новгорода с его вечевой демократией. Иван Грозный разрушил в буквальном и цивилизационном смысле русский западный город, и непокорное поначалу его население подчинилось Москве и ее законам. Так появилось централизованное российское государство, управляемое одним человеком, имевшим, посредством сформированной правящей элитой и госаппаратом, власть над всем населением, и в особенности над крепостными, вообще лишенными личной свободы.

И в дальнейшем, начиная с XVI в., когда, как отмечалось, Россия стала самым большим государством, тенденция в развитии таких отношений между властью и населением, продолжала развиваться. Так, в XVIII в. население страны не поддержало вызов, брошенный власти Пугачевым, - это восстание, хотя и было самым массовым вооруженным протестом, тем не менее, не стало всероссийским. В XIX в. население России не поддержало декабристов, которые желали добиться большей свободы для россиян, не поддержало народовольцев, предпочитая адаптироваться к действующей власти, соглашаясь на подчиненную, приниженную роль, и прежде всего под воздействием страха перед возможными наказаниями и лишениями.

Следует, однако, заметить, что жесткая централизованность российского государства в значительной степени определялась громадными размерами его территории, управлять которыми иным образом вряд ли было возможно без риска развала страны на отдельные части. Об этом может свидетельствовать решение имперской власти расстаться с Аляской (путем продажи ее США). Кроме того, наличие огромного количества народов и народностей также требовало неких единых управленческих подходов, где без централизованных начал было не обойтись.

Великая территория страны стала довлеющей ценностью для власти, и эту ценность правящие элиты охраняли в первую очередь, используя при необходимости не только мощный судебно-полицейский аппарат, но и военно-репрессивные меры для подавления протестов и инакомыслия (против тех же Пугачева, декабристов, участников польского восстания и т.д.). И в этом смысле разрозненность большой территории России (с точки зрения разности образа жизни и культуры жителей регионов) помогала государству локализовать очаги протестов и без особого труда подавлять их, перебрасывая в случае нужды правоохранительные органы из одного региона в другой.

При таких условиях общее население России предпочитало жить по правилам, устанавливаемым «сверху» и покоряясь им, вопреки, очевидно, собственным желаниям, мечтам и жизненным целям. Поэтому мы не можем говорить о гражданском обществе в России в XIX в. – было население, которое, очевидно, можно называть обществом – с бытовой точки зрения, но не гражданским обществом с политической точки зрения, поскольку не было, и не могло быть по законам Российской империи, никаких создаваемых снизу общественных структур общегосударственного масштаба. Наверное, если бы было гражданское общество, то не было бы позорящих человека телесных наказаний. Но телесные наказания применялись, и были отменены позже всех европейских стран. При этом были локальные протесты, которые, видимо, следует обозначать как некие ростки гражданского общества, возникавшие под влиянием европейских буржуазных революций, на духу не переносимых российскими императорами. И даже в рамках «буржуазных» реформ 1960-х гг. власть не допускала создания ассоциаций региональных земских учреждений, а сами органы местного самоуправления находились под непосредственным контролем губернаторов и Министерства внутренних дел, причем председатели земств и другие работники земских учреждений имели статус государственных служащих.

Соответственно в парадигме «власть-общество» в период империи вплоть до 1917 г. довлела концепция «самодержавия» – это слово было, вероятно, для императоров святым, и они сохраняли его до последнего дня действия Основных государственных законов (до отречения Николая II). Потом были первая (февральская) и вторая (октябрьская) революции. «Самодержавие» трансформировалось в «диктатуру пролетариата», когда абсолютное большинство населения (крестьяне) подчинилось воле абсолютного меньшинства населения (пролетариата), ведомого большевистской партией, взявшей на себя право представлять весь пролетариат. Наверное, при наличии гражданского общества этого не произошло бы. Но это произошло. Как писал Н.А. Бердяев в этом контексте применительно к России, «классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства,

представляющего непосильные требования. Русская государственность превратилась в самодавяющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни [1, с. 6-7].

Мы не оцениваем предложенную населению России новую идею – идею коммунизма (она по своему привлекательна, но, как показала история, оказалась нежизнеспособной), а показываем, что население без гражданского общества очень быстро подстраивается под новую власть – в данном случае, власть большевиков, и принимает эту власть как данность по типу: что ж, была императорская власть, а сейчас советская власть, значит, тому и быть. Схожая ситуация была и на рубеже 1990 г. Была советская власть – не стало советской власти, и население как совокупность лиц, обладающих избирательным правом, еще вчера рукоплескавшее вождям КПСС, ведущей страну по пути построения социализма, теперь, в 1993 г. голосует за Конституцию России, где отвергается социализм и признается капитализм, – потому что так предлагает новая, «демократическая» власть, причем, следует заметить, эта власть была избрана самим населением (выборы депутатов союзного и российского уровней соответственно в 1989 г. и 1990 г.).

Прошедшие тридцать лет «новой» России, как представляется, ненамного изменили парадигму отношений «власть-общество»: население по-прежнему предпочитает подстраиваться под действующую власть – вместо того, чтобы формировать эту власть. Причем, как призывает история России, это происходит вне зависимости от того, как властелин, образно говоря, оказался на троне (по наследству, в результате революции, по выбору, как назначенный преемник и т.д.). И тем самым сложившиеся несколько веков назад исходные позиции российской государственности (огромная территория, множество народов и др.) еще во многом сохраняют свое влияние на состояние общественной психологии российского народа. Вместе с тем движение от общества как населения к обществу как гражданскому обществу проявляется все активнее, во всяком случае, в историческом масштабе это очевидно. Но и инерция еще велика. Предстоящие выборы депутатов Государственной Думы в сентябре 2021 г. покажут вектор дальнейшего развития отношений власти и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности (перизд. 1918 г.). М.: Филос.общ-во СССР, 1990. 240 с.
2. Дорохов Н.И. Особая роль российского государства в истории российского общества // Современная наука. 2015. № 4. С. 7-14.
3. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Официальный сайт госкомитета по статистике / http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата

обращения: 16. 04. 2021 г.).

4. Список стран и зависимых территорий по площади // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/686295> (дата обращения: 30.04. 2021 г.).

Р.В. Хандогин

**САМОВОСПИТАНИЕ И САМОРАЗВИТИЕ В ПАРАДИГМЕ
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ**

Аннотация: в статье исследуются отдельные аспекты положения самовоспитания и смежных понятий в категориальном и феноменальном пространствах. Рассматриваются некоторые специфичные черты постнеклассической парадигмы в контексте современной педагогической теории. Саморазвитие, самовоспитание и рядоположенные понятия и категории самости утверждаются в качестве базиса современного этапа развития постнеклассической педагогики.

Ключевые слова: самовоспитание, саморазвитие, самоактуализация, постнеклассическая парадигма, педагогическая синергетика.

В условиях быстро меняющейся социокультурной реальности, ускорения и одновременного усиления противоречий в сферах глобализации, интернационализации и информатизации, общественных и личностных трансформациях, многомерных изменений во всех сферах существования как отдельного человека, так и динамично развивающегося социума, особое значение приобретают не только сами феномены самовоспитания и саморазвития личности, но и система взглядов, научного осмысления и познания этих категорий.

Повышение интереса к исследованиям самовоспитания, саморазвития, самоактуализации и других явлений «самости» характерно не только для отечественной, но и для зарубежной науки. Для западного общества формула «self-made» — человека, который сделал себя сам давно является одной из базисных в социальном сознании, а сегодня в связи с общественными и политическими изменениями жизненного ландшафта, особенно характерными для развитых европейских стран, проблемы самоопределения, самоидентификации и самовыражения становятся всё более актуальными.

Самовоспитание как идея, категория или сопряжённое понятие неразрывно связано со всей историей развития педагогической мысли, теорией и практикой воспитания. Проблемы самовоспитания, соотношения самовоспитания и воспитания, развития и саморазвития личности были предметами изучения многих мыслителей, философов, педагогов и находили своё отражение в трудах, концепциях и воспитательных системах на самых разных этапах становления и развития не только педагогики и психологии, но практически всего спектра антропологических наук.

При изучении взаимного положения понятий «самовоспитание» и «самоактуализация» в теории отечественной психолого-педагогической науки обнаруживается целый ряд различных подходов и принципов. Содержание понятия «самоактуализация» зачастую достаточно близко подходит к дефинициям термина «самовоспитание», однако в части работ

они синонимичны и взаимозаменяемы, в других трактуются как относительно независимые, а в-третьих рассматриваются как элементы иерархических систем.

Некоторые отечественные психологи определяют феномены самовоспитания и самоактуализации через рядоположенные понятия «саморазвитие» и «самодетерминация», проводя параллели между концепциями самоактуализирующейся личности в зарубежной психологии и субъектности личности в отечественной науке.

Подобная терминологическая неопределённость вскрывает противоречия в субъективных взглядах на сам феномен самовоспитания как явление объективной реальности, на его значимость и положение в понятийном поле психолого-педагогической науки, но здесь же кроются и значительные возможности для его изучения с точки зрения различных подходов и концепций. На основании проведённого понятийно-терминологического и контент-анализа, рассмотрения различных подходов к дефинициям исследуемого понятия, определим Самовоспитание как внутренне управляемый целенаправленный процесс, базирующийся на собственных образцах и идеалах субъекта, ведущий к осознанному развитию личности.

Дальнейшее исследование самовоспитания и сопряжённых понятий позволит уточнить, расширить и укрепить тезаурус современной педагогики, а также поспособствует расширению научно-методической базы по созданию условий для самовоспитания как в личностном плане, так и в деятельности различных воспитательных институтов. В этом направлении особенно важной и значимой видится деятельность детских и молодёжных общественных организаций, имеющих значительные внутренние ресурсы и ещё нереализованные возможности в сфере самовоспитания и саморазвития.

На рубеже XX-XXI веков научное мировоззрение вошло в полосу радикальных изменений, которые можно охарактеризовать как переход к новой стадии рациональности – постнеклассике. Для постнеклассической парадигмы характерно обращение к сверхсложным саморазвивающимся системам, включающим человека в качестве существенного элемента своего функционирования и развития [2, с. 86]. Ключевыми характеристиками постнеклассики являются субъективность, гуманистичность, неравновесность, неустойчивость, необратимость, самокритичность и междисциплинарность. Также постнеклассический тип научной рациональности отличается пересмотром таких классических характеристик, как объективность и истинность, соотнося получаемые знания с ценностно-целевыми установками, эксплицируя связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными и личностными ценностями и целями [6]. Сегодня, с постепенным развитием идей и подходов постнеклассической парадигмы в педагогике, самовоспитание и

саморазвитие становятся как никогда актуальными и востребованными в образовательной и воспитательной теории и практике.

Постнеклассическая наука рассматривает саморазвивающийся субъект как объект самопознания. Одна из основных черт постнеклассики состоит в том, что она центрирована на решение проблемы саморазвития, присущего «человекообразным» [3] открытым (самоорганизующимся) системам. Самоорганизующимся системным объектом является и в целом образовательная среда, «способствующих поддержанию ее оптимального функционирования, содействующих самодостраиванию, самовосстановлению и самоизменению данного системного образования» [1, с. 21]. Таким образом, в современной психолого-педагогической науке постепенно на первый план выходят такие понятия, как «самовоспитание», «саморазвитие» и другие смежные категории «самости», что задаёт новый вектор рассмотрения современных вопросов и проблем образования и воспитания.

Понятие «само-» характерно не только для определения некоторых аспектов развития личности, но применимо и в гораздо более широком поле. С точки зрения системного подхода современность – время саморазвивающихся и саморегулирующихся систем. Одной из таких систем является и система воспитания, и, представляется, пока ещё чётко не очерченная и определённая, но становящаяся всё более актуальной система самовоспитания.

Важно отметить, что самой сущности саморазвивающейся системы присуща некая катастрофичность. Конфликт с окружающей средой, дезадаптация, качественный переход на иной уровень саморазвития вводит систему в полосу динамического хаоса, непредсказуемых процессов и их результатов. Эта опасность характерна не только для некой абстрактной самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, но непосредственно для предмета исследования – саморазвивающейся и самовоспитывающейся личности.

Близко мнение В.С. Степина, отмечающего: «Возникает целевая причинность, понятая в двух смыслах: во-первых, как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы в устойчивых состояниях, когда сохранение главных системных параметров управляет поведением системы и её реакцией на воздействие среды; во-вторых, как характеристика направленности развития. Эту направленность не следует толковать как фатальную предопределенность» [4]. Если перейти из плоскости системных в пространство социальных и психолого-педагогических философских категорий, становится возможным выявление в данной интерпретации связи воспитания и самовоспитания.

Воспитание присуще самовоспитанию и даже, в некотором смысле является его основой. Одно не существует без другого: воспитание переходит в самовоспитание, и наоборот, самовоспитание становится главным ресурсом и частью воспитания. Самовоспитание – более «личная»

категория, внутренне обусловленное, и отчасти поэтому более глубокое явление: существуют системы воспитания, а система самовоспитания – сама личность, и «личностное саморазвитие в течение жизни не является просто качеством или признаком, оно формируется уже как интегративная ценность» [5, с. 12].

Но самовоспитание и воспитание не всегда идут рука об руку: определяя общее направление развития, они могут рассматриваться как конфликтующие, противоборствующие стороны воздействия на личность. Воспитание в большинстве случаев характеризуется всё же как внешнее воздействие, как некий «назидательный» фактор, привносимый извне в процесс развития личности, пусть и самыми педагогическими способами, и методами. Воспитание стремится (скрыто или явно) определить направление развития, утверждая свой, в зависимости от воспитательной системы или парадигмы, идеальный образ, вектор формирования, зачастую вступает в конфликт с интересами, установками и динамикой самой личности. Для саморазвивающейся личности. Одной из самых важных характеристик самовоспитания является его внутренняя направленность на глубинные, скрытые процессы человеческой психики. Как воспитание может быть диссоциальным (А.В. Мудрик), так и самовоспитание может в негативных проявлениях вести к сознательному саморазрушению.

Одними из ключевых положений понятийного базиса научного дискурса в постнеклассической парадигме становятся термины «самовоспитание», «саморазвитие», «самоорганизация», «саморегуляция», «самоуправление» другие категории «самости». Для дальнейшего развития социально-философской и педагогической теории в контексте постнеклассического подхода представляется необходимым обратить особое внимание на указанные феномены с точки зрения самых разнообразных концепций и направлений исследований. Постнеклассическая наука сегодня проходит этап становления, и в педагогике наиболее ярко проявляются недостаточная методологическая определённость, противоречивость представлений и образов, расхождение в понятийно-терминологическом аппарате, что подчёркивает важность и необходимость педагогических исследований, особенно саморазвития и самовоспитания, в контексте постнеклассической парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхина М. С., Артюхин О. И., Усимова Д. Ю. Современная образовательная среда в контексте постнеклассической научной парадигмы //Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – №. 62-2.
2. Бенин В. Л. Культурологический подход как сущность методологии гуманистической педагогики //Человек в мире культуры. – 2015. – №. 3. – С. 85-94.

3. Маджуга А. Г. и др. Фрактальная педагогика: человекомерность постнеклассической науки //Мир образования-образование в мире. – 2018. – №. 1. – С. 119-131.
4. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность //Вопросы философии. – 2003. – №. 8. – С. 5-17.
5. Таубаева Ш. Т. Синергетический подход в педагогике как платформа исследования феномена личностного саморазвития // Методология и теория педагогики и психологии Methodology and theory of pedagogy and psychology. – 2020. – №. 4 (45). – С. 5-12.
6. Теплых Д. А. Проблема предмета психологии: опыт философско-методологического анализа.: дисс. ... канд. филос. наук. – Магнитогорск – 2005.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОЖИДАНИЙ БУДУЩИХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВУЗА

Аннотация. В статье рассматривается проблема реализации ожидаемых результатов высшего образования, заданных современной ситуацией развития общества, производства, других социальных институтов. Автор поднимает возможность решения данной проблемы на основе проектирования, которое способно внести преобразования в образовательные отношения.

Ключевые слова. Проектирование, образовательные отношения, компетентностный подход, современная ситуация развития общества, креативность, критическое мышление, командность, коммуникативность.

Образовательные отношения – весьма сложное социальное явление, которое возникает при получении человеком образования. Именно образование является объектом образовательных отношений. Содержание образования определяется многими факторами, среди которых особое место занимают потребности работодателя, государства. Обратившись к Федеральному закону №273- фз «Об образовании в РФ», мы читаем «образование - единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства,...» [1]. Образовательные отношения возникают между субъектами воспитания и обучения, целеориентированными педагогическими процессами. Цели воспитания и обучения формируются с учетом современной ситуации развития общества, общественных институтов, индивидуальных ожиданий.

Образовательные отношения в вузе возникают с момента приема в образовательную организацию высшего образования и продолжаются до получения специального документа, подтверждающего его уровень и квалификацию [2, с.21]. Особенностью образовательных отношений является организация преподавателем деятельности студентов. Содержание этой деятельности носит исторический характер и определяется не только культурными, но экономическими, политическими и иными условиями (например, цифровизацией общественных отношений).

Процесс проектирования в вузе предполагает выявление потребностей заказчика в лице государства и работодателей, формулировку практических целей и согласование их с заказчиком. Проектируя содержание современного вузовского образования, необходимо учитывать не только направление образования, связанное с осваиваемой профессией, но и ожидаемый со стороны работодателей результат в личностном развитии студентов. Как показывает Международный экономический форум в Давосе еще 2016 года, современному работодателю необходимы креативные, критически мыслящие, коммуникативные, умеющие работать

в команде люди. Заложенный в основу образовательных отношений компетентностный подход должен обеспечить подготовку таких специалистов, которые

- будут обладать готовностью к комплексному решению проблем, гибкостью мышления, способностью к преобразованию действительности (критическое мышление);

- будут обладать умением находить нестандартные решения, работать в ситуации неопределенности (креативность);

- сумеют всегда аргументированно отстаивать свою точку зрения, договориться, установить контакт (коммуникативность);

- сумеют работать в команде, понимая свою роль в общем результате работы, принимая ответственность за вклад в общее дело (командность).

Можно утверждать, что модель 4 К (критическое мышление, креативность, коммуникативность, командность) уже нашла отражение в универсальных компетенциях образовательных стандартах всех направлений бакалаврского образования. Данный факт предполагает обязательность их реализаций каждым педагогом в процессе преподавания той или иной учебной дисциплины. Компетентностный подход в образовании начинает проявляться еще с конца прошлого века. Согласно Г.И. Ибрагимову, компетентностный подход – «это идеология и методология решения проблемы, раскрывающая основную идею, социально-экономические, философские, психолого-педагогические предпосылки, главные цели, принципы, этапы, механизмы достижения целей» [3, с.362]. Автор определяет компетентностный подход как реакцию образования на изменившиеся социально-экономические условия, на существующие требования рынка труда. Образовательные стандарты как продукт проектирования закладывают требования новых подходов к построению образовательных отношений в вузе. Данные требования ориентируют внимание педагогов на социально значимых качествах будущего специалиста, в какой бы отрасли он не работал в будущем.

Проектирование педагогически организованного процесса развития у студентов критического мышления, креативности, коммуникативности, командности строится на основе методологии и теории педагогического проектирования. Их основы разработаны в трудах Дж.К. Джонс, В.П. Беспалько, Е.С. Заир-Бек, В.Е. Радионова и других авторов. Функциями педагогического проектирования как деятельности являются исследование, анализ, прогноз, преобразование, нормирование. Объектом исследования и анализа выступают, как показатели характеристик личности, так и средства достижения заданных показателей в процессе преподавания. Перманентность проектирования проявляется на уровне преобразования процесса педагогического взаимодействия. Прогнозируя ожидаемый результат личностного развития студента согласно заданным параметрам, необходимо четко понимать преимущества той или иной педагогической технологии. Проектирование методологической модели обучения исходит

из того, что закладывается в ожидаемые результаты обучения, выявленные в процессе анализа позиций работодателя, государства, самих обучающихся.

Современные педагогические технологии групповой работы достаточно разнообразны. В этом разнообразии легко можно рассмотреть модели обучения, обеспечивающие развитие командности, коммуникативности обучающихся. Проектируя данные педагогические технологии в пространство образовательных отношений, можно достичь хорошей результативности в формировании заданных стандартами универсальных компетенций.

В технологическом арсенале современного образования немало технологий, целенаправленно формирующих критическое мышление и креативность. Можно назвать технологию развития критического мышления средствами чтения и письма. Любая стратегия («корзина», «кластер», «инсерт»,...) данной технологии формирует ценное для современного человека умение работать с информацией, критически оценивая ее содержание. Включая в систему педагогического взаимодействия метод синектики (сравнение несравнимого), преподаватель сможет создать учебную ситуацию эффективного развития креативных качеств личности. Возможности данных методов представлены нами в одной из своих публикаций [4].

Огромный потенциал в реализации ожиданий работодателей имеет и технология кейс-стади. От современного преподавателя требуется умение проектировать учебное взаимодействие с учетом не только требований к знаниям по учебной дисциплине, но и тех метапредметных и личностных показателей развития студента, необходимость которых обусловлена спецификой современного общества. Среди актуальных навыков XXI века – навык самоактуализации, самоорганизации. Бесспорно, что, включая кейс-стади в процесс учебного взаимодействия, преподаватель открывает путь развития одному из важнейших навыков современности.

Среди актуальных компетенций 21 века – использование ИКТ для целей обучения. Настоящая компетенция становится актуальной в то время, когда обучение перестала быть конечным, когда оно проходит через всю жизнь, когда востребованным являются не только формальные, но и неформальные формы обучения. В это связи особую необходимость получают действия преподавателя, обеспечивающие разнообразные варианты включения современных технических устройств в учебный процесс. Тем самым, у студентов формируются определенные установки применения технических устройств, ИКТ технологий в целях обучения и самообучения.

В группу результатов, которые могут быть отнесены к востребованным навыкам 21 века, должны быть отнесены универсальные компетенции, зафиксированные образовательными стандартами ФГОС +++3 высшего образования, направления бакалавриат. Стандартами

определены компетенции, которые должны быть сформированы у обучающихся в процессе освоения ими образовательной программы. Среди компетенций - стремление к развитию и саморазвитию; безопасность жизнедеятельности; инклюзивная компетентность; экономическая культура, в том числе финансовая грамотность; гражданская позиция. Оценка эффективности обучения с точки зрения достижения заданных целей в компетентностном развитии студентов становится актуальной темой для обсуждения и исследования. Возможный потенциал в этой связи приобретает взаимодействие образовательных организаций и работодателей, развитие системы воспитательной работы, усиление воспитательной направленности преподавания. Проектирование данных процессов приобретает особую ценность в наращивании собственных ресурсов вузов и ресурсов окружающей среды в решении насущных задач образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012.- [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения 25.03.2021)
2. Сырых, В.М., д-р юр. наук, профессор. Введение в теорию образовательного права. М. 2002. - 340 с.
3. Ибрагимов, Г.И. Компетентностный подход в профессиональном образовании// Образовательные технологии и общество. 2007.№10 (3). – С.361-365.
4. Челнокова, Т.А. Технологическая компетентность современного педагога как условие эффективного решения образовательных задач. // Самарский вестник. 2020. Т. 9. №3. – С.299- 304.

И.В. Черепанов

ПАНПСИХИЗМ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются панпсихические теории, объясняющие бытие субъективного сознания в объективно существующей Вселенной. Приводятся аргументы в пользу истинности панпсихизма и контраргументы, доказывающие его ложность. В итоге делается вывод о концептуальной несостоятельности панпсихических теорий сознания.

Ключевые слова: сознание, ментальное и физическое, идеализм, панпсихизм.

Теория панпсихического идеализма в плане философии сознания сводится к тому, что сознание изначально и всегда присуще материи. В данном случае мы отрицаем дуалистический идеализм, ибо признаём в онтологической основе окружающего мира одну единственную субстанцию, но при этом не попадаем в зону монистического идеализма, поскольку эта единственная субстанция носит не чисто духовный характер, а обладает одновременно как духовными, так и материальными свойствами. В этом отношении можно сказать, что всякое тело обладает сознанием, тогда как всякая мысль, со своей стороны, имеет телесную организацию. Сознание не существует вне пространства-времени, но и само пространство-время не существует вне сознания. Там, где есть материя, присутствует и мысль, а там, где присутствует мысль, наличествует и физическая энергия.

Позицию панпсихического идеализма занимает, например, Б. Спиноза, согласно которому единая мировая субстанция обладает двумя неотъемлемыми качествами – протяженностью (что делает ее материальной) и мышлением (что делает ее духовной) [1]. Панпсихические тенденции наблюдаются и в философии Д. Чалмерса, который полагает, что физическая реальность сама по себе остается неполной без признания ментальной составляющей бытия [3].

Если в онтологическую основу метальных событий положить события информационного свойства, то можно сказать, что всякий энергетический обмен является так же и информационным обменом, и, наоборот, всякий обмен информацией так же предполагает и обмен энергией. Поэтому энергия неотделима от информации, а информация неотделима от энергии. Однако информационные процессы сами по себе еще не тождественны процессам ментального свойства, т.е. сознательным и мыслительным процессам, и поэтому если мы говорим лишь о целостности энергоинформационных событий, то в данном случае дуализм материального и духовного может преодолеваться не только панпсихически, но еще и диалектически, т.е. за счет признания того, что информация – это форма бытия материи, что сразу же помещает нас в рамки материалистического мировоззрения. Мы же сейчас говорим об

идеалистической позиции, и поэтому следует отметить, что сущность панпсихизма сводится к тому, что изначально материи присуща не просто информация, а именно способность мыслить и осознавать.

Не обладающих сознанием материальных явлений не существует, но при этом сознание, подобно материи, может иметь различные уровни онтологической организации. И атом обладает сознанием, но его сознание тусклое и недифференцированное по сравнению с сознанием растения, а сознание растения не такое ясное и дифференцированное, как сознание человека. Б. Спиноза, в частности, полагает, что чем сложнее физическое тело, т.е. чем больше степеней свободы оно имеет и чем большее количество движений может совершить, тем сложнее и принадлежащая ему душа, которая соответственно обладает большей способностью осознавать и мыслить, нежели та душа, которая принадлежит менее сложному и организованному телу [2]. Откуда следует, что наиболее развитым в духовном и интеллектуальном отношении существом, обитающим на Земле, а, может быть, и во всей Вселенной, является человек как имеющий наиболее сложное физическое тело.

Последовательный панпсихизм, подобно монистическому и дуалистическому идеализму, ведет к рационалистской точке зрения, согласно которой все основные закономерности окружающего мира могут быть открыты в процессе правильно организованных интеллектуальных медитаций. Б. Спиноза, утверждая, что Бог тождественен природе, и приписывая субстанции два фундаментальных свойства – протяженность и мышление, делает из этих предпосылок вывод о том, что порядок вещей тождественен порядку идей, ибо телесная составляющая мира (порядок вещей) образует единое онтологическое целое с его духовной компонентой (порядком идей). За всеми материальными процессами скрываются определенные идеи, которые как именно идеи могут быть постигнуты умозрительным путем. В частности, опираясь на тезис, что все наши психические переживания подчиняются определенным идеям, Б. Спиноза создает беспрецедентную в истории философской мысли интеллектуалистскую модель аффектов, которая не только рационально структурирует всю нашу психическую жизнь, но и открывает основные законы, лежащие в фундаменте ее иррационального функционирования. Таким образом, правильно постигая идеи, мы постигаем основы чувственного бытия, а, правильно постигая чувственное бытие, мы обнаруживаем в них умозрительные формы. При этом идеи не населяют отдельный онтологический уровень, как это происходит, например, в дуализме декартовского типа, а сливаются с материей в единое целое, делая знание бытием, а бытие знанием.

На первый взгляд, теория панпсихического идеализма уже на уровне своих онтологических предпосылок снимает ряд существенных проблем, с которыми сталкиваются иные формы идеалистического мировоззрения. Действительно, если мы признаём, что протяженность и осознанность

изначально присущи субстанции, образующей онтологический фундамент Вселенной, то нет никакой необходимости объяснять, каким образом дух порождает материю, в чем состоит специфика взаимодействия сознания и тела или как возможно адекватное познание окружающего мира. Кроме этого, не нужно проводить жесткую демаркационную линию между сознательным и бессознательным, а также между живым и неживым. Все сущее оказывается живым и сознательным, но только в разной степени и на разных уровнях бытия.

Физическая реальность сама по себе не обладает необходимой онтологической полнотой, которая позволила бы инкорпорировать сознание в процессы природного характера, и поэтому одним из самых очевидных и простых способов возвратить материи необходимую полноту бытия представляется атрибутивное введение в нее ментальной компоненты. Однако при ближайшем рассмотрении панпсихический идеализм сталкивается с рядом проблем иного характера, которые делают его не менее неудовлетворительной теорией сознания, чем идеализм монистического и дуалистического толка.

Очень непростой проблемой является проблема возникновения субъективного сознания в объективно существующем мире. Ведь если все то, что обладает бытием, имеет материальную природу, а под материей при этом мы понимаем существующую в пространстве и времени объективную реальность, то тогда, казалось бы, в окружающем мире ни при каких условиях не может возникнуть ничего субъективного, т.е. существующего лишь в рамках некоего восприятия и мышления, а не в качестве материальных структур, ибо все материальное, как было только что сказано, имеет объективный характер. Поэтому логично предположить, что сознание как субъективный феномен никогда не возникало в материальной Вселенной, а существовало всегда в качестве самостоятельной субстанции. Но как только мы отождествляем сознание с духовной субстанцией, которая отличается от субстанции материального качества, так сразу же перед нами вырастает новая неразрешимая проблема, связанная с нарушением принципа каузальной замкнутости физического. Дабы избежать ее, нам необходимо отказаться от дуализма материи и духа и признать их единство в рамках одной фундаментальной субстанции. Таким образом, мы приходим к панпсихическому идеализму, который в силу выше приведенных рассуждений представляется единственной теорией сознания, которая внутри себя самой имеет когерентное устройство.

Физическая реальность, опирающаяся лишь на материальное бытие, оказывается неполной. Существование ментальных явлений как именно ментальных невозможно объяснить, исходя только из физических, нейрофизиологических или биохимических законов, которым подчиняется жизнь нашей телесной оболочки. В физике, да и вообще в естественнонаучной сфере исследования не находится соответствующее место ни для сознания, ни для чувственных образов, ни для

интеллектуальных конструкций. Поэтому если мы утверждаем, что в своей онтологической основе окружающий мир имеет исключительно физическую природу, то сразу же теряем значительную часть реальности, что и свидетельствует о неполноте физического описания. Следовательно, дабы восполнить указанный пробел, необходимо ввести в онтологическую основу мироздания новую, ментальную, сущность, обладающую соответственно нефизическими качествами, что опять-таки склоняет нас в сторону панпсихического описания реальности.

Однако как только мы полагаем, что материя и дух идут в онтологической сцепке в качестве двух неотъемлемых свойств единой субстанции, лежащей в основе бытия всего окружающего сущего, то сразу же сталкиваемся с рядом других нетривиальных проблем.

Во-первых, панпсихический синтез материи и духа, сознания и тела, энергии и информации, оказывается при ближайшем рассмотрении интеллектуальной спекуляцией, не имеющей никакого отношения к реально существующему миру, поскольку совершенно неясно, каким образом единая субстанция может, с одной стороны, обладать пространственно-временной структурой, а, с другой стороны, находится вне пространства и времени. В данном случае мы имеем дело с логическим противоречием, которое свидетельствует о неправомерности такого онтологического синтеза.

Во-вторых, совершенно непонятно, что именно в материальном мире обладает сознанием в панпсихическом смысле – каждая вещь, какие-то определенные вещи или же вся Вселенная в целом. Если мы примем первый вариант и будем утверждать, что сознанием в панпсихическом смысле обладает каждая вещь, то придем к парадоксу, заключающемуся в том, что уже два взаимодействующих атома материи должны обладать тремя сознаниями, а именно – сознанием одного атома, сознанием второго атома и сознанием их группового единства. В результате сознаний оказывается гораздо больше, нежели материальных частиц, что нельзя принять в качестве удовлетворительной теории, поскольку совершенно непонятно, за счет чего сохраняется единство нашего субъективного сознания, в то время как любое изменение материальной структуры должно приводить в данном случае и к изменению самого сознания.

Тут, правда, можно предположить, что высшие формы сознания образуются в результате интеграции множества сознаний, присущих элементарным структурам материи, но тогда мы либо сталкиваемся с проблемой возникновения нового онтологического уровня, который не сводится ни к ментальному, ни к физическому, и делаем шаг назад, когда еще только возникает проблема выбора между панпсихизмом и другими теориями сознания, либо опять-таки перед нами встает онтологическое препятствие, связанное с нарушением единства сознания при перегруппировке составляющих его компонент более низкого уровня бытия.

Если же мы полагаем, что сознанием в панпсихическом смысле обладают лишь какие-то определенные вещи, то в этом случае мы лишаемся самих онтологических основ панпсихизма, ибо в окружающем мире оказываются существующими такие материальные структуры, которые не имеют никакого ментального содержания.

Наконец, если мы утверждаем, что сознанием в панпсихическом смысле обладает вся наша Вселенная в целом, то тогда совершенно непонятно, чем же являются наши индивидуальные сознания, которые, очевидным образом, не охватывают весь окружающий мир. Попытка же оторвать индивидуальные сознания от физических структур, дабы объяснить их бытие в реальности, которая в целом представляет собой единое сознание, сразу переводит нас из области панпсихизма в сферу дуалистического идеализма.

И, в-третьих, в рамках панпсихического идеализма элиминируются субъективные феномены, т.е. собственно те феномены, которые являются ментальными. Действительно, если мы примем точку зрения, согласно которой материя и дух слиты в единое субстанциальное целое, то тогда мы должны признать и то, что всякой материальной структуре однозначным образом соответствует определенное ментальное содержание, а всякому ментальному содержанию однозначным образом соответствует определенная материальная структура. А это фактически означает, что всякое ментальное событие имеет не субъективный, а объективный характер, поскольку оно, будучи жестко привязанным к определенной физической системе, существует независимо от восприятия и мышления, т.е. оно существует независимо от своего собственного бытия как именно чего-то принадлежащего сфере восприятия и мышления, что неминуемо приводит нас к логическому противоречию, а вместе с тем и к отрицанию истинности панпсихической теории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Спиноза Б. Письма некоторых учёных мужей к Б. Спинозе и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения // Избранные сочинения. Том 2. – СПб.: Наука, 1999. – С. 331-569.
2. Спиноза Б. Этика. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 347 с.
3. Чалмерс Д. Сознаний ум. В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается изучение онлайн-образования как предметного поля социологии. Так как период пандемии Covid-19 послужил отправным толчком, масштабного развития и автоматизации онлайн-образовательного института.

Ключевые слова: онлайн-образование, цифровизация, EdTech, дистанционное образование.

В 2020 году, в период пандемии произошло ускоренное развитие онлайн-образовательных курсов, тренингов и марафонов. И помимо коммерческих сфер образовательных услуг, стали развиваться и государственные общеобразовательные организации, так как период пандемии был периодом самоизоляции, и соответственно общеобразовательные сферы были вынуждены перейти в дистанционный режим работы.

Если обратиться к статистике, предоставленной в EdMarket research «Исследование рынка онлайн-обучения 2020», то можно обнаружить вертикальную динамику, с которой в 2019 году рынок онлайн-образования постепенно развивался, инвестировался и расширял сферы обучения. В 2020 году рынок онлайн-образования резко вырос в 2,5 раза (на 16%).¹

В будущем предполагается развитие онлайн-образовательного рынка, поскольку данный способ обучения для многих оказался удобен и комфортен, и множество людей получают возможность обучаться, находясь на разных континентах и странах, учиться у своих кумиров или специалистов выбранной профессии.

Как отметил сооснователь «Нетология-групп», бывший генеральный директор Максим Спиридонов, в 2021 году, в онлайн-образовании: «Ожидается активный рост в сфере школьного дополнительного и общего среднего образования, высшего, средне-специального образования - эти направления будут гораздо активнее идти в коммерческий сегмент в 2021 году, и по ним рост может составить 30-40%. Ожидается появление большого количества партнерств между вузами и участниками EdTech-рынка. В 2021 году рост может составить 20-25% в целом по всей индустрии»².

EdTech – Educational technology — это учебная практика, которая упрощает обучение и повышает производительность путём создания

¹ Edmarket.Digital.Исследование российского рынка онлайн-образования [Электронный ресурс] / М. Спиридонов., А. Митюков // - 2020. – URL: <http://research.edmarket.ru/>

² Колесникова К. В 2021 году рынок онлайн-образования в России продолжит взрывной рост [Электронный ресурс] / К. Колесникова. // Российская газета - Федеральный выпуск № 3(8354). – 12.01.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/01/12/v-2021-godu-rynok-onlajn-obrazovaniia-v-rossii-prodolzhit-vzryvnoj-rost.html>

технологических ресурсов, их использования и управления ими¹. EdTech объединяет все способы использования технологий в образовательном процессе — от интерактивных школьных досок до симуляторов виртуальной реальности для моделирования хирургических операций.

Каким же предстает онлайн-образование на предметном поле социологии?

Развитие информационных технологий создает принципиально новые возможности для реформирования сложившейся методологии образования и формирования высококачественной и высокотехнологичной информационно-образовательной среды, а интегрирование системы образования и сети Интернет предоставляет возможность для создания и развития единой системы онлайн-обучения в России.

В социологическом исследовании Р. М. Сафуанов, М. Ю. Лехмус и Е. А. Колганов обозначили актуальную проблему - внедрения цифровых технологий в систему образования. В частности, было отмечено, что изменения, которые происходят в процессе цифровизации, фундаментально меняют саму структуру обучения и организацию образовательного процесса. Авторы подчеркивают, что использование новых информационно-коммуникационных технологий является только начальным условием для дальнейшего развития цифровой педагогики, критерием оценки которой будет его полезность для обучающихся. Внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов в содержании и построении учебных курсов, организационные и структурные изменения в университетах будут приносить действительную пользу студентам. И изменения в сфере технологий обучения и содержания образовательной программы будут взаимозависимыми².

В. Н. Мишина в своем исследовании выделяет четыре тренда, связанных с внедрением в образовательный процесс цифровых технологий и инструментов: формирование модели смешанного обучения; переход к онлайн-обучению; создание виртуальной (цифровой) образовательной среды; изменение подхода к управлению образовательными организациями. Автор статьи подчеркивает, что если происходит переход к онлайн-образованию, то создание виртуальной образовательной среды порождает потребность в изменении управления образовательной организацией. И если эти изменения не будут происходить, то цифровизация может привести к негативным последствиям³.

В 2019 издательским домом ВШЭ была выпущена серия

¹ Черкас Е. EdTech: рынок, тренды, инвестиции [Электронный ресурс] / Е. Черкас // RusBase. Аналитика. – 05.04.2021. - URL: <https://rb.ru/analytics/pro-edtech/>

² Сафуанов Р. М., Лехмус М. Ю., Колганов Е. А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. № 2 (28), 2019. С. 116 – 121.

³ Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.

коллективных монографий, посвящённых трудностям и перспективам цифровой трансформации образования. В них исследуются такие вопросы, как цифровые технологии в российском образовании (шаги развития), перспективы цифровых технологий, цифровая трансформация обучения, основные направления работ цифровой трансформации образования¹.

Социологи А. В. Носкова, Д. В. Голоухова, А. С. Проскурина и Т. Х. Нгуен при изучении цифровизации высшего образования проанализировали воздействие цифровой трансформации на учебный процесс в высшей школе и выявили возникающие риски глазами студентов России и Вьетнама. Результаты проведенных исследований показали, что в оценке форм образования (аудиторная / дистанционная) студенты отдают предпочтение традиционной организации процесса обучения. Для российских студентов наиболее значимыми оказались риски, связанные с дегуманизацией, разрывом социальных связей, возможной потерей ими статуса студента. Для них освоение специальности - это не только получение знаний и компетенций, но и такие формы повседневной жизни, как живое общение, помощь преподавателя на занятиях, посещение университета, творческий аспект, т.е. все то, что сложнее реализовать в условиях онлайн-занятий. Для студентов из Вьетнама онлайн-формат допустим, если будет обеспечен достаточный уровень профессиональной подготовки, - именно аспект высоко качественного овладения знаниями и компетенциями они выделили как наиболее значимый. В качестве общего вывода: дистанционное образование воспринимается студентами двух стран и как поле возможностей, и как источник рисков - индивидуальных, институциональных и системных².

Т. В. Семенова, К. А. Вилкова, И. А. Щеглова, изучили тему онлайн-образования и онлайн-курсов. В ходе анализа международного рынка МООК (массовых открытых онлайн-курсов) были выделены свободные ниши и очерчены перспективы их заполнения российскими курсами. Даны рекомендации Университетам России по созданию онлайн-курсов на английском языке, а также перспективы дальнейших исследований этого поля. В частности, проведено исследование спроса на рынке МООК, в рамках которого анализировались бы данные с платформ о популярности курсов указанных тематик, портреты слушателей, которые их выбирают, информация о прибыли от продажи сертификатов, а также результаты опросов потенциальных потребителей онлайн-курсов³.

А. Рено изучая сферу онлайн-обучения и предпосылки к революции в

¹ Уваров А. Ю. (рук. авт. кол.; гл. 1, 2, 3, 4); Гейбл Э. (приложение); Дворецкая И. В. (разд. 4.4); Заславский И. М. (разд. 2.2.3); Карлов И. А. (разд. 2.1); Мерцалова Т. А. (разд. 1.3, 1.4.1, 1.4.2 и 1.4.3); Сергоманов П. А. (заключение, приложение); Фрумин И. Д. (гл. 4). Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. Издательский дом Высшей школы экономики. -2019.

² Носкова А.В, Голоухова Д.В, Проскурина А.С, Нгуен Т.Х. Цифровизация образовательной среды: оценки студентами России и Вьетнама рисков дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 156-167.

³ Семенова Т. В., Вилкова К. А., Щеглова И. А.. Рынок массовых открытых онлайн-курсов: перспективы для России. Вопросы образования, (2). -2018.- С. 173–197.

образовании, отметила, что одна из сильнейших сторон онлайн-образования — это демократизация учебного процесса. Она также установила, что в профессиональной среде все более острой темой становится «обучение длиною в жизнь», с необходимостью постоянно приобретать новые навыки и освежать уже имеющиеся из-за стремительного устаревания знаний на фоне технологического бума¹.

Изучением общих теоретических и методологических вопросов применения технологий дистанционного обучения на разных уровнях образования занимались отечественные и зарубежные ученые, такие как А. В. Густырь, Е. С. Полат, А. А. Андреев, М. П. Карпенко, А. А. Ахayan, О. А. Лавров, Д. Киган, Дж. Даниел, Д. Тэйлор и др².

Л. Н. Бокова анализировала правовые аспекты использования информационных технологий в образовании. В статье «Правовой режим создания безопасной цифровой образовательной среды» рассматриваются: 1) актуальные направления совершенствования законодательства об информационной безопасности образовательной среды; 2) подход, согласно которому необходимо создавать и внедрять программы обучения детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве и осуществлять профилактику интернет-зависимости; 3) особенности понимания термина «безопасность образовательной среды»; 4) правоотношения сложившиеся в сфере использования информационных технологий в образовании. В итоге было предложено авторское определение правового режима создания современной и безопасной информационной образовательной среды³.

Вопросам оценки показателей качества дистанционного образования посвящены научные публикации А. А. Андреева, В. И. Солдаткина, В. В. Ильина, И. П. Норенкова. Среди диссертационных работ отметим исследование Б. А. Жигалева (2007), одно из немногих, посвященных построению целостной педагогической системы оценки качества образования в вузе. Социологические аспекты использования инновационных технологий для контроля в виртуальном пространстве качества вузовского образования рассмотрены в диссертационном исследовании О. М. Горевой (2008).

Таким образом, обратившись к изучению онлайн-образования как предметного поля социологии, можно прийти к выводу, что сфера онлайн-образования, цифровизация образования (EdTech), приобрело высокие темпы развития в различных институтах сфер образования. И пандемия Covid-19 ускорила развитие процесса автоматизации и цифровизации в

¹ Рено А. Онлайн-обучение — предпосылки к революции в традиционном понимании образования? [Электронный ресурс] / А. Рено // МедиаНетологии. Карьера. Продуктивность. - 31.01.2021. - URL: <https://netology.ru/blog/education-revolution>

² Палат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. - М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 272 с.

³ Бокова Л.Н. Правовой режим создания безопасной цифровой образовательной среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. - Т. 24. № 2. С. 274-292.

образовательной сфере.

В 2021 году, многие исследователи, изучающие этот вид обучения, продолжают выявлять его негативные и позитивные последствия, правовые изменения, способы работы и коммуникации. Исходя из полученных фактов можно сделать вывод, что тема онлайн-образования нова и актуальна и будет оставаться важным предметом исследования в социологической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Edmarket.Digital.Исследование российского рынка онлайн-образования [Электронный ресурс] / М. Спиридонов., А. Митюков // - 2020. – URL: <http://research.edmarket.ru/>
2. Бокова Л.Н. Правовой режим создания безопасной цифровой образовательной среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. - Т. 24. № 2. С. 274-292.
3. Колесникова К. В 2021 году рынок онлайн-образования в России продолжит взрывной рост [Электронный ресурс] / К. Колесникова. // Российская газета - Федеральный выпуск № 3(8354). – 12.01.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/01/12/v-2021-godu-rynok-onlajn-obrazovaniia-v-rossii-prodolzhit-vzryvnoj-rost.html>
4. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.
5. Носкова А.В, Голоухова Д.В, Проскурина А.С, Нгуен Т.Х. Цифровизация образовательной среды: оценки студентами России и Вьетнама рисков дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 156-167.
6. Палат Е.С, Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. - М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 272 с.
7. Рено А. Онлайн-обучение — предпосылки к революции в традиционном понимании образования? [Электронный ресурс] / А. Рено // МедиаНетологии. Карьера. Продуктивность. - 31.01.2021. - URL: <https://netology.ru/blog/education-revolution>
8. Сафуанов Р. М., Лехмус М. Ю., Колганов Е. А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. № 2 (28), 2019. С. 116 – 121.
9. Семенова Т. В., Вилкова К. А., Щеглова И. А.. Рынок массовых открытых онлайн-курсов: перспективы для России. Вопросы образования, (2). -2018. - С. 173–197.
10. Уваров А. Ю (рук. авт. кол.; гл. 1, 2, 3, 4); Гейбл Э. (приложение); Дворецкая И. В. (разд. 4.4); Заславский И. М. (разд. 2.2.3); Карлов И. А. (разд. 2.1); Мерцалова Т. А. (разд. 1.3, 1.4.1, 1.4.2 и 1.4.3); Сергоманов П. А. (заключение, приложение); Фруммин И. Д. (гл. 4).

Трудности и перспективы цифровой трансформации образования.
Издательский дом Высшей школы экономики. -2019.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

26 апреля 2021 года в Новосибирском государственном техническом университете (НЭТИ) прошла III Всероссийская научная конференция «Человек и его будущее в технологической реальности» для студентов и молодых ученых. В работе конференции приняли участие молодые ученые и студенты из 20 различных вузов России. Участники конференции рассматривали социально-антропологические последствия и перспективы развития техники и внедрения новейших технологий в современном мире, поднимали этические, политические проблемы и анализировали социальные риски научно-технического прогресса. Большое внимание было уделено реалиям и перспективам цифровизации общества и вопросам проектирования будущего.

Оргкомитет благодарит участников конференции и их наставников за интересные работы.

«РЕАБИЛИТАЦИЯ» КАК НОВАЯ ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМ ОБЩЕСТВОМ

Аругтюнян К.С.

Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф.Уткина

Аннотация. Цифровые технологии охватывают все сферы общественной жизни в единый технологический объект. Цель статьи: обосновать роль инновационной функции управления интернет-массой – функции управления реабилитацией.

Ключевые слова: интернет-масса, реабилитационная функция, социальное управление, цифровая среда, Интернет-сети.

В данной статье раскрывается роль функции «реабилитации» в управлении цифровым обществом. Под цифровым обществом понимают такую форму социального порядка, в которой все ключевые социальные связи формируются с помощью цифровых сервисов интернет-коммуникации, требующих управления.

Постараемся обозначить основные направления социально-философского анализа цифрового общества, в котором индивид не только сам зависит от развития технологий, но и имеет возможность управлять, используя инновационные функции управления. Социально-философский анализ влияния цифровых технологий на сознание населения длительное время строился в формате структурно-функционального анализа. Парадигма, направленная на анализ информационных процессов, разработанная М.Кастельсом [1, с. 148-156; 2, с. 150], ввела в научный оборот понятие «сетевое общество», определяя не только роль интернет-сетей в появлении нового типа социальной организации, но и указывая на

отличительный признак данной организации.

Информационное общество не может быть определено только как общество с большим количеством развиваемых индивидами (при помощи цифровых технологий) социальных связей. Это общество, в котором способы формирования потребностей в новых связях развиваются в цифровизированном жизненном мире. Основу цифрового общества составляет интернет-массы. Структурно-организационную концепцию цифровизации масс предложил Г. Рейнгольд [3, с. 122]. Новый вид консолидирующихся индивидов в синхронизированное целое на основе интернет-технологий, обозначается понятием «умная толпа», подчеркивающее скоординированность совместных действий.

В целом цифровая масса представляет собой новую форму групповой активности, которая направлена на решение ряда задач: повышение эффективности управления, определение значимости познавательного потенциала среди участников информационного процесса, равномерное распределение ресурсов. Основной функцией групповой активности является формирование социальной солидарности в цифровом обществе, для которого характерны сверхбыстрое формирование социальных связей, динамичная реорганизация институциональных форм. Социальная активность индивидов, связанная с взаимодействием, установлением коммуникаций, развивает способность интернет-масс к кооперации.

В современных условиях цифровая масса с помощью процесса технической интеграции проецирует новые возможности цифровых новаций и в будущем сформирует такие формы взаимодействия, которые смоделируют иную реальность, в которой отсутствие использования цифровых технологий будет восприниматься как утопия. Развитие навыков работы с цифровыми технологиями направлено не только на инновации в разных сферах общественной жизни, но и на стабильное существование в условиях повседневности. Но многообразие социальных интернет-связей требует управления. В этой ситуации раскрывается роль реабилитационной функции управления информационным обществом. Формирование такой функции возможно при помощи цифровой антропологии, которая изучает не только особенности существования человека в мире, созданном цифровыми, компьютерными технологиями, сетевыми средами, но и последствия влияния виртуальных и технических новаций на человека, на его сознание. Основная задача реабилитационной функции управления заключается в признании рациональности социальных действий, которые совершаются интернет-массой. Результатом реабилитационной функции являются цифровая солидарность, которая приводит к появлению новых форм социального взаимодействия и к изменению характера консолидации общества.

Таким образом, формируется новая цифровая солидарность как социальное явление, при котором люди прибегают к социальной саморегуляции, и с целью самосохранения и саморазвития коллективного

организма, максимально используют возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага. Решение данного вопроса возможно с помощью реабилитационной функции управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Галактика Интернет : Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ/ А. Матвеева. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
2. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.
3. Rheingold Н. Smart Mobs : The Next Social Revolution. Cambridge, 2002. 266 p.

ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО В МВД РОССИИ

Ахунзянов Е.М.

Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель: к.п.н., доцент, начальник кафедры информатики и математики ВА МВД России Разбегаев П.В.

Аннотация. Автор рассматривает основные направления внедрения цифровых технологий в деятельность МВД России, приводит конкретные примеры использования данных технологий в деятельности зарубежных и отечественных правоохранительных органов.

Ключевые слова и словосочетания: информационное общество, цифровые технологии, искусственный интеллект, интеллектуальная аналитика, цифровая полиция

Сегодня цифровая экономика затрагивает все ключевые аспекты жизни общества, в том числе правоохранительный сегмент. Более того, применение инновационных технологий открывает новые возможности для предупреждения преступлений и совершенствования правоохранительной деятельности в целом. Поэтому в октябре 2019 г. МВД заявило в средствах массовой информации о своей готовности внедрять искусственный интеллект в работу. Замглавы МВД Виталий Шулика на заседании круглого стола «Цифровая полиция» в рамках международной выставки «Интерполитех» сообщил, что ведомство готово сделать прорыв в области использования искусственного интеллекта [1].

Еще относительно недавно процесс цифровизации правоохранительной деятельности был возможен только в голливудских киносценариях. Вспомним, например, фантастический боевик режиссёра Пола Верховена «Робокоп» (1987). Слоган фильма гласит: «Part man. Part machine. All cop. The future of law enforcement» («Частично человек. Частично машина. Целиком полицейский. Будущее охраны правопорядка»). В фильме речь идет о проекте «RoboCop» – программе по роботизации полиции города. Или возьмем американский фантастический триллер Стивена Спилберга, снятый по мотивам одноимённого рассказа Ф.К. Дика, – «Особое мнение» (2002). В этом фильме в работе полиции и

других спецслужб активно используются инновационные технологии: система тотальной идентификации по радужной оболочке глаза (СканГлаз), система «Precrime» по предсказанию преступлений, анабиозные капсулы для заключенных, нейропрограммирование и т.д.

Сегодня все, что делало указанные фильмы фантастикой, активно внедряется в полицейские будни разных стран. Обратимся к зарубежному опыту.

В 2018 г. полиция Дубая отчиталась о появлении в аэропортах робота-таможенника, который способен распознавать лица и отправлять предупреждения о подозрительных пассажирах. Он оснащен системами теплового и рентгеновского сканирования, поэтому может сразу проверять содержимое багажа. Кроме того, улицы городов будут патрулировать самоуправяемые дроны, оснащенные камерой с 360-градусным углом обзора. Они способны выявлять правонарушения и распознавать людей, находящихся в розыске. К 2030 г. власти ОАЭ планируют заменить четверть полицейского состава на роботов.

Не отстает и Китай. В марте 2018 г. полицейские из Пекина начали тестировать «умные» очки для распознавания лиц и автомобильных номеров. Гаджет, разработанный компанией LLVision Technology, впервые протестировали в китайской провинции Хэнань. С помощью «умных» очков полицейские из Хэнаня задержали 7 подозреваемых и выявили 26 случаев подделки документов менее чем за неделю.

В ряде стран разрабатываются технологии предиктивного анализа и искусственного интеллекта, которые автоматизируют часть функций полицейских. Например, спецслужбы США совместно с компанией Palantir Technologies разработали программу предсказания преступлений, т.е. расчета вероятности того, что кто-то совершит преступление или станет его жертвой. Программа тестировалась с 2012 г. полицией Нового Орлеана. Для прогнозирования программа анализировала базы данных, информацию из соцсетей и историю правонарушений человека. Похожую разработку используют в английском городе Дареме.

Возникает вопрос: насколько близка к этим технологиям российская полиция. Открытые источники сообщают, что близка и как никогда. Например, еще в 2010-х годах в МВД РФ начали использовать дроны. Летом 2016 года сотрудники Госавтоинспекции Хабаровского края использовали беспилотные летательные аппараты для патрулирования трассы Хабаровск–Владивосток. В первый же день дроны помогли выявить 11 нарушителей ПДД, пересекших двойную сплошную. Для мониторинга социальных процессов общества, прогнозирования и предупреждения преступлений используются технологии работы с большими данными: например, свыше 70% преступлений в Москве раскрывается с помощью систем видеонаблюдения. В столице России задействовано более 150 тыс. камер, а данные с них собираются в «Едином центре хранения и обработки данных».

Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге проанализировал 4,4 млн сообщений о происшествиях, с которыми люди обращаются в полицию. Объем получился больше 450 экземпляров «Войны и мира». Человек такой объем мог бы осилить только при круглосуточной работе целый год. Работа была поручена самообучаемой нейросети, которая выявляла закономерности в данных и обобщала выводы. Работу технологий поделили на 40 распространенных категорий: «бытовые происшествия», «потери и кражи», «ДТП», «пожары». Это позволило лучше расследовать обстоятельства происшествий.

Наконец, МВД России давно использует роботов для разминирования. Недавно ведомство заявило о закупке робототехнических комплексов под названием «Сфера». Это оборудование может охватывать обзор в 360°. Данные отправляются онлайн на расстоянии до 50 метров от пульта управления. Устройство не боится падений с высоты до 3 метров. Внедряется также управляемый досмотровый робототехнический комплекс «Скарабей», который взял лучшие характеристики «Сферы», но в отличие от нее может сам добраться до места назначения. Данные аппараты предназначены для разведки и передачи данных из условий, представляющих опасность людям или из труднодоступных мест. Информация об этом появилась на сайте госзакупок.

Перечисленные выше технологии, а также другие научно-исследовательские изыскания в декабре 2018 г. составили основу для «Концепции научно-технической политики МВД России до 2030 года», разработанной в соответствии с поручением генерал-лейтенанта полиции В.Д. Шулики [2]. В рамках этой Концепции появился проект «ИКТ “Цифровая полиция”» – ключевой инновационный результат НИР «Цифропол», определяющий концептуальный облик «цифровой полиции» будущего, предполагает создание многоуровневой информационно-аналитической системы, базирующейся на единой цифровой платформе, в том числе:

1. инновации в сфере информационно-коммуникационных технологий и цифровой связи МВД России;
2. инновации в сфере создания полицейской робототехники;
3. инновации в сфере создания специальных транспортных средств;
4. инновации в сфере создания специальных технических средств;
5. инновации в сфере создания специального (полицейского) вооружения и боеприпасов к нему.

Данный проект при условии должного кадрового обеспечения является стратегической целью развития облика «цифровой полиции».

ЛИТЕРАТУРА

1. Будущее России. Национальные проекты [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/mvd-rf-gotovo->

ispolzovat-iskusstvennyj-intellekt-v-rabote (дата обращения: 21.02.2021)

2. Создание и развитие концептуального облика цифровой полиции // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-creation-and-development-of-a-conceptual-design-of-a-digital-police/> (дата обращения: 22.02.2021)

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Батенева Е.В.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: д. пед. наук Абрамова М. А.

Аннотация: Статья посвящена обзору методических аспектов развития рефлексии обучающихся в вузе. В ней представлен набор современных форм организации образовательной деятельности, методов, способов, средств обучения, способствующих развитию рефлексии у студентов высшей школы.

Ключевые слова: развитие рефлексии, высшее образование, формы организации образовательной деятельности, методы и приемы обучения, средства обучения

Актуальность проблемы развития рефлексии (осмысления и переосмысления себя и мира в контексте полученного опыта) у обучающихся вуза обусловлена потребностью в формировании новых типов идентичности в современной профессиональной действительности, которая динамично меняется под воздействием глобальных процессов цифровизации и технологизации. Цель статьи – установить формы организации образовательной деятельности, методы, способы, средства обучения, которые уже применяются для развития рефлексии у студентов в высшей школе. Для достижения цели необходимо провести обзор методических решений проблемы развития рефлексии обучающихся в вузе.

Анализируя работу Т. В. Юровой [8], приходим к выводу, что содержание способствующего развитию рефлексии обучения формируется на основании: 1) профессионального и личностного самоопределения студентов; 2) сочетания теоретического и практического аспектов освоения рефлексивных знаний; 3) представление рефлексии как отдельной компетенции; 4) совместной вовлеченности педагога и учебной группы в рефлексивную деятельность.

Формы организации образовательной деятельности в вузе представлены широким выбором, включающим: 1) структурный компонент (модуль или раздел) программы учебной дисциплины [8] – теоретическую подготовку и осуществление студентами рефлексии на основе материалов изучаемых тем; 2) специализированный практикум по рефлексии [7], где обучающиеся разрабатывают и реализуют проект на профессиональную тему, опосредованно выявляя и компенсируя дефициты в данной тематической области; 3) серия рефлексивных семинаров-практикумов [4] – целенаправленных на осуществление студентами самоанализа, самооценки, поиска путей профессионального саморазвития;

4) тренинг [3], предполагающий практическую отработку определенных видов рефлексии, алгоритмов ее осуществления, для достижения личностно- и профессионально-значимых целей.

В современной научной литературе достаточно подробно проработан вопрос о методах и способах развития рефлексии студентов в профессиональном образовании: 1) методы эвристики [5], игрорефлексии [1], письменной и аудио-рефлексии [9]; 2) способы герменевтического рассуждения, SWOT-анализа, преобразования содержания учебного материала в личностно-значимом контексте, инсценировки проблемных ситуаций и др. [2].

В качестве средств широко применяются: рефлексивные вопросники; видеозапись собственной деятельности, подлежащая осмыслению; анализ графических моделей процессов и явлений профессиональной действительности; самостоятельное конструирование таких моделей и др. [6; 9].

Таким образом, был представлен обзор методических аспектов развития рефлексии у студентов в высшей школе, что позволяет сделать вывод о достижении поставленной в статье цели. Результат исследования имеют практическую значимость для разработки программ учебных дисциплин вуза, предполагающих развитие рефлексии обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина В.Г. Рефлепратика как форма освоения профессиональных компетенций при обучении студентов-психологов // Academia. Педагогический журнал Подмосквья. №2. 2017. С. 13-17.

2. Жукова Н.А. Приемы развития рефлексии в профессионально-методической подготовке студентов вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. №10(153). С. 87-92.

3. Кузнецова Л.Н. Развитие рефлексии в общении методом транзакционного анализа: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М., 1995. 16 с.

4. Федорова Е.П. Развитие рефлексии студентов – путь актуализации потребности в профессиональном развитии // Горизонты и риски развития образования в условиях системных изменений и цифровизации: материалы XII международной научно-практической конференции (г.Москва, 25 января 2020г.). М: Международная академия наук педагогического образования, 2020. С. 514-519.

5. Шабанина Л.Г. Эвристические приемы и методы в обучении студентов // Вестник института образования человека. №2. 2014. С. 18.

6. Средства развития профессиональной рефлексии педагогов дошкольного образования / О.А. Шиян и др. // Современное дошкольное образование. 2019. №4 (94). с. 14-35.

7. Развитие рефлексии как механизма профессионального самоопределения студентов в рамках практики / Ю.Г. Юдина и др.

//Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. №1(51). 2020. С. 130-140.

8. Юрова Т.В. Социальная рефлексия в становлении социальной компетентности студентов: монография. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2019. 96 с.

9. Esther Urdang. Awareness of Self – A Critical Tool / The International Journal «Social Work Education». 2010. V. 29. P. 523–538. doi/full/10.1080/02615470903164950 (дата обращения 10.04.2021).

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЭЛЕМЕНТА ТЕХНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Белкина В.А.

Юго-Западный государственный университет

Научный руководитель: д. филос. наук, проф. Асеева И.А.

Аннотация. В настоящее время мы сталкиваемся с практически неконтролируемым ускорением в расширении цифровых технологий и в целом технической среды. В данных материалах предпринимается попытка раскрытия ключевых особенностей цифровых технологий, вследствие их воздействия на различные области человеческой деятельности. Автор делает вывод о том, что современная техническая среда, включая в себя цифровые технологии, вызывает многочисленные изменения, являющиеся сложным, онтологически многослойным объектом междисциплинарного исследования.

Ключевые слова и словосочетания: цифровые технологии, техническая среда, трансформация, социокультурные изменения, общество, общественная жизнь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90060 Аспиранты «Социально-экологический мониторинг технической среды региона: социокультурный подход».

В реалиях развития современного общества, бесспорным является тот факт, что быстрыми темпами изменяется технологическая структура нашего мира под воздействием развития новейших цифровых технологий. Мир вступает в новый период развития, когда цифровая технология, физическая технология и биологическая технология достигли беспрецедентного развития соответственно в своих собственных областях, и в то же время их приложения значительно сближаются. Сегодня, технологический прогресс ставит под сомнение антропоцентрическую/гуманистическую онтологию, которая рассматривает человека как самоконструирующуюся и самодостаточную сущность.

Техническая среда в определенный этап исторического развития посредством технологий, в т.ч. цифровых, меняет материальные условия человеческого существования и расширяет горизонт наших возможностей, она изменяет в комплексе природную, культурную и социальную среды. Новые технологические платформы, способные объединить как спрос, так

и предложение, уже разрушают существующие отрасли и формируют новые бизнес-ландшафты, такие как экономика «совместного использования» или «по требованию» [4]. Двумя главными движущими силами данных технологий можно признать, с одной стороны, развитие отраслей промышленности от «постфордистской» эпохи, а с другой стороны, развитие Интернета и связанного с ним цифрового мира, т. е. всех приложений и инфраструктур, связанных с сетью. Проявления этой комбинации определяют технологический ландшафт, который включает в себя ряд ключевых измерений, постоянно развивающихся, таких как: подключение, большие данные, автоматизация, интеллектуальные агенты, робототехника, машинное обучение, искусственный интеллект, блокчейн, датчики, виртуальность, 3D-печать и дополненная реальность. Эти технологии и их конвергенция, интеграция и развитие имеют цифровое измерение в качестве общего знаменателя и в целом представляют собой ключевые технологические столпы, характеризующие сегодняшний цифровой век. Независимо от принятой онтологии и терминологии, цифровой век представляет собой смену парадигмы с новой волной инноваций, характеризующейся цифровизацией бизнеса, общества и нашей жизни.

С одной стороны, цифровые технологии рекламируются как решение социальных, экономических и экологических проблем нашего времени. Новые и новейшие технологии, такие как синтетическая биология и методы редактирования генов, поощряются для обеспечения продовольственной безопасности, здравоохранения и питания, даже энергетической безопасности, также большие надежды возлагаются на геоинженерию, как спасителя от климатического кризиса [2, 11]. Автоматизация, робототехника, дроны и дистанционное зондирование, как ожидается, будут решать проблемы в сельском хозяйстве, здравоохранении, транспорте и инфраструктуре. Искусственный интеллект, машинное обучение и криптовалюты обещают обеспечить долгожданную индустриализацию в развивающихся странах.

Однако, с другой стороны, цифровые технологии не просто трансформируют все сферы общественной жизни, они также создают специфически проблемы [3, 14]. Так, преобразования, являющиеся следствием данных технологий, приводят к радикальным изменениям во многих структурах: цифровые технологии изменяют окружающую среду и существующую реальность. Цифровые технологии не просто увеличивают человеческие возможности, они меняют суть того, как мы относимся к окружающей действительности, к другим людям в мире и к самим себе. Быстрое внедрение цифровых технологий в жизнь общества изменили наши отношения с окружающей средой, с другими членами социума и с самим собой. В результате этого, наше индивидуальное и социальное благополучие теперь тесно переплетено с состоянием нашей информационной среды и цифровых технологий, опосредующих наше

взаимодействие с ней [4, 218].

Таким образом, подводя итоги нашим рассуждениям, можно отметить, что цифровые достижения сходятся с другими технологиями и стирают границы между физической, цифровой и биологической сферами. Данные технологии динамичны и чрезвычайно расширяются. Они оставляют свой след в культуре и становятся такой системой, которая охватывает весь мир. Цифровые технологии как элемент технической среды предполагают глубокие изменения, так как они внедряются во все аспекты деятельности общества и влекут за собой формирование качественно нового жизненного уклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция: что это значит, как реагировать / К. Шваб // World Economic Forum [Электронный ресурс]. – 2016. - Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/>. - Дата обращения: 08.04.2021
2. Кокова, Э.Р. Роль современных технологий в обеспечении продовольственной безопасности регионов // Вестник экспертного совета. 2019. №1(16). С. 10-14.
3. Карцхия, А.А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность // Правовая информатика. 2017. №1. С. 13-18.
4. Асеева, И.А. Этические вызовы цифровой эпохи // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т.9. №3(32). С. 213-225.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «РАДИКАЛИЗМ» С ПРАВОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Бизина М.Ю.

Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет
Научный руководитель: д. полит. наук, проф. Щербинин А.И.

Аннотация. Сравнительный анализ понятия «радикализм» указывает на глобальную тенденцию общества трактовать этот термин в таком же негативном ключе как экстремизм и терроризм. Правовые акты Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии не криминализируют радикализм, однако органы власти, общество и органы правопорядка совместными усилиями проводят стратегию де-радикализации с использованием сети Интернет. Такой цифровой подход обуславливается новой цифровой реальностью, в которой существует современная молодежь.

Ключевые слова и словосочетания: Радикализм, молодежь, цифровая реальность

Радикальные идеи и движения в общественно-политическом пространстве существовали с незапамятных времен, однако, за последние двадцать пять лет, с приходом в жизнь человека современных

информационных технологий, а также с усилением экономического неравенства на планете, термин «радикализм» стал заметнее в новостных лентах. Усложняет ситуацию повсеместное увлечение молодежью цифровой реальностью при отсутствии жизненного опыта и критического мышления, что делает ее легкоуязвимой перед натиском искаженного радикального информационного потока, усиливающегося в эхо-камере сети Интернет.

Сравнительный анализ понятия «радикализм» в Российской Федерации, Канаде, Франции и Малайзии проведенный автором статьи, указывает на сходство подходов правовых систем этих государств к решению назревающей проблемы молодежного радикализма.

Правовые акты таких государств как Российская Федерация, Франция, Канада и Малайзия, не имеют определений понятия «радикализм» [5, с. 73], ибо сам по себе радикализм не является уголовно-наказуемым преступлением на их территориях. Согласно ОБСЕ, «радикализация не представляет собой угрозу обществу, если она не связана с насилием или другими противозаконными действиями (такими как, например, разжигание ненависти), определенными в законодательстве в соответствии с международными стандартами в области прав человека» [2, с. 41].

Канадский словарь Коллинз дает следующее определение термину «радикализм» - сущ. образованное от «радикал» - человек, пропагандирующий фундаментальные (политические) перемены [6, с. 491]. Ему вторит русский современный словарь иностранных слов, описывающий радикализм как «политическое движение, сторонники которого подвергают критике существующую систему и настаивают на необходимости радикальных преобразований и реформ; [или] использование радикальных методов при решении каких либо вопросов, решительный образ действий» [3, с. 506]. Французский словарь Ларусс использует для описания радикализма исходный глагол радикализировать, который означает «сделать группу и ее действия непримиримыми, жесткими, в частности, в политических или социальных вопросах» [Цит. по 8]. В малазийском же языке радикализм обозначает радикальную идеологию в политике, или идеологию, которая желает совершить резкие перемены в политике или общественной жизни [Цит. по 9].

Все вышеуказанные определения не используют в своей лингвистической конструкции слова, связанные с насилием, поэтому, радикализация не встречается в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации, Франции, Малайзии и Канады. Однако, в связи со все возрастающим количеством молодых людей, переходящих из рядов радикализированной молодежи в ряды экстремистов и террористов, поощряющих использование насилия для достижения своих радикальных целей, органы власти вышеупомянутых стран, общественные организации и органы правопорядка были вынуждены найти альтернативные пути

борьбы с радикализацией. Были созданы и утверждены дополнительные правовые акты, такие как «закон Пати» во Франции, например, описывающие и осуждающие подстрекательство к использованию насилия для достижения радикальных целей. Малайзия разработала стратегию дерадикализации – сотрудничество правительства, общественных организаций и частных лиц для препятствия экстремистским и радикальным актам [7, с.12] в их число входят два центра, целью которых является распространение контрнарратива идеологии ИГ в сети Интернет [4, с. 9]. Канада также создала Центр вовлечения сообщества и предотвращения насилия; а в Российской Федерации уже восемь лет работает Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет [Цит. по 1].

Произошла смена парадигмы в общественном сознании граждан, и радикализм, ранее рассматриваемый в той же плоскости, как и анархизм, теперь расположен по нравственной шкале ближе к экстремизму и терроризму. Несомненным способствующим фактором такой перемены явилась новая цифровая реальность. Новости, а также слухи и мнения, формирующие общественное сознание, разлетаются по земному шару в разы быстрее, чем до повсеместного использования сети Интернет, смартфонов и социальных медиа. Печатные издания, телевидение и радио потеряли привлекательность для молодежи, которая предпочитает получать информацию в режиме бесконечного потока новостной ленты на экране телефона. Тот факт, что пространство сети Интернет развивается быстрее, чем законодательная база, не остается незамеченным для пропагандистов насильственного экстремизма и терроризма. Молодые люди в такой ситуации легко становятся жертвами убедительных речей и постановочных видеороликов, принимая радикальные идеи и насильственные пути их выполнения, что все чаще заставляет общество порицательно относиться к радикализму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет. [Электронный ресурс]. URL: <https://ncpti.su> (дата обращения 14.04.2021).
2. ОБСЕ, Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. – 2014. Вена: ОБСЕ. 238 с.
3. Современный словарь иностранных слов / 4е изд. – 2001. М.: Русский язык. 742 с.
4. Bin Jani, M.H. Countering Violent Extremism in Malaysia: Past Experience and Future Prospects // Counter Terrorist Trends and Analyses. – 2017. – Vol. 9, № 6. P. 6-10.

5. Bötticher, A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // Perspectives on Terrorism. – 2017. Vol. 11, № 4. P. 73–77.
6. Collins Canadian Dictionary / 2nd edition; ed. by R. Pontisso, L. Gilmour, R. Groves, et.al. – 2016. Toronto: HarperCollins Publishers. 695 p.
7. Hamidi, A.Z. Malaysia's policy on counter terrorism and deradicalization strategy // Journal of Public Security and Safety. – 2016. Vol. 6, № 2. P. 1-19.
8. Larousse Dictionnaire de Français. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/radicaliser/65993> (дата обращения 13.04.2021).
9. Kamus Bahasa Melayu. [Электронный ресурс]. URL: <https://prpm.dbp.gov.my/cari1?keyword=radikalisme> (дата обращения 13.04.2021).

НОВАЯ ЭТИКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Бурманов С.А.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: к.ф.н., доцент кафедры философии Данилкова М.П.

Аннотация. В статье анализируются особенности формирования и развития новых этических принципов в условиях научно-технического развития современного общества. Отмечается, что новые технологические реалии человеческого существования требуют соответствующего отражения в этических концепциях, внесения в них определенных изменений, степень новизны которых позволяет говорить о формировании новой этики научно-технического и информационного общества. Существенные трансформации в технологическом балансе экономики, ведущие к экономическому росту, через развитие науки, создание и использование инновационных технологий нуждаются в нравственной оценке, поскольку с самого начала промышленной, а впоследствии и информационной революции, наука, техника и новые технологии вносят как позитивный, так и негативный вклад в развитие общественных отношений.

Ключевые слова: этика, гуманизм, инновационные технологии, робототехника.

За последние десятилетия новейшие технологии коренным образом изменили нашу жизнь: от того, как мы работаем, до того, как мы общаемся и как мы ведем войны. Аурелио Печчеи считает, что “только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам и находятся в пределах его способности к адаптации, имеют право на существование и должны поощряться” [1, стр. 294]. Действительно, в начале XXI века в мире складывается принципиально новая ситуация, которая заключается в том, что этические проблемы научно-технического развития все чаще выходят на первый план в связи с повышением моральной ответственности человека, создающего и использующего технические средства — ученого, инженера, конструктора.

Так, например, дискуссии о функциях робототехники и значимости исследований в области искусственного интеллекта (ИИ), стало горячей этической проблемой, затрагивающей ученых, политиков, инженеров и даже религиозные группы. Робототехника нового поколения будет все больше обладать абсолютной автономией и способностью управления без предварительного программирования, что усложняет отношение к такого рода технологиям: доверие и уверенность, вложенные в робота, должны быть больше, приближая роботов к тому, чтобы быть наравне с нами. Технология нейроморфных чипов, как одна из самых революционных разработок в области искусственного интеллекта и радикальный шаг в вычислительной мощности, еще больше иллюстрирует данное положение. Имитируя хитросплетения человеческого мозга, нейроинспирированный компьютер будет работать подобно тому, как взаимодействуют нейроны и синапсы. Он потенциально может учиться или развивать память. Последнее означает, что, например, беспилотник, оснащенный нейроморфным чипом, будет лучше наблюдать, запоминать или распознавать новые элементы окружающей среды.

Однако сразу же появляются этические проблемы: создание нейроморфных чипов создаст машины, такие же умные, как люди, самый умный вид на планете. Эти технологии являются демонстрацией человеческого совершенства, но компьютеры, которые думают, могут быть разрушительными для человеческого существования, и, как выразился американский учёный в области искусственного интеллекта Марвин Мински, “они могут даже держать человечество в качестве домашних животных” [2, стр. 456].

Интерес к интеллектуальным машинам в настоящее время также преследуется в аддитивных методах производства, которые все больше интегрируют интеллектуальные материалы в производство. Радикальные нарушения произойдут, как только технология перейдет в органический мир, что позволит собирать биоматериалы, которые эволюционируют и развиваются сами по себе, создавать роботов для борьбы с раком, которые будут высвобождать антитела только в контакте с раковыми клетками, и так далее. Момент нажатия кнопки печати, ибо биология приближается. Фактически, это также может означать, что в недалеком будущем умная фармакология позволит нам получать непрерывную поставку антидепрессантов или нейроэнхансеров каждый раз, когда наш уровень дофамина падает. Этические последствия такого развития событий должны быть тщательно продуманы. Детальный контроль над нашими эмоциями с помощью умных машин проложит путь к опасным формам зависимости и новому пониманию нашей человечности и эмоций, которые определяют нас [3].

Заключение. В заключении хотелось бы сказать, что новые технологии, будущего неизбежно изменят наше понимание окружающего мира и производства, и создадут условия для получения нового знания, но

благое управление, анализ рисков двойного назначения и этические соображения должны по-прежнему оставаться руководящими принципами во все времена. В конечном счете, то, как человек использует новейшие технологии, неизбежно, будет иметь широкие последствия не только для безопасности и этики, но и для существования человечества как вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аурелио Печчеи. Человеческие качества// [Электронный ресурс]// http://demvv.narod.ru/pec_main.htm/ Прогресс, Москва, 1985 г. стр. 294 – 304.

2. Марвин Мински. Сообщество разума//[Электронный ресурс]// <https://www.ozon.ru/context/detail/id/147125286/> Издательство АСТ, 2018г. стр. 455 – 592.

3. V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk. Scientific and technological development of modern society: the ethical aspect. RUDN Journal of Philosophy. Age 2018. Vol. 22. No. 3 p .281—290.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СО СТУДЕНТАМИ

Бурых А.А.¹, Москаленко М.Р.²

¹ Севастопольский государственный университет, Севастополь

² Филиал Удмуртского государственного университета, Нижняя Тура

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы, связанные с изучением студентами научно-технического прогнозирования. Выявляются особенности научно-технических прогнозов. Показывается их взаимосвязь с прогнозированием в других сферах деятельности.

Ключевые слова: качество образования, научно-техническое прогнозирование

Изучение вопросов научного прогнозирования будущего очень важно для подготовки работников в самых различных сферах деятельности. Специалист с высшим образованием должен владеть навыками прогнозирования в своей профессиональной деятельности, что предполагает умение комплексно анализировать тенденции развития как конкретной области экономики, так и современной цивилизации в целом.

Очень важное значение имеет ознакомление студентов с вопросами научно-технического прогнозирования [3, с. 106]. Прогресс науки и техники развивается быстро, и его необходимо учитывать в принятии управленческих решений по развитию тех или иных отраслей экономики. Приведем ставший хрестоматийным пример, когда советское руководство в 1970-80-е гг. недооценило значение внедрения персональных компьютеров в повседневный обиход и производственные процессы, и СССР стал серьезно отставать в этой области от США и Японии (при том, что советские промышленные компьютеры до 1970-х гг. не уступали западным аналогам). Проблематика научно-технического прогнозирования получила отражение в литературе [1; 2].

С научно-техническими непосредственно связаны и социальные прогнозы, и от того, насколько мы грамотно проанализируем всю совокупность самых разнородных тенденций, во многом зависит их результат. Так, в начале индустриальной эры, в эпоху «угля, пара и железа» мало кто мог предположить, что в будущем совершенствование средств производства, робототизация и рост производительности труда, приведет к вытеснению значительной части работающих в сферу услуг, и «синие воротнички» (промышленные рабочие) окажутся в меньшинстве в современном обществе развитых стран.

Анализ как верных, так и ошибочных прогнозов достаточно интересен для изучения и вырабатывает у студентов навыки видения тенденций научно-технического развития.

Велика важность научно-технического прогнозирования и в военной сфере. Так, военные теоретики перед Первой мировой войной планировали масштабные маневренные операции, но мало кто учитывал скачкообразно возросшую скорострельность стрелкового оружия и полевой артиллерии, которая позволила останавливать фронтальные наступления пехоты в духе атак XIX века. На практике были эпизоды, когда несколько пулеметчиков могли нанести серьезные потери наступающей крупной войсковой части, и это привело к затяжной позиционной войне; только к концу войны была отработана тактика преодоления «позиционного тупика».

Отметим некоторые особенности научно-технических прогнозов:

1. Достаточно часто существует значительный временной разрыв между фундаментальным открытием в науке и его практическим применением. Так, фундаментальные исследования свойств атома и радиоактивного излучения начались в конце XIX в., а на практике это нашло применение только несколько десятилетий спустя: 1945 г. – военное использование атома, 1954 г. – первая атомная электростанция.

2. Крупные фундаментальные открытия в науке далеко не всегда могут давать быстрый прикладной и коммерческий эффект.

3. Следует отметить нелинейный характер развития техники и технологии, что отчетливо прослеживается в ряде отраслей. Так, например, в развитии танков период 1930-50-х гг. был очень бурным: поколения боевых машин менялись каждые несколько лет, и машины конца Второй мировой войны по своим боевым качествам серьезно превосходили те, что были в ее начале. Начиная с 1960-х гг. – более плавное развитие.

4. В истории существовали моменты, когда внедрение тех или иных изобретений искусственно тормозилось обществом. Так, например, в Античности существовал прототип паровой машины (турбина Герона Александрийского), но из-за дешевизны труда рабов и доминирования соответствующего способа производства там так и не началось их серийное производство, как в Европе XVIII в.

Изучение специфики научно-технических прогнозов формирует у студентов навыки целостного, системного видения исторического

процесса, что крайне важно для формирования целого ряда профессиональных компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубев С.С., Секерин В.Д., Афанасьев А.Л., Горохова А.Е. Современные методы социально-экономического и научно-технического прогнозирования. Учебное пособие. М.: Научный консультант, 2018. 184 с.
2. Пономаренко Ю.Е., Ступаченко Е.В. Методы научно-технического прогнозирования // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2013. № 4 (32). С. 61-66.
3. Руденко Н.Е., Горбачев С.П. Прогнозирование развития науки и техники при работе студентов по дисциплине «История науки и техники» // Инновационные технологии образования – в учебный процесс. Научно-методическая конференция. Ставрополь, 2015 г. Ставрополь: Агрус, 2015. С. 106-111.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Горева А.Е.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Научный руководитель: к. филос. наук Селиверстова Н.А.

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос влияния информационной войны на жизнь современного человека. Раскрывается проблема подчинения сознания при помощи средств массовой коммуникации, а также возможности борьбы с данным явлением.

Ключевые слова и словосочетания: информационная война, технологический мир, информационный враг, средства массовой коммуникации, информационные технологии, виртуальный мир.

«Архимед как-то сказал: “Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю”. Сегодня он ткнул бы пальцем в наши электрические средства коммуникации и сказал: “Я обопрусь на ваши глаза, уши, нервы и мозг, и мир будет вертеться в любом ритме и на любой манер, как только я пожелаю” » [3, с.38] – именно этими словами канадского философа Маршалла Маклюэна можно охарактеризовать главный принцип ведения информационной войны. Несмотря на то, что выводы ученого не имеют эмпирической основы и были сформулированы в 1964 году, они особенно сильно выражены и транслируются в современном технологическом мире.

Философский подход к данной проблеме помогает раскрыть онтологию информационной войны, взаимоотношения человека и общества в ее рамках, определить способность человека и отдельных народов к рефлексии, выявить основные положения аксиологической проблематики [2].

Соперничество в информационной войне предполагает применение бесконтактных способов воздействия для достижения определенных политических целей. Самую большую опасность представляет абсолютная

неизвестность информационного врага. В таком контексте можно говорить о том, что в настоящее время главной целью информационной войны является подчинение сознания большинства людей определенной идее, которая принесет выгоду тому или иному субъекту военных действий. Подобно слепым мудрецам из древнеиндийской притчи «Слепые и слон» или людям из пещеры, которых описывает древнегреческий философ Платон в своем труде «Государство» [4], человек, находящийся под влиянием средств массовой информации зачастую становится восприимчивым исключительно к одной навязанной идее, при этом отвергая и оставляя без изучения и анализа все остальные. Платон показывает невозможность толпы оторваться от иллюзий повседневного восприятия. Кроме того, он заключает, что понимание сущности вещей не появляется само собой, а требует от личности определенных труда и усилий.

В современном обществе видимый мир уже не кажется нам реальностью – он превращен в хорошо сконструированный мир вымысла. Особое восприятие нового виртуального мира приводит человека не к развитию своей личности, а к подражанию определенным персонажам одной большой игры. Еще античные философы говорили о том, что любой творческий процесс сопровождается некоторой слепотой, которую вызывает первоначальная яркая идея. Таким образом, происходит кардинальное изменение взглядов и мировоззрения людей, разрушение социума изнутри посредством социальных сетей, телевидения, различных Интернет-ресурсов.

Тенденция вовлечения молодого поколения, как наиболее впечатлительного и открытого новому, подтверждается учеными разных областей наук. Девушки и юноши, которые с детства погружены в мир различных средств массовой коммуникации, испытывают определенную страсть к виртуальному миру, забывая про культурные ценности предков. Человек, живущий в информационном обществе, не только глубоко вовлечён в него, но и в каком-то плане испытывает эффект оцепенения. Мы утрачиваем способность прогнозировать собственное будущее, становимся послушным объектом манипуляций информационных технологий, теряем умение познавать и анализировать.

В настоящее время наиболее важной проблемой является возможность создания эффективной защиты от информационных войн. Этот вопрос в значительной степени зависит от сохранения равновесия между прогрессирующей мощью информационных технологий и индивидуальными реакциями человека на происходящее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Информационная война в информационном обществе / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // Вопросы философии. 2016. № 11. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1531&Itemid=1

(дата обращения: 03.04.2021)

2. Биндас Д.В. Понятие информационной войны в системе философских воззрений / Д.В.Биндас // Cyberleninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-informatsionnoy-voyny-v-sisteme-filosofskih-vozzreniy> (дата обращения: 04.04.2021)

3. Маклюэн М.Г. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003 — С.38

4. Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // AST Publishers, 2016. – URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos01.htm> (дата обращения: 01.02.2021)

5. Расторгуев С.П. Философия информационной войны / С.П. Расторгуев // iwars.su. – URL: <http://www.iwars.su/untitled-chgk> (дата обращения: 15.03.2021)

ПРОБЛЕМА ВИРТУАЛИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

Гребенюк Ю.Е.

Новосибирский государственный аграрный университет
научный руководитель: доцент Колесникова А.В.

Аннотация. Развитие информационных технологий за последнее время позволило создать множество технических феноменов, получивших в научной и популярной литературе название «виртуальной реальности». В данной статье подробно рассмотрено явление виртуализации и его влияние на человека.

Ключевые слова: виртуализация, виртуальная реальность, технический прогресс, информационные технологии.

Развитие информационных технологий создает условия для формирования специфических форм идентичностей. Информационное пространство сегодняшнего общества значительно отличается от того, что окружало человека 70–80-х годов XX века, главным образом, тем, что широкое распространение получили технологии виртуальной реальности [1]. Развитие методов программирования, увеличение объемов производства высокотехнологичных гаджетов, разработка специальных средств передачи информации человеку, а также обратной связи – все это создало новое качество восприятия, формирования мировоззрения. Целью данной статьи является анализ особенностей виртуализации, оценка влияния данного постиндустриального феномена на общество и выявление вытекающих из него проблем.

Новая форма бытия в образе виртуальной реальности была теоретически оформлена в конце 1970 - х годов. По мнению Ф. Хэммита – автора одного из первых историко-теоретических трудов о виртуальной реальности – термин «виртуальная реальность» был создан в Массачусетском технологическом институте. В других источниках упоминается, что термин «virtual reality» выдвинули специалисты фирмы

«VPL Research» (американская компания, занимающаяся разработкой продуктов виртуальной реальности). Но большинство экспертов убеждены, что данное понятие в 1989 г. ввел в научный обиход Я. Ланьер.

Виртуализация трактуется с разных точек зрения, что в большей мере зависит от наук, относительно которых рассматривается данный феномен. А. Н. Лугинина в своей работе объясняет понятие виртуализации через технический аспект, как сферу компьютерных технологий, которая культивирует свое представление о способности человека создавать виртуальную интерактивную среду, способы функционирования которой схожи с реальным обществом. Значит, виртуальность понимается как созданная техническими средствами среда, замещающая реальный социум [3].

Концепция виртуальности занимает прочное место в истории философской мысли. Исходя из античной философии, существует две основные традиции понимания виртуального. Первая идет от Аристотеля, в работах которого мы видим, что виртуальное имеет двойственную сущность между потенцией и реальностью, а вторая – от Платона и соотносится с некоей идеей о должном. В современной философии, в особенности последние 10–15 лет, данное понятие рассматривается как концептуализация революционного уровня развития техники и технологий, позволяющих открывать и создавать новые измерения культуры и общества, а также одновременно порождающих новые острые проблемы, требующие критического осмысления [2].

Разбирая сущность виртуальной реальности, необходимо выделить ее основные свойства:

- Порожденность. Искусственная реальность продуцируется активностью реальности, внешней по отношению к ней. Таким образом, она не обладает реальным представлением;

- Актуальность. Виртуальная реальность актуальна только в момент наблюдения, т.е. существует «здесь и сейчас», в режиме реального времени;

- Автономность. В виртуальной реальности реализовано уникальное время, пространство и законы существования. Как правило, они не копируют реальное;

- Интерактивность. Она способна взаимодействовать с другими реальностями и при этом оставаться онтологически независимой.

Виртуальная реальность имеет особые внешние эффекты. Они заключаются в перемещении человека в мир, очень схожий с настоящим, получении новых возможностей в плане мышления и поведения. Кроме того, с течением научно – технического прогресса в виртуальной реальности появляется возможность не только наблюдать и переживать, но и взаимодействовать с окружающим пространством. Возвращаясь в прошлое, можно с уверенностью сказать, что человек и раньше был способен попасть в мир виртуальной реальности, например, погружаясь в

созерцание картины, кинофильма или читая интересную книгу. Но все же во всех приведенных случаях человеческая деятельность ограничивалась положением зрителя или читателя; сам он не мог быть включен в действие как активный персонаж. Современные процессы виртуализации столь стремительны, что с трудом поддаются прогнозированию, а между тем, предметное поле социально-философских исследований данной проблемы только начинает складываться [4]. Но уже сейчас можно говорить о положительных и отрицательных эффектах, возникающих в ходе повсеместного распространения виртуальных технологий.

Несомненно, совершенствование мира технологий влияет на развитие разума человека, его способности мыслить рационально. Нововведения в технико – информационной области упрощают жизнь человека и экономят самый ценный ресурс – время, но это также приводит к тяжелым кризисным ситуациям в сознаниях людей: социум, желая облегчить себе жизнь, приходит к необратимым процессам разрушения мыслительных процессов. Реальность заменяется компьютерным моделированием – именно этот аспект технологического развития преобладает над научно-техническим. Виртуальная реальность ограничивает (или полностью разрушает) рефлексивную деятельность человека, лишая его критического мышления, унифицирует его представления о мире и самом себе. В ходе этого пагубного процесса, человек через виртуализацию сознания может потерять основу не только для критической оценки информации, но и для собственного мировоззрения.

Важное место в понятии виртуальной реальности занимают компьютерные игры. Термин «игра» принято обозначать как широкую область деятельности человека и животных, конфронтирующую с утилитарно-практической деятельностью и характеризующуюся получением удовольствия в процессе. Л.П. Тимофеева утверждала, что компьютерные игры, являясь социокультурным феноменом повседневности, принадлежат к числу актуальных проблем современной науки, ввиду представления собой уникального продукта развития самосознания современной личности и техники, объединение в единое целое, казалось, несводимых друг к другу элементов нашей культуры: понятий жизни и смерти, добра и зла, развлечения и обучения, потребности и реальной возможности, теории и практики [5].

С одной стороны, дополнительная реальность – игра, открывает людям новые горизонты, давая им уникальные возможности, но, с другой стороны, желание получить максимальное удовольствие от игры приводит к экзистенциальному кризису и даже к расстройству психики, связанному с проблемой выбора между реальностью и игрой. Данную проблему можно обозначить как «удвоение реальности». Таким образом, игрок неизбежно приходит к сравнению виртуальной реальности и действительности, и это приводит к философским размышлениям о несовершенстве реальной

жизни по сравнению с возможностями, которые открываются в игре.

Выводы. Технический прогресс в области инновационных технологий приближает наступление новой эры, нового взгляда на мир, через виртуальную реальность. Но, сама виртуальная реальность все же является скорее инструментом, чем средой, в отличие от реального мира. Следовательно, ее возможности необходимо рационально использовать на благо действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. – 2016. – №3. – С. 86-96.
2. Гермашова В.А. Понятие «Виртуальная реальность» в философском знании // Наука. Инновации. Технологии. – 2009. – №5. – С. 215 – 221.
3. Лугинина А.Г. Виртуализация общества как проблема современной социальной философии: историко-философский аспект: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 09.00.03: защищена. – Краснодар, 2007. – 23 с.
4. Силаева В.Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 09.00.11: защищена. – Москва, 2004. - 19 с.
5. Тимофеева Л.П. Компьютерные игры как фактор приобретения символического опыта: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 24.00.01 защищена. – Тамбов, 2004. – 20 с.

ИДЕЯ ГУМАНИЗМА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Елпашева Н.Д.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: к. филос. наук Данилкова М.П.

Аннотация. Современный мир, с его погоней за материальными ценностями, отодвинул на второй план важнейший принцип гуманизма – ценность самого человека. В этой связи, вопросы выхода из сложившейся ситуации и поворот общественного развития в сторону его гуманизации приобретает первостепенное значение. В работе исследуется актуальность гуманистических идей в современной технологической реальности.

Ключевые слова: гуманизм, ноосферный гуманизм, аксиология, человек.

Как известно, гуманизм – это система духовного образования, направленная на осознание ценности и целостности человеческого существа; никто и ничто не выше человека. Однако так ли воспринимается гуманизм сейчас или это понятие трансформировалось в нечто иное? Существует два вида гуманизма: классический и современный. В работе рассматривается современный светский гуманизм. В Новое время произошла гигантская метаморфоза – отрицание классического гуманизма, а в результате перехода биосферы в ноосферу, целесообразно говорить

именно о ноосферном (постнеклассическом) гуманизме, основателями которого стали В. И. Вернадский, Д. Л. Андреев, А. Швейцер, А. де Сент-Экзюпери, П. Тейяр де Шарден, М. М. Пришвин и другие.

Итак, ноосферный гуманизм включает две точки зрения: первая – это наука о единстве составляющих мира и общества в нём, в том числе, о законах системно-организационного функционирования; вторая – это «философская вера» в достижение конечной цели развития человечества, путём глубинного преобразования.

Безусловно, нельзя придумать ничего нового, не основываясь на опыте прошлых лет, поэтому у гуманизма светского (включая ноосферный) и классического есть ряд схожих характеристик. Это, например, антропоцентризм; фокус этики на человеческой свободе и росте и развитии индивида; «деятельность» возвышается над судьбой; признание разума, науки и творческих способностей фундаментальными ценностями; необходимость возвращения способностей человека, данных ему природой.

Однако в ноосферном гуманизме появляются абсолютно новые свойства: человек, его жизнь, выше цели; единство человека и бытия мироздания; признание важности для человека «низших» потребностей наравне с «высшими»; отказ от слепой веры в постоянный линейный прогресс; отказ от веры в идеальное будущее и в Судный день; отказ от стремления отыскать заранее заданные смыслы; гуманизм стал планетарным явлением.

Постнеклассических гуманистов часто упрекают в отсутствии тех фундаментальных начал в учении о человеке, на основе которых базируется гуманистическая аксиология и этика. В ноосферном гуманизме есть исходная система координат (человек, как биосоциокосмическое существо, – абсолютное начало), а также «предельная цель», за которую «принимается... высшая организованность нашего мира, то есть его высшая жизнестойкость, жизненная полнота». [1]

Вместе с тем, у постнеклассического гуманизма есть противники, обвиняющие гуманизм, по самым разным причинам, во всех катастрофах и потрясениях XX века. Не требует доказательств, положение о том, что гуманистические традиции претерпели в прошлом веке значительные трансформации. Так, по мнению В. Кувакина, «безусловно, это был кризис гуманизма. Но он был частью более широкого и глубокого кризиса: политического, экономического и цивилизационного» [2]. Действительно, кризис гуманизма XX века весьма закономерен, ибо процесс развития человечества подошёл к формам гегелевского принципа «отрицание отрицания»: «материальный гуманизм» – «духовный гуманизм», что в свою очередь, становится предпосылкой для появления «нового» гуманизма.

Подводя итоги краткого анализа данной проблемы, подчеркнём, что главная цель гуманизма – построение общества, наполненного

абсолютным равенством, справедливостью, человечностью. Для многих людей это звучит как утопия, потому что, зачастую, эти слагаемые благополучия игнорируются в бесконечной погоне за «успешным успехом», а межличностные отношения становятся все более отчуждёнными. Современное общество стало высокотехнологичным, но по-прежнему остаётся бесчеловечным, антигуманным. Так быть не должно. Люди – не средство, не расходный материал. Именно поэтому ноосферный гуманизм актуален сейчас и будет таковым до тех пор, пока человечество не достигнет «предельной цели» – достойной и полноценной жизни для нас самих и для тех поколений, которым только предстоит явиться на свет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кувакин В. А. О старом и новом в гуманизме / В. А. Кувакин // Российское гуманистическое общество: Интернет-портал. – URL: <http://www.humanism.ru/modhum/47-modern/753-old-and-new-humanism.html> (дата обращения: 23.03.2021).
2. Меньчиков Г. П. Гуманизм: классический, неклассический и неоклассический // Вестник КазГУКИ. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizm-klassicheskiy-neklassicheskiy-i-neoklassicheskiy> (дата обращения: 09.04.2021).
3. Смирнов, Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания / Г. С. Смирнов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
4. Кудишина А. А. Типология современного гуманизма / А. А. Кудишина // Российское гуманистическое общество: Интернет-портал. – URL: <http://www.humanism.ru/modhum/61-phenomen/232-ph4.html> (дата обращения: 23.03.2021).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Зеленин Е.И.

АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»

Научный руководитель: профессор Лукьянов Г.И

Аннотация: Исследуются теоретические основания осмысления феномена идентичности в ситуации глобализации. Обосновывается необходимость исследования проблемы как многоуровневой и многоплановой.

Ключевые слова и словосочетания: социальная динамика, феномен идентичности, модернизация, социальная общность, человек, эпоха информатизации.

Человек сталкивается с осмыслением проблемы идентичности направленным на понимание своего исторического жизненного пути, своего времени, своего смысла. Все образования материальной и духовной культуры человечества представляют собой результат исторических наслоений опыта разных поколений. В современном мире, наполненном атаками на символическое пространство, попытками переписать историю,

переформатировать сознание людей в определенном направлении, идентичность становится главным фактором обеспечения национальной безопасности.

Обращенность исторического сознания к прошлому является одним из факторов, детерминирующих динамику социальной солидарности. Солидарность в обществе связана с феноменом идентичности. Интуитивно каждый человек сознает, что у него должно быть своё Я, свой собственный путь развития, свои цели, идеалы, устремления, но в эпоху современности наступает ситуация, когда идентичность личности претерпевает трансформацию, особенно активно эти процессы происходят в эпоху информатизации, когда происходит становление новой картины мира, в которой ключевая роль принадлежит информации. «Внеевропейская радикальная критика современности, критика «необузданного индивидуализма», утраты «культурной идентичности и достоинства», одним словом, критика «макдоналдизации мира» оказывается не просто отрицанием модернизации, но скорее попыткой предложить и испытать другие модели современности, которые выборочно используют элементы западной модели модернизации» [1, с. 17].

Идентичность выступает как феномен, который возникает из взаимосвязи индивида и социума. Идентичность выступает как ориентация индивида или группы на реальность, причём на реальность не только настоящего, но и на реальность прошедшего. Для социального субъекта существенна реальность, измерение которой располагает наиболее сильной и долговременной индивидуальной релевантностью, интересубъективной для членов общества. Анализ знаний о прошлом способствует процессу социальной идентификации, благодаря которому индивид, социальная общность или группа помещает в ту или иную себя социальную категорию, предписывает себе тот или иной общественный статус, уровень, ранг. В итоге происходит получение полного социального отождествления индивида или какой-либо социальной общности или группы и окончательно формируется социальная идентичность.

Относительно ситуации в современной России, проблематика идентичности обусловлена сложной и противоречивой идентификационной структурой российского общества. «Современная социальная динамика российского общества достаточно противоречива и весьма трудноописуема в силу множества субъективных причин и объективных факторов, среди которых особое место занимают разрастание «сложности», «комплексности» социальной системы, появления разнообразных новых векторов развития и пластической трансформации социальности» [2, с. 118]

Совершенно логичным, учитывая многообразный опыт осмысления феномена идентичности, представляется наличие различных оценочных позиций и парадигм. Вплоть до прошлого столетия термин «идентичность» не использовался в научной литературе и появляется только у З.Фрейда.

Развитие термина до статуса научной категории произошло в работах Э.Эриксона, который рассматривал идентичность как адаптирующее начало, позволяющее индивиду приспособиться к условиям сложной социальной системы.

Усложнение экономической, политической, социальной и других систем создает множество перспектив, выборных ситуаций, жизненных стилей, порождающих посттрадиционный порядок. Человек вовлекается в мир постоянного выбора, где он сам должен решать, кто он, где и с кем. Особо важным представляется развивающаяся «плюрализация жизненных стилей». Становление идентичности как феномена стало протекать в рамках преодоления противоречия между стремлением сохранить целостность и множащимся разнообразием во времени и пространстве. Так, с одной стороны, исследовательский интерес сосредоточен на индивидуальной идентичности социального субъекта (в основном её культурой референции), в совокупности со сосредоточенностью на рассмотрении социальной структуры общности, особенно группы, в которую включен человек.

С другой стороны, большой интерес вызывает коллективная идентичность в значении чувства принадлежности к социальной общности, включая, нацию. Именно в этом, антропологическом, аспекте идентичность, с определенной долей условности, приобретает культурную референцию, становясь «культурной идентичностью». «Именно культурная идентичность, выступая в качестве основы для консолидации группы, сообщества, государства, способна преодолеть чувство неуверенности, тревоги и обеспечить отдельных индивидов и всё общество в целом устойчивыми ориентирами развития» [3, с. 68].

Современный этап развития характеризуется повышенной геополитической напряженности, гибридными и информационными войнами, направленными на деконструкцию российской идентичности, предъявляет более жесткие требования к уровню национального согласия и социальной консолидации. В полиэтническом и поликультурном российском обществе возникает потребность в формировании надэтнической и надконфессиональной цивилизационной макроидентичности, способной обеспечить интеграцию не только на гражданском, но и на культурно-ценностном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянов Г.И. Глобализация риска в обществе поздней современности// Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение.-2005-№4.- с.13-20.
2. Лукьянов Г.И., Лебедева С.О., Александров Д.С. Теоретические аспекты проблемы национальной идентичности в условиях глобализации// Экономические и гуманитарные исследования регионов.-2013.-№3.- с.117-123.
3. Васильева Е.Ю., Ерохин А.М. Роль культуры и культурной

ОТНОШЕНИЕ ЛЮДЕЙ РАЗНОГО ВОЗРАСТА К ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Ильина Д.И.

Казанский государственный энергетический университет

Научный руководитель: доцент, к.т.н. Зарипова Р. С.

Аннотация. В работе отражены результаты опроса небольшой части населения республики Татарстан по вопросу востребованности цифровых технологий. Опрос показал зависимость отношения к цифровым технологиям от возраста.

Ключевые слова: цифровые технологии, дискретная система, вычислительная цифровая электроника, автоматизация, информационные данные.

На сегодняшний день цифровые технологии занимают важную часть в жизни каждого человека. Чтобы раскрыть данную тему, нужно познакомиться с ними. Цифровые технологии – это дискретная система, которая базируется на способах кодирования и трансляции информационных данных, позволяющих решать разнообразные задачи за относительно короткие отрезки времени [1]. Они используются в игровых автоматах, робототехнике, автоматизации, в компьютерах, вычислительной цифровой электронике и во многом другом [2, 3]. Но раз это все так обширно и популярно, то и, скорее всего, все пользуется этим.

Чтобы убедиться в этом, нами был проведен небольшой опрос у небольшой части населения Республики Татарстан. В нем приняли участие люди из Набережных Челнов, Менделеевска, Казани, Камских Полян и т.д. Мы разделили их на 3 группы: 15-25 лет, 26-40 лет, от 41 лет и более. И как оказалось, люди в возрасте 15-25 лет более склонны к цифровым технологиям, нежели остальные. 2 группа тоже часто пользуется ими, однако они вынуждены это делать. Большинство заставляет работа. Люди же более 41 года все меньше пользуются цифровыми технологиями. Они утверждают, что им это не нужно.

Собрав все ответы с опроса, можно сделать выводы по данной теме исследования. Цифровые технологии развиваются повсеместно и вместе с ними развивается и общество [4]. Люди молодого возраста намного заинтересованнее в этом, потому что они открыты всему новому, готовы усовершенствоваться. А взрослые скептически относятся ко всему новому и современному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Искалиев К.К., Бекаева В.И., Берднова Е.В. // Цифровые технологии в современном мире. Саратов, 2020. 96-111с.
2. Никитина У.О., Зарипова Р.С. Проблемы и перспективы применения технологий виртуальной реальности / Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 2 (20). С. 81-83.

3. Пырнова О.А., Зарипова Р.С. Перспективы развития искусственного интеллекта и кибернетики // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2019. № 3-4 (17-18). С. 78-81.

4. Галиуллина Э.Р., Шакиров А.А., Зарипова Р.С. Проблема возрастного цифрового разрыва современности // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. Т.10. № 4. С. 25-29.

ЛАГОМ: ФИЛОСОФИЯ ШВЕДСКОГО СЧАСТЬЯ КАК МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА БУДУЩЕГО?

Китайкин Ю. А., Селиверстова Н.А.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Аннотация. В данной статье анализируется концепция «шведского счастья» в аспекте её теоретической и практической значимости в эпоху цифровой глобализации. Отмечается, что философия «шведского счастья» предлагает практический, личностно-ориентированный вариант модификации современного технократического общества.

Ключевые слова и словосочетания: эпоха цифровой глобализации, традиционные ценности доцифровой эпохи, концепция «Реюз», «шведское счастье», благополучие.

Проблема счастья является, пожалуй, одной из самых древних и трудноразрешимых в философии в силу неоднозначности самого термина и невозможности объективного подхода к его анализу. У Эпикура, как известно, счастье заключается в наличии здорового тела и безмятежного состояния души, а у Шопенгауэра, для которого человеческая жизнь – маятник между страданием и скукой, счастье – это отсутствие несчастья. Однако в эпоху цифровой глобализации «общества потребления» исследование феномена счастья зачастую переводится из области абстрактной философии в практическую сферу социологических исследований.

Так в основу Всемирного доклада о счастье World Happiness Report, который ООН начала публиковать с 2012 года (фактически, это рейтинг стран «по национальному счастью»), положены статистические данные института Гэллапа, учитывающие такие факторы, как продолжительность жизни, смертность, рождаемость, ВВП на душу населения, количество самоубийств и пр. Анализ доклада 2021 года [1] свидетельствует, что все скандинавские страны (Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия, Дания) заняли в этом рейтинге первые десять мест. В разделе «Скандинавская исключительность» в докладе 2020 года [2] приводится объяснение того факта, что «скандинавские страны постоянно среди счастливейших стран в мире»: надежные социальные пособия, низкий уровень коррупции, хорошо функционирующая демократия и государственные институты, высокое чувство автономии и свободы граждан скандинавских стран, высокий

уровень социального доверия друг к другу. Швеция в списке «счастливейших стран» стабильно занимает одну из первых десяти позиций. Анализу феномена «шведского счастья» посвящена книга Лолы Экерстрём “Lagom. Секрет шведского благополучия» [3].

Лагом (термин переводится со шведского как «достаточный» «адекватный») - философия шведской жизни, проявление шведского национального характера и менталитета, сегодня позиционируется как панацея от пагубной деградации личности в эпоху цифровой глобализации.

Известно, что современная цифровая цивилизация не только видоизменяет характер и направленность жизнедеятельности человека, но существенно трансформирует её цели и смыслы. Цифровая культура во всех аспектах её проявления – от материального (информационные системы, гаджеты и пр.) – до ментального (информационная картина мира, технократическое мышление) модифицирует ценностные ориентации и предпочтения современной «оцифрованной» личности.

Шведская модель «счастливой жизни» во многом не вписывается в образ информационной реальности, акцентируя внимание на значимости традиционных ценностей доцифровой эпохи. Отмеченный в Докладе высокий уровень социального доверия граждан Швеции детерминирован стремлением не демонстрировать свое превосходство, поэтому в межличностных отношениях искореняется такой социально-психологический конструкт/концепт, как зависть. Баланс между работой и отдыхом обеспечивается прогрессивной ставкой налогообложения на каждый час переработки как для работодателя, так и для работника; перерабатывать просто невыгодно. Рационально-экономичный подход к расходованию ресурсов реализуется в концепции "Reuse" (использование заново), а главный принцип – лагом - призывает к умеренности, самоограничению, ориентируясь на принцип «золотой середины», что совершенно не коррелируется с практикой «общества потребления».

Таким образом, в философии «шведского счастья» предлагается личностно-ориентированный вариант модификации современного технократического общества: отказ от практики «трудоголизма», оставляющий свободный временной ресурс для саморазвития личности; реализация принципов бесконфликтного межличностного общения; формирование в практике повседневной жизнедеятельности не только экологического мышления, но и экологического поведения.

Многие из этих идей не отличаются оригинальностью. Лагом - принцип «золотой середины», можно найти уже в философских концепциях Древнего Востока. В многонациональных, полирелигиозных и экономически слаборазвитых странах счастье по шведскому образцу на сегодняшний день представляется совершенно недостижимой утопией. Вызывает сомнение отождествление такого сложного и многомерного понятия как «счастье», с благополучием. Но в целом, ярко выраженная в концепции Лагом тенденция противодействия огульной технократизации

человечества, которая разрушающе действует на внутренний мир личности, несомненно, привлекательна и даёт повод для размышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Happiness Report 2021 / edit. John F. Helliwell [at all.], New-York : UN, UN Sustainable Development Solutions Network, 2021. - 208 p. // URL: <https://worldhappiness.report/ed/2021> (дата обращения 04.12.2021)
2. World Happiness Report 2020 / edit. John F. Helliwell [at all.], New-York : UN, UN Sustainable Development Solutions Network, 2020. - 151 p. // URL: <https://worldhappiness.report/ed/2020> (дата обращения 04.12.2021).
3. Экерстрём, Л.А. Lagom. Секрет шведского благополучия / Л.А. Экерстрём. - Москва : Азбука-Аттикус, 2017. - 201 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ В ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЫ «УМНЫЙ ДОМ»

Корнева П.А., Яппаров Р.Р.

Казанский государственный энергетический университет

Науч. рук. к.т.н., доц. Зарипова Р.С.

Аннотация: В настоящей статье описаны возможные методы энергосбережения в жилых помещениях путем внедрения цифровой системы «умный дом». В работе была проведена оценка динамики роста тарифов на электроэнергию в Республике Татарстан за 10-летний период. Приведены возможности и недостатки «умного дома».

Ключевые слова: умный дом, энергия, тарификация, энергосбережение, цифровая система, стоимость.

По данным Министерства энергетики Российской Федерации, среднее домохозяйство потребляет 4200 кВт электроэнергии в год, и большая часть этой энергии тратится впустую [1]. Привычки образа жизни людей являются основным фактором такой ситуации [1]: оставление света включенным, при выходе из комнаты, включенный телевизор или компьютер, когда они не используются, и запуск бытовой техники, в периоды с более дорогой тарификацией, - все это приводит к потере энергии и более высоким затратам.

На сегодняшний день до 75% [2] коммунальных платежей приходится на оплату двух строк в квитанциях: электроэнергия и теплоснабжение. Анализируя ситуацию с тарификацией электроэнергии в Республике Татарстан выявляется тенденция роста стоимости за коммунальные услуги. Рассматривая десятилетний период с 01.01.2011 по 01.01.2021 тарифный план за электроэнергию повысился с 2,43 руб./кВтч до 3,93 руб./кВтч, что составляет 61,7% (ежегодный прирост составляет примерно 6,17%) (рисунок 1) [3]. Данный фактор заставляет задуматься потребителей об оптимизации использования энергоресурсов.

Рис. 1. Динамика цен на электроэнергию в Республике Татарстан за период с 2011 по 2021 год

Рассматривая возможности сокращения трат на энергоресурсы выделяют два следующих основных метода, которые соблюдают требования современного цифрового общества [4]:

- экономия потребляемой энергии за счет сокращения времени использования тепло- и электроустройств и перехода на новые материалы и оборудование;
- использование энергии с учётом дифференцированного тарифного плана.

Умные технологии позволяют домовладельцам контролировать потребление энергии с помощью различных стратегий энергосбережения умного дома [5]. Узловые контроллеры для умного дома могут полностью отключать бытовые приборы [6], когда они не используются, устраняя утечку энергии, вызванную «простаивающими» приборами, обеспечивая автоматизированное энергосбережение.

Рассматривая иной метод сокращения трат на энергоресурсы – использование энергии с учётом дифференцированного тарифного плана. Можно отметить что этот вариант предполагает использовании энергию в периоды её пониженной стоимости.

При переходе на двухставочный или трёхставочный тариф с использованием «умного дома» экономия в оплате энергоресурсах будет на порядок выше. С помощью данной цифровой системы можно настроить регулирование энергоснабжение таким образом, чтобы самые энергозатратные электроприборы работали в период с самым дешёвым тарифом [5] (в период ночной зоны). Примером такого решения является: запуск стиральной машины или робота-пылесоса в ночной период.

В заключении можно отметить, что по оценкам экспертов технология «умного дома» позволяет экономить 30% от стоимости энергоресурсов ежемесячно [4]. Однако стоимость внедрения подобных систем является дорогостоящей. Оценочная стоимость реализации системы «умный дом» в жилых помещениях составляет от 2 тысяч рублей за м² [4]. Но в связи

цифровизацией общества предполагается дальнейшее удешевление и доступность данной технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова В.А. Интеллектуальная автоматизированная система энергосбережения «Умный дом» // Эпоха науки. 2015. №4. С. 111.
2. Zaripova R.S., Saltanaeva E.A., Bikeeva N.G., Priimak E.V. Development of quality monitoring devices for industrial water in heat supply systems // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. - 2019. - P. 012129.
3. Савин Н.А., Денисова А.Р., Афонина Н.К. Энергоэффективная система автоматического регулирования светового потока светодиодных светильников // Сборник XV Всероссийской открытой молодежной научно-практической конференции "Диспетчеризация и управление в электроэнергетике", 21-22 октября 2020, КГЭУ. Казань. 2020. С. 75-78.
4. Фетисов Л.В., Каштанов А.И. Применение АСУ в сетях наружного освещения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 5-2 (61). С. 158-162
5. Шакиров А.А., Зарипова Р.С. Реализация виртуального датчика в среде LabView // Решение. 2017. Т. 1. С. 158-159.
6. Шакиров А.А., Зарипова Р.С. Проектирование автоматизированной системы управления освещением жилого дома // Приборостроение и автоматизированный электропривод в топливно-энергетическом комплексе и жилищно-коммунальном хозяйстве. 2019. С. 381-384.

МАТЕРИАЛЬНА ЛИ МЫСЛЬ?

Корябина К.С.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Научный руководитель: д. биол. наук Виноходов Д.О.

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема материализации мысли как предмет различных исследовательских направлений.

Ключевые слова и словосочетания: мысль, материальность, гетерархичность мышления, детерминизм, онтологическая система.

Возможность материализации мысли импонировала целой плеяде ученых и философов в течение долгого времени. Начиная с Владимира Михайловича Бехтерева, который считал мысль некой субстанцией, онтологически содержащей энергию, способную изменять ход событий, и, заканчивая переживающими в настоящее время очередной подъем детерминистами [1, с. 6-20]. Этот вопрос попадает в фокус внимания современной науки.

Данному явлению есть логическое обоснование. Рассматривающий «суть вещей», Рене Декарт сказал: «я мыслю, следовательно, я существую». Каждое мгновение с момента рождения человек неотделим

от мыслительного процесса. Его мозг выделяется в качестве отдельного пласта нервных клеток на 18-й день внутриутробного развития и заканчивает свою работу приблизительно через 7 минут с момента смерти человека. Мысль приходит первой и уходит последней из нашей жизни. Неудивительно, что материализовать ее – потребность высшего порядка.

«Причинность» систем, окутывающих наше мироздание, восходит к диалектике Аристотеля и Платона. В течение многих веков своей осознанной деятельности человек изучал путь разума, причины и объекты его стремления. Кто-то, как Иммануил Кант, убеждался в неизменности противоречий, к которым приходит разум. Кто-то, как Геннадий Павлович Меньчиков, приходит к выводу о гетерархичности бытия, незыблемости связи между целеполаганием и целесообразностью развития окружающего нас мира. Философам вторят физики – в настоящее время наличие глобальных переменных нивелирует абсолютность положения о возможности декомпозиции каждого процесса по принципу от сложного к простому. В научной среде все чаще встречаются труды, посвященные теории упорядоченного хаоса – хаоса в том числе и наших мыслей, подчиненных, однако же, общим законам энтропии.

Переход к гетерархичности мышления, как альтернативе в некотором роде волюнтаризму и фатализму, исключаящему факт влияния на случайности, открывает эволюционному процессу новые горизонты. Представим, что наша мысль – это модель, которую можно описать уравнением. Тогда в этом уравнении появятся переменные, влияние которых друг на друга опишет конечный результат, а, следовательно, этот результат будет находиться в непрерывной взаимосвязи с самим мыслительным процессом.

Куда может быть устремлена мысль? Конечно же, в прошлое, настоящее или будущее. Анализируя прошлое, мы изменяемся сами, чтобы определить наши действия в настоящем, чтобы те, в свою очередь, влияли на будущее. Таким образом, грядущая вариативность тенденций развития совокупности окружающих нас объектов и есть – объект мысли.

Врачи, психологи, физики, математики и философы сходятся во мнении, что мысль материальна. Одни отмечают влияние негативных мыслей на физиологию человека, тем самым давая толчок к развитию медицины в данном направлении. Другие ищут истоки успеха личности в наборе социальных установок, определяемых, в свою очередь, мыслительной окраской.

Конечно же, далеко не каждая мысль подвластна точному отслеживанию и анализу, хотя степень изученности энцефалограмм позволяет систематизировать эти процессы. Врачи научились расшифровывать сны, интерпретировать галлюцинации – химеризованные мыслительные процессы нашего головного мозга [2, с. 117-128]. Интересна практика по взаимодействию с парализованными пациентами в Японии. Современная медицина позволяет визуализировать мыслительный процесс

человека, который находится в беспомощном состоянии, обладая лишь когнитивными функциями. Стоит ему подумать о чем-то, и объект его мысли сразу же появляется на исследовательском мониторе. От данной технологии всего лишь несколько шагов до непосредственного воплощения мысли в физический объект на уровне прямого взаимодействия.

Самые интересные споры рождаются на стыке физики и философии. Американцы Плейс и Смарт группировали ментальные процессы, чтобы, затем подобрать к ним соответствующие биологические механизмы головного мозга [3]. После публикации на них обрушилась волна критики, основой которой стало утверждение о множественности реализуемости. Иными словами, на конкретное явление может влиять не только мысль, называемая вышеупомянутыми учеными «биологическим коррелятом».

В своей работе я постаралась охватить большинство точек зрения на феномен материальности мысли. Осознание материальности мысли так или иначе – путь к синергии существования, поскольку гетерархичность предполагает качественно новый уровень взаимодействия с окружающей действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопов, Г.В.* В.М. Бехтерев и современные подходы к решению проблемы сознания / Г.В. Акопов. // Бехтерев В.М. и современная психология: материалы докладов на российской научно-практической конференции. К 125-летию открытия первой психологической лаборатории. — Казань: Отечество, 2010. — №4. Т.1. — С. 117—128.
2. *Винник, Д.В.* Онтологический статус галлюцинаций в концепции непрямого реализма / Д.В. Винник // Философия науки. — Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 2008. — № 1. — С. 117—128.
3. Priest, Stephen. Theories of the Mind. A compelling investigation into the ideas of leading philosophers on the nature of the mind and its relation to the body. The Penguin Books, 1991. Прист, Стивен. Теории сознания. — Перевод с английского и предисловие: А. Ф. Грязнов. — М., Идея-Пресс, 2000. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 28.03.2008. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3283/3287>

НОВЫЕ РЕАЛИИ МЕДИЦИНЫ И РАЗВИТИЕ ПАРТНЕРСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

Лайус Е.А.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого

Научный руководитель: к.социол.наук, доцент ВШМиСО СПбПУ Поздеева Е.Г.

Аннотация. В настоящее время медицина интенсивно развивается, интегрируя в свою практику новые высокие технологии, внедряя новые методы, ориентированные на поддержание долголетия, и подходы к индивидуальному медицинскому

сопровождению, позволяющие проводить постоянный мониторинг состояния здоровья пациента. Это обуславливает внимание к исследованию моделей взаимодействия между врачом и пациентом, социальных ролей и коммуникативных практик в сфере оказания медицинской помощи.

Ключевые слова и словосочетания: модель взаимоотношений между врачом и пациентом, будущее медицины, современные технологии, активное долголетие.

По мере роста населения под влиянием природных и социотехнических факторов увеличивается количество и спектр заболеваний, что ставит медицину перед новыми вызовами как научного, так и институционального характера. Традиционно важнейшую роль в решении насущных вопросов медицины и здравоохранения играет развивающаяся система социальных взаимоотношений между врачом и пациентом.

Специалисты-медики проявляют уверенность, что в ближайшем будущем медицина перейдет в статус персонализированной. Это означает, что подбор лечения будет учитывать индивидуальные генетические особенности человека. По некоторым оценкам, в 2030 году персонализированная медицина будет занимать около 25% объема фармацевтического рынка (250 млрд. долл.), при этом значительно расширится диапазон предлагаемых лекарственных средств [4]. Также все активнее будет происходить переход от монологической (субъект-объектной) к диалогической (субъект-субъектной) модели взаимодействия врача и пациента, отдавая приоритет принципам сотрудничества, когда каждый участник стремится достичь цели (выздоровления), опираясь на диалог [1, С.273].

Одним из новых направлений в медицинской практике является разработка и внедрение специальных датчиков, которые можно будет вживить в кожу человека или вшить в его одежду. С помощью таких биосенсорных механизмов врач сможет отслеживать динамику показателей общего состояния организма пациента (пульс, давление, уровень сахара в крови, уровень гормонов и др.) и в случае выявления проблемы немедленно уведомить пациента и предложить лечение на ранних стадиях заболевания [2]. Это требует расширения спектра коммуникаций между врачом и пациентом. Социальная роль врача в диалогичной модели основана на важности партнерства, признании позиции пациента, готовности к диалогу. Развиваемые контрактные практики признают социальные роли врача как исполнителя и координатора, а пациента - как заказчика и партнера. Они включают формальные и неформальные формы. Так, неформальный характер контракта больше подходит для длительных отношений между врачом и пациентом в случае хронического заболевания у пациента, а также в ходе применения сложных технологий медицинского сопровождения. Этот тип договора можно определить как взаимный обмен благами, что подчеркивает равноправие позиций, а значит и ответственность участвующих сторон.

Неизбежный аспект жизни человека – это процесс старения. Это генетически запрограммированный процесс, он, как правило, сопровождается некоторыми возрастными изменениями в организме, снижением интенсивности обменных процессов, что увеличивает риск развития таких заболеваний, как атеросклероз, инфаркт миокарда, инсульт, сахарный диабет, рак и других. В этой связи особенно ценными становятся программы, направленные на поддержание здорового образа жизни и активного долголетия. Перспективной считается краниосакральная терапия (КСТ), позволяющая практически не использовать химические вещества и сложное оборудование для достижения благоприятного воздействия на кровеносные сосуды головного мозга и улучшение функционирования опорно-двигательного аппарата пациента. Достигать новых результатов помогает изучение психофизических факторов болезней и пропаганда здорового образа жизни, поддержание высокого уровня самоорганизации жизни со стороны пациента, а также развитие коммуникативных практик взаимодействия с врачом.

В идеале перед медициной стоит амбициозная цель - победить все болезни. Достижение этой цели требует интеграции усилий всех заинтересованных лиц, что предполагает дальнейшее совершенствование партнерских моделей, которые в последнее время охватывают все больше участников, становясь мультиагентным процессом. [3, С. 229-235.] Сегодня ученые-медики ускоренными темпами делают открытия и успешно тестируют новейшие технологии, отвечая на заказ со стороны общества, желающего жить долго и с хорошим самочувствием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н. Л. Модели взаимодействия врачей и пациентов в системе медицинского обслуживания // АНИ: педагогика и психология. 2016. №2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimodeystviya-vrachey-i-patsientov-v-sisteme-meditsinskogo-obsluzhivaniya> (дата обращения: 04.03.2021).]

2. Задача медицины. Киборгизация человека [Электронные ресурсы] – URL: <http://www.likar.info/coolhealth/article-59214-meditsina-buduschego/> (дата обращения: 02.03.2021).

3. Поздеева Е.Г. Мультиагентный подход и его преимущества в исследовании социальных процессов. В сборнике: Системный анализ в проектировании и управлении. Сборник научных трудов XXIV Международной научной и учебно-практической конференции: в 3 ч. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2020. С. 229-235.

4. Широкова И. Будущее медицины: взгляд за горизонт / И. Широкова // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. – 2009. – № 8–9. – С. 8–14.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УРОКИ

СОФИСТИКИ

Лаптяйкин Н.Л.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: к.филос.н. Сандакова Л.Б.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об ответственности человека за собственную информационную безопасность. Обосновывается тезис о возможности использования с этой целью знаний о приемах софистики.

Ключевые слова: информационная безопасность, софизм, социальная инженерия.

В современном обществе информация является ценным ресурсом. Будучи включенными в информационные потоки и активный обмен информацией, мы часто забываем, что обладание информацией сопряжено с ответственностью: данные необходимо защищать и хранить в тайне, поскольку даже небольшой объем информации, попав в руки третьим лицам, может принести вред для обладателя. В данной работе предлагается рассмотреть, какие уроки софистики можно использовать для обеспечения информационной безопасности в обычной жизни.

В теории информационной безопасности есть понятие «социальная инженерия», оно означает психологическое воздействие на человека, стимулирующее его к выполнению действий, выгодных третьему лицу [1]. С мошенническим проявлением навыков социальной инженерии сталкивался или может столкнуться любой из нас. Например, вам звонят и предлагают «помощь» в защите ваших денежных средств, которые якобы пытались или пытаются украсть. Человек, представившийся сотрудником банка, готов прервать транзакцию, которую вы не производили, а для этого нужно назвать последние 4 цифры вашей банковской карты и 3 цифры с её обратной стороны. Таким образом, всего лишь 7 цифр личной информации дают доступ злоумышленнику к денежным средствам обладателя банковской карты. Данный вид мошенничества называется вишингом (от voice phishing) и предполагает навыки социальной инженерии.

Средства и приемы манипулятивного воздействия на человека используются в социальной практике давно, и особого мастерства в «черной риторике» достигли уже древнегреческие софисты. Поскольку они относились к спорам как к интеллектуальным состязаниям, а не как к поиску истины, то использовали хитроумные логические, психологические и речевые приемы, позволяющие убедительно представить ложные послышки или абсурдные выводы и одержать победу в этой игре. Сегодня софизмами принято называть различные способы некорректной аргументации. Полагаем, что знание софистических приемов и способов проведения мнимых доказательств позволяет повысить уровень информационной безопасности современного человека.

Софистические приемы были рассмотрены и проанализированы еще Аристотелем, который вычленил 13 видов софизмов [2, с. 538-540]. И

в последующие эпохи анализ софизмов представлял интерес для математиков, логиков, эпистемологов. А в век информационных технологий внимание к приемам некорректной аргументации необходимо каждому человеку.

Сегодня принято выделять 3 группы причин, лежащих в основании софизмов.

1. Изъяны в логическом построении аргументации: скрытые логические ошибки, которые позволяют «доказать» практически любое утверждение.

2. Использование неопределенностей языка: омонимичность слов, контекстуальная многозначность, слова с несколькими смысловыми значениями.

3. Психологическое, эмоциональное воздействие: приёмы, вынуждающие человека принимать неверные решения.

В приведенном выше примере заявление злоумышленника о том, что с вашего счёта пытались совершить перевод третьи лица, но данная транзакция была приостановлена службой банка, будет вам представлена как принципиально неопровержимая посылка. Поскольку она дополнена ситуацией необходимости срочного принятия решения и страха за свои сбережения, вы вряд ли начнете задумываться о возможности проверки этой информации. Таким образом, мошенник пытается вас вынудить поверить в свои слова и выполнить последующие нужные ему действия, в данном случае – предоставить информацию. Здесь очевидно использование приемов из 1 и 3 групп.

Другим примером может служить ситуация, когда мошенник, представившийся сотрудником банка, предлагает провести страхование. Процесс разговора по телефону, взаимодействие и передача информации в совокупности представляются жертвой, как процедура страхования – ведь одним из значений этого слова является обеспечение сопровождения человека в каком-либо процессе, контроль его действий, в целях исключения ошибки и обеспечения безопасности. Но при этом происходящий устный диалог не будет иметь отношения к другому значению слова «страхование» – коммерческой услуге банка, которая предоставляется не в той форме, которую навязывает злоумышленник. В таком случае была использована амфиболия – двусмысленность. Данный софистический приём будет относиться ко второму виду.

Информационные технологии позволяют реализовать некоторые софистические приемы не только в устном диалоге, но и в других типах взаимодействия. Например, широко используется ложный аргумент типа «апелляция к авторитету». Так, в нашем примере, мошенник представляется сотрудником банка, поскольку это может придать ему больший авторитет в глазах жертвы. Такого же рода аргумент имеет место, когда мы получаем поддельные сообщения от известных нам лиц или ссылки на поддельные сайты крупных брендов, где требуется ввести

данные учетной записи.

Большое количество вопросов (многовопросье) – тоже распространенный приём, позволяющий отвлечь внимание, притупить бдительность человека. В результате он может неосознанно ответить на один из вопросов, раскрыв личную информацию, либо не сможет сосредоточиться на анализе диалога и допустить, не распознать какую-то ошибку. Такой прием используется, например, в спам-рассылке, лишаящей возможности детального разбора каждого письма из-за ограниченности во времени.

Не каждый человек способен всегда трезво оценивать ситуацию, управляя своими эмоциями, не все знакомы с правилами формальной логики, и немногим требуется использование демагогии. Но мы живём в информационном обществе, где рано или поздно, независимо от профессии, сталкиваемся с угрозами, связанными с информационной безопасностью. А значит, требуются знания, позволяющие защититься, их может дать изучение софистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как избежать атаки с использованием социальной инженерии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/how-to-avoid-social-engineering-attacks> (28.03.2021)
2. Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения в 4 томах. — М.: Мысль, 1978. — Т. 2. — С. 687.

СИМВОЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Мелентьева А.А.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого

Научный руководитель: к.социол.наук, доцент ВШМиСО СПбПУ Поздеева Е.Г.

Аннотация. Статья посвящена проблеме символизации социальной мобильности в контексте формирования новой биотехнологической реальности, в которой под влиянием новой промышленной революции происходит конвергенция трансгуманистических технологий и изменяются каналы социальной мобильности.

Ключевые слова и словосочетания: трансгуманизм, лукизм, конструирование стереотипов, отношение к человеческому капиталу, социальные лифты.

Общество потребления под эгидой трансгуманистической концепции укрепляет различные виды дискриминации, такие как лукизм, классиизм, эйблизм, тем самым создавая новые формы дифференциации социального неравенства.

Рассуждая о таком явлении как лукизм, мы подразумеваем существование у дискриминирующего человека представлений о своеобразной иерархии людей, конструируемой на основе их внешнего вида. Человек в рамках этой иерархии ранжируется не по критериям

внешней привлекательности, а по количеству ресурсов, которые он приобретает в зависимости от того, насколько котируется его внешность в глазах оценивающего. Последнее обусловлено тем, какие стереотипы относительно связи внешности и внутренних человеческих качеств этот оценивающий имеет [3, с. 70].

Анализируя тенденции социального феномена лукизма, мы можем прогнозировать дискриминацию не только по фактору внешней привлекательности, но и по трансгуманистическому параметру, где оценке будут подвергаться показатели здоровья и долголетия человека, такие как наследственность, болезни, старение. В этом контексте здоровье выступает не столько биологическим императивом, продиктованным необходимостью выживания, сколько социальным императивом, продиктованным борьбой за «статус» и «конкурентоспособность» [1, с. 180].

Смена парадигмы восприятия человеческого тела в первую очередь преследует продуктивистскую цель и оценивает тело по фактору экономической рентабельности. В капиталистическом обществе статус частной собственности применяется одинаково к телу, к связанной с ним социальной практике, к сформированному символическому представлению, которое имеют субъекты [1, с. 168]. Процесс технологизации представляется формой экономической унификации человеческого тела в качестве капитала. Чем больше человек инвестирует в совершенствование своего тела, тем богаче будет его социальный, культурный, символический и экономический капитал [2, с. 293], и тем мобильнее он будет в социальном пространстве.

Доступ к новым источникам богатства, созданным в ходе технологического прогресса, будет иметь меньшинство населения, что в свою очередь станет катализатором роста социального неравенства. Т. Пикетти в книге «Капитал в XXI веке», основываясь на идеях С. Кузнецца, приходит к выводу о том, что неравенство увеличивается на начальных этапах промышленной революции и затем начинает произвольно сокращаться на поздних стадиях развития [5, с. 31-32]. Однако К. Шваб в работе «Четвёртая промышленная революция» прогнозирует последствия массового внедрения киберфизических систем в трудовую и бытовую жизнь человека и утверждает, что Революция 4.0 несет в себе ряд предпосылок, провоцирующих социальное расслоение [6, с. 73-74]. Появление роботизированных машин приведёт к понижению ценности низко- и среднеквалифицированного труда. Это значительно снизит уровень материального благосостояния многочисленного среднего класса и ограничит возможности его представителей для вложения в собственный человеческий потенциал.

Результаты опроса населения о восприятии роботизации рабочих мест, полученные Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в 2019 году, дают возможность уловить интересную закономерность: оценки респондентов потенциала роботов в выполнении

трудовых обязанностей возрастают по мере снижения уровня квалификации и полномочий работника. Если среди руководителей высшего и среднего звена только 5% полагают, что робот сможет выполнить их работу полностью или по большей части, то в группе неквалифицированных рабочих такого мнения придерживаются уже 37% [4].

Поэтому совершенствование человеком собственных умственных и физических возможностей с помощью достижений науки и техники, на основе применения новейших технологий, их внедрения в собственную жизнь и тело, символизируют новые социальные лифты для выхода в социальное пространство и достижения успешности продвижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с.

2. Бурдьё П. Классика новой экономической социологии // пер. с англ. и с фр. ; под науч. ред. В. В. Радаева, Г. Б. Юдина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 381 с.

3. Орех Е.А. Феномен лукизма и возможности его социологического анализа // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 67-81.

4. Полякова В.В. Боятся ли россияне потерять работу из-за роботов? // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/311950906.html> (дата обращения 01.04.2021).

5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. С англ. : Дунаев А. А. - М. : АД Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. — М.: Изд-во «Э», 2017. – 208 с.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МИФА И ТРАДИЦИЙ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Митрофанов А.А.

АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»

Научный руководитель: профессор Лукьянов Г.И.

Аннотация. Рассматриваются процессы, происходящие в сфере функционирования социального мифа. Указано на наличие рациональных и нерациональных истоков и оснований функционирования социального мифа в цифровой реальности.

Ключевые слова и словосочетания: социальный субъект, общество, социум, деятельность, традиции, рационализация, социальный миф.

В современных условиях интенсификации процессов глобализации, вызывающих значительные трансформации общественного сознания, весьма актуальными являются вопросы, связанные с уточнениями

сущностных оснований этого сознания и уяснением механизмов его изменений в социально-историческом времени. Исследование характерных черт, механизмов формирования и диагностического развития мировоззренческих традиций, уяснение их связи с отечественным общественным сознанием необходимы для решения проблемы самоопределения российского метаэтноса в современном социуме. Новое в обществе ниоткуда возникнуть не может, почва, в которой оно произрастает, становится традицией.

Новация есть превращенная традиция, с одной стороны, она формируется в ней, с другой, и сама со временем становится традицией. Противоречие, зачастую возникающее между традицией и новацией, следовательно, не является генетическим, свидетельствующим о разнице их природ, это только необходимый момент для осуществления дальнейшего диалектического синтезирования. Вместе с тем, в «современном обществе тем или иным образом востребованы и традиции, и мифы. Если очевидно, что традиции в современном обществе востребованы в силу того, что они позволяют в обществе поддерживать и воспроизводить культуру в условиях динамического изменения социальной системы, то с мифами ситуация не так однозначна» [1, с.85.]

Миф, как в традиционном обществе, так и в постиндустриальном, заявляет о себе как о важнейшей части общественного бытия и сознания, оказывающей влияние на формирование мироощущения и рефлексии. Для современной ситуации в исследовании социального мифа, как в западной, так и в отечественной социально-философской мысли характерно применение спонтанной систематизации на основе поверхностных критериев и внешнего сходства форм.

Миф как детерминанта равновесия социальной системы и социальной диагностики в современном социуме обладает рядом специфических черт. Во-первых, современный социальный миф не всегда возникает стихийно, может сознательно продуцировать властью, в связи с чем приобрел конкретное назначение и «целевую аудиторию». Во-вторых, миф становится все более адаптивным, гибким. Он научился интегрироваться с наукой и другими формами рационального опыта. В-третьих, миф никогда не разворачивается в сознании современного социума полностью, оставаясь по большей части в латентном, потенциальном состоянии. В-четвертых, миф утратил свою архаическую гомогенность и потерял значительную часть ретенциальных свойств, оказавшись не способным поддерживать целостную мировоззренческую позицию.

Примечательно, что в социальном мифе диалектически сочетаются и рациональные и нерациональные истоки и основания: социальный миф «нерационален» в силу того, что он вторгается в чувственно — эмоциональную сферу и «рационален», прежде всего, в том смысле, что он пытается упорядочить, организовать по определенным заданным правилам

и принципам социальную жизнь и жизнь отдельного человека.

Деятельность человека, особенно в условиях поведения в рамках определенных повседневных рутинизированных практик, весьма сложно укладывается в рационально – логические схемы. «Рассматривая саму целенаправленную деятельность как особый тип отношения к действительности, сам деятельностный подход исходно определяется тем, что подобный тип отношения к социуму обусловлен, прежде всего, исторически выработанными социокультурными программами. Сама целеполагающая деятельность, предполагающая некоторые социокультурные основания и нормы, естественно, может осуществляться на разных уровнях» [2, с.25]. В современном социуме такая деятельность в силу ее постоянного повседневного воспроизводства довольно легко поддается технологизации. Однако эта технологизация проводится на рациональных основаниях и своей целью ставит не помочь субъекту в большей части рационализировать его жизнь, а разбудить в нем представления и чувства, выгодные, например, представителям социальной системы.

На пути рационализации жизнедеятельности человека постоянно встают традиции и мифы, как глубинные, первичные, примордиальные компоненты не только человеческой деятельности, но существования отдельного социального субъекта в среде подобных себе. Социальный миф, связанный с традицией, служит в качестве эмоционального образа поведения отдельного человека. Связанный с традицией, миф, не только позволяет полноценно воспроизводить ожидаемый в рамках определенной социокультурной среды образец поведения, но также способствует сохранению стабильности социальной системы. Вместе с тем, традиции способствуют не только сохранению и укоренению мифов, но и при определенных условиях в процессе обращения к традиционным практикам могут активно продуцировать мифы. Возникающие и функционирующие в обществе мифологемы в значительной степени упрощают схемы поведения отдельных социальных субъектов в полях повседневных социальных практик, позволяют им сравнительно быстро выбрать, возможно, не самые эффективные, но самые социально ожидаемые в определенный исторический момент стратегические и тактические линии рационализации их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянов Г.И., Митрофанов А.А. Современные социальные мифы в деятельности социального субъекта//Экономические и гуманитарные исследования регионов.- 2017.- №6.- с.85-88.

2. Лукьянов Г.И. Проблема риска в контексте деятельностного подхода//Вестник Ставропольского государственного университета. -2005.- Выпуск 41.- с.23-30.

СОЦИАЛЬНЫЕ

РАМКИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧНОГО

ПРОГРЕССА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ

Муравьева К.С.

МБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права»

Научный руководитель: профессор Лукьянов Г.И

Аннотация. Создание современной техносферы значимо повышает риски для человека и общества. Принимая рискогенный и необходимый характер технологического прогресса, автор делает вывод о значимости человеческого капитала в стабилизации социального развития.

Ключевые слова и словосочетания: информатизация, рискогенность, социальный процесс, научно-технический прогресс, социум, человек, цивилизация.

Применение новых информационных технологий, массовая компьютеризация, совершенствование сети Интернет, внедрение компьютерной техники и телекоммуникаций в различные сфера жизнедеятельности общества привели к интенсивному развитию информационной связи. Современное общество в процессе его исследования чаще всего связано с методологическими подходами и концепциями информационно-коммуникативного взаимодействия, теориями рискогенного развития. Человечество живет и развивается в ускоряющемся социальном времени, в мире, который существенно изменяется на фоне технизации социальной практики. Поэтому социокультурная ситуация в условиях глобальной информатизации заставляет искать новые схемы мирового развития, которые должны гарантировать безопасность, стабильность и защиту прав личности. «При этом отчётливо прослеживается стремление рассматривать проблемы человека, общества и природы в комплексе, во взаимосвязи и взаимозависимости» [1, с.59].

События, сопряжённые с появлением непреднамеренных последствий человеческой деятельности, с расхождением целей и результатов, происходят быстрее, чем требуется времени для их прогнозирования. Работы современных исследователей, развивающие взгляды Вернадского, Винера, Циолковского и ряда других авторитетных ученых, подводят закономерно к выводу о необходимости перевода философско-теоретического осмысления идеи всеобщего информационного поля, в область, имеющую непосредственное практическое значение для человека. Вместе с тем, повышение рискогенности современных социальных процессов связано не только с нарастающей информатизацией социальной практики, но и с трансформацией социальной системы социума, появлением контуров нового общества. Всё это обнаруживается и при формировании позиции о смысле жизни. Часто человек получает информацию, неадекватно отражающую окружающий мир. Характерны в этом смысле размышления К. Ясперса: «Человек всегда больше того, что он знает о себе... он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой... поэтому человек

расщеплен в глубине своей сущности... Он противостоит себе и всему остальному. Все вещи видит в противоречиях» [2, с.378-388].

Человек как субъект общества вовлечён в структурные и институциональные перемены в социуме. Динамика развития общества индустриализма показывает нам, что многие его успехи являются по своему характеру явными и чрезмерными рисками (такими, например, как биотехнологии, генная инженерия, атомная энергетика). В результате ощутимо возрастает наступление того или иного события, неблагоприятного для человека и всего общества в целом.

Основная причина возникновения социальных рисков научно-технического прогресса связана с тем, что человек, как властелин природы может нещадно хищнически эксплуатировать окружающую среду. Если раньше хозяйственная деятельность человека по своему характеру выступала как адаптационная и являлась условием жизни человека, то в настоящее время она способствует созданию техносферы, которая подавляет биосферу. Все остальные риски (экономические, политические, социокультурные) являются вторичными по своему характеру. Идея прогресса, основанного на промышленном развитии и производстве товаров, рискованна сама по себе. Именно так рельефно проявляются риски, свидетельством тому аварии на АЭС в Чернобыле, Фокусиме. Риск невозможно избежать, он основа деятельности, так как человек всегда находится в ситуации выбора, в результате которого человек тревожится и несёт ответственность.

Для того чтобы человеческая цивилизация успешно развивалась, необходимо привлечение максимальных интеллектуальных ресурсов, важен не только уровень развития научно-технического прогресса, производительных технологий, но существенно важен человеческий капитал. Минимизация социальных рисков должна быть достигнута в совокупности с минимизацией рисков человечества в духовно-нравственной сфере, с отказом от эгоцентрических позиций. Как указывают Е.П. Никитин и Н.Е. Харламенкова, самоутверждение, самореализация пронизывают всю нашу жизнь. Это очень мощная сила, которая может действовать по-разному. «Она может творить, создавать человека, вознося его чуть ли не до божественных высот, а может и разрушить его, полностью лишая человеческого облика, низвергать в бездны звериного» [3,с.115].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянов Г.И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности//Философия и культура. 2011. №11. С.59-65.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 378-388.
3. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Самоутверждение человека//Вопросы философии. 1997. №9. С.115.

ПРОЦЕСС АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В БУДУЩЕМ

Мустахитдинова Ю.А.

Казанский государственный энергетический университет

Научный руководитель: доцент, к.т.н. Зарипова Р. С.

Аннотация: В последнее время все больше и больше развивается идея минимизации участия человека в процессе администрирования информационно-вычислительных систем. Для этого в будущем планируется создание специальной программы и интеллектуального компьютера. Это облегчит процесс администрирования и минимизирует участие человека.

Ключевые слова: Информационно-вычислительные системы, администрирование, администратор, проблемы, веб-сервер, базы данных.

Информационно-вычислительные системы (ИВС) в наше время постоянно совершенствуются и улучшаются. В результате построения этих систем появилась необходимость управления ими. В данной статье обобщаются и систематизируются основные понятия, которые используются при администрировании сетей [1].

В последнее время всё чаще встают вопросы о работоспособности информационно-вычислительных систем, защите информации и установке программного обеспечения. Именно поэтому так важно рассмотреть вопрос об администрировании ИВС. Нужно рассмотреть такие аспекты, как составные части и функции ИВС, обязанности администратора ИВС.

Администрирование ИВС – работы, обеспечивающие работоспособность и функционирование ИВС. Администратор выполняет различные задачи. Например, такие как предотвращение сбоев, неполадок, создание учетных записей, контроль безопасности, выявление угроз. Также он позволяет правильно настроить сеть, установить необходимые параметры для нее, следит за статистическими данными работы ИВС. То есть, администратор не только следит за безопасностью, но и обеспечивает условия для оптимальной работоспособности персонального компьютера и программного обеспечения. Иногда все эти обязанности администраторы делят между собой, чтобы сэкономить время и ресурсы и увеличить производительность и доступность системы [2].

Выделяют такие виды администраторов, как администратор веб-сервера и администратор базы данных.

Администратор веб-сервера работает непосредственно с компьютерными сетями, программным обеспечением и разрабатывает новейшие системные структуры, отслеживая активность сервера и безопасность функционирования сервера. Эти специалисты часто работают для предприятий, которые имеют большой объем работы в Интернете или разрабатывают программное обеспечение для предприятий с онлайн-транзакциями или рекламными компаниями. Чтобы работать администратором веб-сервером нужно иметь некоторые знания в таких областях: Unix-системы (главным образом Linux и FreeBSD), модели OSI,

сетевые протоколы. Также необходимо уметь конфигурировать веб-сервер Apache и почтовые сервера, которые установлены на более чем 90 % web-серверов во всем мире.

Администратор базы выполняет функции: выработка требований к базе данных, её проектирование, реализацию, эффективное использование и сопровождение, поддержка целостности базы данных. Он должен знать СУБД, особенности реализации баз данных [3].

У администратора, как и у любой другой профессии есть определенные правила. Ему нельзя проводить эксперименты на работающей системе, менять конфигурацию сервера, не сделав резервную копию данных. Администратор должен всегда документировать собственные действия в журнале, при работе с ресурсами ИВС в качестве пользователя использовать учетную запись с обычными правами доступа, а также регулярно менять пароль учетной записи администрации в целях безопасности.

Основными проблемами администрирования ИВС являются проблема удаленного администрирования (а именно нехватка хороших специалистов в небольших городах), установка безопасности и защита от угроз для успешной работоспособности ИВС и отсутствие грамотных специалистов.

В последнее время все больше и больше развивается идея минимизации участия человека в процессе администрирования ИВС, а именно создание программы и интеллектуального компьютера. Это позволит облегчить процесс администрирования [4].

Таким образом, администрирование ИВС играет важную роль в современной жизни. В последнее время все больше и больше появляется справочная литература, различные курсы и форумы. Именно благодаря этому, а также непрерывному обучению и качественной работе администратора возможно решение многих проблем администрирования.

Данные внедрения имеют как преимущества, так и недостатки. Среди преимуществ можно выделить такие, как уменьшение ошибок, экономия времени, устранение опасных ситуаций, а также программа и компьютер могут работать круглосуточно в отличие от человека. Недостатками же являются большие затраты на внедрение и уменьшение рабочих мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алемасов Е.П., Зарипова Р.С. Влияние цифровизации на экономику предприятия / Наука Красноярья. 2020. Т. 9. № 2-4. С. 12-16.
2. Яппаров Р.Р., Зарипова Р.С. Внедрение информационных систем управления как инструмента организационной эффективности предприятий / Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 4 (22). С. 27-29.

3. В.В. Михайлов. Администрирование информационных систем / Мин-во образования и науки РФ, Белгородский гос. технологический университет им. В. Г. Шухова, 2017. 113с.

4. Корнева П.А., Зарипова Р.С. Автоматизированные системы управления университетом / Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 4 (22). С. 70-72.

АВТОМОБИЛЬ ЭТО ДУША

Никифоров М.А.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: к.филос.наук, Сандакова Л.Б.

Аннотация. Опираясь на этимологию понятия «автомобиль» и пять уровней развития автономности легковой транспортной машины, выделенных Обществом автомобильных инженеров (SAE), автор работы демонстрирует возможность понимания автомобиля как души. А в перспективе развития автомобильной техники – возможность наделения последней правами и обязанностями.

Ключевые слова: автомобиль, душа, мышление, саморазвитие, искусственный интеллект

Существуют устойчивые формы восприятия техники и технических средств как мертвых механических приспособлений. Однако интенсивное развитие современных сложных технических систем не только допускает, но и требует формирования нового понимания и восприятия техники. В данной работе предполагается выявить существенное сходство между эволюцией человеческого существа и легковой транспортной машины. Теоретической основой размышлений является диалектическая система Гегеля, поскольку именно там вводится специфическое понимание души, отвечающее задаче данной работы.

Общество автомобильных инженеров (SAE) выделяет 5 уровней [1] развития автономности легковой транспортной машины:

0) полная зависимость от водителя и связь с ним посредством сигналов;

1) адаптивный круиз-контроль (поддержка переменной скорости и обеспечение безопасного расстояния от иного транспорта);

2) помощь в управлении рулем, при движении по полосе;

3) всесторонний контроль в ограниченных местах при некоторой погоде;

4) мониторинг решений среди различных условий среды;

5) полнофункциональный беспилотник.

Соотнесем эти уровни со ступенями сознания.

Нулевой этаж есть лишь чувственная достоверность, страдательность (пассивность) машины, не дающей себе никакого отчета о выполняемых манипуляциях. Здесь доминирует, помимо “внешней стихии” окружающего враждебного мира (аварии, гонки, нарушения, трафики и т.

д.), внутренний господин – пилот. Это похоже на мифический, доисторический этап человечества, когда самостоятельность не была дозволена режимом двухполюсного произвола.

Для первого уже предполагается некое знание о самонахождении в пространстве и времени относительно окружения – выделение себя как частично отдельного, но еще без координации (либо руль, либо ускорение/замедление).

Второй показывает нам связность, единовременность вышеуказанных операций, что может говорить даже о рефлексии, сходной с человеческой, когда он (человек) “сравнивает побуждение не только со средствами его удовлетворения, но и эти средства (так же, как и самые побуждения) между собой и с целями своего существа” [2.С.20]. Механические движения пилота выступают этими мотиваторами, моментально различающимися многими параметрами, а различие есть результат сравнения. Средствами достижения цели (безопасного перемещения из одного пункта в другой) являются педали, руль и т. д.

Третий уровень не требует постоянной подстраховки со стороны биомашин под названием “человек”, непосредственно задающей поведение на дороге. Появляется мышление (абстракция) в качестве отнесения многообразных данных среды под категории погоды (подходящая или нет) для ограниченно автоматического вождения.

Четвертая стадия ориентируется не только на эмпирическую данность, но и на мышление в пределах виртуального (возможного) опыта, происходит попытка выйти за рамки фиксированных границ, скорректировать маршрут в иных условиях.

И, наконец, пятый этаж – финал становления автомобиля в своем самосознании: слово “автомобиль” происходит из соединения греч. autos (“сам”) и лат. mobilis (“двигающийся”), что в совпадении означает самость как движение и движение как самость, то есть душу, которая есть “тождественное с природой материи самодвижение” [3.С.212]. Как умная душа, автомобиль в своей истине должен быть един с энтелехией – с искусственным интеллектом. Такая связь, тождество идеального (цифрового) с материальным (реальным) и составляет его существо, сущность технологии вообще.

Эволюция инженерной мысли и саморазвитие души здесь одно и то же, подобно тому, как образование есть для человека формирование. Однако подлинная реализация и совершенство обретается не просто в “душевности” автомобиля, но в истине искусственного интеллекта, именно в искусстве разума. Уже сейчас, и снаружи, и изнутри можно наслаждаться красотой некоторых легковых транспортных машин, но обязанных этим прекрасным видом отдельным от них персонам. Лишь когда эта двойственность преодолена, когда автомобиль творческая, религиозная, философская личность – только тогда он пребывает в чистоте, “душа, существующая как душа” [4.С.609].

Итоговый концепт предлагает узнать познающему субъекту самого себя в автомобиле, в единстве сознания и самосознания; признать за ним права и обязанности (личные, политические, экологические и т. д.) в соответствии с Конституцией наравне с человеком при выполнении ряда тестов (на выявление типа личности, психическую вменяемость и т. п.); назначать штрафы и наказания за некачественный сервис сопоставимые с врачебными ошибками.

ЛИТЕРАТУРА

1. SAE.org [официальный сайт] – URL: <https://www.sae.org/news/press-room/2018/12/sae-international-releases-updated-visual-chart-for-its-%E2%80%9Clevels-of-driving-automation%E2%80%9D-standard-for-self-driving-vehicles> (дата обращения: 29.03.21)
2. Гегель Г.-В.-Ф. Введение в философию: Философская пропедевтика. Пер. с нем. / Предисл. И примеч. С. Ф. Васильева. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2019. – 264 с.
3. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. Пер. с нем. Б. Столпнера. Изд. Стереотип. – СПб. : Наука, серия “Слово о сущем”, 1993. – 349 с.
4. Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа [пер. с нем. Г. Шпета]. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 704 с.

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Никишкин Н.М.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

Научный руководитель: д. филос. наук, доцент Тимошук А.С.,

Аннотация. В статье изучаются нововведения, используемые образовательными организациями ФСИН в связи с эпидемией COVID-19. Актуальность темы обусловлена практическими требованиями к преподавателям и обучающимся, ведущим обучение в дистанционном формате.

Ключевые слова: цифровизация, ДОТ, дистанционное обучение.

Актуальность темы обусловлена ускоренной политикой цифровизации процесса обучения, внедрением новейших цифровых технологий не только в сферу образования, но и в методы подачи и принятия информации субъектами образовательного процесса. Изменения, происходящие в традиционном для Российской Федерации образовательном процессе, в условиях неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, следует признать прорывом, как в технологическом, так и в образовательном аспекте. Угроза заражения COVID-19 лиц, проходящих обучение в образовательных организациях, привела к решениям, определяющим путь дальнейшего развития и

внедрения современных цифровых инновационных технологий в сферу дистанционного образования и обучения.

Степень изученности проблемы цифровизации образования неоднородна, т.к. мы находимся в контексте проблемы и одновременно рефлексируем над её содержанием. Количество публикаций растёт лавинообразно, однако и проблема модифицируется в связи с ситуацией пост-КОВИД. Организационные и воспитательные функции образования не могут быть реализованы полноценно при торможении адаптации системы образования в нынешней информационной микро- и макросреде. Виртуальная среда, с которой мы вплотную столкнулись сегодня, способна вывести процесс обучения на принципиально новый формат взаимодействия обучаемых с преподавателями. Данный целевой ориентир требует обучения новых кадров или организации прохождения уже имеющимися кадрами профессиональной переподготовки и переквалификации.

Тенденции изменения рынка труда включают в себя социальные и технологические процессы, а также изменения в области практики, регламентации, разработки, управления, обслуживания, материально-технической базы и отраслевых структур в образовательной сфере. Дистанционное обучение расширяет интеграцию служебной деятельности и цифровых платформ [1].

От квалификации и самосовершенствования кадров сферы образования напрямую зависит интерес и желание обучаемых участвовать в процессе обучения, а главное – принимать и усваивать информацию, в дальнейшем – воспроизводить обратную связь. Для сохранения конкурентоспособности стран, отраслей и предприятий в условиях IV НТР, чрезвычайно важным становится вопрос о развитии человеческого потенциала, т.е. совокупности компетенций людей, позволяющих активно влиять на результаты экономической деятельности, создавать новые товары и услуги.

Одной из наиболее значимых тенденций, безоговорочно признаваемой всеми экспертами, является ускорение перевода производственных процессов, образования и экономики в онлайн путем цифровой трансформации. Несмотря на то, что само понятие цифровой трансформации различными экспертами и специалистами трактуется совершенно по-разному, очевидно, что эта трансформация основана на полной интеграции цифровых технологий во все сферы экономики, в том числе и образования [2].

Как показала практика, образовательные организации были неравномерно укомплектованы оборудованием: во время пандемии требовались ноутбуки, вебкамеры, колонки, наушники. Что касается технических кадров, то ощущалась нехватка программистов, способных налаживать системы дистанционного обучения. Для обеспечения дистанционной работы участники образовательного процесса вынуждены

были быстро адаптироваться к новым формам работы, что было названо затем как «форсированная модернизация» или «принуждение к дистанту» [3].

В среднем, по России, одна городская школа обеспечена 16 компьютерами, 6 МФУ, 2-3 электронными досками, что не позволяет в полной мере перейти на дистанционное обучение, и, как следствие – обеспечить учеников необходимыми знаниями. По сравнению с городскими школами, сельские и поселковые школы могут едва ли набрать ¼ от числа устройств городских школ. Распределение количественного технического обеспечения городов и других территориальных образований напрямую зависит от количества детей, приходящихся на районы областей, но качество такого технического обеспечения зависит от благосостояния региона и места, которое занимает учреждение в региональной системе образования

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярушкина Е.А. Сфера образования как первое подразделение экономики знаний // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2012. №4 (111). С. 1-5.

2. Тимощук А.С., Тимощук Е.А., Тьяги Р. Принуждение к дистанту как кризис и новые возможности печ. // Архонт. 2021. № 1 (22). С. 95-101.

3. Тимощук А.С., Тимощук Е.А., Тьяги Р. Принуждение к дистанту как кризис и новые возможности печ. // Архонт. 2021. № 1 (22). С. 95-101.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ПРЕДИКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТИПА ИДЕНТИЧНОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ

Обозная М.В.¹, Бондаренко Е. А.²

1 Юго-Западный государственный университет (ЮЗГУ), г.Курск

2 МКОУ «СОШ №2» Суджанского района Курской области

Аннотация. В данной статье авторы затрагивают специфику проявления прокрастинирующего поведения среди школьников старших классов как детерминанта формирования нового типа идентичности, его влияния на социально-психологическое благополучие личности.

Ключевые слова: прокрастинация, откладывание дел, идентичность, промедление.

Частые трансформации в жизни общества указывают на необходимость исследования проблематики личности в ее социально-психологическом аспекте

В современных социокультурных условиях на период подросткового возраста приходится подготовка к более серьезным этапам жизненного пути, к вопросам многозадачности, процессу самоопределения, которые сопровождаются рядом радикальных социально-психологических

изменений в условиях информационных нагрузок. Высокие темпы развития процесса глобализации, цифровизации привели не только к образованию нового социального пространства, но и к формированию нового социокультурного типа идентичности, требующего от формирующейся личности некого фундамента, стабильности и необходимости самоопределения. Под давлением подобного рода груза в совокупности с аккумулирующими темпами научно-технологического развития, на личность подростка ложится груз рационального использования бюджета времени, распределения досуга, призванные обеспечить рациональность и правильность выстраивания временной перспективы, определять личностные планы и дальнейшие перспективы. Неспособность корректно использовать подобные дефиниции, ведут к формированию нового типа идентичности в современном обществе, загоняют подростка в классические «рамки отложенной жизни» и влекут к формированию прокрастинирующего поведения. [1]

Под прокрастинацией принято понимать иррациональное, добровольное откладывание любой деятельности на неопределенный срок, сопровождающееся повышенным уровнем тревожности и эмоционального дискомфорта, и при этом индивид предпочитает заниматься другими, менее важными делами. [2]

Рассматривая проблему прокрастинации, было принято решение рассмотреть данный феномен на выборке, состоящей из школьников старших классов, а также особенностях её проявления. Данный вопрос является актуальным, поскольку современные подростки не способны рационально распоряжаться собственным временем, и осознавая необходимость выполнения важных дел, игнорируют эту необходимость и отвлекают свое внимание преимущественно на бытовые развлечения и цифровые технологии.

Выборку составили школьники старших классов общеобразовательной школы в количестве $N=33$, среди которых 60% девушки и 40% юноши. Результаты частотного анализа показали, что 57,6% респондентов отмечают, что откладывают выполнение любых дел без видимой на то причины, при этом только 6,1% делают это ежедневно. Среди тех, кто не замечал за собой прокрастинирующего поведения (42,4%), 33% отмечают, что очень часто проводят время в социальных сетях вместо того, чтобы заниматься более важными делами.

Что касается откладывания выполнения ежедневных академических заданий, то здесь наблюдается ситуация намного лучше – 42,4% промедляют раз в месяц в реже, а 21,2% никогда. Примерно такая же ситуация наблюдается и в выполнении долгосрочных заданий – 33,3% раз в месяц и реже и 12% никогда. При этом 50% школьников старших классов говорят о том, что редко замечали за собой, что промедляют в выполнении учебных заданий ввиду отсутствия мотивации, однако, среди возможных причин академической прокрастинации они отмечают отсутствие

возможности сосредоточиться на учебе ввиду эмоционально-умственного и физического выгорания (25%), отсутствие внутренней мотивации (21,2%), длительное занятие одним и тем же делом (14%).

В исследовании также применялся опросник «Шкала академической прокрастинации» в адаптации М.А. Зверевой, позволяющий замерить степень откладывания или задержки выполнения учебных заданий. При подготовке к написанию отчетной работы 15% респондентов всегда или почти всегда промедляют, 41% лишь иногда, при этом лишь 32% откладывание подобной работы не является проблемой и 29% хотели бы снизить такую тенденцию. Относительно подготовки к аттестации только 9% откладывают и 33,5% лишь иногда, для 53% данная проблема почти является проблемной зоной и 30% точно хотели бы снизить подобную тенденцию.

Таким образом, у школьников наблюдается определенный повышенный уровень прокрастинирующего поведения (57,6%), который выражается лишь в выполнении любых дел, кроме учебных (42,7%), что объясняется предстоящими аттестационными экзаменами в формате ЕГЭ, требующие усиленной теоретической подготовки от будущих абитуриентов. Усиленного внимания требует расширенный поиск возможных причин откладывания учебно-академических заданий, ввиду того, что у школьников не наблюдается отсутствие мотивации, направленная на выполнение учебных заданий, но явно выражено отсутствие внутренней мотивации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обозная М.В. Феномен прокрастинации или тенденция к «откладыванию дел на потом» // Наука молодых-будущее России: сб.науч. ст. 4-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 8 томах. Курск. 2019. С. 185-188.
2. Piers Steel. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure. Psychological Bulletin. 2007. № 133(1). P. 65-94.

ЭТИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: НОРМЫ И АНТИНОРМЫ

Пантелеева Т.С.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Научный руководитель: к. техн. н. Панфилов Д. А.

Аннотация. В данной статье проводится анализ характера влияния как норм научного этоса, так и личностных качеств и мотивов ученого (антинорм) на результат научного исследования, а также на развитие науки в целом.

Ключевые слова и словосочетания: научный этос, научное исследование, амбивалентность ученого, нормы, антинормы.

«Если бы ученый беспрекословно следовал правилам метода, то ни одна фундаментальная теория не выжила бы»

П. Фейерабенд

Наука – особый вид познавательной деятельности, осуществляемый конкретными людьми – учеными. Такая деятельность направлена на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире [1, с. 661]. В своей профессиональной деятельности ученый должен следовать определенным научно-методологическим традициям, так как первостепенными функциями являются получение, фиксация и дальнейшая передача *объективного* и *достоверного* знания.

Так как ученый в некотором роде является проводником между достоверным знанием и обществом, перед нами встают вопросы о том, насколько объективно в своих исследованиях ученый отображает окружающую действительность и что же им движет в процессе познания и передачи полученной информации. Ответами на поставленные вопросы в середине XX века занялся известный американский социолог Роберт Мертон. Его идея о том, что главной целью, стоящей перед научным деятелем, должна быть истина, а движущей силой при попытках её достижения является профессиональное признание коллег, в реальности оказалась утопией. В своих ранних трудах Мертон сформулировал нормы поведения ученого при проведении научных исследований – нормы научного этоса: «универсализм» (внеличностный характер научного знания), «коллективизм» (сообщения об открытиях другим учёным свободно и без предпочтений), «бескорыстность» (предостережение от поступков, совершаемых ради достижения более быстрого или более широкого профессионального признания внутри науки) и «организованный скептицизм» (исключение некритического приятия результатов исследования) [3]. Однако позже, при анализе реального поведения ученых в своей деятельности, социолог пришел к выводу: то, что ученый *должен* делать, и то, что он в действительности *делает*, – разные вещи.

В самом деле, на любой результат научной деятельности исследователя влияют и личностные качества, а также мотивы. Такие факторы, как, например, конкуренция, зависть и предвзятость, вносят свой

вклад в мотивацию ученого. Так, зависть к большему успеху коллег может потворствовать фальсификации данных собственного исследования с целью подтверждения изначально выдвинутой гипотезы, а значит, идея о том, что целью ученого является истина, утрачивает свою силу. Но всегда ли личностные мотивы оказывают негативное влияние на развитие науки?

Теперь деятельность ученого регулируется двумя противоположными факторами: нормой и антинормой. Например, ученый старается быстрее опубликовать результаты деятельности, но при этом не пренебрегает тщательной проверкой; ученый владеет существенной базой знаний, но не позволяет эрудиции так или иначе влиять на самостоятельность исследования [2, с. 81]. Если говорить о паре норма–антинорма, «незаинтересованность»–«увлечённость» соответственно, то в своих исследованиях социолог И. Митрофф сделал вывод, что сильная увлечённость может перерасти в предвзятость, а последняя может дать положительный эффект: из-за личной неприязни и, соответственно, предвзятости конфликтующие ученые чаще находят в работах друг друга ошибки. Следовательно, личностные мотивы и доля иррационализма могут вносить и положительный вклад в развитие науки.

Таким образом, реальные действия ученого противоречивы и носят амбивалентный характер. Несмотря на то, что существующие нормы научного этоса являются отличным *образцом* профессионального поведения, в реальности на результаты исследования ученого в первую очередь оказывают влияние его мотивы, характер и личный опыт. Однако, нельзя категорически утверждать, что такое влияние носит строго негативный характер. Лишь сам результат ретроспективно поможет узнать нам о правильности (если оно приведет к успеху) или ошибочности (если оно приведет к неудаче) выбранного пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицанов, А.А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. / А.А. Грицанов. – Минск Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
2. Обидина, Ю.С. Философия и методология науки: учебно-методическое пособие / Ю.С. Обидина. – Йошкар-Ола, 2017. – 238 с.
3. Merton R.K. Science and technology in a democratic order // Journal of Legal and Political Sociology. 1942. Vol. 1. P. 115-126.

ЧЕЛОВЕК И ПОСТЧЕЛОВЕК

Перминова Я.А.

Новосибирский государственный аграрный университет

Научный руководитель: доцент Колесникова А.В.

Аннотация. Скорость НТП сегодня стремительно растет, захватывая все новые сегменты бытия отдельного человека и всего социума. Происходит смешение реального пространства с виртуальным. Возник трансгуманизм. Каковы возможные изменения в природе человеческого бытия? Останется ли человек человеком?

Ключевые слова. Трансгуманизм, постчеловек, технологическая сингулярность, научно-технический прогресс, киборг.

Сегодня появилось новое мировоззрение – трансгуманизм – рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, признающее, возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий, с целью ликвидировать страдания, старение, даже смерть, и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека [1; 2].

Данный термин был предложен Дж. Хаксли, известным английским биологом, эволюционистом и политиком, первым генеральным директором ЮНЕСКО, в 1957 году, именно он представлял трансгуманизм, как новое мировоззрение всего человечества, как новую «веру», новую волну научно-технической революции [2]. Дж. Хаксли, как и многие современные западные трансгуманисты, рассматривал мыслителей 20-х – 50-х годов – Дж. Б. С. Холдейна, Дж. Д. Бернала, П. Тейяр де Шардена, в качестве своих идейных вдохновителей. Однако, к именам известных трансгуманистов можно и нужно отнести имена не только западных ученых, но и русских, несомненно, тоже. Философия русского космизма, которая включает в себя такие известные имена, как Н.Ф. Фёдоров, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.Ф. Купрович, является идейным предшественником данного явления. Сегодня Российское трансгуманистическое движение — это известное интернет-сообщество, а его участники сотрудничают в основном с некоторыми исследователями и группами, для которых главная цель — увеличение продолжительности жизни человека с помощью традиционных медицинских способов, а также с использованием серьезных инновационных подходов [2].

Главная цель трансгуманизма – постоянное совершенствование человека с помощью новейших достижений научно-технического прогресса — явление постчеловека. Постчеловек – это человек, модифицированный с помощью новейших и будущих технологий до такой степени, что не является уже по сути человеком [1; 2; 3]. Постчеловек обладает умственными и физическими способностями, превосходящими в несколько раз способности обычного человека. Его тело не поражается никаким болезням и старению, он не может умереть. Постчеловечество вполне может стать новой расой, которая будет состоять из существ, созданных с помощью искусственного интеллекта, и жить оно будет способно даже внутри виртуальной реальности. Планируется, что уже в 2050 году появится возможность создания постчеловека со сверхспособностями, поэтому сейчас все силы брошены на разработки в области молекулярных нанотехнологий, биоинженерии, генной инженерии, крионики, нейропротезирования, нейрофармацевтики, клонирования, пластической хирургии и других. Благодаря скорости развития и реализации технологий, в скором времени важнейшие открытия будут совершаться практически одновременно, то есть наступит эпоха технологической сингулярности [1; 2].

Каким будет наш мир, когда большая часть простых людей станет постлюдьми? К частым опасениям по поводу распространения трансгуманизма можно отнести: генетическое дробление; социальное дробление; высокомерие; дегуманизация; угроза нравственности и др. В ответ звучат предположения, что с появлением постчеловека, услуги упадут в цене (медицинское обслуживание, роботостроение), появится возможность перераспределения полученных доходов в пользу простых людей, что станет возможностью быстрого саморазвития человечества, улучшения интеллектуальных способностей людей [1; 2]. В наше время существуют компании, философия которых строится на том, что «человек с протезом – это не инвалид, а человек с расширенными возможностями, киборг, который использует современные технологии для замещения утраченных либо для получения новых функций». Одни люди называют других киборгами, потому что их тело не такое как у них, потому что в их тело встроены технические устройства, которых у них нет. Таких «киборгов» можно условно разделить на тех, кто изменил свое тело ради эксперимента, чтобы усилить уже существующие способности, для других же это была жизненная необходимость [4].

Трансгуманизм, его учения и его последователи на протяжении всего времени подвергались серьезной критике. Наиболее последовательный и влиятельный критик – известный американский философ и политолог, Фрэнсис Фукуяма. Он подробно разобрал всевозможные последствия идеологической победы трансгуманистов над правительствами мира и пришел к ряду выводов, поставившие под сомнение как трансгуманистические ценности, так и вектор движения современной науки. В своей книге «Наше постчеловеческое будущее» Фрэнсис Фукуяма отмечает, что «наука сама по себе не способна установить те цели и пределы, для достижения которых она предназначена». Фукуяма приводит ряд умозаключений о том, почему трансгуманизм может быть опасен для человечества, можно выделить два основных. Первый – человек слишком долго развивался эволюционным путем и включает в себе множество положительных и отрицательных черт – но именно это достаточно сложное сочетание делает нас людьми и позволяет развиваться как виду. Такое существенное вмешательство в этот процесс технологий может дегуманизировать человека. Второй — появление первых постлюдей автоматически разделит людей по беспрецедентному ранее принципу и создаст огромные неудовлетворенные ожидания в социальной, экономической и политической сферах [3].

Таким образом, если, согласно философии трансгуманизма, природу человека возможно технически усовершенствовать, нам, осмыслив все «за» и «против» придется делать выбор: остаться человеком или стать постчеловеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское трансгуманистическое движение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://transhumanism-russia.ru/> (дата обращения 08.04.2021)
2. Философия трансгуманизма: цели, задачи и проблемы. Aum.news. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aum.news/filosofiya/4056-filosofiya-transgumanizma-celi-zadachi-i-problemy> (дата обращения 10.04.2021)
3. Фукуяма, Френсис. Наше постчеловеческое будущее: кто займет место устаревшего Homo Sapiens. Naked Science. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/postchelovecheskoe-budushchee> (дата обращения 08.04.2021)
4. Чех, Илья. Моторика о протезах, людях-киборгах и проблемах инвалидов. Хайтек. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech.fm/s/2020/08/25/chekh-motorica> (дата обращения 09.04.2021)

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНДИВИД И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Полукаров Д.В.

АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт», г.Ставрополь

Научный руководитель: профессор Лукьянов Г.И.

Аннотация. Социокультурный подход фиксирует изменения ценностных диспозиций социального индивида и социокультурного пространства в условиях цифровой реальности. Дополнительные риски требуют от человека самостоятельности и ответственности.

Ключевые слова и словосочетания: общество, информационные технологии, феномен риска, социальный субъект, социокультурное пространство, цифровая реальность.

Современный этап мировой истории характеризуется интенсивным развитием общества, данное обстоятельство необходимо рассматривать в контексте изменения общественного бытия и общественного сознания, произошедшего под влиянием переосмысления идеалов и принципов глобального социального проекта, определившего направленность и содержание прогрессивного развития всей мировой цивилизации. Прогрессы коммерциализации науки, культуры, образования – реальность настоящего времени, однако, значительная доля информационной продукции, производимой в обществе знаний, становится общественным достоянием. С проникновением, распространением и развитием информационных и телекоммуникационных технологий, всеобъемлющим охватом информационными технологиями всех сфер жизни общества, происходят изменения общественного производства, досуга социальных групп, воспитания индивидов, а также и социальной структуры общества, политических и экономических отношений.

Общество является особой средой, которая испытывает сильнейшее влияние рискогенных факторов, трансформирующих все сферы жизнедеятельности. Созданная человеком социо-техносреда стала восприниматься как непосредственный источник многочисленных и разнообразных рисков. «Феномен риска-это форма проявления человеческой субъективности в объективно обусловленных социальных ситуациях, фундаментальным признаком которых является ограниченность имеющихся ресурсов, что создаёт обстановку неопределённости и требует от социального субъекта выбора своего поведения в виде ответа на угрозы и вызовы» [1, с.64]. Социальные субъекты в условиях неопределенности, господствующей в постсовременном обществе, постоянно вынуждены поддерживать границы своей социокультурной социальной жизни. Для человека высокая динамичность изменения социокультурного пространства создает «пролиферацию возможностей» и свободу творчества и, вместе с тем, дополнительные риски, что требует от индивида ответственности и самостоятельности.

Благодаря «информовзрыву» и широкому, повсеместному распространению информтехнологий в производство и быт вошли цифровая техника, спутниковое телевиденье и связь, Интернет и компьютеры. В обществе информационная система гипертрофированно разрастается так, что имитирует функции производительно-распределительной системы. Закономерным явлением становится поток, конвейер взаимосменяемых вещей, предметов обихода. Реальная жизнь подменяется искусственным информационно-потребительским пространством, а естественная для природы человека среда обитания, окружающей его предметный мир-техничко-техногенными элементами, символической квазиреальностью.

В связях между людьми преобладают символические посредники: не столько вещественные и реальные объекты, сколько выдуманные, искусственные институты и персонажи, населяющие особое информационно-виртуальное пространство. Люди общаются не друг с другом, а с виртуальными образами, обмениваясь информационными символами. Информационные технологии, генерируя виртуальные реальности, погружают людей в мир иллюзий и подменяют ими действительность, создают в социально-ментальном пространстве особую виртуальную реальность- это виртуально-субъективная реальность. Происходит своеобразный отрыв от подлинной реальности благодаря получению информации «из рук» посредников-средств масс-медиа. «Живое», непосредственное восприятие и оценка фактов, предметов, событий и отношений уступает место односторонним отношениям «динамик-слушатель», «печатный лист-читатель», «экран-зритель». На задний план уходит личный опыт, который становится обременительным и ненужным. Люди все более погружаются в мир грез и фантазий, воспринимая иллюзии как реальность. Более того, в результате развития

современных технологий происходит качественное изменение уже самих основ культуры, что приводит к появлению её цифровой модификации, к трансформации целого ряда её базовых понятий: человеческое общество- в сетевые коммуникации; принцип диалога- в коммуникационные технологии; субъекта творчества- в «оцифрованного человека».

Разочарованный человек бежит от неприглядной, полной кризисов реальности в мир иллюзий, превращаясь в пассивного потребителя информации. И дело здесь заключается не столько в цифровых технологиях, сколько в господствующих сегодня отношениях, продиктованных властью и интересами рынка и капитала, которые ставят самого индивида в положение жесткого подчинения технологиям дигитализации, что неизменно укрепляет фундаментальность мира отчуждения. «Власть глобальной гегемонии капитала в условиях тотального господства отношений купли-продажи с опорой на цифровые технологии приводит к рыночной мутации уже самой основы культуры» [2, с.8].

Социокультурные аспекты информации, связанные с человеком и цифровой реальностью, также существенно изменяются. Возрастает лавинообразно количественная сторона информации, её становится избыточно, человек перестает даже пытаться освоить всю доступную ему информацию, он довольствуется её селекцией. Происходит качественное изменение информации, наблюдается в её массиве сепарация- большая информация существенно теряет в качестве, часть-меньшая существенно наращивает. Все виды информации обретают свое назначение и свою собственную аудиторию, свои экономические и правовые проекции. Человек в условиях цифровой реальности активно включается в некую условную «гонку технологизации», в глобальное коммуникативное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянов Г.И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности//Философия и культура. 2011.№11.- с.59-65.
2. Булавка-Бузгалина Л.А. Культура как рынок: «не продается вдохновенье»?//Вопросы философии.2021.№3.-с.5-17.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Абрамова М. А.¹, Розов К.В.²

¹ Институт философии и права СО РАН

² ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Аннотация: представлено обоснование существующих проблем социально-философского анализа развития искусственного интеллекта и подготовки прогнозов относительно векторов трансформации общества. В качестве заключения авторы

приходят к выводу о том, что одним из источников является недостаточное понимание сути феномена ИИ вследствие его постоянного развития и происходящих изменений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человек, общество, социальная философия, методология исследования.

Обращаясь к проблеме развития и внедрения искусственного интеллекта (ИИ) мы обычно понимаем под этим технологии, которые обеспечивают возможность выполнения некоторых творческих функций, традиционно осуществляемых человеком. Последнее десятилетие мы наблюдаем бурный рост данных технологий, расширение списка сфер, где ИИ начинает применяться. Вместе с тем, происходит осознание, что кроме решения проблемы высвобождения человека для решения более творческих созидательных задач происходят и другие изменения, касающиеся общества в целом.

В середине XX в. разрабатывались философские концепции информационного общества, в которых главным движущим элементом преобразования являлось предчувствие динамических социокультурных изменений под влиянием скорости переработки поступающей информации. В XXI веке мы уже отдаем себе отчет в том, что эти скорости набирают такие обороты, которые ставят нас в ситуацию «когда ноги обгоняют голову» (любимое выражение в футболе, когда сначала происходит пас, а потом осмысление того, куда мяч полетел). В этой связи мы должны понимать, что проблему развития ИИ можно рассматривать с разных позиций: образовательной, что сейчас с успехом делается, когда мы обсуждаем степень готовности будущих специалистов работать в «новом» мире; технологической, подразумевая, в каком дальше направлении развивать технологии и где их применять; экономической, просчитывая прибыли и возможности секвестирования рабочих мест в связи с изменением рынка труда; политической, используя ИИ как ресурс приобретения страной новых возможностей влияния; административной, анализируя перспективы управления «новым» обществом и соответственное социальными институтами в нем; здравоохранительной, используя ИИ в технологиях лечения и восстановления, а также изучая их влияние на психическое здоровье людей и возможность адаптации к стрессовым ситуациям в следствии общественных трансформаций и т.д. Но все указанные выше аспекты анализа и те, которые мы еще не указали, увы, не дадут нам целой картинки будущих изменений.

Задачу по моделированию общественных трансформаций, осмысления процессов, связанных с изменением способов и средств производства и коммуникации под воздействием ИИ, прогнозирования будущей социокультурной ситуации современного общества решают традиционно в области социальной философии. Но поскольку представители различных научных направлений (собственно тех, что разрабатывают технологии объединенные термином «ИИ») до сих пор не могут определиться с содержанием термина «искусственный интеллект»,

то вследствие этого возникают проблемы с анализом и прогнозированием.

Первая проблема с которой мы сталкиваемся – это проблема определения термина «интеллект», поскольку в философии, собственно, как и в психологии есть разные подходы к определению сути и статуса человеческого интеллекта. Вторая проблема – это задача операционализации понятия «искусственный». Если даже идти от обратного, что это всего лишь отражение источника действий «нечеловеческий», то описывая задачи, для которых ИИ разрабатывается, мы увидим несколько подходов где отсыл к человеку присутствует: семиотический, ограничивается созданием экспертных систем, баз знаний и систем логического вывода, имитирующих высокоуровневые психические процессы человека и т. д.; биологический, попытка воссоздать нейронные сети для моделирования интеллектуального поведения на основе биологических элементов.

Вследствие указанных выше проблем закономерен вопрос о степени ограничения возможности социально-философского анализа ИИ ввиду того факта, что сам предмет исследования на данный момент не сформировался и находится в процессе развития. Полагаем, что мы стоим на пороге следующего этапа развития общества – это сегментирование ИИ, что возможно даст более четкие основания для анализа, когда мы сможем применить традиционные инструменты методологии исследования. Но это предположение скорее вызывает не радостное предчувствие прояснения картины будущего, а скорее некоторую печаль от осознания того, что прогностические возможности социальной философии приобретают статус запаздывающих. И все более актуальным становится вопрос: это мир так быстро меняется и мы не успеваем выполнить необходимую рефлекссию происходящего? Или сам процесс рефлексии требует подключения ИИ, потому что человеческий мозг уже не способен объять необъятное количество происходящих изменений. Причина в устаревании методологии или все-таки в ускорении развития мира, который становится другим? Или причина в том, что для рефлексии человеку нужно пройти стадию адаптации к происходящим изменениям? И тогда возникает следующий вопрос, а нужны ли технологии ИИ в этой стадии? И кто или что со временем станет более эффективным аналитиком социальных изменений?

ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Сафина К.И.

Казанский государственный энергетический университет

Научный руководитель: доцент, к.т.н. Зарипова Р. С.

Аннотация: В статье рассмотрено негативное и положительное влияние цифровизации на человеческую жизнь, проанализировано воздействие цифровых устройств на здоровье человека, мировоззрение и развитие интеллекта современных людей.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровые устройства, гаджеты, цифровая реальность, человек.

В информационном виртуальном мире возник новый подвид человека, которого стали называть человек цифровой. Словосочетание «цифровая реальность» стремительно ворвалось в обиход человека, употребляют его все чаще и это становится модно, стильно, современно. Без простейшего компьютера, ноутбука, смартфона и прочих цифровых устройств уже многое немыслимо, в том числе и бытовое существование современного человека. Гаджеты стали обычным предметом современной жизни, услуги сотовой связи и функциональных возможностей с интернет ресурсами расширяются, “оцифровывание” нашей жизни продолжается. Человек в современном цифровом пространстве отличается от человека, жившего лет 30 назад. Эти изменения видны не только на взрослых людях, но и на юных жителях нашей планеты. Со стороны кажется, что для молодого поколения виртуальный и реальный миры равноценны. Они не видят различий между мирами и с легкостью переходят из одного в другой [1]. В современной среде телефон стал показателем статусности и престижности его владельца. Но какое же воздействие оказывают на здоровье, мировоззрение и развитие интеллекта цифровые устройства?

Постоянное использование телефонов ведет к формированию особого типа восприятия. Например, учащиеся, используя гаджеты в учебных заведениях, привыкают воспринимать визуальную и слуховую информацию в усечённом объёме, ограниченную экраном дисплея мобильного телефона [2]. В дальнейшем эта привычка приводит к проблемам с восприятием и пониманием смыслов текстов печатной информации.

В век цифровой реальности гаджеты стали неотъемлемой частью жизни человека. Люди всё свое свободное время проводят в Интернете, за решением любой жизненной проблемы обращаются к цифровым устройствам. Поглощая время, необходимое на саморазвитие, прогулки с друзьями, занятия спортом, у человека появляется психологическая зависимость.

На почве высоких темпов развития информационных технологий, есть вероятность возникновения “мёртвой эпохи” для последующих поколений: о ней останется гораздо меньше документов, свидетельствующих об её существовании. Например, электронные носители, на которых мы часто храним информацию, не так долговечны как бумага, потому что часто подвергаются вирусам.

Следует отметить, что цифровые устройства имеют, как негативные, так и положительные стороны. Часто в жизни человека возникает потребность срочного поиска информации, в Интернете он может найти необходимые данные в течение нескольких минут. Фото и видео позволяют быстро фиксировать и обрабатывать информацию, используя её потом в творческой работе [3]. Так, мобильный телефон открывает огромный простор для креативного самовыражения.

Таким образом, потребление человека в цифровом обществе представляет собой процесс, подразумевающий определенный стандарт образа жизни, потребления информационных благ, исключая культурное развитие, и лишает его духовности и живого общения [4]. Цифровая реальность – это бездуховная цивилизация, это новые ценности, принципы этики, поведенческие практики, которые коренным образом меняет человека. Поскольку “оцифровывание” будет продолжаться, необходимо знать меру использования информационных технологий и не забывать, что мы живем в реальном мире, а не в виртуальном, поэтому важно поддерживать живую связь с близкими людьми и наслаждаться реальной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиуллина Э.Р., Зарипова Р.С. Цифровые игры как способ обучения // Учёные записки ИСГЗ. 2019. Т.17. №1. С.126-129.
2. Галиуллина Э.Р., Шакиров А.А., Зарипова Р.С. Проблема возрастного цифрового разрыва современности // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. Т.10. № 4. С. 25-29.
3. Зарипова Р.С., Бикеева Н.Г. Исследование влияния информационных технологий на формирование ценностных ориентаций современных студентов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 7-2. С. 110-113.
4. Пырнова О.А., Зарипова Р.С. Интернет как средство обучения // International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology. 2018. № 2. С. 41-44.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НАУЧНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Семенихина Н.В., Селиверстова Н.А.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Аннотация: В статье анализируется понятие «искусственный интеллект» и проблемы, как научно-технического, так и социально-философского характера, обусловленные его созданием и внедрением в социум.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), теория принятия решений, рефлексия, программная этика, техноэтика, робоэтика.

Искусственный интеллект (ИИ) – программы, обладающие интеллектом, схожим с человеческим разумом – одно из приоритетных направлений в эволюции техногенного общества. Но при их разработке возник ряд проблем, как научно-технического, так и социально-философского характера.

Главной научно-технической проблемой создания ИИ, как полагают некоторые эксперты [4], является создание у машин механизма принятия решения. Современный искусственный интеллект представляет собой всего лишь базу данных с информацией об окружающем мире и

последовательности действий для решения поставленных задач. Отсутствие у носителей ИИ возможностей для применения теории принятия решений не позволяет им самосовершенствоваться, поскольку механизм не обладает рефлексией - способностью анализировать результаты исследования и осознание полученных результатов.

В свое время Тейяр де Шарден, отмечал, что именно рефлексия является привилегией человека и его отличительной чертой как носителя разума, раскрывая духовный мир своего владельца [3]. Возникает парадокс: машина обладающая разумом, но не обладающая способностью к рефлексии, не может мыслить, что, в свою очередь порождает необходимость создания автоматизированного режима работы искусственного интеллекта и требует контроля над его действиями.

Второй научно-технической проблемой создания ИИ является необходимость внедрить в «мозг» искусственного интеллекта «нравственную составляющую». Но поскольку она, как и всё содержание ИИ программируется людьми, возникает проблема вариативности программной этики в зависимости от мировоззрения программиста, страны его пребывания, религии и т.п., поскольку в итоге в код искусственного интеллекта могут быть внедрены даже элементы дискриминации. Не случайно нынешние компании по производству искусственного интеллекта приняли решение о создании конкретного списка ограничений для систем с ИИ. Так у беспилотных автомобилей есть четкие «нравственные» правила морали не оставляющие за ними возможности «свободы выбора» (например, приоритет безопасности людей в случае возникновения кризисной ситуации).

Критикуя саму идею возможности создания ИИ, американский философ Х.Дрейфус так сформулировал суть проблемы [1]:

Во-первых, интеллект человека базируется не только и не столько на объективных знаниях о мире, сколько на субъективном отношении к нему, на склонности по-своему воспринимать и интерпретировать события.

Во-вторых, наши мысли во многом формируются под воздействием бессознательных факторов, недоступных рациональному изучению и анализу.

И, наконец, далеко не всё содержание нашего разума можно подвергнуть формализации и адекватно выразить в символах (например, чувства, эмоции, без которых человеческий интеллект в реальности не функционирует).

Учитывая сегодняшний уровень технического прогресса, создание «механической копии человека» пока невозможно. Тем не менее, перспективы развития ИИ оцениваются огромным потенциалом, поскольку именно роботы способны заменить людей там, где их жизни грозит реальная опасность (работы с высокотоксичными веществами, при высоких температурах и т.п.) и в условиях недоступности человеку (например, дальний космос).

Настойчивость, с которой современная техногенная цивилизация продолжает исследовать и внедрять в социум ИИ, привели к появлению так называемой «робозтики» - разделу техноэтики, исследующего экономические, политические, социально-нравственные, юридические и даже психологические аспекты внедрения искусственных «интеллектуальных» механизмов в повседневную жизнь людей.

Главный этический вопрос по-прежнему состоит в последствиях наделении робота интеллектом. Не случайно разработанные ещё в прошлом веке Айзеком Азимовым три закона робототехники до сих пор используются для создания их современных аналогов (примером могут служить критерии для определения автономности «умных роботов», прописанные в Хартии робототехники парламентом Евросоюза) [2].

Итак, механизм человеческого мышления до конца не ясен, раскрытие его секрета отодвигается на неопределенное будущее, но создание искусственного интеллекта позволило бы человечеству решить множество проблем. Кроме того, искусственный интеллект полностью раскрыл бы смысл выражения Сократа «Познай самого себя».

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуев, А.В. Философские проблемы развития искусственного интеллекта / А.В. Волобуев, Е.В. Воеводина, Н.А. Анатольевна, - М.: Прометей, 2019. – 194 с.
2. Нормы гражданского права о робототехнике. Резолюция Евросоюза. - https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (Дата обращения 05.04.2021).
3. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. / П.Тейяр де Шарден, - М.: Наука, 1967. – 240 с.
4. Тьюринг, А. Может ли машина мыслить? / А. Тьюринг, - СПб.: Ленанд, 2016 г. - 128с.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Семенов Д.Д., Просветов И.Н.

Новосибирский государственный технический университет (НЭТИ)

Научный руководитель: к.филос.н. Сандакова Л.Б.

Аннотация. В докладе рассмотрена актуальность компьютерной этики в ее теоретическом и практическом аспектах на примере широко обсуждаемых проблем использования технологии Big data.

Ключевые слова: компьютерная этика, информационные технологии, технология Big data, информационное согласие.

Использование информационных технологий во всех сферах общественной жизни, цифровизация здравоохранения, образования, транспорта, банковского дела, коммуникации и т.д., кардинально изменили жизнь общества. Эти трансформации порождают новые, нетипичные ценностные противоречия и конфликты. В сфере компьютерных

технологий такого рода проблемами занимается компьютерная этика – широкое исследовательское поле, выявляющее этические проблемы и возможности их регулирования, учитывая при этом быстрое развитие информационных технологий. И, хотя впервые вопрос об этических нормах кибернетизации был поставлен еще Н.Винером, о формировании компьютерной этики заявили в 80-е годы XX века (Дж.Мур, Д.Джонсон, Л.Ллойд и др.). Сегодня это обширная исследовательская область, имеющая мощную теоретическую и практическую базу, чутко реагирующая на интеграцию в общественную жизнь новых технологий.

В данной работе выделяются наиболее широко обсуждаемые в компьютерной этике проблемы использования технологии больших данных и рассматривается возможность их решения.

В применении технологии Big data исследователями выделяются следующие этические проблемы: безопасность и конфиденциальность личных данных, информационное согласие. Безопасность предполагает защиту информации от различного рода утечек, блокирования, модификации, уничтожения. А конфиденциальность – это секретность информации, то есть требование не передавать ее кому бы то ни было без согласия правообладателя. Когда речь идет о больших данных, обезличенность все же не гарантирует конфиденциальности. Например, судебные решения, которые выкладываются с закрытыми персональными данными, позволяют даже в крупных городах легко вычислить, о каких организациях или гражданах в них говорится [1, с. 37].

Информационное согласие, или согласие на обработку личных данных, которое мы даем, вступая в какое-либо цифровое взаимодействие посредством компьютерных технологий, еще одна серьезная проблема. Ведь реальная практика информационного согласия состоит в том, что пользователь достаточно формально принимает условия системы, не осознавая, какие именно его персональные данные будут применены [1, с. 38]. Кроме того, по сложившейся уже традиции, ответственность за сохранность персональной информации возлагается в основном на самого пользователя. Таким образом, давая согласие, он добровольно берет на себя ответственность за негативные последствия, связанные с ее возможным использованием. В большинстве своем, давая согласие на обработку данных, потребители считают, что это необходимо для работы системы, которая без этих данных не сможет выполнять свои функции. На деле же приложения, как правило, используют лишь малую часть собираемой информации.

Можно зафиксировать своеобразный парадокс информационного согласия: без специальных знаний и владения цифровыми навыками на высоком уровне человек не может быть информирован о том, согласие на что он дает. Поскольку в действительности практически никто из пользователей не в состоянии спрогнозировать, какие именно данные о нем получит система искусственного интеллекта, и как они могут быть

использованы, то можно утверждать, что права человека нарушаются. Особенно это касается тех случаев, когда человек не может по объективным причинам отказаться от тех или иных услуг [1, с. 42].

Рассмотрим два варианта защиты обрабатываемых и передаваемых персональных данных с учетом требований законодательства. Во-первых, сократить расходы на защиту конфиденциальных баз данных позволит грамотная подготовка и организация всей информационной системы. В корпорации целесообразно разделить базы данных на территориальные, что позволит сократить объем обрабатываемых в каждой базе персональных данных. В результате этого снизится их класс безопасности. А применение зашифрованных идентификаторов обезличит передаваемые персональные данные. Сокращает расходы также методика терминального доступа, используемая в программах обработки персональных данных. При использовании данной технологии информация обрабатывается на сервере, а через рабочие станции выводятся и отображаются данные. Применение данной технологии позволяет понизить класс безопасности рабочих станций до третьего и снизить затраты на защиту и аттестацию системы обработки данных. Используя данную методику, компания экономит на приобретении сложной вычислительной техники и управлении информационными базами данных, за счет децентрализации информационной базы и уменьшения требований к техническим характеристикам пользовательских компьютеров.

Во-вторых, внедрение новых программ обработки персональных данных с использованием программ с встроенной лицензионной защитой, прошедших аттестацию по требованиям безопасной передачи данных и проверку на наличие не декларированных возможностей. Это снижает расходы на приобретение в будущем дополнительного ПО и оплату обучения сотрудников компании. Также при согласовании с ФСТЭК допускается применение программ, не прошедших проверку на недеklarированные возможности. Дополнительно обозначают сотрудников, отвечающих за безопасность персональных данных. В корпорациях более экономным будет создание собственного отдела информационной безопасности, получение необходимых аттестатов и лицензий, самостоятельная защита баз данных.

Целесообразно также уточнять, какие персональные данные сотрудников и клиентов действительно требуются компании. Чем выше степень обработки данных, тем сложнее процесс их защиты. Более усиленный вариант защиты предусмотрен для данных, касающихся здоровья и личной жизни, а вот данные, необходимые для идентификации лица, в такой охране не нуждаются. Поэтому есть смысл исключить из объема собираемой и обрабатываемой информации данные, которые не требуются для работы компании.

Мы полагаем, что даже сложные этические проблемы, возникающие в сфере информационной безопасности, можно решать на основе

сотрудничества и взаимодействия сотрудников, собирающих и обрабатывающих персональные данные и разработчиков компьютерных программ [2, с. 264-265].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. Ю., Сидоров А. В., Шклярик Е. Н. Компьютерная этика: история, проблемы, перспективы. М.: Нанотехнопьютер, 2008.
2. Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексеева И. Ю. Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая линия — Телеком, 2011. – 346 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Семерьянова Л.А.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: канд. филос. наук Пронер Н.С.

Аннотация. В работе речь идет о необходимости выстраивания взаимоотношений между обществом и природой. Анализируются правовые и нравственные регулятивы.

Ключевые слова: экологическая проблема, право, нравственность

В современном мире вопросы, касающиеся экологии стоят очень остро. Так список глобальных проблем, то есть социально-природных проблем, обладающих планетарным характером, затрагивающих интересы всего человечества включает в себя сразу несколько экологических проблем: катастрофическое загрязнение окружающей среды; снижение биоразнообразия; использование ресурсов Мирового океана; глобальное потепление; озоновые дыры; парниковый эффект; загрязнение морей и океанов; загрязнение атмосферы.

Диалектическое единство природы и общества приводит к тому, что в результате развития непосредственная зависимость общества от природы уменьшается, а опосредованная - увеличивается. Дело в том, что изучая законы природы и преобразуя ее на их базе, человек усиливает собственную власть над природой. Вместе с тем в ходе собственного развития общество вступает во все более тесный контакт с природой. Человеческая деятельность позволяет не только осушить болота, насыпать плотины, построить заводы, но нанести непоправимый вред природе.

Анализируя воздействие на природу социальной деятельности человечества, В. И. Вернадский создал учение о переходе биосферы в ноосферу. Ноосфера, с его точки зрения, представляет собой закономерно возникающую ступень развития биосферы, связанную, прежде всего, ростом науки и техники. Этот рост приведет к изменению социальной деятельности человечества. Следует отметить, что под ноосферой понимается собой особая реальность, определяемая за счет преобразующего воздействия общества и результатов его деятельности, например, техники на природу. Появление ноосферы предполагает не

только использование достижений всех существующих наук, но сотрудничество между всеми существующими государствами на основе разума, формирование гуманистических принципов отношения к природе - колыбели человечества.

Одним из первых и самых известных примеров сторонников идеи Вернадского, о гуманном отношении человека к природе является международная общественная организация - Римский клуб, объединяющая представителей мировой элиты, как финансовой, политической, так научной и культурной. Эта организация оказала существенное влияние на разработку и распространение идеи гармонизации отношения человека и природы.

Человеческие поступки могут регулироваться с двух сторон: правовой и нравственной. Так, правовое регулирование представляет собой изменение поведения людей с помощью системы законов. Нравственные отношения оказываются вне сферы его внимания. Основным проявлением нравственности человека становится возникающее перед обществом и самим собой чувство ответственности. В отличие от правового, нравственное сознание нигде не закреплено. Люди сами устанавливают необходимые нормы, критерии и ограничения. Это оказывает влияние на их поступки и поведения. Нравственное регулирование процесс не совсем устойчивый и постоянный, в силу того, что у многих людей отсутствует ответственность за свои деяния. В этом плане правовое регулирование выигрывает, так как оно строго ограничено законами и регулируется надлежащими органами.

Совершенствование законодательства об охране окружающей среды относится к числу первоочередных вопросов. Исследователи экологических проблем фиксируют, что нормативная правовая база Российской Федерации характеризуется наличием внутренних противоречий, отсутствием комплексного подхода в правовом регулировании экологических отношений [1]. Нравственное регулирование опирается на нормы и принципы морали. Кроме того, нравственность является результатом объективных взаимоотношений людей, их действий, а также формой сознания.

Есть множество законов посвященных защите окружающей среды, однако, их систематическое нарушение никогда не закончится, какими бы суровыми ни были наказания. Практически каждый из нас думает про себя «авось пронесёт», тем самым доказывая низкий уровень нравственного сознания. И пока это будет продолжаться, пока люди не возьмут ответственность за свои поступки, мы не сможем наладить гуманные отношения с природой. Всё начинается с нас самих, с самого человека.

Кроме того, сложность в существующей экологической ситуации связана не только с характером глобальных процессов происходящих в обществе, но и с тем, что само человечество не может и не хочет отказаться от использования природных ресурсов, от достижений техники.

человекоподобных андроидов (воспроизведения анатомически правильных черт лица и физиологической реалистичности движений искусственных мышц), поскольку даже малейшие отклонения могут вызвать неприязнь у воспринимающего антропоморфное существо.

Учитывая изложенное выше, мы организовали и провели собственное эмпирическое исследование, целью которого стало изучение специфики эмоционального фона восприятия человекоподобных андроидов людьми разных возрастов. При этом в качестве гипотезы проверялось следующее предположение: при восприятии человекоподобных андроидов у людей разных возрастных групп будет наблюдаться преобладание разных эмоций; однако степень выраженности комфортности с возрастом будет уменьшаться.

Для сбора эмпирических данных в исследовании использовалась авторская методика, стимульным материалом которой выступили семь фотографий с изображениями андроидов, имеющих разную степень близости к внешнему облику человека; шкала комфортности (от 0 до 10 баллов) и шкала основных эмоций, включающая двадцать семь наиболее распространенных переживаний, среди которых интерес, настороженность, радость, восторг, восхищение, тревога, страх, ужас, растерянность, удивление, грусть, отвращение, досада, злость и др. В исследовании принимали участие 40 человек юношеского возраста и 40 человек зрелого возраста.

Анализ полученных результатов показал, что наиболее сильное отторжение (минимальные показатели степени комфортности) у испытуемых обеих возрастных групп наблюдались при восприятии изображения андроида, имеющего антропоморфный облик с проработанными чертами лица, но с ярко выраженной искусственностью. При этом были обнаружены статистически значимые различия между разными группами испытуемых ($t=2,25$; $p\leq 0,05$), которые говорят о более выраженном дискомфорте у лиц зрелого возраста. В то же время в качестве наиболее привлекательного оказалось изображение андроида, имеющего форму человеческую тела, но без каких-либо черт лица и мимики. Причем в этом случае также были зафиксированы статистически значимые различия в пользу испытуемых юношеского возраста ($t=2,07$; $p\leq 0,05$). Кроме того, было обнаружено, что при восприятии антропоморфных андроидов преобладающими эмоциями у испытуемых юношеского возраста оказались позитивные переживания, среди которых интерес, ожидание, принятие, удивление, тогда как страх, тревога, неудовольствие и отвращение встречались гораздо реже, а грусть, горе, злость и вина не встречались совсем. Для сравнения у испытуемых зрелого возраста в качестве однозначно доминирующей эмоции оказалось переживание интереса при полном отсутствии горя, вины, досады, стыда, злости и гнева.

Таким образом, результаты исследования позволили сформулировать

следующие выводы: и лица юношеского возраста, и испытуемые периода средней взрослости при восприятии человекоподобных андроидов в большинстве случаев демонстрируют схожие эмоции, среди которых чаще всего встречается интерес; менее дискомфортно при просмотре изображений с человекоподобными андроидами себя чувствуют испытуемые юношеского возраста, тогда как для испытуемых возраста средней взрослости в целом характерна более низкая степень комфортности; выявленная возрастная специфика касается не столько качества появляющихся эмоциональных реакций, сколько общей степени комфортности личности при восприятии человекоподобных андроидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. How robots change the world what automation really means for jobs and productivity. Oxford Economics. 2019. June. URL: https://vk.com/doc174326491_513494320?hash=c93aa6cf5b9aa19f67 (дата обращения: 27.03.2021).

2. Masahiro M., MacDorman K., Kageki N. The Uncanny Valley [From the Field] // IEEE Robotics & Automation Magazine. 2012. Vol. 19(2). P. 98-100.

ЗНАКОМСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сердакова Е.В.

Новосибирский государственный технический университет (НЭТИ)

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Игнатьев В.И.

Аннотация. Популярным способом коммуникации в эпоху Интернета стало общение и знакомства в социальных сетях. Несмотря на то, что данный способ коммуникации все более заменяет оффлайн общение, он создает ряд проблем для участников общения.

Ключевые слова: социальные сети, социальные коммуникации, онлайн-общение, виртуальное пространство, виртуальное общение.

Компьютерная революция и появление сети Интернет вызвали изменения в способе коммуникаций. В результате наращивания оперативной памяти и быстродействия компьютеров, создания нового программного обеспечения, возникли не только качественно новые формы передачи и обработки данных, но также и сходство форм онлайн-коммуникаций с общением в оффлайн-пространстве [1, с.14].

Знакомство, общение в режиме онлайн приводит к изменению норм и правил социальных коммуникаций. Если в середине XX в. знакомство и общение с последующей перспективой на будущее было в оффлайн режиме, то на данный момент ситуация кардинально изменилась. Индивид все чаще отказывается от взаимодействия с другими в реальном мире и отдает предпочтение созданному виртуальному пространству. Под виртуальным пространством (киберпространством) понимается бесконечный набор мест, которые навязывают себя как конкретные и

реальные, но, в тоже время, ни к чему не обязывающие; это бесконечное путешествие, обольщение чувств [2, с.39].

Обозначим причины, являющиеся, на мой взгляд, мотивом смены пространства коммуникации.

1. Замкнутость индивида в своем внутреннем мире, отличным от мира других людей. Возникает страх перед насмешками и злостью в свой адрес.

2. Неудачная коммуникация с другим индивидом, имеющая негативные психологические последствия, в том числе снижение уровня самооценки и разочарование в прямых контактах оффлайн.

3. Нехватка времени для коммуникации в режиме реального времени. Это особенно характерно для людей, имеющих полную занятость на производстве.

Знакомство и коммуникация в виртуальном пространстве имеют свои отрицательные стороны. Среди таковых следует указать подключение к взаимодействию злоумышленников и мошенников; возможность вступления в отношения с человеком, имеющим психические расстройства; уход от реальности, полное погружение в виртуальность; разрушение границ между вымышленным и действительным.

Несмотря на видимые негативные аспекты, коммуникация в виде общения и знакомств в режиме онлайн продолжает активно развиваться и привлекать большое внимание молодых людей, потенциально активных и наиболее поддающихся соблазну. Возможно выделение преимуществ знакомства и общения в киберпространстве: привлечение разносторонних личностей к коммуникации; возможность открытия личных переживаний индивиду, которого встретить в повседневной жизни маловероятно; удобный способ коммуникации; возможность быстрой передачи важной информации и т.д. Исходя из всех преимуществ, главной особенностью является нахождение двух индивидов в разных точках пространства, при этом они беспрепятственно взаимодействуют в онлайн пространстве, но в режиме реального времени. Происходит проявление многофункциональности у двух и более личностей, вступивших в подобную коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Санкт-Петербург: Издательство Петербургское Востоковедение, 2000. 96с

2. Касьянов В. В. Виртуальное пространство как новый - «старый» социокультурный феномен// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т.4, № S2. С.38-42.

**МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ РАДУЖНОЙ ОБОЛОЧКИ
ГЛАЗА**

Силкина О.Ю.

Казанский государственный энергетический университет

Научный руководитель: доцент, к.т.н. Зарипова Р. С.

Аннотация. Статья посвящена проблеме защиты информации при помощи такой биометрической технологии, как сканирование изображения радужной оболочки глаза. В статье рассматриваются основные преимущества и недостатки биометрических технологий, методы противодействия фальсификации изображения радужной оболочки глаза.

Ключевые слова: цифровизация, защита информации, биометрические технологии, фальсификация изображения радужной оболочки глаза.

В современном мире при резко возросшем уровне мошенничества и преступлений в IT-сфере, компьютеризации и автоматизации всех процессов проблема защиты информации встала наиболее остро. И это повлекло за собой развитие биометрических технологий защиты [1, 2].

Биометрические технологии – технологии, основанные на использовании биометрических характеристик человека, например, отпечатков пальцев, изображение радужной оболочки глаз. Преимуществами биометрии являются уникальность этих характеристик у каждого человека [3].

На сегодняшний день технология аутентификации человека по изображению радужной оболочки считается самой надёжной, однако не совершенной. Так одной из главных проблем является то, что при сканировании одной и той же радужной оболочки глаза всегда получаются разные коды. Поэтому чтобы подделать изображение достаточно сгенерировать изображение с близким кодом. Причём это является не единственным способом. Таким образом, подделать радужную оболочку можно, используя фотографию, видеозапись, муляж глаза или контактные линзы.

На сегодняшний день существуют следующие методы борьбы с фальсификацией: анализ спектра отражённого света от поверхности глаз, исследование пупиллографии, исследование произвольных движений глазного яблока и зрачка.

Первый метод является наиболее популярным, однако не лишён недостатков: на изображение или муляж можно нанести состав, по отражающей способности сравнимый с настоящим глазом. Исследование пупиллографии (изменение зрачка в зависимости от яркости освещения) также не является идеальным, так как, используя этот метод, невозможно получить информацию о ширине зрачка в тёмное время суток или в темноте, а также невозможно получить достоверные данные из-за возможных воспалительных заболеваний глаз [4]. Исследование произвольных движений глазного яблока и зрачка не является надёжным фактором подлинности, так как не свойственен для некоторых людей (движения выражены слабо или происходят редко).

На сегодняшний день биометрия, а именно аутентификация человека

по изображению радужной оболочки является удобным и весьма надёжным инструментом. Анализ отражённого спектра, анализ бликов от отражений роговицы и хрусталика, анализ пупиллографии при регистрации изображения и защите базы данных биометрических образцов делают данные системы весьма привлекательными для использования [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина У.О., Зарипова Р.С. Проблемы и перспективы применения технологий виртуальной реальности / Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 2 (20). С. 81-83.
2. Пырнова О.А., Зарипова Р.С. Перспективы развития искусственного интеллекта и кибернетики // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2019. № 3-4 (17-18). С. 78-81.
3. Макаров И.А. Способ пупиллографии // патент. 2002.
4. Ушмаев О.С. Биометрическая идентификация по радужной оболочке глаза: текущее состояние и перспективы // 21-я международная конференция по компьютерной графике и машинному зрению. Москва, 2011. С.192-194.
5. Харитонов А.В. Способы противодействия атакам на биометрическую систему распознавания радужной оболочки глаза //интернет-журнал «Науковедение». 2013. №6.

ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ В СОЗДАНИИ ПОКОЛЕНИЯ «ОСОЗНАЮЩИХ» РОБОТОВ

Сиразева А.Л.

Казанский государственный энергетический университет

Научный руководитель: доцент, к.т.н. Зарипова Р.С.

Аннотация. В данной статье рассмотрена современная дуалистическая теория сознания Дж. Макфалдена, базирующаяся на различении материи и энергии. Высказано предположение о перспективности данной теории в создании поколения роботов, способных думать самостоятельно

Ключевые слова: сознание, будущее, мозг, робот.

Принято считать, что память, мысли и чувства, присущие личности – хранятся непосредственно в самих нейронах, а электромагнитное поле – возникает как некий побочный эффект их работы и никак не связан с разумной деятельностью.

Ранние теории о том, что такое сознание и как оно было создано, как правило сводятся к сверхъестественным объяснениям: люди и, вероятно, другие животные обладают нематериальной душой, которая наделяет сознание, мышление и волю. Большинство учёных отказались от этого взгляда происхождения сознания (дуализм) и приняли «монистический» взгляд — порождение сознания самим мозгом и его сетью из миллиардов нервов [1].

Однако британский ученый Джонджо Макфадден, профессор молекулярной генетики и директор Центра квантовой биологии в Университете Суррея, предлагает научную форму дуализма, основанную на различии между материей и энергией, а не между материей и душой.

Его теория (Conscious ElectroMagnetic Information field theory – CEMI) основана на научном факте: когда нейроны срабатывают в мозге и в нервной системе, они не только посылают знакомый электрический сигнал по проводообразным нервным волокнам, но и импульс электромагнитной энергии в ткани. Она несет ту же информацию, что и нервные импульсы, но в виде нематериальной волны энергии, а не потока атомов, входящих и выходящих из нервов [2].

Это электромагнитное поле хорошо известно и обычно обнаруживается методами сканирования мозга, такими как электроэнцефалограмма и магнитоэнцефалография, но ранее было отвергнуто как не имеющее отношения к функции мозга. Вместо этого Макфадден предполагает, что богатое информацией электромагнитное поле мозга на самом деле само является местом сознания, управляющим «волей» и добровольными действиями [3]. Эта новая теория также объясняет, почему, несмотря на их огромную сложность и сверхбыструю работу, современные компьютеры не обладают ни малейшей частью сознания. Однако при правильном техническом развитии роботы, которые осознают и могут мыслить самостоятельно, могут стать «живыми».

Джонджо Макфадден сказал: «Как мозг осознает и умудряется мыслить – тайна, над которой размышляли философы, теологи, мистики и обычные люди на протяжении тысячелетий. Я верю, что эта тайна теперь разгадана, и что сознание — это работа нервов, подключающихся к самогенерирующемуся электромагнитному полю мозга, чтобы управлять тем, что мы называем «волей» и нашими добровольными действиями».

Ученый предполагает, что главная роль в формировании сознания принадлежит электромагнитным полям мозга, которые кодируют в себе связанную информацию [4].

Под пространственной интеграцией понимается способность человека объединять цвета, текстуры, линии, движение объектов, звуки, которые обрабатываются в различных модулях мозга, в единую визуальную сцену. Это позволяет даже маленьким детям легко решать такие сложные задачи на пространственное мышление, как распутывание цепи от велосипеда, застрявшей в спицах. В то же время, это трудноразрешимая проблема для искусственного интеллекта.

Руководясь этой теорией, люди в будущем смогут создать искусственное сознание, которое позволит машинам думать самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Johnjoe McFadden Integrating information in the brain's EM field: the cemi field theory of consciousness // Neuroscience of Consciousness. 2020. №1.

2. J Mcfadden The Emerging Physics of Consciousness . New York: Springer Verlag, 2006. 387-406 с.

3. Пырнова О.А., Зарипова Р.С. Перспективы развития искусственного интеллекта и кибернетики // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2019. № 3-4 (17-18). С. 78-81.

4. Никитина У.О., Зарипова Р.С. Проблемы и перспективы применения технологий виртуальной реальности / Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 2 (20). С. 81-83.

ИНТЕРАКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И РОБОТА: ВОЗМОЖНО ЛИ ОБЩЕНИЕ?

Спиридонова К.И.

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

Научный руководитель: д.ф.н., проф. Игнатьев В.И.

Аннотация. В статье рассматривается возможность взаимодействия человека с социальным роботом. Приводится пример эксперимента человеко-машинного взаимодействия.

Ключевые слова и словосочетания: социальный робот, взаимодействие человека и робота.

Увеличение темпов роботизации в мире, а также совершенствования роботов способствует изменению модели взаимодействия человека с роботом. В настоящее время растет количество междисциплинарных исследований в области человеко-машинного взаимодействия (Human-Robot Interaction, HRI) [5]. Роботизация способствует появлению новых вопросов: возможно ли общение между человеком и роботом, напоминает ли оно общение между людьми и в какой мере?

Изучая историю робототехники, можно заметить, что изначально робот создавался и использовался исключительно для выполнения монотонных или опасных действий. Вначале его главным назначением стала замена человека на производстве. Подобные роботы получили название промышленные роботы [7]. Кроме этого, происходило развитие и другой ветви робототехники – социальной. К социальным роботам в расширенном понимании относят роботов, основной спецификой которых является социальное взаимодействие с человеком [2]. Социальные роботы выполняют задачи в непосредственной близости от людей, их задействуют в различных сферах жизни. Однако до сих не получила распространение четкая дифференциация социальных роботов. Существует множество социальных роботов, задействованных в социальной сфере: няни, сиделки, помощники для детей с аутизмом, администраторы, консультанты и другие. Это даёт нам понять, что растет потребность в роботах для взаимодействия с людьми.

Социальное взаимодействие – это система циклических взаимозависимых социальных действий, причем социальное действие

одного субъекта является одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов [1]. Особой разновидностью взаимодействия людей является общение. Общение мы будем понимать как феномен, который характеризуется: установлением межчеловеческих взаимосвязей, процессуальностью, взаимной направленностью [4]. Одна из задач, которую ставят разработчики социальных роботов - это создание алгоритмов, которые бы симитировали возможность человекоподобного общения.

Множество социальных роботов наделены очевидными человеческими характеристиками: внешним видом, использованием коммуникативных средств при взаимодействии; проявлением и/или восприятием эмоций; запоминанием моделей поведения других агентов; способностью развивать социальные компетенции и другими [2]. То есть тем, что получило обозначение антропоморфизм. Антропоморфизм – склонность людей переносить человеческий образ и приписывать его свойства неодушевленным предметам [6]. Именно он определяет возможность общения человека с роботом. Антропоморфизм способствует отождествлению человеком при взаимодействии с Другим с себе подобным, хотя и иным Другим - люди приписывают роботам человеческие атрибутивные признаки: память, способность к обучению, индивидуальность и разумность [3]. Так эксперименты взаимодействия людей с роботами показывают, что такое взаимодействие вызывает интерес у людей и что они постепенно начинают обращаться с ними как с людьми. Уместно привести пример уже состоявшегося эксперимента: «Человекоподобный робот-гид, который заблаговременно объясняет экспонаты» (University of Tsukuba, Intelligent Robotics and Communication Labs., Kyoto University, Toyohashi University of Technology, Japan) [8].

Сущностью эксперимента было введение автономного робота-гида ASIMO, похожего на человека, в музей науки. Целью эксперимента являлось моделирование человеческого управления, которое используется на конкретных выставках в музеях. Созданный робот идентифицировал людей, замечал экспонаты, на которые смотрят посетители, и активно приближался к ним, чтобы дать объяснения. ASIMO также выполнял действия по построению отношений: приветствовал посетителей по именам и выражал более дружелюбное отношение к посетителям, которые посещали выставку повторно. Выводы этого исследования заключены в следующем: большинство посетителей (94,74%) выразило желание снова пообщаться с роботом в будущем. Многие отметили, что получили от него полезную и интересную информацию. Также люди заметили его способность строить отношения и почувствовали дружескую связь с ним: «Я хотел увидеть ASIMO, потому что он действовал как друг»; «У меня увеличилось чувство близости, которое было похоже на дружбу».

Описанный эксперимент отображает то, что в настоящее время уже успешно реализуются попытки воплощения на технологическом уровне

программы для общения. Это подтверждает возможность человекоподобного общения между человеком и роботом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Врублевская О. А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский журнал науки и технологий. – 2006. – №5 (12). – С. 60-65.
2. Зильберман Н. Н. Социальный робот: подходы к определению понятия / Н. Н. Зильберман, М.А. Стефанцова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2016. – №11 (67). – С. 267-312.
3. Игнатьев В. И. Человек и искусственный интеллект на рынке труда: конфликтность мотивации к «технологической безработице» // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов 14 междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения–2020». – М. : МАКС Пресс, 2020. – С. 59–61.
4. Резаев А. В. Социология общения в поле социальных наук / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. № 2. – С. 133-162.
5. Середкина Е. В. Взаимодействие человека и робота: социально-гуманитарная экспертиза / Е. В. Середкина, И. И. Безукладников, Е. Н. Ядова // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – №10. – С. 102-108.
6. Середкина Е.В. Философские основания прикладного антропоморфизма в социальной робототехнике // Технологос. – 2020. – №4. – С. 56-63.
7. Смирнова М.Е. Роботизация производства - требование времени / М. Е. Смирнова, И. Н. Белогруд // Инновационная наука. – 2017. – №3-1. – С. 218-219.
8. Iio T. Human-Like Guide Robot that Proactively Explains Exhibits / T. Iio, S Satake, T. Kanda, K. Hayashi, F. Ferreri, N. Hagita // International Journal of Social Robotics. – 2020. – №12 (4). – P. 549-566.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И РОБОТА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Тульский Г.В.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Научный руководитель: к. техн. н. Панфилов Д.А.

Аннотация: Статья посвящена оценке возможного развития взаимоотношений человека и робота. Возможно ли будет когда-нибудь наделить машину разумом, осознающим и программирующим самого себя, и поставить его на одно место с человеком?

Ключевые слова: робот, искусственный интеллект, научная фантастика, робототехника.

На протяжении всей жизни человечества людям хотелось знать и

быть готовыми к тому, что с ними случится в будущем. В особенности это касается технического прогресса, где главными предсказателями, помимо футурологов, выступают фантасты. Оценка достижений технических наук сегодня позволяет судить о том, что научная фантастика действительно способна давать вероятные предсказания, а значит есть все основания полагать, что к фантастам можно обратиться за советом.

В частности, большой интерес для фантастов прошлого и настоящего представляет сфера робототехники. В наши дни перспективы развития роботов оцениваются огромным потенциалом. Роботы способны заменить человека там, где он не может работать – начиная от глубин морского дна и заканчивая просторами космоса. Например, в США в проекте Oussama Khatib был разработан прототип Ocean One – подводный телеуправляемый робот с руками-манипуляторами, или антропоморфный робот R5 Valkyrie, произведенный NASA специально для работы на космическом аппарате [1]. Также робот Skybot F-850, был отправлен на орбиту Земли в беспилотном космическом корабле на МКС для выполнения функции космонавта-оператора [2]. Это показывает возможности применения машин для расширенного изучения мира.

Таким образом, сосуществование человека и робота – лишь вопрос времени. Потому важно понимать, каких вершин достигнет роботизированный мозг. Выгодно ли человечеству иметь роботов, осознающих себя, способных самостоятельно развиваться? И если да, то какие последствия могут быть у такого совершенствования?

Главный этический вопрос стоит в наделении робота интеллектом. Известный фантаст Айзек Азимов, который считается отцом робототехники, в рассказах из сборника «Я, Робот» предполагал темпы развития этой области в будущем. Иллюстрация его законов робототехники и в наше время очевидна на примере систем искусственного интеллекта. Например, системы автопилотирования полностью удовлетворяют придуманным правилам, в фундаменте их программ в первую очередь заложена забота о безопасности проложенного маршрута. Д. Минделл говорит, что роботы и искусственный интеллект сегодня полностью зависят от человека, а потому логично, что первоначальная задача прообразов будущих роботов состоит в обеспечении безопасности хозяина. [3, с.24].

Но это лишь на сегодняшний день. Когда человек сможет создать искусственный разум, неотличимо имитирующий человеческий, сможем ли мы определить его, как равного себе?

В Хартии робототехники парламентом Евросоюза прописаны некоторые критерии для определения автономности умных роботов: способность становиться автономным, используя сенсоры, обмениваться данными со своей средой; способность самообучаться; наличие минимальной физической поддержки; возможность адаптации своих действий и поведения в соответствии с условиями среды [4]. Добавляя к

этим признакам основные аспекты субъекта права, такие как наличие эмоций, сознания, воли и совести, можно представить, что робот действительно оказывается субъектом права. Однако проблема заключается в противоречии наделенности разума свободой воли и осознанием роботом внушенных законов робототехники. Кроме того, сложно поверить в искренность эмоций, понимая, что они являются лишь частью программного кода, потому что код изначально будет разработан человеком.

По итогу даже максимально похожим образом симитированный интеллект не сможет обладать всеми возможностями к сожительству с людьми. Они останутся машинами, спrogramмированными на основе законов Азимова в пользу человечества. А владение подобием сознания может послужить лишь инструментом для упрощенного взаимодействия человека с роботом. Это, однако, не остановит развития все более совершенных технологий и мимикрии роботов в человекоподобных существ. В конечном счете, сложно представить будущее без антропоморфных машин, помогающих человеку постигать все новые вершины, освобождающих его от труда физического и позволяющих освобождать время на развитие духовное. И, возможно, именно отношения человека и робота наконец покажут, как люди относятся друг к другу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко А. Гуманодные роботы [Электронный ресурс] // robotrends.ru : портал о современной робототехнике и роботизации, – 2018. URL: <http://robotrends.ru/robopedia/antropomorfnye-roboty> (дата обращения: 05.04.2021).
2. Дудоров. Е. Антропоморфные роботы в космосе. [Электронный ресурс] // sochisiri.ru : Сириус. Образовательный центр, – 2019. URL: <https://sochisiri.ru/news/3199> (дата обращения 05.04.2021)
3. Минделл Д. Восстание машин отменяется. Миф о роботизации / Д. Минделл. – Москва: ООО «Альпина нон-фикшн», – 2016 . – 310 с.
4. Проект "РОБОПРАВО" – Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта: официальный сайт. – URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 05.04.2021). – Текст: электронный.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БИОХАКИНГА

Устьянцева С.Н., Седельникова Ю.В.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Научный руководитель: к. филос. н., доцент Селиверстова Н.А.

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос влияния биохакинга – практики улучшения характеристик человеческого организма на физиологическое и психологическое здоровье человека. Раскрываются проблемы амбивалентного характера биохакинга, анализируются возможные социальные последствия для

современного общества, а также предлагаются возможные методы урегулирования данных вопросов.

Ключевые слова и словосочетания: биохакинг, биохакеры, улучшение человека, научные разработки, сверхчеловеческая эпоха, социальное неравенство, трансгуманизм.

В свое время Сократ призывал человечество довольствоваться настоящим, но стремиться к лучшему. Этот тезис величайшего древнегреческого философа сегодня приобрел особую актуальность в связи с проблемой искусственного вмешательства в человеческий организм, что на сегодняшний день носит название «Биохакинг». Одним из первых биохакеров был немецкий врач – хирург Вернер Форсман, получивший в 1956 году Нобелевскую премию за уникальную методику катетеризации сердца (он испытал ее на себе в 1929 г., проведя зонд через локтевую вену в правое предсердие) [1].

В 2017 году волну интереса к биохакингу поднял российский предприниматель Сергей Фаге, который в своем личном аккаунте написал следующее: «Ты биоробот. Наблюдай свои программы. Перепиши те, которые тебе не нравятся.» [3]. Его программа достижения бессмертия включает строгую гигиену сна, оптимальное питание, физические нагрузки, контроль ментального здоровья, медицинские тесты, а также употребление БАДов и лекарств.

Однако приём лекарств, диеты и длительные голодания, инъекции препаратов, не прошедших клинические испытания делает биохакинг – весьма опасным феноменом. Например, бывший сотрудник НАСА, Odin Джосия Зайнер сделал себе укол, который должен был добавить к ДНК гены суперсилы, благодаря которому биохакер получит невероятную мышечную массу уже менее, чем через полгода. А ранее он пытался встроить ген медузы, чтобы его тело светилось в темноте зелёным цветом.

Эксперты отрицательно относятся к таким рискованным опытам не только по тому, что они опасны для здоровья, но считается, что биохакинг меняет и духовную составляющую человека. Идея установить полный тотальный контроль над процессами, происходящими в организме, способна привести к серьёзным физическим и психологическим нарушениям [4].

С другой стороны, некоторые ученые утверждают, что благодаря биохакингу следующим этапом развития цивилизации станет переход в «трансчеловеческую» эпоху – люди смогут непосредственно влиять на свои биологические процессы и настраивать их под свои интересы и потребности [2]. Таким образом, современный биохакинг носит неоднозначный характер: человек либо рискует своим здоровьем, подвергаясь далеко не безопасным методам «взлома» своего организма, либо получает шанс стать лучшей версией себя, бросив вызов старости и смерти, и тем самым открыть дверь в новый мир сверхчеловечества или постчеловечества, а это уж очень сильно походит на радикальный трансгуманизм с его претензиями на преодоление таких явлений как

старость и даже смерть.

Реализация трансгуманистических проектов может быть лишь тормозом духовной эволюции нашего «Я», ведь осознание того, что жизнь коротка – это именно тот двигатель, который заставляет нас прилагать всевозможные усилия, чтобы успеть реализовать все задуманное.

Кроме того, безопасные технологии продления жизни вероятнее всего, будут чрезвычайно дорогостоящими и недоступным для основной массы населения, что приведёт к параллельному существованию двух каст — “смертных” и “бессмертных”. Следовательно, гонка за усовершенствованной версией человечества должна сопровождаться соответствующим развитием в области моральной и социальной политики государства, а также изучением правовых вопросов перехода человека от «статуса смертного» к «статусу полубога».

Таким образом, важным шагом при внедрении научных разработок такого масштаба в социальную среду имеет смысл говорить о необходимости прямого государственного вмешательства в регулирование последствий научных достижений в области биохакинга. И лишь в этом случае практика биохакинга станет безопасной как для личности, так и для социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмин Я.И. Биохакинг: существует ли медицина для здоровых людей? // Интернет – издание «ПостНаука». 20.11.20180 – с. 8. – URL: <https://postnauka.ru/talks/91837> (дата обращения: 08.04.2021)

2. Бочарников О. Как биохаkers взламывают свой организм и пытаются победить смерть. // Образовательный портал «Newtonew». 23.04.2019. – с. 10. – URL: <https://newtonew.com/science/kak-biohakery-vzlamyvayut-svoy-organizm-i-pytayutsya-pobedit-smert> (дата обращения: 09.04.2021)

3. Соколова Е.К. Повестка биохакинга в рунете/ Е.К. Соколова // Cyberleninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povestka-biohakinga-v-runete/viewer> (дата обращения: 08.04.2021)

4. Чернышева В. Чем опасен биохакинг – апгрейд тела и разума. // Интернет – издание «Lifehacker». 14.05.2018. – с. 10. – URL: <https://lifehacker.ru/chem-opasen-bioxaking/> (дата обращения: 10.04.2021)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТИКИ В ЭПОХУ УСЛОЖНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО

Ходыкин А.В.

Самарский государственный экономический университет

Научный руководитель: д.соц.н., проф. В.Б. Звоновский

Аннотация. Исследованы главные тренды социального развития XXI века: усложнение, глобализация, информатизация и демократизация обществ. Представлено описание аксиологической трансформации современной культуры на языке этики метамодерна. Показано, что трансформация системы современных этических норм основана, главным образом, на расширении круга субъектов, наделяемых равными

правами, и снижении давления иерархических структур на деятельность людей.

Ключевые слова: этика, демократизация, трансформация, метамодерн.

В последнее время трансформация этических норм и изменение границ должного и допустимого поведения стало предметом широких дискуссий как в научном, так и в публицистическом поле. В данной работе на примере глобальных трендов общественного развития показано, что трансформация системы современных этических норм основана, главным образом, на (1) расширении круга субъектов, наделяемых равными правами, и (2) снижении давления иерархических структур на деятельность людей.

Главными трендами социального развития XXI века стали усложнение, глобализация, информатизация и демократизация социальной реальности. Они исследованы многими классиками социальной философии и социологии: от Д. Белла и Н. Лумана до Д. Урри и М. Кастельса. Проанализируем проявления этих трендов в экономической и политической сферах и их влияние на этическую трансформацию обществ.

1. Усложнение, глобализация и информатизация экономики. Для описания взаимодействия экономических акторов в современной социологии большую популярность приобрела метафора сети. Она характеризует сложность и гибкость связей, снижение давления иерархий и территориальную протяжённость систем взаимодействующих субъектов. Сегодня производство товаров и разработка технологий – продукт глобальных сетей. Их деятельность подробно исследована Д. Урри, продемонстрировавшим, что даже, на первый взгляд, простые современные вещи могут быть разработаны, произведены, обеспечены ресурсами и обслуживаемы в разных территориально отдалённых друг от друга точках Земли [1]. Глобальные сети влияют на трансформацию этических норм, поскольку экономическая деятельность как основа ресурсов для жизни:

- усложняется (глобальные сети объединяют комплекс различных производств, технологий, организаций и т.д.) и, как следствие, децентрализуется (на неё оказывает всё меньшее влияние власть государств, а корпоративные иерархии становятся более «плоскими» и гибкими и в меньшей степени влияют на деятельность работников, так как эффективно осуществлять директивное управление сложными разнородными структурами становится крайне затруднительно);

- включает в принятие решений большее количество людей и представителей социальных групп, которые ранее были в подчинённом положении (женщин, представителей меньшинств и т.д.);

- требует всё больше интеллектуальных ресурсов и всё меньше полагается на физическую силу;

•становится более эффективной, освобождая многие социальные группы от «диктатуры нужды» и увеличивая количество свободного времени у людей.

2. Демократизация. Главным политическим трендом последних 50 лет, особенно усилившим своё влияние на политическое переустройство мира с середины 1970-х, стала демократизация. Данные Freedom House, Polity IV, The Economist Democracy Index и других индексов демократии наглядно демонстрируют данную тенденцию. С 1978 по 2012 год количество демократических стран в мире удвоилось: с 31% до 60% [4]. Демократия предполагает коллективное принятие решений и равные права и свободы для всех. Наделение равными правами ранее ущемлявшихся групп (женщин, представителей меньшинств, малообеспеченных людей и т.д.) связано с эгалитарным развитием демократических обществ.

Политическое и экономическое развитие создаёт ресурсы для аксиологической трансформации современной культуры. Интересный язык описания трансформации доминирующих ценностных норм предлагает этика метамодерна. В 2010 году норвежский исследователь культуры Тимотеус Вермюлен и голландский философ Робин Ван Ден Аккер в журнале «Journal of Aesthetics & Culture» опубликовали статью «Заметки о метамодернизме», которая положила начало исследованиям метамодерна как новой культурной эпохи, зародившейся в начале 1990-х и продолжающейся по сей день [5]. Метамодерн проявляется в осцилляции, колебаниях между модернистскими глобальными нарративами, предполагающими поиск единой истины и системы ценностей, и постмодернистской деконструкцией и ироническим дискурсом, построенном на критике модерна, отрицании возможности постижения истины и формирования общих ценностей. Осциллируя между модерном и постмодерном, метамодерн вбирает в себя их ресурсы, но всегда находится в динамичном неравновесии позиции «между» (платоновского «метаксиса», на который он опирается). Теоретики метамодерна вводят понятие «среднего действующего ценностного мема» для описания наиболее распространённого набора ценностей, характерного для среднего представителя данного общества на данном этапе его развития [2]. Этическая эволюция в данном контексте предполагает переход общества к более высокому среднему действующему ценностному мему, характеризующийся расширением круга солидарности, выражающемся в ощущении солидарности как признания равноценности и наделения равными правами более широкого круга людей. «Если обладатели низких ценностных мемов включают в свой круг солидарности только представителей своего племени, города, религии, то носители самых высоких ценностных мемов солидаризируются со всем человечеством» [3, с. 24].

Как усложнение социальных систем, их самоорганизацию, глобализацию и демократизацию, так и отражение указанных тенденций в

современной культурной трансформации можно считать ресурсами социального прогресса и гуманизации общества как основы изменения его этических требований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри. М.: Праксис, 2012. 501 с.
2. Фрейнахт Х. Четыре сферы развития / Пер. с англ. Е. Речкалова. 2020. URL: <http://metamodernizm.ru/the-four-fields-of-development/> (Дата обращения: 04.03.2021).
3. Ходыкин А.В. Развитие зоозащитной этики как атрибут гуманизации общества // Гуманитарный экологический журнал. Том 22. №3 (74). 2020. С. 22-27.
4. Moller J., Skaaning S.E. The Third Wave: Inside the Numbers // Journal of Democracy, Vol. 24. 2013. No 4. P. 97-109.
5. Vermeulen T., Akker R. Notes on metamodernism // Journal of AESTHETICS & CULTURE, Vol. 2. 2010. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

РИСК И ЦЕННОСТИ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цыганов Д.С.

МБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права»,

Научный руководитель: профессор Лукьянов Г.И.

Аннотация. Индивиду в процессе своей деятельности приходится приспосабливаться к изменениям, происходящим в техногенной цивилизации. Необходимо системно исследовать риски, которые были порождены развитием современных информационных технологий.

Ключевые слова и словосочетания: модернизационные процессы, техногенная цивилизация, технологический риск, среда обитания, риск, человеческая деятельность.

Деятельность человека в условиях современного развития общества происходит на фоне трансформаций социокультурного пространства, которые связаны с процессами глобализации, информатизации, возможностью конструирования с помощью сетевых коммуникативных технологий, идеологических ориентиров, деформацией социального капитала. Чем могущественнее становится человек, чем большего размаха достигает овладение им средствами преобразования природы, тем легче создается иллюзия, что степень угрозы со стороны направляемых социальных и природных сил уменьшается. Вместе с тем, модернизационные процессы, с одной стороны, лишь несколько сглаживают зависимость человечества от стихийных бедствий, с другой стороны, порождают новые риски, которых оно прежде не знало.

По мнению Ю. Хабермаса, главное содержание общественного развития на современном этапе представляет противоречие между жизненным миром человека и системой. Он утверждает, что «императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы завоевывают... жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции» [1, с.135]. Современный человек настолько привык к автоматизму, который нас

окружает, что забывает о познании собственной сущности. Последние десятилетия социум все чаще характеризуется как «техногенная цивилизация». Техногенная цивилизация - это общество, постоянно меняющее свои основания. Идея преобразования мира и подчинения человеком природы – «генетический код» техногенной цивилизации.

Ценности техногенной цивилизации построены на основе деятельностно-активного отношения к природе, социуму и самому себе. Эпоха технотронной цивилизации, достигнув своей высокой степени, породила последствия, которые стали основой ранее не существовавших модернизационных рисков. Таким образом, специфическая область риска порождена современным научно-техническим прогрессом. Появление новых видов человеческой деятельности привносит и новые опасности. «Качественные характеристики и количественные показатели, сохранившиеся за годы российских реформ, на основе которых представляется возможным обозначить уровень трансформаций в сферах экономики, политики, социальной дифференциации, социального неравенства, социальной повседневности, позволяют сделать важное заключение: за годы преобразований российское общество сформировалось как новая социальная реальность» [2, с.66].

По мере развития научно-технического прогресса обнаружились его сильные и слабые стороны: техника и технологии, принося людям блага, давая средства для решения материальных и социальных проблем, одновременно привносят в мир новые трудности и опасности, оказывают негативное воздействие на состояние природной среды, здоровья человека, становятся источником катастроф, аварий, т.е. создают новые виды риска. Использование систем телекоммуникаций, аудиовизуальных средств, цифровых вычислительных систем, спутников связи способствуют тому, что разнообразные по своему характеру события происходят повсеместно в мире, довольно значительное число разнообразных социальных явлений и мероприятий происходят без привязки к каким-либо географическим дислокациям участников данных событий.

Невозможность создания сегодня среды обитания, свободной от риска, расширение зоны негативных последствий научно-технического прогресса привлекают внимание различных специалистов к оценке технологического риска. Научный подход к обеспечению безопасности от аварий должен базироваться на трезвой оценке риска. Новый этап НТР требует отказа от многих традиционных подходов к развитию производства. На первый план выдвигаются не просто задачи создания новой или тиражирования старой техники, не вопросы «что и сколько?», а вопросы «как и зачем?», с каким материальным и социальным риском. Именно индивиду как отдельному социальному субъекту в процессе своей деятельности приходится приспосабливаться к изменениям, происходящим в социальном пространстве современности.

Оценка технологического риска должна включать в себя реализацию

оптимального технологического выбора при максимизации общественных выгод и минимизации негативных последствий социального риска, оценку положительных экономических, экологических, нравственных, политических и других последствий этого выбора. Риски появляются в силу развития новых инновационных технологий и наукоемких производств, которые не только продуцируют риски, но воздействуют на общество в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма//THESIS.-1993.- Вып.2.- с.123-136.

2. Лукьянов Г.И. Трансформационные процессы в современном российском обществе как отражение динамики новой социальной реальности//Экономические и гуманитарные исследования регионов.- 2017.-№4.- с.64-68.

ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ 2021

Чупина Е. В.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор Игнатьев В. И.

Аннотация. Цель статьи – выяснить, как вынужденный и ускоренный переход к цифровизации повлиял на формирование новых профессиональных качеств и навыков. Гипотеза – на рынке труда, появились новые требования к сотрудникам, в них входит быстрая адаптация и непрерывное обучение, повышение квалификации.

Ключевые слова: цифровизация, автоматизация, рынок труда, изменения рынка труда, пандемия.

Пандемия Covid-19, принесла с собой не только новый опасный вирус, но и серьезный урон в мировой экономике. Все общество за короткий срок времени оказалось в новой реальности и приняло вызов по освоению автоматизации и переходу к цифровой реальности. И если раньше все предполагали, что наше общество развивается в сторону цифровизации, то пандемия ускорила этот переход и не все оказались к нему готовы.

Какие изменения можно увидеть в марте 2021г.:

- Большое количество увольнений сотрудников. Увеличение безработицы.
- Перевод сотрудников в дистанционную форму работы.
- Уход молодых специалистов в развитие самозанятые профессии (фриланс).
- Дефицит специалистов, в том числе специалистов медицинского профиля.

С первым, с чем столкнулась экономика, это рост безработицы, автоматизация и появление новых форм работы.

Согласно докладу Международной организации труда (МОТ), потери

рабочего времени в течение 2020 года по сравнению с четвертым кварталом 2019 года составили 8,8 процента и были эквивалентны потере 255 млн. рабочих мест. Сюда входят потери, связанные с сокращением рабочих часов у тех, кто все же трудился, и с небывалой по масштабам безработицей, работу потеряло 114 млн. человек.

Ситуация сложилась неравномерно, например, женщины пострадали в большей степени. В исследовании говорится, что работу потеряли 5% женщин, 3,9% мужчин. Безработица больше затронула молодых – от 15 до 24 лет - 8,7%, среди старшего поколения – 3,7%. Среди отраслей самый большой удар пришелся на сферу гостиниц, ресторанов, кафе – здесь на 20% снизились показатели занятости [1].

Новая форма работы. После объявления пандемии и последовавший за ней карантин спровоцировали сначала массовый переход на удаленный формат работы. И работодатели, кадровые отделы всерьез задумались об оптимизации процессов и возможности внедрения удаленной работы в максимальное количество сфер. Введенные ограничения в период карантина, такие как самоизоляция и локдаун, фактически провоцируют пересматривать традиционные подходы к организации работы и искать новые решения.

Также изменения затрагивают рост спроса на формирование новых компетенций. В выигрышной позиции оказались работники ИТ-сферы - программисты, аналитики и др. работники, которые обслуживают новые цифровые технологии. Кроме того, усилился спрос на маркетологов, специалистов по коммуникациям, бизнес-аналитиков, специалистов сферы онлайн-образования, медиков. Остальным же пришлось осваивать новые востребованные профессии, повышать свою квалификацию и быстро адаптироваться под изменения.

Также из-за большого оттока трудовых мигрантов, увеличения курьерских сервисов и служб доставки во время карантинных, появился огромный спрос на «синие воротнички». Образовался дефицит рабочего персонала в логистике, доставке, транспорте, строительстве и производстве.

В связи со всеми изменениями общество столкнулось с тем, что рынок стал перестраиваться быстрее, чем ожидалось. Аналитики писали об автоматизации, появлении роботов, но предполагали что, изменения будут происходить постепенно и с прогнозированием последствий. Но все произошло внезапно: где было возможно - изменили условия труда, заменили сотрудников программами, перенесли на удаленный формат, оптимизировали, снизили, ускорили и переориентировали производство.

У многих агентов возник вопрос: как остаться на плаву, какие навыки необходимо освоить, какую квалификацию получить, чтобы стать более востребованным и высокооплачиваемым сотрудником.

1 Что ждет рынок труда в 2021 году – обзор MOT. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395062> (дата обращения: 12.03.2021).

На рынке труда изменились требования для профессиональных и востребованных сотрудников. И первые изменения коснулись практически всех – необходимость перехода на непрерывное обучение и развитие в своей профессиональной сфере. Чтобы оставаться востребованным сотрудником, необходимо постоянно обучаться и развиваться, ведь в связи с ускоренной цифровизацией появились новые программы, инструменты и приложения необходимые для работы. А также важным навыком является умение работать с большим потоком информации.

Вторые изменения коснулись всех сотрудников, которые перешли на удаленную онлайн работу. Работая онлайн, многие за пять-шесть часов могли спокойно выполнить свой рабочий план на день. Но были и такие сотрудники, которые столкнулись с такой проблемой, как не умение эффективно распределять свое рабочее время. Для таких людей переход к измененным условиям труда оказался сложным, и им приходилось осваивать новые навыки по управлению и распределению рабочего времени.

Третье требование - это быстрая адаптация. Разные изменения, как в структуре работы организации, так и работа с новой программой, требует от сотрудника наличие таких навыков как быстрая адаптация.

Особое требование – это умение принимать решение. Работая онлайн, сотрудник организации не может постоянно задавать уточняющие вопросы или спрашивать совет и полагаться на решение коллег и начальства, как это возможно было делать офлайн. Навык принятие решения – это умение осознанно выбирать из множества вариантов тот, который окажется самым выгодным и лучшим, для определенного решения [1].

Таким образом, рынок труда в связи с ускоренной автоматизацией и внедрением цифровизации сильно изменился, и стал более требователен к имеющимся и приобретенным навыкам сотрудников. Автоматизация и цифровизация сильно повлияла на рынок труда, появились новые требования работодателей к своим сотрудникам: непрерывное обучение, умение организовывать свое рабочее время, умение принимать решения и быстро адаптироваться под любые изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Что ждет рынок труда в 2021 году – обзор МОТ. - URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395062> (дата обращения: 12.03.2021).

2. Преснякова М. Рынок труда и самые востребованные профессии в 2021 году в России / М. Преснякова // Центр высшего дистанционного образования в России. – URL: <https://vuz24.ru/news/karera-i-trudoustroystvo/rynok-truda-i-samye-vostrebovannye-professii-v-2021-godu-v-rossii> (дата обращения 10.03.2021).

¹ Преснякова М. Рынок труда и самые востребованные профессии в 2021 году в России / М. Преснякова // Центр высшего дистанционного образования в России. – URL: <https://vuz24.ru/news/karera-i-trudoustroystvo/rynok-truda-i-samye-vostrebovannye-professii-v-2021-godu-v-rossii> (дата обращения 10.03.2021).

З. Единак Е.А. Влияние структурных изменений в безработице на динамику рабочих мест // ЭКО. 2020. № 6. С. 131-148.

ЦИФРОВОЕ БЕССМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Шевцов В.А.

Новосибирский государственный технический университет (НЭТИ), г. Новосибирск

к.ф.н., доцент, Моргунов Г. В.

Аннотация: В статье рассматривается возможный вариант продолжения жизни после смерти - цифровое бессмертие. Были выявлены ключевые проблемы, с которыми может столкнуться человечество, с учётом возможных версий проекта “Россия 2045”.

Ключевые слова: цифровое бессмертие, цифровизация, человек, искусственный интеллект

Совершенствование мира происходит ежедневно и многие задумываются о будущем. Связь человека и компьютера непрерывно повышается, благодаря возможностям людей искусственный интеллект делает большие шаги вперед. Тенденция цифровизации будущего растёт пропорционально изучению машинных технологии и как раз в результате плавного перехода изучения виртуального мира может привести к такому цифровому процессу как “электронное” бессмертие.

Актуальность данного вопроса нельзя отрицать, так как существует большое количество исследований. Человек утрачивает ориентиры в реальном мире и открывает новые в виртуальном мире, вследствие этого электронная культура становится шире. В рамках исследований данного вопроса основными предметами обсуждения являются философия медиа, техническая антропология и виртуальная аналитика.

Основой цифрового бессмертия является человек, который переносит сознание в несуществующий мир, вынуждая функционировать за пределами мозга. Процесс создания виртуального двойника происходит через передачу данных о конкретной личности. После завершения загрузки всех данных, человек продолжает жить, но уже в рамках другой реальности, то есть как реальный человек. Однако, главным отличием является то, что физическая жизнь человеку не под силам, он остаётся без ощущений нового мира, такое явление как смерть не существует.

Информация о человеке должна содержать действия и поведения человека в условиях множественного количества факторов: от личных вещей до воспоминаний, связанных с человеком. Сохранение каждой детали воспоминания является основной задачей учёных. Такие программы уже работают, они используются в различных видах активностей: сон, тренировка, медицинские обследования и многое другое.

Одной из проблем данного метода является то, что если можно создать одну копию человека, то тогда существует возможность рождения

дополнительных копий. Если говорить об этой теме с материалистической точки зрения, то одновременное существование сразу нескольких копий отвергается как абсурдное, до момента создания они эквивалентны, а далее они следуют своей жизни. То есть, процесса перехода не существует, но есть вероятность копирования.

В 2011 году было создано стратегическое общественное движение “Россия 2045”, которое имеет трансгуманистическую направленность. На нём обсуждались темы, связанные с развитием человека благодаря ускорению технического прогресса. Эксперты совместными усилиями работают над созданием проекта “Аватар”, его цель - сделать возможным вечную жизнь человечества с помощью технологии цифрового бессмертия.

Существует множество версий реализации данного проекта. Первой версией аватара является робот, который подключён к человеку с помощью нейротехнологий. Второй версией может быть бионистический протез человека, где будет осуществлена пересадка мозга умершего индивида. В третьей версии электронное бессмертие представляется в виде искусственного тела, где мозгом будет управлять компьютер, в котором будет находиться сознание индивида, а последней версией будет голограмма человека.

Таким образом, вопрос цифрового бессмертия рано или поздно настигнет нас. Возможно, это будет новым этапом эволюции человека. Исходя из данных рассуждений, в будущем мир будет делиться на тех, получит цифровое бессмертие и тех, кто будет искать возможно опробовать данную технологию. Главной проблемой перехода в цифровое пространство является то, что человек может лишиться всех способов ощущения мира, поэтому данный способ продолжения жизни является не проработанным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаровская А. Цифровое бессмертие: что это и зачем нужно? [Электронный ресурс] / А. Комаровская, 2019. – Режим доступа: <https://hi-tech.mail.ru/review/gid-po-cifrovomu-bessmertiyu/>
2. Кутырев, Е. А. Философия трансгуманизма / Е. А. Кутырев. – Москва : Директ- Медиа, 2015. – С. 85.
3. О цифровой экономике, цифровых двойниках человека и цифровом бессмертии. – Режим доступа: <http://ousnano.sbras.ru/sitepage.php?PageID=7628>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

КИБЕРПАНК КАК ЖАНР НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАУЧНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ Ширшов Е.Ю.

Пермский государственный институт культуры
Научный руководитель: доцент Лисенкова А.С.

Аннотация: В современном мире, где высокие технологии настойчиво

внедряются в нашу жизнь, заполняют ее, вытесняя привычные способы взаимодействия человека и окружающего мира, появляются новые возможности предугадывания или прогнозирования тех или иных событий. В мире научной фантастики это может происходить с участием кибернетики и компьютерных систем, которые могут напрямую взаимодействовать с нашим разумом, что в нашем мире вскоре может подкрепляться влиянием огромных трансконтинентальных корпораций, и может повлечь собой разложение всех институтов, созданных человеком. Название такому явлению – Киберпанк.

Ключевые слова: киберпанк, научная фантастика, религия, кибернетика, философия, человек, писатель, технологии, компьютеры.

Еще с давних времен человек научился определять какая погода будет на следующий день. Тогда наши предки верили в приметы, и эта традиция сохранилась до сих пор. Сейчас мы вольны использовать искусственный интеллект, компьютеры и вычислительные системы для того, чтобы определить, какая погода будет завтра, после завтра, через неделю, каким будет урожай. То есть мы можем выстраивать прогнозы на ближайшее будущее, используя все блага «цивилизации».

Но, в связи с этим, возникает проблема, связанная с прогнозированием будущего и его осознанного выбора, которая остается нерешенной еще с древнейших времен. Это сейчас мы можем задать данные, обозначить переменные и научиться программировать, и представлять возможные варианты исхода тех или иных событий. Сейчас стало проще это делать. Кто-то даже говорит, что научился предсказывать смерть. Это называется предвидением, в котором содержатся как противоречия, так и согласования, особые силы и навыки, процессы познания будущего, вероятно уже перешедшее в определенное ремесло.

Более-менее понятное объяснение термина «научное предвидение», дает советский энциклопедический словарь, который описывает этот термин как «определение и описание на основе научных законов явлений природы и общества, которые неизвестны в данный момент, но могут возникнуть или быть изучены в будущем» [1].

Сама же научная фантастика как литературный жанр берет начало своего становления XVII-XIX веках, что и становление фундаментальной науки и великих открытий. Там описывался некий опыт, знания, полученные человеком в самых разных областях. К примеру, писатель Жюль Верн в своем творчестве пытался предвидеть и представить читателям футуристичные на тот момент перспективы технического развития человечества во всех материальных пространствах, основываясь лишь на возможностях науки и техники.

Все больше в технологическом плане мир покоряет киберпанк, отнюдь не в литературном плане. Несмотря на его популяризацию в современном обществе, его идеологию полностью нельзя разделять только на кино и книги. Киберпанк сейчас, в понимании явления прогнозирующего элемента современной культура превращается в настоящую субкультуру со своими последователями «киберпанками» и

гиками. Изучая киберпанк как явление, революция в виртуализации новой технологической реальности, можно прийти к выводу, что это новый ребенок, за которым нужен уход. Его главная цель – все же визуализация результатов развития цифровых технологий. Взять, к примеру, недавние заявления Илона Маска о чипированной обезьяне, которая могла играть в виртуальный пинг-понг сама с собой, либо с ИИ. Не это ли революция в слиянии живого организма, органического и цифрового сознания, взаимодействия живого и техники в едином целом? [3] Вскоре и люди могут получить нейробиочипы для внедрения их в мозг для вероятного стимулирования мозговой деятельности, улучшения памяти и внимания, а возможно и переносить целое сознание, но все это выглядит поистине утопично и как нельзя кстати в стиле киберпанк, как бы не хотелось этого увидеть уже совсем скоро. Ведь тогда мы наверняка сможем если не обмануть смерть физического тела, то продлить жизнь человеческому разуму вне его физического тела, создав новый сосуд и соединив его с нейрочипом его «прижизненного» носителя.

Но, обращаясь к киберпанку как к научной фантастике, мы прежде всего обращаемся к предвидению, предсказанию будущего развития технологии и человеческого сознания. Этот термин трактуется чаще с негативным уклоном, несмотря на его утопичность, и мы должны понимать, что каким бы ни был утопический мир, особенно виртуальный, мы не сможем его контролировать полностью. Лишь бы существовал мир, который мы можем любить и защищать. «Человек и человечество перед лицом грядущего; человек и человечество перед лицом невероятного, фантастического, но, быть может, таящегося за горизонтом прогресса или природы» [2], а прогностическая функция фантастики пусть и дальше останется некой идеей, направляющей прогресс в светлое будущего человеческой расы, покоряя миллионы умов, которые будут строить нам дорогу в неизведанные миры вне нашей Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1) Предвидение научное // Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 1052.

2) Биленкин Д.А. Реализм фантастики: сб. научной фантастики. Вып. 32 / сост. Б.Г. Ключева. М., 1988. С. 188.

3) Стартап Илона Маска показал играющую «силой мысли» в видеоигры обезьяну URL: [https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/425851-startap-ilona-maskapokazal-igrayushchuyu-siloy-mysli-v-videoigry]

ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. П. Шутова

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель: д. филос. н., проф. Мартишина Н.И.

Аннотация. Приметы и суеверия представляются архаичными формами мышления, связанными только с низким уровнем научного и технического развития традиционного общества. Но и в современном информационном обществе они распространены, более того, появляются новые приметы. В статье предпринята попытка разобраться, отчего это происходит.

Ключевые слова: приметы, суеверия, массовое сознание, иррациональное в мышлении

Суеверие – это вера в действие сил, не объяснимых законами природы, которые оказывают благотворное или негативное влияние на жизнь людей и домашних животных, а также определяют известные явления природы (погоду, рост, рождение, смерть). Одним из проявлений суеверия выступают приметы, устанавливающие связь между конкретными действиями и внешне отдаленными от них событиями – например, брошенная в фонтан монетка означает, что ты обязательно вернешься в это место.

В большинстве случаев приметы идут из глубокой далекой древности и кажется, что по мере наступления информационного общества они должны исчезать, вытесняясь научным мышлением. Но на практике этого не происходит: в современном обществе приметы все так же широко распространены. Более того, по прежней логике создаются новые приметы, уже касающиеся новых реалий.

Рассмотрим сначала, откуда же берет свои истоки суеверие. Издавна люди наблюдали за окружающей средой, какими-то необычными явлениями, которые могли повлиять на душевное настроение, плодородие земли или изменение погоды. Увиденное они анализировали и делали соответствующие выводы, совпадения запоминали. Потом пользовались ими, предостерегая других от возможных нежелательных последствий, или наоборот – утешая их радостным предсказанием, которое в скором времени должно было сбыться. В конечном итоге приметы и суеверия охватили все сферы деятельности человека.

Первоначально многие приметы имели вполне рациональное объяснение. Наверняка всем знакома примета, которая говорит, что рассыпать соль – к ссоре или несчастью. Рассыпать соль на столе – к малой ссоре, на полу – к большой. Исток этой приметы в том, что в древности соль считалась показателем достатка. В небогатых семьях ее потеря приводила к серьезному раздору, рассыпать ее считалось настоящим несчастьем – поваренная соль стоила баснословных денег. Рациональное основание ушло в прошлое, а примета осталась.

В других случаях примета не имеет даже изначального материального оправдания, но и ее содержание подчиняется характерной логике. Каждый, кто учится и сдает экзамены, знает о существовании такой приметы, при которой нельзя мыть голову и стричь волосы перед экзаменом, дабы не смыть и не срезать свои, нужные для экзамена, знания. Истоки этой приметы лежат в далеком прошлом. В старину считалось, что

до момента грешного падения, люди ходили с нимбом над головой, состоящего из легкого пуха, а после того, как человек сотворил первородный грех, пух над головой исчез, и превратился в тяжелые волосы, которые тащат человека вниз, к земле. Учитывая тот факт, что волосы являются некой связью между человеком и высшей силой, любое действие, совершенное с волосами, влияет на человеческую судьбу. Эта примета является одним из проявлений общего принципа: любая частица или предмет, когда-то принадлежавшие к чему-то целому, сохраняют связь с ним и возможность на него повлиять, даже отделяясь.

В одной из модификаций этой приметы, передавая что-то друг другу или просто прикасаясь, можно поделиться и разными неосознанными вещами, например, удачей или невезением. С древних времен сохранилась примета, связанная с букетом невесты. По древнерусским традициям букет, а ещё раньше – венок, полагалось не бросать, а передавать незамужней гостье из рук в руки. Подружки водили хоровод вокруг невесты, а та наугад, с закрытыми глазами, протягивала цветы одной из них. Получить свадебный букет считалось благоприятной приметой для девушки, а позже значение ритуала сузилось до одного-единственного значения – скорого замужества.

Логика построения примет постепенно втягивает в свою орбиту все новые реалии. Когда изобрели фотографию, появилось много примет, связанных с фотографическими изображениями. После того, как в нашу жизнь вошел Интернет, успели появиться и новые суеверия, связанные с этой системой. В современном мире считается, что таким способом мы получаем немало важных знаков. Например, если, переходя по различным сайтам в поисках нужной информации, ты в итоге не находишь то, чего ищешь, следует подготовиться к тому, что ближайшая поездка будет долгосрочной и бесполезной. То, что произошло в виртуальной реальности, создает прообраз того, что потом случится в материальном мире, точно так же как в представлениях древних охотников удачно разыгранная поимка медведя обеспечивала успех реальной охоты.

Почему, несмотря на высокий уровень развития науки и техники, суеверия и приметы сохранились в жизни современного человека? Я думаю, самая общая причина в том, что мы по-прежнему всегда чего-то боимся и о чем-то мечтаем. Там, где нам недостает рациональных средств воздействия на ход событий, мы создаем иррациональные, возможно, иллюзорные, но помогающие нам психологически «инструменты». Многие носят при себе какую-нибудь вещь, которая приносит им счастье, оберегает от бед: монетку, пуговицу, камешек, украшение. Эта вещь становится талисманом, и с ней никогда не расстаются. Людям даже в технологическом обществе необходимо немного удачи. Кому-то вера в приметы и суеверия сильно облегчает жизнь, и на это никак не влияет технологический уклад общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хотеев Ф. П. Энциклопедия примет и суеверий. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 288 с.

«ТЕРАПИЯ» И «УЛУЧШЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Щербакова А.И.

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Аннотация: Правовое обеспечение разработки и внедрения биотехнологий во всем мире тесно связано с пониманием того, насколько далеко человечество может зайти в сфере биотехнологических манипуляций с человеком. В этой связи одним из существенных моментов является выработка единых подходов к пониманию таких категорий, как здоровье, терапия, улучшение, природа человека и др. Так, приводится обзор некоторых позиций по данным вопросам и отмечается необходимость соответствующего правового регулирования.

Ключевые слова: биотехнологии, природа человека, терапия, улучшение.

Сегодня в контексте биотехнологий можно говорить о том, что существуют так называемые оправданные/допустимые и неприемлемые/недопустимые/нежелательные практики – «терапия» и «улучшение» (enhancement) соответственно. Первый термин приближен к «лечению», а второй ассоциируют либо с темной страницей истории евгеники, либо с фантастическими представлениями будущего. Сотрудники Президентского комитета по биоэтике США, например, определили их следующим образом: «терапия делает людей целыми (в том смысле, что человеку так или иначе возвращается утраченная или поврежденная целостность), в то время как улучшение изменяет целое» [3]. Так, терапия направлена на восстановление природы человека, а не на ее изменение. А улучшающий акт – это форма преобразования природы человека. В частности, Ф. Фукуяма пытался определить природу человека как раз для того, чтобы понять, что не должно подвергаться изменениям. Ответ на этот вопрос в значительной степени определит и судьбу биотехнологий. Вместе с тем хотя выделение терминов «терапии» и «улучшения» и внесло некоторую ясность на теоретическом уровне, на практике трудности остаются. Это отмечают и авторы упомянутого выше доклада, называя три основные причины: 1) Понятия «терапия» и «улучшение» не являются взаимоисключающими; 2) Очень часто средства/методы терапии и улучшения являются одинаковыми; 3) Нет четкого критерия оценки для понимания, что является терапией, а что улучшением.

Что касается последней причины, то для ее снятия предлагается начать с определения «здоровья». Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье как «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [2, с. 1]. Отсюда вытекает, что почти любые действия,

направленные на улучшение, могут рассматриваться в качестве терапевтических. Представляется, что данное определение должно быть пересмотрено в свете указанных выше представлений о «терапии» и «улучшении». Отсутствие унификации приведет к соответствующим лакунам, а значит, и к новым неопределенностям.

Немалую роль в выработке общего подхода играет и современная евгеника. Необходимо понять, до какого момента «улучшения» будут совершенствовать человека, а в какой момент это перерастет из «улучшения» в трансформацию в новую форму. В философии есть два основных подхода к этому вопросу: утилитаристский и биоконсервативный. Представляется важным обратить внимание на три базовые точки, предложенные биоэтиком Сорен Холм [4, с. 49-61], которые способствуют пониманию «улучшения» человека: 1) Такое «улучшение», которое представляется выше некоей объективной нормы (например, медицинской). 2) Это «улучшение» человека в текущем состоянии, которое оценивается в связи с некоторым существующим в обществе консенсусом. 3) Это «улучшение», которое можно считать лучшим к текущему состоянию человека по некоторой субъективной оценке (человек сам оценивает свое состояние).

А Юрген Хабермас отмечал, что нельзя разрушать ядро человека. Улучшать можно, но не нужно касаться того, что является сущностью человека. Но что понимается под «сущностью человека»? Кто может принимать решения о тех или иных манипуляциях с конкретным человеком? Этот вопрос особенно остро стоит в рамках применяемых сегодня программ «дизайнерских детей» (англ. – designer baby).

Необходимо продумать все возможные сценарии и сделать так, чтобы достижения биотехнологий действительно стали благом для всего человечества. Нельзя не вспомнить слова Э. Фромма «наивно полагают, что если большинство людей разделяют определенные идеи или чувства, то тем самым доказывается обоснованность последних. Нет ничего более далекого от истины, чем это предположение» [2, с. 21]. Не представляется возможным идти по пути «большинства», необходимо услышать каждого представителя человеческого рода и спроецировать его мнение на все возникающие вопросы в свете становления биотехнологий. Провести анализ последних и постараться максимально приблизиться к истине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав ВОЗ – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1>
2. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе : [пер. с нем.] / Э. Фромм – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 571, [5] с – (Philosophy).
3. Distinguishing Therapy and Enhancement. Staff Working Paper – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/background/workpaper7.html>

4. Holm, Søren (2016) 'The Modification of the Human Body: Controversies', Delgado, Ana (ed.), Technoscience and Citizenship: Ethics and Governance in the Digital Society, Springer, Cham, pp. 49-61

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ И ЭНЕРГОАУДИТА

Яппаров Р.Р., Корнева П.А.

Казанский государственный энергетический университет

Научный руководитель: к.т.н., доц. Зарипова Р.С.

Аннотация: В данной работе рассматриваются определения энергоэффективности жилых помещений, их цифровой энергоаудит и современные решения по повышению энергосбережения.

Ключевые слова: цифровая трансформация, энергоэффективность, класс энергоэффективности, энергоаудит.

В настоящее время в стране и мире прослеживается тенденция повышения внимания к вопросам энергоэффективности. Энергоэффективность – это совокупность комплекса мер по повышению организационных, экономических и технологических показателей рационального использования энергетических ресурсов в промышленной, бытовой и научно-технической областях. На практике энергоэффективность выражается в снижении потребляемого количества ресурсов необходимых для поддержания того же уровня энергетического обеспечения строений и технологических процессов.

Специалистами в области электроэнергетики [1,2,3] поднимаются вопросы энергосбережения не только промышленных производств, но и энергоаудита и энергосбережения жилых помещений.

Под понятием энергоэффективности жилых помещений понимается отношение полученного значения эффективности при рациональном использовании разнообразных энергетических ресурсов, применяемых на конкретном объекте к их непосредственному расходу [1].

Характеристикой энергоэффективности зданий является класс энергоэффективности, который демонстрирует, насколько эффективно сооружение расходует ресурсы. В России выделяют следующие классы энергоэффективности: A++, A+, A, B+, B, C+, C, C-, D, E. (A++ – наивысший, E – низший) [3].

Согласно Федеральному закону № 261-ФЗ от 23.11.2009 «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации», класс энергетической эффективности здания или помещения устанавливается Центром энергоэффективности на основании результатов энергоаудита, исходя из величины отклонения фактического удельного годового расхода энергетических ресурсов от базового уровня [2].

Рассматривая пример, где многоквартирному дому был присвоен

высокий класс энергоэффективности (от А++ до В), согласно вышеназванному закону, затраты жителей на оплату коммунальных услуг снижаются. Также такие дома меньше загрязняют экологию, чем строения с низким классом энергоэффективности. Поэтому для зданий, имеющих высокий и очень высокий классы энергоэффективности действующим законодательством предусмотрено освобождение собственников зданий от имущественного налога на первые 3 года нахождения здания в собственности.

Согласно упомянутому закону, уже введенные в эксплуатацию здания могут иметь класс D и требуют утепление или модернизацию. Новые же здания, в том числе реконструируемые, должны иметь класс энергоэффективности не ниже C.

Из этого следует, что повышение энергоэффективности зданий основывается на обеспечении максимально экономичного расхода ряда энергоресурсов: электрической и тепловой энергии, горячего и холодного водоснабжения [4]. Данные мероприятия проводятся на стадии строительства, реконструкции и в рамках энергоаудита. Мерами и способами повышения энергоэффективности зданий являются:

- Использование качественной и усиленной теплоизоляции крыши, стен и пола, на которые приходится большая часть тепловых потерь, использование для возведения стен материалы с более высоким показателем теплостойкости (например, газобетонные и керамические блоки);
- Установка входных и общедомовых дверей и окон с повышенными теплоизоляционными свойствами;
- Замена старых и установка новых трубопроводов для горячей воды с меньшими потерями тепловой энергии;
- Проектирование вентиляционной системы с наименьшими потерями теплоэнергии в результате ее работы;
- Установка в помещениях радиаторов отопления с индивидуальной регулировкой мощности с параллельной схемой подключения к источнику тепла;
- Использование в сооружениях энергоэффективного освещения, электрооборудования и т.п.;
- Уменьшение времени использования общедомового освещения путём установки специальных датчиков движения.

Применение вышеперечисленных мер позволит повысить энергоэффективность зданий, что, в свою очередь, приведет к удешевлению стоимости [5] как владения, так и эксплуатации сооружения и благоприятно скажется на экологической обстановке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zaripova R.S., Saltanaeva E.A., Bikeeva N.G., Priimak E.V. Development of quality monitoring devices for industrial water in heat supply systems // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. - 2019. - P.

012129.

2. Фетисов Л.В., Каштанов А.И. Применение АСУ в сетях наружного освещения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 5-2 (61). С. 158-162

3. Шакиров А.А., Зарипова Р.С. Реализация виртуального датчика в среде LabView // Решение. 2017. Т. 1. С. 158-159.

4. Шакиров А.А., Зарипова Р.С. Проектирование автоматизированной системы управления освещением жилого дома // Приборостроение и автоматизированный электропривод в топливно-энергетическом комплексе и жилищно-коммунальном хозяйстве. 2019. С. 381-384.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Бедаев А. И., канд. истор. наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»
2. Михайлова Е. А., канд. социолог. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»
3. Борникова С. А., студент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
4. Васютина В. И., студент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
5. Вихман В.В., канд. техн. наук, канд. пед. наук, доцент, НГТУ
6. Гербер О.А., канд. истор. наук, доцент, зав. кафедрой философии и истории СибУПК
7. Дюкина Э. А., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет
8. Данилкова М.П., канд. филос. наук, доцент, НГТУ
9. Ефанов Р. А., студент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
10. Зайцева Т. И., канд. филос. наук, доцент, НГТУ
11. Зима А. А., канд. филос. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова».
12. Дряева Б. М., студент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
13. Идрисов Р. Ж., исследователь, Центр исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие», г. Махачкала
14. Игнатьев В.И., д-р филос. наук, профессор, НГТУ
15. Киричёк П. Н., д-р социолог. наук, профессор, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарный университет»
16. Киселева А.В., ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет», г. Екатеринбург
18. Кузьмин А.Г., канд. полит. наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
19. Кондраль Д.П., канд. полит. наук, доцент, Ухтинский государственный технический университет
20. Кущенко С.В., д-р философских наук, канд. истор. наук, профессор, НГТУ
21. Мезенцев Г.Н., профессор, Международная славянская академия, г. Москва
22. Москаленко М.Р., канд. истор. наук, доцент, Филиал Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура

23. Бурых А.А., студент, ФГАОУ ВО Севастопольский Государственный университет
24. Леоненко Е.Г., преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
25. Моргунов Г.В., канд. филос. наук, доцент, НГТУ
26. Некрасов С.Н., д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
27. Новоселов В.Г., канд. филос. наук, доцент, НГТУ
28. Пронер Н.С., канд. филос. наук, доцент, НГТУ
29. Захарова О.А., ст. преподаватель, НГТУ
30. Рязанова Т.А., ст. преподаватель, НГТУ
31. Ромм М.В., д-р филос. наук, профессор, зав. каф. философии НГТУ
32. Самоделова Е.А., д-р филол. наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
33. Сандакова Л.Б., канд. филос. наук, доцент, НГТУ
34. Тимошук А.С., д-р филос. наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО ВЮИ ФСИН РФ)
35. Тюгашев Е.А., д-р филос. наук, доцент, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет
36. Упоров И.В., д-р истор. наук, канд. юр. наук, профессор, Краснодарский университет МВД России
37. Хандогин Р.В., ассистент каф. философии, НГТУ
38. Челнокова Т.А., д-р пед. наук, доцент, КИУ им. В.Г. Тимирязова, г. Казань
39. Черепанов И.В., канд. филос. наук, доцент, НГТУ
40. Чупина Е.В., аспирант, НГТУ

